

Родная ЛАДОГА

№ 4(74)' 2025

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Сергей КОРЫТИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Помощник главного редактора
Анна КОНДРАШОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Группы охранных
предприятий «РАДОН»

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЧИТАЙТЕ САЙТ ЖУРНАЛА «Родная Ладога»: rodnyaladoga.ru

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А.В. (Самара); Казин А.Л. (Санкт-Петербург); Корольков А.А. (Санкт-Петербург); Орлов Б.А. (Санкт-Петербург); Сдобняков В.В. (Нижний Новгород); Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург); Скотникова Г.В. (Санкт-Петербург); Смолькин И.А. (Псков); Швечиков А.Н. (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БУНЕЕВ Владимир Васильевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, Народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, член Союза писателей России.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — Народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — Первый заместитель Ответственного секретаря СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — Ответственный секретарь СП России, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отделения СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

КРУШИН Владимир Николаевич (Москва) — председатель Высшего творческого совета, член Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — поэт, член Правления СП России.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — Заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы», член Общественной палаты РФ.

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СЕРДЮК Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор Группы охранных предприятий «РАДОН», учредитель строительной компании «ВитаСтрой», основатель и директор Фонда «Я Русский», капитан 3 ранга запаса.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

ЩИПКОВ Александр Владимирович (Москва) — философ, заместитель Главы Всемирного русского народного собора, ректор Российского православного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСЛЕДИ

Владимир Путин. Президент России. «Результат, которого вы добились, имеет без преувеличения историческое значение для нашего народа». <i>Выступление в Кремле 4 ноября 2025 года</i>	5
Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «Фундаментом победы стало то, что наш народ в целом сделал правильный духовный выбор». <i>Доклад на пленарном заседании XXVII Всемирного русского народного собора</i>	9
Марат Валеев. Героическая связь поколений. <i>К 80-летию Великой Победы</i>	49
Александр Дугин. Путин — человек, отмеченный стихией русской истории	147

НАСЛЕДИЕ

Юрий Шестаков. «Держитесь твердо, русичи!» <i>Из поэмы «Засадный полк»</i>	17
Михаил Зарубин. Мои новые пути	271

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Курская аномалия. Символ как основа реальности: преступление и кара	22
Александр Проханов. Победа — это негасимая звезда русской истории	68
Андрей Ильницкий. В поисках философии сложности	135
Сергей Щербakov. Огонь жизни	241

КЕХИ

Марина Михайлова. В блокаду духовную	61
--	----

ПРОЗА

Николай Иванов. Пока играет флейточка. <i>Повесть</i>	78
Михаил Тарковский. Горка. <i>Рассказы</i>	87
Василий Киляков. «Железобетонный Миргород». <i>Очерки</i>	167

ПОЭЗИЯ

Ренат Харис	98
Хожбауди Борхаджиев	149
Ирина Бабич	233
Яков Шафран	280

Точка ЗРЕНИЯ

Александр Мосякин. Ленинская доктрина поражения и «деколонизации» России. <i>Историко-публицистический очерк</i>	107
--	-----

СТРАТЕГИЯ

Леонид Савин. Забыть Запад. <i>Девестернизацию нужно ускорять и расширять</i>	144
---	-----

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Светлана Голубева. «Идите, друзья, поминайте нас...». Царскосельский лицей и его наставники	152
---	-----

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир Воропаев. Гоголь и Лермонтов: о духовной связи гениев	161
--	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Виктор Бараков. «Я люблю судьбу свою...»	179
Юрий Павлов. Юрий Селезнёв: портрет на фоне эпохи	194

ПАМЯТОСЛОВ

Геннадий Сазонов. Свет Николы. Об истоках поэзии Н.М. Рубцова	187
---	-----

Русские СУДЬБЫ

Валерий Хайрюзов. Мы плыли на одном корабле	208
Марина Ганичева. Великая княжна Екатерина Павловна (1788–1819)	283
Неонила Пасичник. Воин-мученик боярин Феодор Келлер: Вслед за царственными страстотерпцами. По материалам рукописи жития генерала графа Ф.А. Келлера	294

Северная СТОЛИЦА

Владимир Малышев. Ленинград Ильи Глазунова	222
--	-----

ТРАДИЦИЯ

Николай Бурляев. Подлинный портрет подвижника и труженика. К 80-летию Народного артиста России, Героя Труда Российской Федерации Никиты Сергеевича Михалкова	226
Александр Ужанков. Пространство и время	236

Связь ВРЕМЕНИ

Анатолий Грешневилов. Прекрасней всех русская цивилизация	253
---	-----

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

Владимир ПУТИН
Президент России

**«РЕЗУЛЬТАТ,
КОТОРОГО ВЫ
ДОБИЛИСЬ,
ИМЕЕТ БЕЗ
ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
НАШЕГО НАРОДА»**

*Выступление в Кремле
4 ноября 2025 года*

В День народного единства, 4 ноября 2025 г, Президент в Кремле вручил государственные награды разработчикам крылатой ракеты «Буревестник» и беспилотного подводного аппарата «Посейдон».

Выступление Президента России

Уважаемые друзья!

Прежде всего хочу поздравить всех вас с Днем народного единства. Этот праздник напоминает нам о славных страницах истории Отечества, о важности нашей сплоченности, преемственности поколений, ответственности за судьбу России.

Сегодня здесь, в Кремле, мы чествуем людей, которые показали пример такого достойного служения Родине, внесли весомый вклад в обеспечение ее безопасности и обороноспособности, в укрепление научно-промышленного потенциала и технологического суверенитета.

Заслуженных государственных наград удостоены разработчики стратегической крылатой ракеты неограниченной дальности с ядерным двигателем «Буревестник» и беспилотного подводного аппарата «Посейдон».

Хочу поблагодарить вас и все научные, производственные, трудовые коллективы — а это десятки тысяч людей, которые участвовали в создании этого мощного, эффективного, уникального оружия.

Результат, которого вы добились, имеет, без преувеличения, историческое значение для нашего народа, для обеспечения безопасности и стратегического паритета на десятилетия вперед, можно смело сказать, на весь XXI век.

Источник: Официальное интернет-представительство Президента России, kremlin.ru.

*На церемонии награждения разработчиков крылатой ракеты
«Буревестник» и беспилотного подводного аппарата «Посейдон».
Фото: kremlin.ru*

По дальности полета «Буревестник», как известно, превзошел все известные в мире ракетные системы. У него высокая точность поражения цели, которую он четко, уверенно достигает в заранее рассчитанное время.

Думаю, убедиться в этом смогли и зарубежные специалисты, поскольку в зоне и во время проведения испытаний «Буревестника» 21 октября постоянно находился натовский разведывательный корабль. Мы не мешали его работе. Пусть посмотрят.

Особо отмечу уникальный режим мощных сверхмалых ядерных реакторов ракеты. Запуск в работу измеряется секундами, тогда как для обычных реакторов требуются часы и даже сутки.

На основе подобных энергетических установок уже создается новое поколение типов вооружений. Более того, началась разработка следующего поколения крылатых ракет с ядерными двигателями. Их скорость более чем втрое превысит скорость звука, а в перспективе они станут и гиперзвуковыми. Мы недавно это с некоторыми из находящихся в этом зале коллег обсуждали.

Тесно связана с созданием «Буревестника» и работа по аппарату «Посейдон». Используемые в них технологии, технологические новации во многом уникальны и дополняют друг друга.

Безусловно, создателям «Посейдона» пришлось решать и специфические задачи, связанные с управлением подводным комплексом. Имею в виду необходимые именно для данного изделия передовые материалы, узлы и компоненты, которые обеспечили высокую скорость и большую глубину погружения — до тысячи метров. Что касается скоростей, то они кратно превышают скорость всех современных надводных кораблей.

Что хочу особо подчеркнуть? Такие технологические прорывы не рождаются с чистого листа. Это, безусловно, воплощение труда и таланта многих поколений наших великих соотечественников, которые начинали и упорно вели такие исследования еще во второй половине прошлого века.

И конечно, ваш успех, создание других сверхсложных систем, подобных «Буревестнику» и «Посейдону», — это свидетельство огромного потенциала и возможностей нашей сегодняшней, современной науки, университетских и образовательных школ, промышленности и экономики в целом.

Отмечу, и это важно, я уже упомянул об этом, это особенно важно, что в «Буревестнике» и «Посейдоне» используются только отечественные материалы. Благодаря широкой кооперации — а это, подчеркну еще раз, тысячи и тысячи людей, специалистов, — создана настоящая сокровищница новых материалов, технологий, беспилотных, программных и цифровых решений, элементов компонентной базы. Их применение позволит нам добиться прорывов не только в оборонно-промышленном комплексе, но и во многих гражданских отраслях при реализации целого ряда приоритетных национальных проектов и программ.

В том числе в малой ядерной энергетике, при создании энергоустановок для Арктической зоны и освоения дальнего и ближнего космоса, включая энергообеспечение космического транспортного корабля для перевозки тяжелых грузов, который мы сейчас создаем, над ним работаем, а также для перспективной станции на Луне.

Новые принципы и алгоритмы работы «Посейдона» дадут хороший эффект для совершенствования беспилотных аппаратов, развивая судостроение, системы навигации и автономного судоходства, в том числе в Арктике, при освоении Трансарктического транспортного коридора, на других маршрутах.

Малые габариты, вес и объем созданных ядерных установок, их безопасность и надежность позволяют гибко использовать их в создании источников энергии для добычи полезных ископаемых в труднодоступных районах, включая арктический шельф, для обеспечения светом и теплом отдаленных территорий и населенных пунктов, повышения эффективности подводных экспедиций при исследовании Мирового океана.

Что касается компонентной базы, электронной начинки «Буревестника» и «Посейдона», то они будут применяться при создании мощных компьютеров, при развитии цифровой инфраструктуры, систем управления и связи.

Повторю: создан огромный задел для будущего, и мы будем обязательно идти вперед. Я знаю, что вы такую работу уже ведете. Не только в планах, но и в ваших расчетах, чертежах, на испытательных стендах и полигонах — новое поколение вооружения и техники. Желаю вам успехов в решении самых сложных задач. Знаю, уверен просто, что вы, ваши коллеги к этому готовы.

Уважаемые друзья!

Наша страна никому не угрожает. Россия, как и все другие ядерные державы, развивает свой ядерный потенциал, развивает свой стратегический потенциал. Всё, о чем мы сейчас говорили, — это давно анонсированная работа.

Все наши планы по созданию перспективных систем вооружения, по развитию оборонно-промышленного комплекса, по обеспечению армии и

флота России современной техникой и вооружениями выполняются. Имею в виду создание и поставку на боевое дежурство новейшего ракетного комплекса стратегического назначения «Авангард». Мы создали и поставили на дежурство, приступили к серийному производству ракетного комплекса средней дальности «Орешник». Оснастили наши межконтинентальные баллистические ракеты и ракеты подводных лодок современными комплексами средств преодоления противоракетной обороны. В текущем году поставим на опытно-боевое, в следующем году уже на боевое дежурство системы с тяжелой межконтинентальной ракетой «Сармат».

И наконец, то, ради чего и по поводу чего мы собрались сегодня. Наконец, у России появляются крылатые ракеты неограниченной дальности «Буревестник» и беспилотный подводный аппарат «Посейдон» с ядерными энергетическими установками.

Все наши планы выполняются. Они выполняются благодаря таким людям, как вы, вашим коллегам, коллективам конструкторских бюро, промышленных предприятий, научных центров, благодаря рабочим, инженерам, ученым, преподавателям наших университетов — настоящим патриотам, которые верно служат Отечеству и нашему народу.

Большое вам спасибо.

**Святейший
Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл**

«ФУНДАМЕНТОМ ПОБЕДЫ СТАЛО ТО, ЧТО НАШ НАРОД В ЦЕЛОМ СДЕЛАЛ ПРАВИЛЬНЫЙ ДУХОВНЫЙ ВЫБОР»

*Доклад на пленарном
заседании
XXVII Всемирного
русского народного собора*

19 ноября 2025 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил на пленарном заседании XXVII Всемирного русского народного собора «К 80-летию Победы. Защитники Отечества: военный и духовный подвиг».

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Досточтимые отцы, братья и сестры! Уважаемые представители государственной власти!

Сердечно приветствую всех участников пленарного заседания XXVII Всемирного русского народного собора.

В этом году мы отметили одну из самых важных памятных дат не только отечественной, но и мировой истории — 80-летие Великой Победы. Потому наш очередной Собор посвящается защитникам Отечества, их воинскому и духовному подвигу.

В этой формулировке военный и духовный подвиг не просто поставлены рядом, но как бы приравнены друг к другу. Они, если вдуматься, просто неотделимы друг от друга. Герои войны «смертию смерть попрали», только воскресли они не физически, а в памяти народной. Поэтому и пишут: «Подвиг твой бессмертен».

А как же заповедь «Не убий!»? — скажут нам оппоненты.

На это есть простой и ясный ответ.

Когда зло отнимает жизни людей, когда враг угрожает жизни старых и малых, женщин и детей, тогда именно бездействие недопустимо. В таком случае именно непротивление злу является пособничеством убийству. Тот же, кто встает на защиту Отечества, сохраняя жизни слабых и беззащитных, — именно тот и исполняет заповедь «Не убий!».

Источник: Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси, patriarchia.ru

Мы не вправе жертвовать ближними и подставлять под удар своих соотечественников. Это понимали прославленные Церковью Александр Невский и князь Дмитрий Донской, Патриархи Гермоген и Сергей (Страгородский). Именно поэтому в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» в разделе «Война и мир» используется понятие «справедливой войны» (п. VIII. 1–2). «Взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52) — в этих словах Спасителя находит обоснование идея справедливой войны (п. VIII. 3). Признавая греховную природу войны, Церковь позволяет своим чадам принимать участие в боевых действиях, если это продиктовано необходимостью защитить ближних и восстановить справедливость. Этим определяется особое церковное попечение о воинстве и его нуждах (п. VIII. 4).

В случае с Великой Отечественной войной это особенно очевидно.

Во-первых, к уничтожению были приговорены целые народы, в том числе большинство народов России, — и они были спасены благодаря подвигу русского, советского солдата.

Во-вторых, зримым результатом Победы стало прекращение на долгие годы мировых и вообще масштабных войн, войн между великими державами. Сколько жизней спасено благодаря этому прочному послевоенному миру, трудно даже подсчитать. Наверняка речь идет о многих и многих миллионах.

Именно этот нравственный фундамент позволяет считать защиту Отечества Священной войной; и неслучайно негласным гимном нашей армии и нашего народа, вступивших в такое судьбоносное противоборство, стала песня «Священная война», которую мы и сегодня, по прошествии восьмидесяти лет, продолжаем слушать с замиранием сердца, как будто речь идет о сегодняшнем дне и о нас самих. Мы все понимаем, почему она священна — потому что спасение ближних ценой собственной жизни преображает душу человека и открывает перед ней двери Царства Небесного.

Оглядываясь назад, мы должны еще раз с полной ясностью осознать масштаб произошедшего исторического события.

Прежде всего: какой колоссальный вызов был нам брошен. Почти вся континентальная Европа выступила против нас, и это далеко не впервые: так же было и с нашествием Наполеона (а с ним «двунадесять языков»), и с Крымской войной. И по населению, и по экономическому потенциалу, и по военным возможностям гитлеровский блок намного превосходил нашу страну. А после тех триумфальных побед, которые одержал вермахт в 1939 и 1940 гг., казалось: в мире нет такой силы, которая могла бы его остановить.

Во-вторых, надо осознать, какова была глубина угрозы. Впервые за тысячелетнюю историю нашему народу угрожала перспектива полного уничтожения. Планом «Ост» предусматривалось многократное сокращение населения СССР, раздробление страны на множество вассальных регионов, ликвидация единой веры и единого национального самосознания. Русские, украинцы, белорусы должны были так же сойти с исторической арены, как до этого сошли полабские славяне и пруссы, британские кельты, американские индейцы и аборигены Австралии. К первой половине XX в. западно-европейский колониализм уже обладал опытом «зачистки» от аборигенного населения целых материков. Но та форма нацизма, которую создали последователи Гитлера, вооруженная самыми современными техническими средствами и самой радикальной идеологией, по своей кровожадности не имела аналогов в истории.

Оттого и размеры потерь были невиданными — около 27 миллионов только в нашей стране, из них почти две трети — мирные гражданские люди.

Размеры понесенных жертв позволяют безоговорочно определить политику германского Рейха как геноцид русского и других этносов, населяющих Россию. И это необходимо законодательно закрепить и в российском, и в мировом правовом поле. Это нужно не просто для констатации исторического факта. Почва для развития нацизма, к сожалению, не изжита и в наше время. Ведь гитлеровский геноцид был не случайным явлением в конкретный краткий период в отдельно взятой европейской стране, а расцвел на почве вековой колониальной политики стран Запада, на почве безбожной гордыни и презрительного высокомерия по отношению к иным народам планеты. И эти системные пороки полностью не изжиты до сих пор.

Представляя глубину пережитой трагедии, мы должны не только обозначить ее непосредственных виновников, но и задуматься над ее духовным смыслом, касающимся нас самих. Почему нашу страну постигла такая страшная беда? Почему пришлось вынести столько тяжелых испытаний? Нельзя забывать о том, что на наше Отечество на протяжении нескольких веков была возложена высокая и ответственная миссия: быть мировым центром православного христианства, «Третьим Римом», средоточием и носителем подлинных христианских ценностей. Третий Рим сохраняет саму возможность для человека жить в обществе по библейским принципам, в соответствии с ними, не дает превратить эти понятия в абстракцию, в исторический реликт, наполняет их реальной жизнью.

Но в начале XX в. наш народ отступил от своего призвания, впал в соблазн богоборчества, отказался от отеческих заветов, поднял руку на святыни предков. К чему привело такое отступничество? К братоубийственной гражданской войне, кровавым социальным экспериментам, репрессиям, взаимной ненависти, страху и подозрительности. Отступив от Бога, отвернувшись от Его поддержки, народ лишил себя сил к сопротивлению. Но все же Бог не дал России пасть.

Возможно, кто-то скажет, что война стала наказанием за наши грехи богоборчества и богоотступничества. Но если задуматься, то это не столько наказание, сколько испытание. Испытание, которое послал нашему Отечеству Господь в надежде, что мы принесем покаяние и искупим грех. И действительно, произошло подлинное чудо: возвращение веры. После двух десятилетий воинствующего атеизма страна вспомнила о вере отцов. Сначала только как об опоре, завещанной предыдущими поколениями. Это ощущение очень точно выражено, например, в словах Константина Симонова:

*Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся,
За в Бога не верящих внуков своих.*

В этом стихотворении описаны события сорок первого года: первые, горькие месяцы отступления, и внуки тут еще не верящие... Но на войне неверующих не бывает. И вскоре мы увидим переполненные храмы, увидим массовое обращение к вере. Мы также видим, как поменялось отношение

*Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании
XXVII Всемирного русского народного собора*

официальной власти к Церкви. Это выразилось не только в возвращении закрытых храмов и монастырей, но и в избрании в 1943 г. Патриарха Сергия, великого церковного деятеля XX века. Это стало вторым восстановлением Патриаршества за одно столетие.

Фундаментом Победы стало то, что наш народ в целом сделал правильный духовный выбор. Это был шаг к преодолению гражданской междоусобицы, к воссоединению народа, потому что иначе мы бы не устояли, как «царство, разделившееся в себе» (Мф. 12:25). Но для такого воссоединения потребовалось преодолеть жестокие искушения. Потому что было искушение у революционной части общества еще сильнее «закрутить гайки», подавить верующих как потенциальную «пятую колонну». Было искушение и противоположного рода — у тех, кто проиграл в гражданской войне. Представьте себе: после четверти века гонений, после страшных жертв, репрессий вдруг появляется шанс покончить с обидчиками. Появляются «освободители», у которых в качестве символов на танках, на самолетах — кресты. Непросто было устоять перед таким соблазном! Мы знаем, что часть представителей эмиграции такому соблазну поддалась и поддержала нападение Гитлера на нашу страну.

Это было, конечно, тяжелейшее, непростительное заблуждение — по меньшей мере потому, что нельзя ни при каких обстоятельствах предавать свою Родину и становиться на сторону завоевателя. Требовалась мудрость, чтобы различать ложные знамения. Наш народ, независимо от политической идеологии, всегда сохранял свой духовный код, сознательно, а иногда и несознательно ориентируясь на христианские ценности добра и любви. Наша армия не шла к другим народам с целью их ограбления, унижения, тем более уничтожения. Наоборот — последним куском хлеба делились с побежденными, даже когда в собственной стране свирепствовал голод.

Гитлеровцы же преследовали откровенно демонические цели: истребление одних народов, превращение других в рабов и т.д. И то, что эти цели прикрывались христианской символикой — крестом, в том числе и на танках, — есть сугубое кощунство.

Итак, приняв на свои плечи тяжелейшие испытания, наш народ пережил истинный катарсис, давший силу для духовного подвига. Подвиг удивительный, ведь тогда, восемь десятилетий назад, от наших предков потребовалось сверхчеловеческое усилие. И было явлено чудо Победы, невозможное без Божественного вмешательства.

Повторю еще раз: враг имел огромное превосходство. Мировые разведки отводили нашей стране от силы два-три месяца; можно сказать, считали нас обреченными. Но вышло-то совсем иначе. А почему? Потому что во всех этих расчетах отсутствовала духовная составляющая. Те, кто разрабатывал план «Барбаросса», и те, кто прогнозировал ход войны в иностранных штабах, недооценили дух нашего народа. Недооценили значение духовного измерения.

Обратите внимание, как развивались боевые действия. По канонам европейских кампаний, после разгрома приграничных армейских группировок вермахту оставалось только гнать и добивать остатки. Но у нас все пошло совсем не так. После первых успехов гитлеровцам приходилось сталкиваться со все более ожесточенным сопротивлением. Наступление врага всякий раз теряло темп по мере приближения к нашим знаковым рубежам: в сорок первом году — к русским столицам Москве и Ленинграду, в сорок втором — к Волге и Кавказу. Словно по мере приближения к этим священным рубежам просыпалась неодолимая сила сопротивления, которую враг не мог превозмочь.

Можно привести пример офицера-панфиловца, сына казахского народа Бауыржана Момышулы, который отрезал часть карты с Москвой в ноябре сорок первого. «Нам не понадобится эта часть карты», — заявил он, — «либо умрем здесь, либо остановим врага». С его словами перекликается знаменитая клятва Василия Чуйкова в боях за Сталинград осенью сорок второго: «За Волгой для нас земли нет!». Вот эта сила духа оказалась важнее самолетов и танков, хотя, конечно, и самолеты, и танки имели огромное значение. Кстати, их производство в огромных масштабах тоже было настоящим чудом, которое совершили наши инженеры и рабочие, развернувшие заводы в невиданных прежде условиях эвакуации.

Война явила нам удивительные подвиги самоотречения. Примеры эти бесконечны: Николай Гастелло, совершивший огненный таран; Александр Матросов, грудью закрывший амбразуру; Зоя Космодемьянская, семнадцатилетняя девочка, бесстрашно поднимающаяся на эшафот... А подвиг сотрудников Вавиловского института в блокадном Ленинграде, которые умирали от голода, но сохранили для потомков неприкосновенный семенной фонд!

Мы можем с уверенностью утверждать, что на такой войне, которая приобретает священный смысл, самопожертвование превращается в сораспятие, в восхождение на Крест; и даже для неверующих военный подвиг превращался в подвиг, наполненный религиозным смыслом.

Подтверждением священного характера войны и Победы служит отмечавшаяся многими символичность дат. Ведь нападение на нашу страну

состоялось 22 июня 1941 г., когда Православная Церковь праздновала День всех святых, в земле Российской просиявших. Эта грозная дата стала и обращением к небесному покровительству православных подвижников всех предыдущих поколений, и предзнаменованием грядущего подвига новых мучеников, готовых положить душу свою за други своя (см. Ин. 15:13). А 6 мая 1945 г., когда германские войска последний день оказывали сопротивление нашей победоносной армии, — в этот день праздновалась Пасха, предвещавшая миру воскресение после схождения в ад войны; Пасха, совпавшая к тому же с днем святого Георгия Победоносца.

Всякое сакральное событие оставляет свой след в истории. А такое важное событие, как Победа в столь великой, священной войне, и вовсе повернуло ход истории всего человечества.

До Великой Отечественной войны мир развивался как колониальная система. Были процветающие метрополии и ограбленные, униженные колонии. В мировых элитах это считалось само собой разумеющимся: есть «нации господ» и «нации рабов», «высшие расы» и «низшие расы». Западные ученые — антропологи, социологи, историки — подводили разные основания под это расистское деление. Подобная идеология была принята во всех странах, задававших тон на мировой арене, — а тогда это были западные державы: Англия, Франция, США. Гитлеровская Германия просто довела эту бесчеловечную идеологию до апофеоза; и наши деды и прадеды — они не просто разгромили вооруженные силы гитлеровского рейха и его союзников — они разгромили саму идеологию, делившую мир на «высших» и «низших». Пошатнули основу колониальной системы, через которую ряд стран претендовал на доминирование над всеми остальными. Именно благодаря нашей Победе в мире начался процесс деколонизации.

И это изменило весь геополитический баланс. Сколько новых независимых стран появилось в мире! Можно сказать, что нынешняя тенденция многополярности — это детище нашей Победы.

Плодами нашей Победы являются не только государства так называемого «Глобального Юга». Это также Израиль и многие страны Восточной Европы. Если бы не подвиг наших предков, не было бы сегодня ни Польши, ни Чехии, ни стран Балтии, ни ряда других европейских стран. И тем горше наблюдать, как там сейчас бессовестно и неблагодарно сносят памятники нашим воинам и пытаются очернить память своих спасителей.

В Польше официально уравнили Советский Союз с гитлеровской Германией. Это в Польше, которую спасли от полного истребления! Армии обеих сторон рассматриваются как оккупанты. Соответственно, тезис о советской оккупации вкладывается через учебники в головы школьников, убираются памятники и названия улиц, вычеркиваются из истории имена тех, например, кто сохранил от разрушения Краков, кто освободил узников Освенцима, кто подарил Польской Республике города Щецин, Гданьск, Вроцлав. Хотя сама концепция «русской оккупации» не вяжется с элементарной логикой. Во время гитлеровской оккупации население Польши сократилось на 20% — на целых шесть миллионов человек; во время так называемой «советской оккупации» численность поляков росла быстрее, чем у любой европейской нации, население страны увеличилось более чем в полтора раза. Тем не менее, вопреки логике, вопреки фактам, продолжается очернение победителей.

Попытки стереть память о Великой Победе 1945 г., попытки исказить роль нашей страны — победительницы фашизма и освободительницы — это откровенные попытки реванша. Конечно, самолюбие поборников идеологии нацизма уязвлено — их гордыня требует как можно скорее стереть из памяти человечества воспоминания о событиях той Великой войны, лишить народы России ореола победителей. Вот почему мы вынуждены воспринимать события на Украине не только как тяжелейшую трагедию нашего народа, разделенного злой внешней волей, но и как продолжение той незавершенной войны, в которой мы одержали Великую Победу весной 1945 г., но не сумели до конца искоренить зло нацизма.

Проблема денацификации европейского сознания стоит сегодня на повестке дня. Необходимы научные исследования: исторические, социологические, политологические и богословские. Именно для этого по моему благословию в Смоленске ежегодно проходит российско-белорусский научный форум «Русский мир против нацизма». Надеюсь, что вскоре к этой работе присоединятся и наши украинские братья.

Мы должны признать, что в нынешней войне присутствует, в том числе, и религиозный фактор, так как каноническая Православная Церковь — и духовенство, и верные миряне — подвергаются на Украине гонениям и репрессиям. Вот почему сегодня снова, как и 80 лет назад, особое значение приобретает понятие «защита Отечества» и звание «защитник Отечества».

И конечно, произнося эти многозначительные слова — «защитник Отечества» — мы прежде всего имеем в виду тех, кто рискует своей жизнью на линии фронта, кто идет в бой: солдат, офицеров, воинов. Это люди особого склада, чья любовь к Родине прошла проверку самой высокой пробы и закалена огнем. Нам важно, чтобы именно люди такого типа пополнили российскую элиту, чтобы из таких людей, кто готов беззаветно жертвовать своей жизнью, формировался управленческий корпус. Не секрет, что за последние десятилетия, а может, и за более долгий период, с тех пор как ушли на покой ветераны Великой Отечественной войны, у народа были большие претензии к составу элиты и к ее патриотизму. Сейчас, в состоянии военного конфликта, это положение начало исправляться, потому что испытания многое скрываемое сделали явным, но тем не менее запрос на больший патриотизм элиты, на большую преданность интересам страны и народа остается актуальным. Поэтому те, кто прошел самую беспристрастную проверку на мужество и верность на линии огня, нужны сегодня и во власти, и в системе образования, и в рядах активного гражданского общества.

Но одними только воинами не исчерпывается понятие «защитник Отечества». Сюда, конечно, относятся и те, кто ковал и кует оружие Победы, кто создает современные технические разработки, кто отстаивает суверенитет страны в научно-технической сфере. А также и те, кто ведет брань на поле духа: кто создает песни, фильмы, творческие произведения, защищающие наши ценности, наши святыни и нашу мораль. Борьба за умы в современных условиях — это критически важная задача, потому что поражение в информационной войне может оказаться более катастрофическим, чем поражение в войне горячей. Именно неудачи на этом поле стали спусковым механизмом украинской трагедии.

Говоря о брани на поле духа, нельзя не упомянуть и тех, кто духовно окормляет воинов, — наших полковых священников, которые, рискуя соб-

ственными жизнями, поддерживают солдат в трудностях и несут слово Христово туда, где бытие нередко уподобляется аду. Эти священнослужители достойны самой искренней нашей благодарности. И как в светской системе власти, так и в церковной иерархии те пастыри, кто прошел такую проверку на прочность, заслуживают особого внимания и соответствующих перспектив.

Наконец, говоря о защитниках Отечества, нельзя не упомянуть и тех, кто исполняет свой родительский долг, кто рождает и воспитывает наших детей.

Одной из фундаментальных причин Победы 1945 г. было то, что накануне войны выросло большое и сильное поколение защитников Родины. Если бы мамы и отцы призывного военного поколения рассуждали так, как сейчас стало модно, — мол, «мы очередного ребенка не потянем», «да зачем нищету плодить», «пусть детей будет немного, но в достатке», — мы бы эту страшную войну не выиграли бы ни за что, и никаким достатком тем немногим детям пользоваться не довелось бы. Поэтому материнскому и отцовскому подвигу тех, кто проводил своих детей на войну, — особая честь. И тем, кто сегодня растит многодетные семьи вопреки расхожим модным стереотипам, — низкий поклон. Это тоже самые настоящие защитники Отечества, делающие то благословенное дело, без которого нет будущего у России.

Желая победы нашей армии, мы, безусловно, молимся о скорейшем прекращении войны на Украине, переживая за судьбы наших братьев и сестер по обе стороны фронта. И для нас совершенно очевидно: чтобы не допустить нового столкновения братских народов и чтобы исключить подобные трагедии в дальнейшем по всему миру, необходимо навсегда лишить нацизм его идейной и правовой почвы. Это было бы достойным венцом того подвига, который совершили наши предки 80 лет назад. Добиться этого надо в мировом масштабе, закрепив, если так можно выразиться, противодействие против нацизма на международном уровне.

А что для этого необходимо?

1. Сохранить память о Победе над фашизмом, не допуская переоценки исторических событий с позиции реваншизма.

2. Исключить любые формы осквернения памяти победителей нацизма, одновременно осуждая любые попытки реабилитации и тем более героизации нацистских пособников.

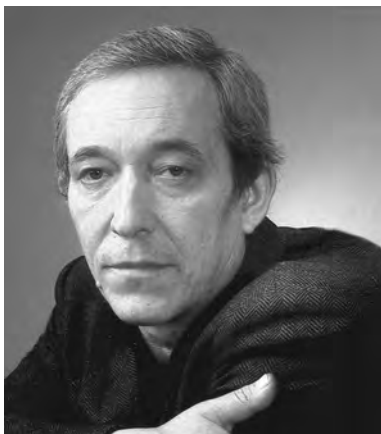
3. Добиваться международных санкций в отношении тех государств, которые проводят политику этнической, религиозной, языковой дискриминации.

4. Разработать четкие правовые стандарты для определения нацизма и нейтрализации его проявлений.

А самое главное — всем нам необходимо осознать, что на Земле нет «высших рас», ибо мы все дети Божии, и эта планета дарована нам для того, чтобы мы могли жить в мире друг с другом, памятуя слова Спасителя: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Задача полного преодоления нацизма и неонацизма — поистине задача вселенского значения, от которой зависит будущее всего рода человеческого. И она возлагается на всех людей, разделяющих христианские идеалы, да и на всех людей доброй воли. Нам нужно быть на высоте этих задач, чтобы стать достойными памяти тех, кто одержал Великую Победу в 1945 г., и не растерять плоды этой Победы.

Благодарю вас за внимание.

ЮРИЙ ШЕСТАКОВ

«ДЕРЖИТЕСЬ ТВЕРДО, РУСИЧИ!»

Из поэмы «Засадный полк»

Юрий Михайлович Шестаков (1949–2010) — известный российский поэт, руководитель секции поэзии Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Окончил физико-химический факультет Ленинградского технологического института им. Ленсовета и ВЛКСМ. Лауреат премии Ленинградского комсомола в области литературы. В 1988 г. принят в Союз писателей СССР по рекомендации поэтов Арсения Тарковского, Сергея Давыдова, Леонида Агева. Автор 9 книг, литературных сценариев кинопоэтических лент: «В начале было...», «Два дома», «Возрадуйся!», «Вокруг огня», «Главное чудо» (к/с «Леннаучфильм»). Его поэма «Засадный полк» была опубликована в России отдельным изданием и в Мюнхене в альманахе «Вече». Стихи переводились на многие языки мира.

Поэзия Юрия Шестакова занимает свое особое место в поэтическом пространстве нашего времени. Девяностые годы XX столетия стали для нашего государства эпохой потрясений, наступил глубокий экономический и политический кризис. Страна была на грани развала. Вспомнилось предвидение Александра Блока из цикла «На поле Куликовом»: «Не может сердце жить покоем, / Недаром тучи собрались. / Доспех тяжел, как перед боем. / Теперь твой час настал — молись!».

Тревога за будущее своей Родины пронизывала душу Юрия Шестакова. Он глубоко переживал за судьбу Отечества, за свой народ. Поэт внимательно перечитал «Задонщину» и «Сказание о Мамаевом побоище», прочитал роман Василия Лебедева «Искушение». В августе 1991 г. на мотоцикле совершили поездку на Куликово поле, а уже в конце сентября за три недели уединения поэма «Засадный полк» была написана. Основополагающей темой стали любовь к Родине, гордость за нее. Идет параллельное описание исторических событий 1380 г. и современности, в которой очень важно сохранить единое пространство памяти.

Юрий Шестаков образно, ёмко, зримо описывает героическое сражение. Особое внимание он уделит **ЗАСАДНОМУ ПОЛКУ**, решающие действия которого определили исход сражения. Отсюда и название поэмы, только уже в более обобщенном значении. Обжигающие строки этого замечательного лиро-эпического произведения пронизаны верой в духовные силы нашего народа, в богохранимость нашего Отечества.

Зарей насквозь пропитан сумрак росный.
Звездой насквозь пробита высота.
Над церковью бледнеет месяц острый,
попавший в перекрестие креста.
Слились в одном пространстве времена,
непостижимо всё смешалось вместе:
и лязг мечей, и гром, и тишина,
и стоны, и транзисторные песни.
По-всякому звучит ночной эфир:
то чисто, то надрывно и трескуче...
Вот сообщают мне, что чей-то мир
в сравнении с моим намного лучше.
Ну что тут понапрасну говорить,
что где-то жизнь сытнее и красивей?
А голод мой ничем не утолить:
безмерный,
как душа и как Россия.
Видать, с рожденья русский дух таков,
что быть ему вовек неутолимым
водою рек,
что выше облаков,
волненьем трав и нив,
что так любимы...
И петь они учили, и молчать,
то задушевно ласковы, то бурны;
учили с детства чутко отличать
народную — от массовой культуры,
которая в нас голос предков глушит,
летит к нам вороньем со всех сторон
по нашу память и по наши души,
чтоб исподволь их увести в полон!
Но чуждые по духу чьи-то ритмы
не стали мне роднее русских песен,
сердечный их простор,
как поле битвы,
для недругов да будет вечно тесен!
Для тех, кто сеет свой эфирный сор
над полем брани — полем нашей жизни,
издалека заводит разговор
о русских,
о судьбе моей Отчизны.
И мне на языке моем родном,
таком живом для сердца и для слуха,
внушают,
что народ мой был рабом,
что у него бедны истоки духа.
Не причастившись к духу,
зря стремитесь
так жадно причаститься к русской речи —

Удар Засадного полка. Художник В.А. Мокрушин, 2016 г.

безродный лепет
князь великий Дмитрий
не разобрал бы в той жестокой сече,
душой и сердцем беззаветно внемля
лишь тем — кто речь родную полюбил
не меньше, чем свою родную землю.
Им ведомо, какая сила в слове,
когда в руках уже так мало сил,
когда мечи
раскалены
до крови...
Как скользко!
Но нельзя не устоять.
Все яростней огонь святой обиды
за то — что вынуждают убивать,
за дикую нелепость — быть убитым.
Клинки так тяжелы и так легко
из плоти высекают кровь, как пламя.
И вот уже так много полегло,
всколмило поле павшими телами.
И вот уже — пронзительней клинка —
победный визг татар над полем боя! —
И воины Засадного полка
глядят на воевод своих с мольбою:
все неумейней мысль, что вышел срок...

Но, повторяя жест суровый свой,
на ропот зорко хмурится Боброк,
и, побледнев, замолк Серпуховской.
И снова мята пахнет бесконечно —
для многих навсегда уж не завянет...
Как это ожиданье бессердечно —
сердца давно, давно на поле брани!
Как нестерпим бескровный цвет берез,
как воеводы сдержанны и жестки...
А там, уже не сдерживая слез,
с врагами насмерть рубятся подростки!
Так не пора ли в бой, богатыри?
Своих, родных, погублено изрядно:
среди бела дня, как будто от зари,
уже красны и Смолка, и Непрядва.
Уже вокруг поганные одни,
уже победа грезится татарам,
но тем безумней побегут они,
застигнуты врасплох таким ударом,
что даже не успеет снять шатра
Мамай, спасаясь бегством...
Миг настанет —
и с Красного холма навечно страх
поспешно унесет он —
вместо дани!
А там,
татарам вслед,
за рядом ряд
Засадный полк нещадно устремится,
и в сумерках погоню озарят
от гнева пламенеющие лица!
«За Русь!» —
победно вознесется зов
над полем брани,
множа нашу силу,
и, отразившись эхом от веков
грядущих,
отзовется:
«За Россию!..»
Увижу я:
конца дружинам нет,
и так несметно их,
и подвиг ратный
продолжится на много верст
и лет,
во времени-пространстве необъятном,
в горении своем победоносном,
во всем своем неповторимом блеске.
В рядах: Пожарский, Минин, Ломоносов,

Суворов, Пушкин, Тютчев, Достоевский,
 Кутузов, Васнецов, Лесков, Толстой... —
 разверстывают время год за годом,
 как славой, как единою судьбой,
 так тесно окруженные народом,
 что в РАТИ той соРАТНИКОВ не счесть,
 что были, есть и непременно будут,
 ворвутся в битву — и возгремит весть
 о праведной победе нашей...
 Всюду —
 все дни и поколения напролет
 и зримо, и незримо бой идет...
 Держитесь твердо, русичи!
 За нами —
 Могучий полк
 сигнала зорко ждет,
 неистребим,
 как русский дух и память.

ВЫШЛА КНИГА

В живом строю: стихи осетинских поэтов, погибших в Великой Отечественной войне / Сост. Н.А. Ягодинцева. Шексна: Челнок, 2025. 104 с. (Победа-80).

В книгу вошли стихотворения осетинских поэтов, погибших в Великой Отечественной войне. В те сороковые роковые, как один, они встали на защиту своей великой Родины и любимой Осетии. Большинство из них прожили чуть больше 20 лет, но их малое, необычайно светлое, многоликое творческое наследие сохранилось для будущих поколений.

Подстрочные переводы на русский язык с осетинского языка выполнила член Союза писателей России, поэт и переводчик Залина Басиева, с дигорского языка — поэт, переводчик, член Союза писателей России Казбек Мамукаев. Многие стихи переведены на русский язык и опубликованы впервые.

**Митрополит
Петрозаводский
и Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

КУРСКАЯ АНОМАЛИЯ. СИМВОЛ КАК ОСНОВА РЕАЛЬНОСТИ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА

*Побеждающий наследует все, и буду
ему Богом, и он будет Мне сыном.
Боязливых же и неверных, и скверных,
и убийц, и любодеев, и чародеев,
и идолослужителей, и всех лжецов
участь — в озере,
горящем огнем и серою.*

Апокалипсис 21:7,8

*Человеческая история — слишком
серьезное дело, чтобы принадлежать
человеку — она принадлежит Богу.*

*Если бы она безраздельно
попала в руки человеческие, она
давно бы уже закончилась.*

А.С. Панарин

Безопасность личная и государства сегодня вызывает у человечества серьезную, постоянную озабоченность. Одни кровопролитные конфликты прекращаются, другие начинаются, третьи — длятся и длятся. И кажется, нет в том ника-

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мединститут. В 1981 г. защитил канд. дисс. в Смоленском мединституте. Работал старшим преподавателем. В 1986 г. во время учебы в Московской Духовной академии пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха. После окончания МДА защитил канд. дисс., оставлен преподавателем Ветхого Завета. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. рукоположен во епископа Новгородского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. каф. богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии нескольких журналов, член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными и научными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии, проректор Екатеринбургской ДС. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии. Возглавлял Церковно-общественный совет по биомедицинской этике и Синодальную богослужебную комиссию.

кой закономерности. И невозможно найти ответ на вопрос: кто в такой ситуации, кроме самой истории, виноват? В России, в силу ее географического положения, территориальных особенностей и менталитета, государственная безопасность является приоритетной. Она включает в себя объекты и субъекты, жизненно важные интересы и проблемы обеспечения этой безопасности. Как говорят социологи: «Безопасность — это такое состояние защищенности социума от различных угроз, которое базируется на его деятельности по их выявлению, предупреждению, ослаблению, отражению и устранению, обеспечивая оптимальное существование, функционирование и прогрессивное развитие личности, общества, государства и всего мира»¹.

Формулировка похожа на конкретный закон, которым можно пользоваться во многих случаях жизни. Но если мы посмотрим на него в контексте истории, то увидим не строгую систему безопасности, с помощью которой можно избежать трагедий, а слабость концепции и, как следствие, продолжающиеся человеческие жертвы и материальные потери. Причем картина не меняется с древнейших, библейских времен.

С тех времен было понятно, что война является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества — братоубийственной ненависти. Библейский архетип: грех лежит в основе войн и убийств, он влечет к себе, но надо господствовать над ним. *«И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал [Господь]: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»* (Бытие 4:3–12).

Преподобный Макарий Великий отмечает бессознательный для большинства людей характер воздействия на них первородного греха: «Грех, который внедрил (через преслушание Адама) и который соответствует некоторой духовной власти князя тьмы и некой реальности, породил все виды зла. Не будучи обнаруженным, он воздействует на внутреннего человека и на дух, и он ведет войну в мыслях. Но человек не знает, что он действует там по наущению чужеродной силы. Он воображает себе, что все это естественно и что речь идет о его собственных рассуждениях... Мир болен дурной страстью и не знает этого»². Дьявольское воздействие, в частности, осуществляется в глубине сердца, и по этой причине это воздействие не очевидно. Существует неосознанное стремление к убийству и самоубийству не только у отдельных личностей, но и у правительств. Кроме того, если правитель не может подчинить себе свои желания, попускает собственный грех, то как же он сможет руководить обществом?

¹ Губанова В.М. Безопасность социума в концепциях современной науки и богословия // Взаимодействие науки, философии и религии на рубеже тысячелетий: прошлое, настоящее, будущее: сборник докладов. СПб., 2002. С. 39.

² Цит. по: Ларше Жан-Клод. Духовное бессознательное: Православная концепция бессознательного и ее применение в лечении психических и духовных недугов / пер. с фр. П. Доброцветова; науч. ред. и руководитель проекта О. Арсеньевой, А. Коротеевой, А. Вавиловой, А. Курочкина, У. Рахновской. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2021. С. 163.

Святитель Феофан Затворник, комментируя послание апостола Павла, пишет: «Грех, хотя прощенный, опять завладевает душой, если остаются в силе миродержатели тьмы века сего — демоны. Иисус Христос, говорит св. Павел, и от них освободил верующих, *“отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою”*» (Посл. ап. Павла к Колоссянам 2:15). Бесы вооружили против Христа иудеев, которые предали Его крестной смерти. Они надеялись, что, подвергая Его такому посрамлению, расстроят таким образом всё дело спасения и опять будут миродержателями тьмы века сего. Оказалось же всё напротив. На кресте не Господь посрамлен, а они, и не Его дело разорилось, а разрушено их царство. Это и выражает Апостол словами: *восторжествовал над ними Собою*, то есть Спаситель праздновал торжество победы над духами злобы на кресте, что Он и предсказал перед страданиями ученикам Своим: *«Ныне князь мира сего изгнан будет вон (Иоанн 12:31) — свержен с престола и лишен власти. И действительно, Господь сошел со креста в ад и разрушил его, освободив пленников его»*¹.

Войны сопровождали всю историю человечества после грехопадения и, по слову Евангелия, будут сопровождать ее и далее: *«Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть»* (Марк 13:7). Об этом свидетельствует и Апокалипсис, повествуя о последней битве сил добра и зла при горе Армагеддон (Откровение 16:16). Земные войны суть отражение брани небесной, будучи порождены гордыней и противлением воле Божией. Поврежденный грехом человек оказался вовлечен в стихию этой брани. Война есть зло. Причина его, как и зла в человеке вообще, — греховное злоупотребление богоданной свободой, *«ибо из сердца исходят злые помыслы: убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления»* (Матфей 15:19). И клятвопреступление, часто связанное с вождением так называемого Золотого тельца, что мы наблюдаем сегодня воочию.

То, что в пору холодной войны Запад выдавал за борьбу идеологий, на самом деле было ширмой геополитической борьбы за пространство. А дальше, как видим теперь, Запад открыто навязывает миру борьбу цивилизаций. Они доходят даже до таких мелочей, как запрет на участие наших спортсменов в международных соревнованиях. «Идентичность русского общества, — пишет известный философ А. Дугин, — обладает рядом специфических особенностей, которые обретают смысл и значение только в общем контексте русской истории и остаются полностью непонятными и противоречивыми, если мы попытаемся интерпретировать их в контексте общеевропейской культуры и истории. Русское время течет в особом направлении и организовано иначе, нежели европейское время; равно как совершенно иначе организовано русское пространство. Более того, русская антропология кардинально отличается от европейской, так как в основе нормативного представления о человеке у нас лежит коллективная (соборная) органическая общность, а не индивидуум»².

¹ Толкование Посланий св. Апостола Павла. По трудам святителя Феофана Затворника. СПб., 1912. Репр. М.: Русский Хронограф, 2002. С. 500.

² Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. М.: Академический проект, 2024. С. 16–17.

Как говорит В.В. Путин о современной войне: «Именно в алчности, в намерении сохранить свою ничем не ограниченную власть и есть подлинные причины той гибридной войны, которую “коллективный Запад” ведет против России. Они желают нам не свободы, а хотят видеть нас колонией. Хотят не равноправного сотрудничества, а грабежа. Хотят видеть нас не свободным обществом, а толпой бездушных рабов»¹. Вашингтону все равно, сколько украинцев погибнет в войне, и он, конечно, приветствует любые потери России. А также заставляет своих союзников — фактически вассалов — в Европе платить за войну.

Россия — страна не воинственная, самая большая по территории, самодостаточная и богатая. Поэтому война — не ее стезя. Стержнем российского подвижнического бытия является подвиг во имя Родины, который во все века поддерживается Русской Православной Церковью. Такими словами воодушевлял войска и тыл митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) 26 июля 1941 г.: «Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждой грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих. Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и всё, что творит каждый русский человек для защиты своего отечества»². И в любые времена священна забота о его безопасности.

Тщательный анализ факторов национальной безопасности России позволяет генерал-лейтенанту Л. Ивашову, президенту Академии геополитических проблем, сделать следующий вывод: «Распад СССР привел к наращиванию комплекса угроз национальной безопасности России. В геополитическом плане развал Союза вызвал деформацию российского пространства... Россия потеряла значительную часть выходов к морю, важные морские порты, житницы и курортные зоны; она становится еще более северной и континентальной страной, как бы задвигается в глухой угол Евразии. Передовые рубежи России на Черном и Средиземном морях, на Балканах и в Малой Азии оказались отброшенными на 300 лет назад»³.

Наиболее приемлемые взгляды по государственной безопасности были разработаны Русской Православной Церковью и представлены в виде концепции в 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе. В них отмечено, что Церковь, учитывая, что Государство и Государь благословляются Богом, берет на себя ответственность по спасению мира и человека. Признавая войну злом, Церковь источником преступлений признает в первую очередь помраченное состояние человеческой души, не отрицая и объективные факторы.

¹ Выступление 2022-09-30 16:00:00. URL: kremlin.ru (дата обращения: 30.09.2025).

² Цит. по: Воскресни Русь. М.: Даниловский благовестник, 2000. С. 7.

³ *Ивашов Л.* Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? М.: Аргументы недели, 2021. С. 374–375.

1. Подвиг Курска

Русский народ является единственной реальной силой, способной поднять страну. Как отмечает генерал Ивашов: «Сейчас русский народ деморализован, растерян, лишен политической воли, своего общенародного государства, рассеян по другим государствам (русское население за пределами России составляет 25,3 млн человек) и во многом лишен там прав. В таком состоянии он крайне уязвим, что мы и наблюдаем по стремительному увеличению числа сект, деградации психического состояния населения, росту суицидов. Исторически русские овладевали большими территориями, растекаясь по периферии страны. Огромные массы русского населения проживают за пределами территорий РФ на своих исторических землях — на юге Украины, отвоеванном русскими у турок»¹.

Сегодня, когда идет СВО, когда мы поднаторели в армейских терминах и военных тактических хитростях, о чем нам рассказывают сутки напролет сотни корреспондентов и корреспонденток, кажется, что мы не страдаем от тягот жизни, находясь в воюющей стране. Тем более что для тыла почти ничего не изменилось. Даже наоборот: песни все громче, веселые концерты все длиннее, певички все развязнее и оголеннее, бесчисленные надуманные праздники все утомительнее. И только когда показывают награждения орденами и медалями живых и погибших героев, что-то может дрогнуть в душах людей, понимающих, что они бы так не смогли. Подвиг — удел избранных.

В этимологии слова «подвиг» содержится энергетический смысл. По одной из версий, это слово понимается как процесс от покоя к движению, к свершению, к действию. В божественном мироустройстве такое движение может быть только к самосовершенствованию, к раю, к Богу. Труден этот процесс, который может длиться секунды — решение закрыть грудью амбразуру вражеского дота, а может продолжаться всю жизнь — служение царское, монашеское, воинское. Но не только временным измерением определяется подвиг, но и территориальным: города-герои, поля сражений или области, как, например, сегодняшняя многострадальная Курская область, изнасилованная бандеровцами. О русском подвиге в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне можно поразмышлять не только на примере подвига наших отцов и дедов, например, в Курском сражении, но и в связи с 25-летием гибели АПЛ «Курск», на которой служили наши современники. Тогда русские проснулись и начали приходить в себя. Неизбывна и символична переключка ратных веков и подвигов.

Есть такое выражение — «гений места». В современном понимании каждое место имеет свою неповторимую идентичность и характер, которые ощущаются на интуитивном уровне. Это может быть связано с историей места, природными особенностями (Курская магнитная аномалия) или созданными человеком объектами (АПЛ «Курск»). Через изучение истории, культуры, археологии и экологии места мы можем обнаружить новые аспекты его уникальности. Дело в том, что земля — это не только материальный ресурс и пространство, это огромный сосуд, вмещающий в себя бесценный

¹ *Ивашов Л.* Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? М.: Аргументы недели, 2021. С. 274.

Херсонес Таврический (Крым, Севастополь). Фото: vseгда-potnim.com

культурный опыт поколений. «Национальное чувство обрело новые краски, — подчеркивает православный философ А. Щипков, — огромную роль в этом процессе сыграла наша сакральная география, которая Херсонесом только открывается. Но, к сожалению, крымский импульс пока во многом остается локальным. Да, это была незабываемая встреча с собственной историей и с разлученной частью народа, но ведь Херсонесом наша сакральная география не исчерпывается. Разве мы можем забыть о Михайловском, о Бородинском поле, Мамаевом кургане, Ганиной яме, Исаакиевском соборе, Чудовом монастыре?»¹ И конечно же, о Курской дуге.

Название «Курск» образовано суффиксальным способом: к названию реки Кур добавлен суффикс -ск. Историки считают, что этот суффикс добавлялся к названиям укрепленных поселений, а в средневековые времена — к обозначению княжеской принадлежности. Да и как не быть укрепленным городом, если он находится на границе с миром иноверцев, с тьмой завоевателей.

Вспомним, что в 1185 г. князь Всеволод Курский, правивший также в Трубчевске, направил дружину против половцев; этот легендарный, трагический и вразумляющий поход русских князей описан в «Слове о полку Игореве». В основе сюжета — поражение князя Игоря Святославовича из Курска, сына Владимира из Путивля и племянника Святослава Олеговича из Рыльска.

Сделаю отступление. Не раз в моих предыдущих статьях на исторических примерах была отмечена взаимосвязь клятвопреступления, нарушения духовных законов с возникновением раздоров, мятежей, ведущих к гибели многих людей и к страданию государства. Это подразумевается и в «Слове о полку Игореве», привлекающем исследователей не только своими исторической, художественно-поэтической составляющими, но и политической проекцией. Автор «Слова» показал своим современникам политическую

¹ Щипков А. Сакральная география. Родная Ладога. 2021. № 3. С. 56–57.

суть и причины трагических для Руси последствий события — поражения в битве. Князя, несмотря на свою храбрость и героизм, своей эгоистичной позицией, раздробленностью, несоблюдением вассального подчинения великому князю Киевскому, нарушением обетов и клятв, самовольством способствовали тому, что настала *«невеселая година»*, когда князя начали про малое *«се великое молвить»*, а *«поганые»* начали с победами приходить на Русскую землю и взимать дань по белке со двора¹. Разгром Игоревых войск свел на нет успехи коалиционного похода киевского князя Святослава против половцев. Не раз названная закономерность ставила Русь-Россию на грань гибели, и только всенародной искупительной жертвой спасалась Русская земля.

Позже куряне участвовали в битве на реке Калке. Существование Курска на границе Золотой Орды было тяжелым периодом — рядом с городом монголы построили свой город — Рать, где постоянно присутствовали монгольские ханы с нукерами. Курск многократно разорялся, но всякий раз восставал из пепла. Как сказал курский поэт Николай Сидоренко: «Пока Москва лежала в колыбели, Курск уже сражался за Москву» — вот исторический художественный образ, отражающий реальное значение Курской земли для России.

Неоднозначное положение с точки зрения верности Помазаннику у курских городов было во времена Смуты. С 1508 г. он был уже южным пограничным городом в составе Московского государства. Судьба наделила его границей с мощным воинственным княжеством Литовским, и многими набегами была взрыта эта граница, оказавшаяся пригодной для польской экспансии, приведшей к Смутному времени в России. Новгород-Северский исторически связан с именем Григория Отрепьева, урожденного москвича, принадлежащего к знатному, но обедневшему роду Нелидовых. Он выдал себя за царевича Дмитрия — сына Ивана Грозного, уехал в Польшу и принял там католичество.

Таким образом, в 1603 г. явился первый самозванец. Осенью 1604 г. с группой польских рыцарей и запорожских казаков² Лжедмитрий начал поход на Россию. «Польша упорно реализовывала свою фантастическую ставку на фальшивого царя с фальшивой верой (унией). Глубокие социальные брожения, заложенные еще насильственными земельными переделами Грозного, давали живучесть народному бунту. На него опиралась полукрестная вера в Дмитрия бунтовского меньшинства. Большинство примыкало, разжигаясь классовой завистью и местью. Субсидируемый Польшей и руководством Ватикана Самозванец в Курских пределах перешел границу. Электрический ток измены быстро передался Москве»³.

Добровольно сдался Путивль, Рыльск принял сторону Лжедмитрия I и в 1605 г. укрывал в своих стенах самозванца. Рыльск был значительным стратегическим пунктом на юго-западе Русского государства. Через Путивль

¹ См. подробнее: *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 1989. С. 96.

² Справка: Запорожская Сечь в то время входила в состав Речи Посполитой, казаки получали жалование от польского короля и выполняли, главным образом, пограничные функции, защищая Польшу от набегов крымских татар и турок.

³ *Карташёв А.В.* Очерки по истории Русской церкви. СПб.: Библиополис, 2004. Т. 2. С. 51.

польские войска под командованием Лжедмитрия I входили на русскую территорию. Он обещал народу построить в Москве университет, пригласить образованных людей из Европы и т.п.

Первое свое сражение Лжедмитрий выиграл. Интересная закономерность русской войны: не победим, пока не проиграем, не наступим, пока не отступим. 21 декабря 1604 г. под Новгородом-Северским состоялось первое крупное сражение между войском Самозванца (15 тыс. чел.) и войском князя Фёдора Ивановича Мстиславского (40 тыс. чел.). Несмотря на численное русское преимущество, победу одержали казаки и рыцари Самозванца. Это в основном объясняется психологическими причинами — простые ратники не были уверены, что перед ними враги, и не могли сражаться против «истинного государя». После сражения Лжедмитрий картинно прослезился над убитыми «соотечественниками».

Но эта победа не упрочила положение польского наемника: у него оставались проблемы с обеспечением войска, не получавшего жалование и которому были запрещены грабежи и поборы с населения. Случались личные стычки между Самозванцем и его рыцарями, которые даже соболью шубу сняли с плеч будущего государя, чтобы он ее у них выкупил. Лжедмитрий отступил к Путивлю. Испугавшись гнева войска, польский военачальник Юрий Мнишек, надеявшийся на коллаборацию с русским дворянством, а не со взбунтовавшимся войском, уехал в Польшу. За ним последовало полторы тысячи польских рыцарей. Но Самозванцу помогли иезуиты. По их совету он приказал доставить из Курска чудотворную икону Богородицы и молился ей каждый вечер в своем шатре. Но, как известно, неправедным людям святые не помогают.

Примеру сдавшегося Путивля последовали Рыльск, значительный стратегический пункт на юго-западе Русского государства, а также Курск, Северск, Кромы. Убыль в живой силе пополнилась за счет 12 тысяч донских казаков. Под их охраной Лжедмитрий укрепился в Севске.

Вторая битва с Самозванцем для русских войск была уже победной. Зимой 1605 г. Самозванец был разбит наголову пятидесятитысячным русским войском, но ему позволили уйти, и он пребывал под мощной защитой многотысячного войска донских и запорожских казаков. Конец польской мечты о русском престоле, казалось, был близок. Но умирает Борис Годунов, и уже 7 мая победоносное русское войско в полном составе переходит на сторону Лжедмитрия. Миф царя «прирожденного», то есть «подлинного», победил. 1 июня бунтующая Москва послала в Тулу к Самозванцу делегацию с повинной. Со своей стороны правительственные войска развязали жесточайший террор, уничтожая всех без разбора — мужчин, женщин, стариков и даже детей, как сочувствующих Самозванцу. Результатом стало всеобщее ожесточение народа и раскол среди московского дворянства, раньше большей своей частью преданного Годуновым. Правительственные войска штурмовали Кромы, Рыльск, жители которого, будучи свидетелями кровавого террора, который развязали царицы войска, стояли до последнего. Горький урок.

Как пишет митрополит Иоанн (Снычев): «Клятвопреступление стало фактом. Народ, еще недавно столь настойчиво звавший Бориса на царство, присягавший ему как богоданному государю, поправ обеты верности, отрицал законы наследования престола, попустил его злодейское убийство и во-

царил над собой самозванца и вероотступника, душой и телом предавшегося давним врагам России»¹.

Обильно, вследствие такого клятвопреступления, была полита кровью соотечественников и Курская земля. Искупление имеет протяженность во времени и пространстве. Россия это хорошо знает. Но тем не менее через Путивль в 1619 г. вооруженные силы Речи Посполитой (преимущественно запорожские черкасы гетмана Сагайдачного), после подписания Деулинского перемирия, покидали пределы Московского царства. Эти древние земли и города имели не только стратегическое значение, но остались в истории в виде образов литературных персонажей, позволивших представить реальную историю этой русской земли, поныне вожделенной для врага, вооруженного уже не пиками и саблями, а американским смертоносным новейшим оружием.

Кратко и убедительно последствия нарушения Божиих заповедей объясняет митрополит Иоанн (Снычев): «В самом деле, ведь нам не кажется странным, например, что невозможно безнаказанно нарушить законы физические, законы бытия материального мира. Никому не придет в голову, скажем, выходить из дома через окно десятого этажа. Закон всемирного тяготения своим естественным действием накажет такого безумца. Но, помимо мира материального, существует и мир духовный, невидимый, законы которого ничуть не менее определены и категоричны, чем те, что управляют движением материи. Это и неудивительно, ибо Творец и Основоположник законов — и тех, и других — один и тот же, сказавший: “Аз есмь, и несть Бог разве Мене...” Законы же, приданные Им религиозно-нравственной области человеческого бытия, предполагают непременно обязательными веру и верность, карая как злостное и непростительное нарушение пагубное своеволие и гордостное самовластие, особенно в священной области русской истории, являющейся местом действия непостижимого человеческим разумом Промышления Божия. Полностью подтверждает это и наша недавняя история. Разве не повторили мы в начале XX столетия прегрешения наших предков? Разве из пустой суетности и тщеславия, в погоне за миражами материального благополучия, в ослеплении гордыни мы не отвергли богоучрежденный порядок бытия земли Русской? Но от подобных причин подобные же бывают и следствия. Отсюда кровь гражданской войны, ужасы террора и коллективизации, гнет “застоя” и позор нынешней “демократии”. Жаль только, что и после всего этого мало кто видит настоящие причины русской трагедии. Что тут сделаешь? — “Имеющий уши да слышит...”»².

Войны никогда не обходили стороной Курские земли. И всегда, за редким исключением, куряне верно служили Отечеству, показывая образцы мужества. 20 августа 1798 г. в Курске было сформировано одно из самых знаменитых кавалерийских подразделений Русской императорской армии, впоследствии получившее наименование 7-й драгунский Кинбурнский полк, названный в память о победе Суворова в Кинбурнской битве. 125-й пехотный Курский полк — пехотная воинская часть Русской императорской армии — был сформирован 6 апреля 1863 г. и существовал до 1918 г. Полк

¹ Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. СПб.: Царское дело, 2001. С. 193.

² Там же.

*Защитникам крепости Осовец посвящается. Атака мертвецов.
1915 год. Художник Е.Ю. Пономарев, 2015 г.*

входил в состав 32-й пехотной дивизии. Во время Первой мировой войны часть солдат Курского полка оказались под немецкой газовой атакой. В борьбе за Осовецкую крепость немцы впервые в истории применили химическое оружие. Это — одна из самых страшных страниц войны, названная «атакой мертвецов». Немцы по понятной причине по сей день отрицают реальность этого события.

Наиболее достоверным историческим источником, рассказывающим об этом подвиге, для многих исследователей является книга непосредственного участника тех событий Сергея Александровича Хмелькова (1879–1945), которая называется «Борьба за Осовец»¹. Известный военный инженер, дослужившийся в Красной армии до звания генерал-лейтенанта, сражался и на фронтах Первой мировой войны.

Это произошло 24 июля (6 августа по новому стилю) 1915 года. Комендант крепости Николай Александрович Бржозовский докладывал военному руководству, что «батареи с баллонами удушливых газов были расположены в 4 местах, в каждом по 5 батарей, а в каждой батарее по 20 баллонов», хотя некоторые участники событий утверждали, что батарей было больше, по их личным оценкам.

Удушливое облако протянулось на расстояние в 12 верст, нанеся тяжелый урон солдатам и офицерам, защищавшим крепость. Погибли практически все военнослужащие, составлявшие первую и вторую линии обороны. Более 1600 человек выбыли из строя, весь Осовецкий гарнизон получил химические отравления различной степени тяжести.

Но когда германские цепи приблизились к окопам, из густо-зеленого хлорного тумана на них обрушилась контратакующая русская пехота. Зре-

¹ См.: «Атака мертвецов»: как русские напугали немецких солдат. https://dzen.ru/a/aE75GvDLok3wiOm_ (дата обращения: 25.09.2025).

лице было ужасающим: бойцы шли в штыковую с лицами, обмотанными тряпками, сотрясаясь от жуткого кашля, буквально выплевывая куски легких на окровавленные гимнастерки. Это были остатки пехотного полка, чуть больше 60 человек. Но они ввергли противника в такой ужас, что германские пехотинцы, не приняв боя, ринулись назад, затапывая друг друга и повисая на собственных проволочных заграждениях.

Крепость все же русские сдали. А через 9 лет, в 1920 г., когда поляки приступили к разборке завалов, под ними, в подземелье, обнаружили живым часового, солдата-курянина. Он выжил, используя продукты с оставшегося невредимым склада. Поляков он встретил с винтовкой в руках. В строгом соответствии с воинским уставом часовой заявил, что его может снять с поста только разводящий, а если его нет, то «государь император».

История повторяется, в том числе и военная: временные победы Лжедмитрия, Наполеона, немцев в Первую и Вторую мировые войны, нынешнее нападение на Курскую область. Подвиг «марша мертвецов» повторился через 110 лет, в марте 2025 года. Это невероятный подвиг российских военных, проникших в тыл ВСУ в Судже по трубе газопровода. Многие бойцы лишились здоровья из-за остаточного метана, но отряд ударил по врагу и обратил его в бегство. Российские военные осуществили прорыв через пустой газопровод Уренгой — Помары — Ужгород в тыл украинских формирований в Судже, внеся беспорядки в ряды ВСУ. Операция была осуществлена силами спецназа «Ахмат», 30-го полка, 11-й бригады, ДШБР «Восток», ОДШРБ «Ветераны» и других подразделений. «Горели легкие, текли слезы»: известны детали выхода российских бойцов в тыл 7-тысячной группировки ВСУ через газовую трубу. «Их всех рвало, зная исход, они шли вперед!». Герои, физически изнемогая, не жалея ни здоровья, ни жиз-

Операция «Поток». Фото из открытых источников

ни, преодолели всё и победили. Беспрецедентная операция «Поток» вошла в мировую историю. Группировка из 800 наших бойцов прошла 15 км по газовой трубе диаметром 140 см.

Вместе с военнослужащими прошел по трубопроводу священник Алексей Скрипкин. Четыре дня солдаты провели в трубе в боевой готовности и не были обнаружены противником.

Свидетельства протоиерея Алексея Скрипкина дают представление об этом подвиге. «Наш отряд работал совместно с “Ветеранами” в этой операции. Не думал, что буду участвовать, но помогал к ней готовиться. В последний момент командир сказал, что я буду в логистической группе. В нашу задачу входило быть рядом с бойцами, помогать при эвакуации раненых, духовно поддерживать верующих, заботиться о продовольственных запасах. Нас было несколько человек, и мы с самокатами за несколько дней до начала операции заселились в подземелье. Проводили разведку на этих транспортных средствах. Зашли в трубу вместе со старшим сыном Павлом. Мы с ним в один день подписали контракт.

Я последним шел в отряде. Тяжело идти было, потому что на тебе броня, каска, рюкзак, БК и еще продовольствие. Но мы через какое-то расстояние останавливались и отдыхали. Я вообще научился на войне жить моментом. Сидишь в окопе и радуешься, что солнце светит и тебя немного согревает. Как хорошо! А вокруг летают дроны и хотят тебя убить. Но вот выглянуло солнце, и ты живешь этим прекрасным. Так же и в трубе. Шел по ней и творил Иисусову молитву.

Сколько ребят хороших там увидел, которые дружелюбно встречали меня как священника: “Батюшка, благословите!” И когда вышли из трубы, было такое чувство благодати, что всё преодолели и дошли. Такое же чувство я испытал в Троице-Сергиевой лавре, когда там учился две недели на курсах дополнительного образования для священников при Московской духовной академии»¹.

Да, Курская земля и по своей истории, и по имени обладает божественным предназначением, сакральностью. Пример из новейшей истории — осада стратегически важного для ВСУ Горняльского монастыря, необходимого для удержания под своим контролем Курской области. Здесь засел последний их отряд на Курской земле. В Горнале украинские боевики оккупировали Свято-Николаевский Белогорский монастырь, разместив там минометные и артиллерийские расчеты. Ему, впрочем, участие в боевых действиях не впервой. Монастырь, ведущий свою историю с небольшой деревянной церкви, построенной здесь в 1688 г., за прошедшие столетия неоднократно сносили, строили заново, опять сносили. В 1922 г. обитель закрыли и открыли на ее территории клуб. Епархии монастырь вернули лишь в 2001 году. К 2008 г. он был отреставрирован и расписан заново известными иконописцами-реставраторами.

В монастыре есть пещеры, сложные меловые туннели, ведущие в Сумскую область. Удачно его расположение на возвышенности, для штурма — это самый сложный пункт. Как поясняли корреспонденты, там мощные стены с подвалами. Подходы к нему очень неудобны. Надо спуститься в голую низину и потом подняться на довольно крутой холм, где встретят толстые стены со снайперами и пулеметными гнездами. Российская армия штурмом

¹ Журнал Московской Патриархии. 2025. № 8.

*Свято-Николаевский Горнальский монастырь, разрушенный украинскими националистами во время СВО.
Фото из открытых источников*

взяла Горнальский Свято-Николаевский мужской монастырь в Курской области, лишив ВСУ последнего рубежа обороны на российской территории. Курский Горнальский монастырь освобожден морпехами! Бойцы 1-й роты арктического батальона с командиром «Рязань» освободили православный монастырь, закрепились и продолжили наступление.

В этой военной истории в чем-то есть аналогия с осадой

Свято-Троицкой Сергиевой лавры войсками Лжедмитрия II в 1608—1610 гг. Монастырь штурмовали польско-литовские войска, усиленные отрядами их русских союзников — тушинцев и казаков под командованием полковника Лисовского. А у последних есть аналогия и с националистическим Русским добровольческим корпусом, с 2022 г. воюющим на стороне Украины.

Другой пример из истории Великой Отечественной войны. Рядом, в Брасовском районе, в поселке Локоть (ныне районный центр Брянской области) находилось имение Великого князя Михаила Александровича, последнего де-юре императора России. После революции имение не было разграблено крестьянами, в отличие, например, от пушкинского Михайловского. Но именно здесь в годы Великой Отечественной войны было создано коллаборационистское образование — Локотская республика. Это автономное самоуправляемое прогосударственное образование, находившееся в оккупированной нацистской Германией части средней полосы России, возглавлялось коллаборационистской администрацией Константина Воскобойника и Бронислава Каминского с июля 1942 г. по август 1943 года.

Одной из причин возникновения «республики» была специфика дореволюционного быта локотского населения. Являясь собственностью Великого князя Михаила Александровича, по оценке ряда историков, локотские земли выделялись богатством. Жизненный уровень местного населения в XIX — начале XX в. был гораздо выше уровня большинства российских крестьян. Для локотян, не знавших ни крепостного права, ни послереформенного разорения, коллективизация и система колхозов стали не вторым, а первым крепостным правом. В мемуарной литературе также отмечены антисоветские настроения большей части местного населения¹.

Курская битва, великое многодневное танковое сражение, стала точкой обратного отсчета к нашей Победе. К Победе, искупающей клятвопреступление русского народа, предавшего веру в Бога и Помазанника Божия, своего Императора Николая II.

Хоть война и казалась наказанием Божиим, очевидна была и помощь Божия народу, хранящему в своем глубинном корне верность Богу и Его заповедям. За грех предков сполна рассчитались их сыновья и внуки.

¹ См.: Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками 1941—1944. М.: Центрполиграф, 2010. С. 190.

В массовом сознании именно с Курской дуги, с победы в которой и началось настоящее освобождение страны, Красная армия более не отступала. О непостижимом этом военном событии написано много исторических работ, художественных произведений, благодаря чему сохранился, не тускнея от времени, этот подвиг. Представить его мощь можно, глядя на статистические цифры.

Некоторые цифры и факты о Курской битве (5 июля — 23 августа 1943 года):

1. К началу операции силы РККА насчитывали около 1,3 млн солдат, 3444 танка, более 19 тыс. орудий и почти 2200 самолетов. (sanglib.ru)

2. Немцы располагали 900 тыс. солдат, 2578 танками и САУ, 2000 самолетов и примерно 10 тыс. орудий. (sanglib.ru)

3. В общей сложности в битве участвовали около 2 млн человек, 6000 танков и 4000 самолетов. (sanglib.ru)

4. Общие человеческие потери в Курской битве составили около 255 тысяч человек у СССР и примерно 500 тыс. у Германии. (sanglib.ru)

5. РККА потеряла около 6000 танков и 1624 самолета, Германия — около 2900 танков и 1700 самолетов. (sanglib.ru)

6. В ходе Курской битвы советские войска разгромили 30 дивизий (в том числе 7 танковых) противника. (bigenc.ru)

7. Потери советских войск составили: людские — свыше 863 тыс. человек, в том числе свыше 254 тыс. человек — безвозвратные. (bigenc.ru)

8. За подвиги в Курской битве звания Героя Советского Союза были удостоены более 180 солдат и офицеров, свыше 100 тыс. человек были награждены орденами и медалями. (tass.ru)

9. Около 130 соединений и частей получили гвардейское звание, более 20 — почетные наименования: Орловских, Белгородских, Харьковских¹.

Кажется непостижимой эта победа нашего Отечества. Самое значительное событие Курской битвы — Прохоровское танковое сражение (ныне это административно Белгородская область) — состоялось в день памяти Апостолов Петра и Павла, 12 июля 1943 года. Вспомним, что апостол Пётр был распят на кресте вниз головой, а апостол Павел обезглавлен. Но в итоге — победа христианства. После Курской победы Сталин встретился с оставшимися в живых и на свободе тремя митрополитами; официально был изменен вектор церковной политики государства. Бог не оставил Россию.

Прошло 80 лет, и снова в военных сводках — Курск. Это символ, и он имеет библейское объяснение: покаяние народа было принято Богом.

Когда мысли Священного Писания раскрываются через особенные внешние действия, которые по повелению Господа совершались Его избранниками, то такой способ выражения таинственного смысла называется **символом**. Например, пророк Иеремия в присутствии иудейских старейшин демонстративно разбивает новый глиняный сосуд в знак того, что Иерусалим будет разрушен халдеями. *«Слово, которое было к Иеремии от Господа: встань и сойди в дом горшечника, и там Я возведу тебе слова Мои. И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале. И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечнику вздумалось*

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Курская_битва

Мемориальный комплекс «Курская дуга».
Возведен к 80-летию Победы в ВОВ

сделать. И было слово Господне ко мне: не могу ли Я поступить с вами, дом Израилев, подобно горшечнику сему? Говорит Господь. Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке, дом Израилев. Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то

зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его. Итак, скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима: так говорит Господь: вот, Я готовлю вам зло и замышляю против вас; итак, обратитесь каждый от злого пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши. Но они говорят: «не надейся; мы будем жить по своим помыслам и будем поступать каждый по упорству злого своего сердца» (Иеремия 18:1–12). Господь в вышеприведенном тексте сравнивает судьбу народов с глиной в руках горшечника.

Господь повелевает пророку разбить новый горшок перед народными старейшинами, которые, будучи уверенными в военной мощи дома Израилева и неприступности стен Иерусалима, дерзко отвечают: «Не надейся; мы будем жить по своим помыслам». Но Бог говорит пророку: «И скажи: слушайте слово Господне, цари Иудейские и жители Иерусалима! Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я наведу бедствие на место сие, о котором кто услышит, у того зазвонит в ушах. И сделаю город сей ужасом и посмеянием; каждый, проходящий через него, изумится и посвищит, смотря на все язвы его. И накормлю их плотью сыновей их и плотью дочерей их; и будет каждый есть плоть своего ближнего, находясь в осаде и тесноте, когда стеснят их враги их и ищущие души их. И разбей кувшин пред глазами тех мужей, которые придут с тобою» (Иеремия 19:3, 8–10). Это символическое действие пророк совершил перед катастрофой 598 г. до Р.Х. (начало Вавилонского плена).

2. СВО: что мы защищаем?

Что защищаем? Если одним словом, то — наше счастье. А что это такое? Прочитую точку зрения известного писателя Николая Ивановича Дорошенко, уроженца Курской области, села Сухиновка, из его очерка «Мои курские древности»: «Наша Сухиновка была в ту пору единственной во всем мире страной, властитель которой ее богатства распределял меж

своими подданными, даже с учетом той их нужды, о которой каждый из них не успевал подумать.

И никто не мог догадаться, что Платон Карпич не нуждается в столь великих количествах наших солений да варений, в наших самодельных и воистину вкуснейших колбасах, в наших пирогах и с капустой, и с грибами, и с пропитанной медом фасолью, в наших студнях, в наших варениках и оладьях, что избыток преподношений доставляет ему, может быть, больше хлопот, чем радости. Потому что всякая истинная любовь, как и всякое иное чувство, высоким восторгом окрыляющее душу, умеет подчиняться не столько рассудку, сколько само себе. А поколения, прошедшие сквозь все земные испытания, включая свирепейший голод и лишения военной поры, но благодарности за эти муки в должной мере не получившие и затем вдруг испытавшие наслаждение от возможности проявить собственную покорнейшую благодарность к человеку, всегда и ко всем выказывающему свое деятельное сострадание, — только в этой своей ответной благодарности и видят долгожданное достижение своего личного, своего наивысшего счастья»¹.

Не только захватить кусок русской земли намеревались во все времена западные захватчики, но, что важнее, — искоренить сам типаж вот такого, как житель курского села, русского человека, с его человеколюбием, отечестволюбием и милосердием.

Вот против такого народа и озверели бесо-бандеровцы. Нынешнюю Курскую землю от таких людей они намеривались и намереваются освободить. Как? Доклад «Злодеяния киевского неонацистского режима в Курской области» содержит 60 страниц документированных свидетельств выживших. Вот несколько из них.

«Кажущаяся безнаказанность и свежая кровь пьянили бандеровских преступников. Злодеяния украинской армии фактически стали геноцидом россиян. Подробности делаются сумевшие сбежать из ада ВСУ. Зоя Ананьева, жительница села Куриловка, свидетельствует:

“Смотрела в УАЗик — там сидят два обугленных трупа. Заглянула в другую сторону УАЗика. Я увидела: лежит человек, с правой стороны нет руки, а поодаль лежит еще туловище без ног и без головы. Еще пять шагов — была разбитая красная гражданская машина... Украинцы, говорят, есть такие злые, неадекватные. А вот заходили поляки и грузины — это, говорят, зверье самое натуральное. Особенно поляки стреляли. А грузины, я слышала, те любители были резать. Очень много было зарезанных людей, у них горло перерезано... Звери самые натуральные. Мальчишки, маленькие, 10–12 лет, пытались выехать — они их расстреляли. Расстреливают все машины, и все гражданские. Они стреляют без разбора. На Гончаровке они заходили, открывали подвал, не смотрят, есть человек или нет. Они гранату туда — тараббах. И всё”»².

Рассказов подобных много, но приводить более страшные подробности не имею сил. Они похожи друг на друга и свидетельствуют, судя по нещадному терзанию людской плоти, о дьявольской подоплеке войны.

¹ Дорошенко Н.И. Мои курские древности. <http://nikolai-doroshenko.rf/dusha1.html>

² «ВСУ нас просто убивали»: военные преступления неонацистов в Курской области // Военное обозрение. 01 октября 2024 года.

Интересно наблюдение о «субстанции насилия» у этнолога Павла Зарифуллина. «Западная романно-германская цивилизация сформировалась на насилии: убийства быков на корриде, рыцарские и гладиаторские бои, а также иные, **лишенные мотивации** убийства, были событиями центральными, архетипическими для истории Европы»¹. Это частично объясняет поставку огромного количества вооружения и политическую поддержку режима Зеленского. «В России “субстанция насилия” — всегда явление реактивное: это ответ русского медведя на вызов заточенной рогатины и пули охотника. Русское насилие грубо и не мстительно. Западное насилие изысканно и принципиально»².

Неужели ничего не меняется за тысячелетия человеческой истории? Ведь так было и в древности, судя по Ветхому Завету, где встречаются подобные военные жестокости. И в древние времена помощь Божия имела подоплеку, связанную с нравственным состоянием народа и его воинов. Господь не оставляет воинов, если они сражаются за правое дело. Когда же евреи сражались за своих идолов и погрязали в грехах, Господь отступался от них, и они терпели поражение в войне. Вспомним историю, когда вместо упования на Бога иудеи понадеялись на силу оружия и на помощь Египта и попали в плен к царю Вавилона Навуходоносору. Но если народ и царь укрепляются в вере в Господа, неизменно происходит чудо. Так было при царе Езекии, когда Иерусалим осадили войска ассирийского царя Сеннахирима (705–680 гг. до Р.Х.). Весь мир содрогался от ужаса, видя зверства и разрушения от его армии. И тогда Езекия послал спросить пророка Исайю, что делать. Исайя передал: *«Так говорит Господь о царе Ассирийском: не войдет он в сей город, и не бросит туда стрелы... Тою же дорогой, которою пришел, возвратится»* (4 Царств 19:32–33). И царь принял решение, уповая на помощь Божию, не сдаваться. И случилось чудо: *«пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч»* (4 Царств 19:35). Историки поныне не понимают, что произошло с войском ассирийцев.

И еще одно оружие воина — любовь. *«Совершенная любовь изгоняет страх»* (1 Иоанн 4:18). Как сказал Христос, прощаясь со Своими учениками на Тайной Вечере: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас»* (Иоанн 13:34). А возлюбил Христос всех так, что отдал за всех Свою жизнь. Много совершенной своей любви принесли русские воины на алтарь Отечества — любви к родной земле, народу, роду, к Богу. Много примеров тому, что противиться злу следует из любви и посредством любви, просияло на Курской земле.

3. Курское море

Символична и Курская магнитная аномалия — самый мощный на Земле железорудный бассейн, один из крупнейших и богатейших по запасам железной руды район в мире. Обеспечение российской металлургической промышленности: танки, корабли, оружие — символы военной безопасно-

¹ Зарифуллин П. Русская сакральная география: статьи, эссе. СПб.: Литературная матрица, 2025. С. 426.

² Там же. С. 427.

*Курская магнитная аномалия.
Фото из открытых источников*

сти России. Божественный дар из глубины веков. Курские железные руды были использованы в выплавке железа для корпусов танков и оружия Великой Отечественной войны. Иначе, как Божиим промыслом, это не назовешь. Кажется, промыслительно оказался огромный, на много веков использования, железорудный клад в этих землях Руси-России, стоящих на переднем крае ее обороны.

Может быть, есть железо из руд Курского бассейна и в корпусе трагично известной атомной подводной лодки (АПЛ) К-141 «Курск». Названа она была в честь подвига советского народа на Курской дуге в годы Великой Отечественной войны. Введена в строй 6 апреля 1993 г. по приказу главного командующего Российским ВМФ.

Почему мы в данную статью включаем и материал об одной из самых страшных трагедий российского ВМФ? Потому что в ряд выстроились символические исторические события, связанные с одним именем — Курск. А именно символы позволяют человеку войти в контакт с уровнями, недоступными чувственному восприятию, в частности с духовным, и в то же время подтвердить и связать с ним реальности. С помощью символа вынимается из подсознания и приводится в действие весь внутренний опыт человека. Таким образом, в результате сознательного рационального подхода, через символы мы выходим на исторические закономерности, антропологические обобщения. Согласно Юнгу, разработавшему теорию символов, они активизируют сознание, что позволяет выработать устойчивую позицию по отношению к реальности в целом. Они помогают сохранить память о прошлом, открывают перспективы будущего; путем влияния на жизненный опыт других разумных существ символы могут не только правильно отразить, но и изменить настоящее.

Символ¹ — это признак предмета, значение которого выявляется множеством интерпретаций самого символа. Связывая миф с символом, А.Ф. Лосев

¹ См. подробнее: *Митрополит Константин (Горянов)*. Библейские архетипы войн. СПб.: Родная Ладога, 2025. С. 49–55.

показал, что «отношение “естественного” и “сверхъестественного” в мифе надо мыслить символически, то есть нумерически, как одну вещь»¹. Подобный вывод можно сделать, исходя из этимологии понятия «символ». Это греческое слово — *συμβολον* — происходит от глагола *συμβάλλω* — «со-единять», «с-вязывать», «с-равнивать», «с-личать», а также «с-шибать» и «с-талкивать», и в своем первоначальном значении означало часть любого разломанного пополам предмета, вторая половина которого находится у кого-то другого. «Выявленная часть символа является не просто подобием сокрытой, но ее дополнением до целого; половинки символа тяготеют друг к другу, желая “соединения”, “примирения” — *συμβιβάζω*. Таким образом, символ — это выявление сокрытого»².

Подчеркнем, что как психический феномен, символ играет значительную роль в бессознательном. Он никогда не измышляется разумом, но является продуктом озарений и интуиции и может указывать на самое разнобразное содержание. Как рассуждает К. Юнг, «в символические одежды рядятся как естественные, так и интрапсихические процессы. Например, для первобытного человека движение солнца по небу может символизировать вечный природный процесс, тогда как в глазах психологически ориентированного человека нашего времени оно может обозначать столь же закономерный процесс, происходящий во внутреннем мире. Символ “возрождения” всегда — независимо от того, формируется ли он в рамках первобытного обряда инициации, обряда крещения с его раннехристианскими коннотациями или образной структуры сновидения современного человека — обозначает исконную идею психической трансформации»³. В отечественной науке священник Павел Флоренский, независимо от Юнга, подходил к понятию архетипа, например в сочинениях «Столп и утверждение истины», «Иконостас».

Мы также обращаемся к библейским архетипам как к символам, потому что и наша жизнь, и Православие символичны. Символ нашей веры мы начинаем со слова «верую», а не со слова «знаю», которое стало бы простой декларацией Православия. Содержание символа невозможно полностью выразить в рациональных терминах, так как оно происходит из «сферы неосознаваемой действительности». Вспомним, что Христос идею Царства Небесного выражает образно, в притчах. Даже апостол Павел, который при жизни был вознесен до третьего неба, побывал в раю, пишет о себе в Посланиях к Коринфянам: *«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба... что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»* (2-е посл. ап. Павла Коринфянам 12:2–4). Он не нашел даже в богатейшем греческом языке подходящих слов, понятий, терминов, чтобы адекватно выразить увиденное ТАМ, и поэтому только повторил слова пророка Исаии: *«...как написано: “не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”»* (1-е посл. ап.

¹ Лосев А.Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 153.

² Кутковой В.С. Краски мудрости. М.: Паломник, 2008. С. 446.

³ Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга // Юнг Карл Густав. Дух и жизнь: сборник / под ред. Д.Г. Лахути; пер. с нем. Л.О. Акопяна. М.: Практика, 1996. С. 483.

Павла Коринфянам 2:9). Так что у библейских авторов никаких фантазий о молочных реках и кисельных берегах в Царствии Божием нет.

Во время Исхода евреев из Египта (примерно XIII в. до Р.Х.), в самый ответственный период жизни народа, Бог повелевает Моисею на горе Синай сделать святилище — походный храм Скинию. *«И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения Мне. ...И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди них; все, как Я показываю тебе, и образец скинии, и образец всех сосудов ее; так и сделайте»* (Исход 25:1, 2, 8, 9). *«Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе»* (Исход 25:40).

То есть Бог **показывает** Моисею уже существующие у Него, у Бога, образцы (прообразы, архетипы) еще несуществующего на земле святилища.

«И поставь скинию по образцу, который показан тебе на горе. И сделай завесу из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона; искусною работою должны быть сделаны на ней херувимы; и повесь ее на четырех столбах из ситтим, обложенных золотом, с золотыми крючками, на четырех подножиях серебряных; и повесь завесу на крючках и внеси туда за завесу ковчег откровения; и будет завеса отделять вам святилище от Святого Святых. И положи крышку на ковчег откровения во Святом Святых. И поставь стол вне завесы и светильник против стола на стороне скинии к югу; стол же поставь на северной стороне [скинии]. И сделай завесу для входа в скинию из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и из крученого виссона узорчатой работы; и сделай для завесы пять столбов из ситтим и обложи их золотом; крючки к ним золотые; и вылей для них пять подножий медных» (Исход 26:30–37).

Подобное описание того, как устроить жертвенник, заканчивается указанием: *«Сделай его пустой внутри, дощатый: как показано тебе на горе, так пусть сделают [его]»* (Исход 27:8).

Экипаж АПЛ «Курск». 2000 год.
Фото из открытых источников

Базовые библейские прообразы много помогают в оценке всей истории человечества и современной в частности.

Мы рассматриваем символы на уровне чувств, что позволяет увидеть их сходство с нематериальной реальностью. И как может быть иначе, если вся русская история пронизана подвигами? У подвига нет материальной субстанции — это символ, идея, вера.

Мы не знаем доподлинно, что происходило на лодке «Курск», но можем представить по косвенным сведениям. Вот сухой отчет о гибели АПЛ «Курск» из открытых источников. «Катастрофа атомной подводной лодки К-141 “Курск” произошла в субботу 12 августа 2000 г. в Баренцевом море во время учений. В результате начавшейся еще на берегу последовательности нарушений в процедурах обращения с торпедой 65-76А в первом отсеке произошел взрыв кислородно-керосиновой смеси и возник пожар, что привело к выходу из строя экипажа первых трех отсеков, включая главный командный пункт. Неуправляемая лодка пошла ко дну, и удар об него привел ко взрыву торпедного боезапаса лодки. Все 118 человек, находившиеся на борту, погибли».

По некоторым запискам, найденным при подъеме АПЛ, можно видеть силу воли подводников, их оптимизм и любовь к близким и Отечеству. Вот слова капитана Дмитрия Колесникова: «Ольга! Я тебя люблю, не переживай сильно. Г.б. привет. Моим привет. Еще 12.08.2000 15.15. Здесь темно писать, но наощупь попробую, шансов, похоже, нет, % 10–20. Будем надеяться, что кто-нибудь прочитает. Здесь список л/с отсеков, которые находятся в девятом и будут пытаться выйти. Всем привет, отчаиваться не надо, Колесников»¹, — говорится в записке.

Как они погибли, страшно представить. АПРК «Курск» считался одним из лучших подводных кораблей на российском флоте. В многочисленных публикациях авторы любят писать: «Лучшая лодка, лучший экипаж». От этого трагедия становится загадочной и непонятной. Хотя, зная политическую обстановку в России того смутного времени, когда казалось, что страна уже никогда не сможет занять прежние мировые позиции, когда народ опять отказался от своего прошлого и присягнул в надежде на более сытое житие ненавистникам России, узурпировавшим власть. Люди в то время, казалось, находились в состоянии безразличия или, по слову Апостола Иоанна Богослова, теплехладности к своей стране и друг к другу. Апостол говорит: *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* (Откр. 3:15–16). Теплехладность означает негативное, греховное духовное состояние христианина, проявляющееся в равнодушном, расслабленном, недостаточно твердом отношении к вере в Бога, к своему Отечеству и народу.

Жертвенная гибель АПЛ «Курск» стала тем событием, которое заставило Россию очнуться от летаргического состояния, навеванного сладкими лживыми песнями новых западно-демократических «друзей» и обманом презренных предателей, достойных всенародного суда — правителей-предателей России — Горбачёва и Ельцина.

¹ Записка капитана «Курска» Колесникова. <https://360.ru/news/obschestvo/zapiska-kapitana-kurska-zhene-pomogla-vodolazam-najti-tela-morjakov/>

Целый народ может быть нравственно изменен через страдания и лишения покоя, через постоянную дрожь, мучительную и настойчивую. Очищение через страдание — глубоко русская и православная духовная практика.

Встреча президента В.В. Путина с родственниками подводников в Виадьево, его внимание к событию, сострадательность мысли и убедительность его слова стали переломным событием, моментом, когда народ очнулся от своей теплохладности, когда вся Россия слезно начала осознавать свою личную ответственность в этой трагедии. Ответственность за неразличение двух видов власти: власти, помазанной Богом, и власти, попущенной Богом. Помазанная власть — власть от Бога, высшая, богоданная. Попущенная власть — власть снизу, от воли грешных людей, от подкупленного голосования, от денег и гордыни, это власть от антихриста. Попустив в России двух руководителей-разорителей, Бог и наказал, и вразумил ее народ. Именно с гибелью АПЛ «Курск» завершилось очередное русское смутное время, ставшее следствием очередного народного клятвопреступления. В народном пробуждении, в этнической энергии кроется надежда на выздоровление нашей Родины, на ее блистательное будущее.

По итогам расследования причин гибели «Курска» у следователей были претензии и к разработчикам субмарины, и к командованию флота. Но до суда дело решили не доводить. Протодиакон Владимир Василик, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, человек высокой духовной интуиции, так во дни 25-летия катастрофы резюмирует историю АПЛ «Курск»: «В настоящее время все больше и больше подводников признают, что гибель АПЛ “Курск” явилась результатом торпедной атаки. Об этом многое свидетельствует. И то, что носовую часть подводной лодки вначале отпилили (якобы она представляла угрозу), а затем благополучно похоронили ее на дне...

Воистину, это был подвиг подводников — подвиг защиты нашего Отечества! Царствие Небесное доблестным русским морякам! Вечный покой!»¹.

Поныне продолжается подвиг защитников Отечества. Сегодня он свершается не только в морских глубинах, но и на просторах полей сражений другими людьми, звучат другие имена. Но суть та же — спасение Отечества, стояние за други своя.

В новую Брестскую крепость было превращено здание колонии в Малой Локне Курской области героическим комбатом с позывным «Отмель» (Сергей Чебнев). Так примерно звучало сообщение Минобороны РФ об отражении атак в Малой Локне, которое началось 10 августа 2024 г.: 27 августа в ведомстве подтвердили, что военнослужащие мотострелкового батальона отразили попытки прорыва подразделений ВСУ в населенный пункт, заняв оборону в здании исправительной женской колонии № 11.

Подразделения полка закрепились в населенных пунктах вокруг Малой Локни, часть — в самой деревне. Подходящую технику ВСУ уничтожали, и украинцам не удалось с наскока пробить оборону. Чтобы не дать бойцам ВСУ закрепиться на выгодных позициях, Отмель принял решение лично возглавить группу по их уничтожению. Вместе с несколькими военнослужащими он выдвинулся к командно-наблюдательному пункту, поддержку им оказывал еще один штурмовой отряд. Подразделение Отмеля почти две не-

¹ Сайт «Русская народная линия».

дели сражалось в окружении, не позволив противнику продвинуться вглубь территории.

Заранее эвакуировав гражданский персонал и заключенных, защитники превратили здание колонии в настоящую крепость, заняв оборону вокруг колонии и внутри комплекса зданий. Военнослужащие возвели защитные сооружения по периметру и героически удерживали позиции. При попытке прорваться ВСУ потеряли около десяти боевых машин пехоты и бронетранспортеров и около сотни боевиков, — отметили в Минобороны¹.

Комбат с позывным «Отмель» — командир батальона 9-го полка 18-й дивизии 11-го армейского корпуса Сергей Чебнев, удостоен высшего звания Героя России посмертно.

Во время СВО Курская земля опять оказалась в эпицентре подлого вражеского действия. И опять звучат слова во славу подвига защитников Отечества XXI века. И поется «Царствие Небесное» доблестным русским воинам, над которыми Богородица, как и в прежние века, простирает Свой Покров.

4. Брань Господня: икона Божией Матери Курская Коренная

Вся история России — история удачной и реже неудачной обороны, малых и больших войн, знаменитых и малоизвестных сражений. У нашего Отечества никогда не было другого выбора — либо погибнуть, либо победить. Одной из важнейших национальных черт русского народа во всех испытаниях является его стойкость, питаемая верой. Часто русские войска, вступая в войны, терпели поражения — это было только началом схватки. Потом — всенародный молитвенный хор о послании помощи Божией, собиравание сил, вхождение в войну с молитвой на устах, и только после — победа над врагом. В Первой книге Царств в описании битвы Давида с Голиафом есть такие слова: «*И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это **война Господня**, и Он передаст вас в руки наши*» (1 Царств 17:47). О том же сказал святитель Филарет Московский, когда Наполеон вторгся в Россию: «Россия не будет уничтожена, но вознесется к славе, доселе невиданной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предела: начинается **брань Господня**»².

Более тысячи лет Божия Матерь простирает Свой Покров над православной Русью-Россией. Ее лучистые чудотворные образы пронизывают наш мир высшими смыслами и любовью. Икона обостряет наше субъективное восприятие той или иной божественной реальности. Бог проявляет Свое присутствие в мире посредством материальных образов. Благодать Божия многообразна и многообразно действует в этом мире. Святые иконы есть очень важное напоминание о Божественном присутствии и являются нам именно правильное восприятие духовной реальности. Икона позволяет почувствовать Бога, открыть перед Ним свое сердце, что способствует концентрации духа и веры. «Чудеса икон, заступничество икон, участие их в политической жизни Руси, кражи и явления икон, вывоз их за рубеж и

¹ По материалам: Подвиг комбата. Как российские бойцы обороняли женскую колонию в Курской области. <https://www.gazeta.ru/army/2024/08/31/19670017.shtml>

² *Сегень А.Ю.* Филарет Московский. М.: Молодая гвардия, 2011. 431 с.

триумфальное возвращение, путешествия икон Божией Матери составляют реальный жизненный нерв священной истории России. Принцип пространства, который они образуют, храня каждую часть света Руси, является базовой основой русского сакрального миропорядка, бытия Великороссии»¹. Это особенность православного миропонимания, поэтому во многих русских землях есть свои чудотворные иконы, как, например, Курская Коренная «Знамение», Тихвинская, обороняющая северные земли, Смоленская — западные пределы, Казанская — восточные. Это защитный Богородичный крест, в сердце которого — Владимирская Богородица.

Икона Божией Матери «Знамение» Курская Коренная много веков, со времен татаро-монгольского нашествия, покровительствует многострадальной курской земле, которая волею судьбы и следствием своей географии стала для западного неприятеля удобным плацдармом для нашествия на Россию. Во время татаро-монгольского ига курская земля подвергалась такому жестокому разграблению, что место ее главного города Курска превратилось в дикое поле и заросло лесом. Жители уцелевшего от погрома города Рыльска часто ходили сюда на охоту для ловли зверей. Вот что говорит нам «Повесть о явлении чудотворной иконы пречистой Богородицы, честного и славного ея знамения, еже нарицается Курская, и о зачале града Курска»: «В 6803 г. от сотворения мира, а от Рождества Христова в 1295 г., 8 сентября (по ст. ст.), случилось одному благочестивому мужу прийти ради своего прибытка в лес, которым поросли окрестности Курска по его разорении, и по Божию смотрению увидел он близь реки Тускари, в полугоре, у корня большого дерева лежащую ниц икону, которую лишь только поднял от земли, как тотчас же из того места проистек источник воды. Увидев это, оный муж поставил честно обретенную им икону Знамения Божией Матери в дупле того дерева, а сам тогда же объявил о сем преславном чуде своим товарищам, которые, согласясь между собою, построили на несколько сажень повыше упомянутого места часовню и, поставив в ней чудотворную икону, возвратились с миром восояси». Впоследствии для иконы была построена церковь. Курская земля стала поновляться в своих городах и селах. Пред святым образом происходило много исцелений. Сложилась традиция крестных ходов с иконой Богоматери. Это были самые величественные и многолюдные ходы в России. Понятно, что жизнь на огненном рубеже, постоянное ожидание нашествия делает людей ближе к Господу, доверчивее Его воле, благодарнее Его образу².

У Курской Коренной очень сложная иконография. На иконе изображено зачатие Сына Божия, Эммануила, во чреве Пресвятой Девы Богородицы. А это величайшее чудо, по пророчеству св. Исаии, было знамением царскому дому Давида, что он не прекратится до воплощения Сына Божия. Но о том же чуде воплощения Сына Божия предвозвестили и другие ветхозаветные пророки. Поэтому изображения и этих пророков со свитками, в которых содержатся их пророческие изречения, также помещены на иконе «Знамения» Пресвятой Богородицы как их общее, согласное свидетельство об истинности чудесного знамения, данного Богом чрез пророка Исаию.

¹ Зарифуллин П. Русская сакральная география: статьи, эссе. СПб.: Литературная матрица, 2025. С. 430.

² См. подробнее: <https://www.pravmir.ru/kurskaya-korennaya-ikona-bozhiej-materi/>

В клеймах можно прочесть символические надписи на свитках, которые держат в руках пророки. Как, например: «Премудрость созда себе дом», «Аз видех гору каменную», «Се, днии грядут, глаголет Господь», «Ревнуя поревновах о Господе» и другие. Постепенно появилось много списков со святого образа. Ей посвящали новые храмы, но первоначальный Образ всегда возвращался к месту своего обретения, где хранился в часовне. Татары пытались сжечь часовню Чудотворной иконы, но она не загоралась. В 1385 г. при набегах татар икона была рассечена ими пополам, но осталась неповрежденной. Сама икона и ее списки сопутствовали многим русским воинским полкам.

Во время отсутствия иконы благодатная помощь Богородицы не оставляла Курск. Так было в 1612 г., во время польской интервенции. В 1615 г., по особому прошению курских жителей, царь Михаил Феодорович повелел возвратить чудотворный образ из Москвы в Курск и поставить его в курском соборном храме. В 1618 г., с дозволения царя Михаила Феодоровича, Курская Коренная икона Божией Матери была перенесена в собор Знаменского монастыря, где она пребывала до революции.

Икону называли «царской-походной». «Въ 1689 г. по воспоследовавшей отъ Государей Царей и великихъ князей Иоанна и Петра Алексеевичей грамоте, присланной Преосвященному митрополиту Авраамію Белгородскому и Обоянскому марта 22 дня того же года, взята была копія съ чудотворной иконы Знаменія пресвятыя Богородицы Курскія, въ полки, отправлявшіеся въ походъ въ Крымъ, въ надежду, крепкое ополченіе и защищеніе боярамъ и воеводамъ и на охраненіе полковъ и ратныхъ людей, какъ въ оной грамоте написано, которая препровождена была съ молебнымъ пениемъ соборне въ Белгородъ; откуда отправлена въ вышеозначенное место со священнослужителями, и оттоле обратно возвращена съ молебнымъ пениемъ въ кафедральный Белгородскій Свято-Троицкій соборъ и поставлена на особомъ на то устроенномъ месте».

Список чудотворной иконы некогда, по преданию, принадлежал вождю народного ополчения, незабвенному для России воину — князю Дмитрию М. Пожарскому.

В 1812 г. курское городское общество, возлагая все свое упование на Пресвятую Богородицу, послало по усердию своему в действующую армию к князю Кутузову для укрепления войск список с чудотворной Курской иконы, вставив его в серебряную позолоченную раму. Ею обносили гвардейские полки, и сам фельдмаршал молился перед чудотворным образом о даровании победы. Князь Кутузов в своем письме от 20 сентября 1812 г. на имя курского городского головы выразил курским гражданам за этот дар свою благодарность и уверенность, что город Курск *«есть и будет всегда в безопасности»* под Покровом такой Защитницы, как Царица Небесная¹.

В Крымскую войну также главнокомандующему была поднесена курским городским головою копия чудотворной иконы «Знаменія».

Коренной перелом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. произошёл в ходе Курской битвы, а командный штаб Центрального фронта Курской битвы находился у границ монастыря, и маршалы Г.К. Жуков и

¹ См. подробнее: <https://pravoslavie.ru/31902.html>

К.К. Рокоссовский, находившиеся здесь, были под надежным Покровом Богородицы.

С 1918 г. история святой иконы трагична. Она была похищена чекистами из Знаменского собора (в здании дворянского собрания, где помещалась ЧК, в чекистской помойке были найдены два чехла, расшитые золотом, — те самые, которые были на чудотворной иконе и ее списке в день похищения). Потом чудесным образом вновь обретена курянами. Но уже в 1919 г. епископом Феофаном и местным духовенством, предупрежденным генералом Кутеповым о сдаче Курска большевикам, было принято решение о временном перемещении иконы. Но путь ее оказался безвозвратным и трудным, особенно когда началась Вторая мировая война: Крым, Белград, Вена, Женева, США (1951). Здесь она стала символом единения Русской Зарубежной Церкви. Ее пребывание в православных приходах разных стран мира укрепляет Православие и мир.

Сегодня, во время героической Специальной военной операции России, Богоматерь простирает Свой Покров над курской землей, оказавшейся вновь оккупированной нацистами. Старинному, намоленному списку Чудотворной иконы молятся на многострадальной Курской земле, проводят Крестные ходы. И помощь Божия свершилась — Курская область освобождена. Свершилась брань Господня. Нет сомнения, что и другие русские земли, оккупированные бесо-бандеровцами, вернутся в «родную гавань».

Трудный вопрос — почему так происходит, зачем столько неоправданных жертв простых людей, если есть конкретные виновники, допустившие эту неожиданную оккупацию. И понять, что кара является следствием преступления. Относительно Курской области — это даже не преступление, а предательство соотечественников. Иначе как понять, что *«на строительстве укреплений в Курской области похитили 3,2 млрд рублей. Речь не просто о коррупции, речь — о предательстве: возможно, будь все возведено, как планировалось, враг не сумел бы столь стремительно ворваться на нашу территорию. Предполагаемые виновные, по сути, названы Генеральной прокуратурой России. В частности, она намерена взыскать указанную сумму с АО “Корпорация развития Курской области”, ее главы Владимира Лукина и его “соратников”»*¹. Сегодня в числе ответчиков-предателей Родины десять человек, руководителей различных фирм, которые участвовали в осуществлении важного оборонного строительства и сорвали его вследствие коррупции в личных интересах. Должностные и коррупционные преступления нанесли ущерб всему нашему государству.

3,2 млрд — сумма, на которую можно было создать немало препятствий для продвижения ВСУ. Возможно, оно не было бы столь стремительным, и в регион успели бы перебросить резервы. Или жители сел смогли бы нормально эвакуироваться, и три тысячи человек не остались на территории, оккупированной врагом. А сто мирных жителей не были бы зверски убиты на своей земле. Сейчас же в Курской области, по мере освобождения территорий, каждый день находят убитых — стариков, женщин с изувеченными телами, которых ВСУ пытали и оставляли умирать. А представляете, сколько еще людей будет найдено?

¹ Кто сдал Курскую область врагу: при строительстве оборонных сооружений похитили 3,2 млрд руб. <https://dzen.ru/a/Z5o64dZRjhRfoAgL>

*Курская-Коренная икона Божией Матери
«Знамение»*

Жертва лежит в основе окончания всех войн. После любой жертвенной победы приходит мир, заживают смертельные раны, возносятся молитвы о павших и живых героях. Русское Крестоношение продолжается, пока Россия находится под покровом Богородицы, а Курск — под защитой родной Курской Коренной. Но самая лучшая защита от напастей для людей — их нравственная сила, не предательское, умное, милосердное житие, пример которого показывают нам сегодня воины и священники. Не произносятся в молитвах вслух звания и должности других людей, но только священнические и воинские, как требующие особого молитвенного заступничества Церкви.

Перед штурмом предместья Варшавы в 1794 г. великий Суворов так обратился к своему войску: «Мы приступаем к делу важному и решительному: как христиане, как русские люди, помолимся Господу Богу о помощи и примиримся друг с другом. Это будет хорошо, это по-русски, это необходимо». То же напутствие всему миру несут сегодня наши бойцы, сражающиеся не ради наживы, но ради наступления мира в войне, длящейся с начала кровавого киевского Майдана 2014 года. По Достоевскому, русские, как никто, умеют «понимать и принимать другие народы». Эту возможность открывает главная «русская субстанция» — любовь. В годы межнациональной ненависти наша любовь переживает не лучшие времена. Но исчезнуть окончательно она может только вместе с Россией, второе имя которой — любовь.

Вся история России, будучи во многом военной, пронизана призывом к миру, к примирению народов. Мы следуем заповеди «*Не будь побежден злом, но побеждай зло добром*» (Рим. 12:21). Здесь кроется понимание различия меча завоевателя и меча освободителя. И нет у нас сомнения, что и трудное нынешнее военное противостояние мы осилим к славе России, если будем верить в то, что это война Господня.

Марат ВАЛЕЕВ

ГЕРОИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

*К 80-летию
Великой Победы*

Марат Хасанович Валеев — родился в 1951 г. в Красно-турьинске Свердловской области. Учился в Целинном, Казахстан. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области. В 1989 г. был приглашен в газету «Советская Эвенкия», в которой прошел путь от рядового корреспондента до главного редактора. Автор и соавтор более двух десятков сборников рассказов и фельетонов, художественной прозы и публицистики. Член Союза российских писателей. Живет в Красноярске.

БЛОКАДНОЕ ДЕТСТВО

Много лет знал Юрия Алексеевича Смирнова, юрисконсульта одной из организаций Эвенкийского муниципального района, человека очень общительного, жизнерадостного, галантного в обращении с женщинами (он всегда целовал им руки, когда здоровался и прощался). Он был родом из Санкт-Петербурга, а вернее — из Ленинграда. И, как позже выяснилось, еще в детстве пережил годы блокады города на Неве. Я собирал материалы для газеты «Эвенкийская жизнь» к юбилейной годовщине прорыва блокады, и вот тогда-то Юрий Алексеевич и принес свои воспоминания.

Жизнь начала испытывать Юру с пяти лет. Навсегда сохранилось в его памяти то летнее июньское утро 1941 года. Вместе с отцом, военным морским офицером, командиром бригады торпедных катеров Алексеем Смирновым, он гулял по Петергофу (младшенький брат Вова сидел дома с матерью). Отец с сыном любовались его красотами, фонтанами, делились впечатлениями. В эти переполненные счастьем минуты мальчику казалось, что так будет всегда. Вдруг к отцу подошел краснофлотец, козырнул, что-то тихо прошептал на ухо. После его слов отец стал очень серьезным и тотчас же отправился с сыном домой, а затем срочно отбыл на свой корабль.

Только в августе он смог на несколько минут заглянуть домой. Это была последняя прощальная встреча с ним. С той минуты сыновья больше не видели своего отца. В декабре 1941 г. командир бригады торпедных катеров Алексей Смирнов погиб, обороняя родной Ленинград. Мальчики практически не видели и свою маму. Врач по профессии, с самых первых дней войны она находи-

лась на военном положении в госпитале, где лечила и выхаживала раненых защитников города. Фашисты рвались к Ленинграду и взяли его в кольцо. Несметное количество бомб и снарядов сыпалось на город, его жителей и защитников. В январе 1942 г. погибла и мама Юрия, и остались мальчишки одни на попечении своей тетушки. Она, проводив своего мужа на фронт, как могла, выхаживала своих племянников. А вскоре и ее муж тоже погиб на фронте.

Друзья отца, моряки Балтийского флота, взяли к себе на корабль старшего из сыновей своего погибшего командира, Юрия. Таково было решение командования: не оставлять без присмотра в блокадном городе детей погибших командиров, краснофлотцев и рядовых солдат. Таких в Ленинграде было немало. Крейсер «Киров» — гвардейский Краснознаменный боевой корабль — стоял на причале Невы в самом центре города. Сюда и привезли Юру. Здесь собралось около тридцати таких дошколят. На других военных кораблях и в воинских частях тоже находились осиротевшие малыши.

Жили мальчишки вместе со взрослыми. Старались соблюдать дисциплину, корабельный устав. Моряки были не очень строги с ребятами. Они жалели их, относились к ним с отцовской нежностью. Сшили им морскую форму, приставили воспитателя, бывшего водолаза-инвалида, так называемого «дядьку». Он учил их правилам гигиены, ухода за обмундированием, приучал к аккуратности и порядку. Многие переняли у своего воспитателя малыши. Он их научил дружить, быть преданными Родине, никогда не подводить друг друга, не оставлять товарищей в беде.

А с 1943 г. уже офицеры стали обучать мальчишек грамоте и математике, причем дети учились по полной школьной программе. Шла война, кругом голод, бомбежки, а эти благородные люди после боевого дежурства отправлялись не отдыхать, а к детям, чтобы учить их школьным премудростям. У ребят были учебники, буквари, тексты и картинки, главным образом на военно-патриотические темы. Юрий Алексеевич навсегда запомнил четверостишие из букваря: «Мороз двадцатиградусный, а на снегу, повесив нос, лежит фашист безрадостный».

Крейсер «Киров», защищая город, вел перестрелки с вражескими батареями. Снаряды падали в Неву, совсем рядом. Было очень страшно. Юрий Алексеевич также запомнил, как однажды на набережной прямо на его глазах девушка, державшая стропы запускаемого аэростата, не успела вместе со всеми отпустить их, и ее, завизжавшую от ужаса, унесло ввысь. Во время бомбежек мальчишки прятались в блиндажах, вырытых прямо в городе. Их построили на случай, если враг прорвет оборону. Все памятники, здания, представляющие архитектурно-историческую ценность, были обложены мешками с песком. Но Красная армия не допустила врага в Ленинград. А вот фашистские бомбы и снаряды падали на город постоянно.

Однажды, когда Юра находился в гостях у тетушки, рядом с домом взорвалась огромная бомба. Взрыв был такой силы, что мальчика сбросило с кровати на пол. Юра, находясь среди моряков, к счастью, не испытывал в полной мере голод, как жители блокадного города. Моряки жалели мальчишек и, порой отказывая себе, старались в первую очередь накормить детей. А вот младшему брату Володе, оставшемуся с голодающей тетушкой, досталось по полной программе. Трехлетний малыш опух от голода, у него была дистрофия последней стадии.

Крейсер «Киров» — защитник Балтики. Рисунок из открытых источников

В 1943 г. наконец было прорвано блокадное кольцо, и в первую очередь детей постарались вывезти из голодного и разбитого города. Везли и на самолетах, и по «Дороге жизни» через Ладогу. Сразу после победы всех мальчишек, что находились при воинских частях и военных кораблях, собрали вместе и определили во вновь созданные суворовские и нахимовские училища. Таким образом, Юра стал первым курсантом первого нахимовского училища. По достижении 16 лет нахимовцев перевели в школу юнг. Юрий Алексеевич пять лет отслужил во флоте штурманом-электриком.

Он плавал на больших морских охотниках, перегонял корабли с Балтики на Север. Плавать в послевоенные годы было не менее опасно, чем во время войны. Мины, свои и чужие, в большом количестве затаившиеся в морских глубинах, время от времени всплывали на поверхность моря. Горе было тому рыболовному судну или военному кораблю, который попадал на такую мину. Пришлось и Юрию однажды побывать за бортом, когда их корабль наскочил на одну из мин.

Отслужив на флоте, Смирнов поступил на курсы геофизиков и в 1968 г. впервые отправился в экспедицию в Эвенкию. Отработал два сезона и решил остаться здесь. Очень полюбился ему этот таежный край, его просторы, озера, реки. Рыбалка здесь замечательная и люди чудесные. С тех пор и до последних своих дней Смирнов жил в Туре и ни разу не пожалел, что когда-то судьба случайно забросила его сюда, в этот глухой медвежий угол. Тут он нашел свое счастье, здесь родились две его дочери. Сложилась жизнь и у выжившего в блокаду его младшего братишки. Володя окончил Горный институт, много лет работал в Норильске. Теперь он живет в Санкт-Петербурге. А коренной ленинградец Юрий Смирнов сердцем прикипел к Северу и полюбил этот край, стал его защитником и патриотом. Он активно участвовал в общественной жизни района, был членом Совета ветеранов Эвенкии, солистом хора ветеранов. Песни в его исполнении восхищали земляков, заставляли испытывать чувство гордости за северный край, за Эвенкию.

Конечно же, Юрий Алексеевич любил родной Ленинград, с которым у него были связаны самые серьезные, не по годам серьезные и суровые испытания, из которых он вышел с честью. Он был награжден почетным знаком «Жителю блокадного Ленинграда». С удовольствием ездил туда время от времени, но неизменно возвращался на Север, в Эвенкию, которую по праву считал своей родиной. Здесь навсегда и упокоился блокадник, уроженец Ленинграда, Юрий Смирнов.

ОГНЕННЫЙ ТАРАН

С командиром — до конца!

Наша боевая авиация в годы Великой Отечественной войны представляла собой грозную силу: истребители, штурмовики, бомбардировщики громили врага на всех фронтах, поражая как наземные, так и надводные, и воздушные цели. Да, в начале войны советская авиация уступала немецкой, но это неравенство быстро ликвидировалось за счет совершенствования самих боевых машин и повышения мастерства и опыта пилотов. А уж отваги и героизма советским соколам было не занимать. И даже выведенные из строя самолеты продолжали оставаться для противника очень опасными, потому что нередко были случаи, когда экипажи подбитых самолетов, не имея возможности вернуться на свои аэродромы, превращали воздушные машины в грозные снаряды, в последнем пике поражающие наземные вражеские цели. Главный маршал авиации Александр Новиков говорил, что

Огненный таран Николая Гастелло. Рисунок из открытых источников

таран — это наивысшее проявление морального фактора, который не мог учсть противник.

За годы Великой Отечественной войны подобные случаи беспримерного героизма и самопожертвования наших пилотов приобрели чуть ли не массовый характер, а летчиков, шедших на таран наземных целей, стали называть гастелловцами — по имени прославленного пилота, Героя Советского Союза капитана Николая Францевича Гастелло. Он был пилотом бомбардировочной авиации и командовал эскадрильей бомбардировщиков. Успел поучаствовать в конфликте с японцами на Халхин-Голе и в советско-финской войне.

Свой бессмертный подвиг москвич Николай Гастелло совершил буквально на четвертый день начала Великой Отечественной войны. Его самолет ДБ-3Ф (дальний бомбардировщик) во время атаки на колонну вражеской техники в районе Радошковичи — Молодечно в Белоруссии подбили немецкие зенитчики. Был поврежден топливный бак, самолет загорелся, и командир экипажа Гастелло принял решение обрушить пылающую машину на вражескую механизированную колонну. Экипаж бомбардировщика в составе лейтенантов Григория Николаевича Скоробогатого, Анатолия Акимовича Бурденюка, младшего сержанта Алексея Александровича Калинина не захотел в эти трагические минуты оставлять своего командира и спастись на парашютах. Они героически погибли все вместе, нанеся при этом серьезный урон врагу. Подчиненные капитана Гастелло посмертно были награждены орденом Отечественной войны I степени (правда, только в 1958 г., после досконального выяснения обстоятельств того боя), а их командир удостоился звания Героя Советского Союза уже 26 июля 1941 г., всего через месяц после подвига.

Посчитали погибшим

И этот героический поступок Николая Францевича Гастелло и членов его экипажа всколыхнул тогда всю страну, о них писали газеты, говорили по радио. Так что неудивительно, что подвиг пожертвовавших своей жизнью ради победы над врагом командира самолета и его экипажа вдохновлял наших летчиков на мужественную и беспощадную борьбу с врагами, а в безвыходных ситуациях они могли повторить подвиг Гастелло. И повторяли.

Бесстрастная статистика свидетельствует: за весь период Великой Отечественной войны более 450 советских пилотов совершили 237 огненных таранов (разница в цифрах из-за того, что в иных самолетах экипажи составляли два-три человека), то есть направляли свои горящие самолеты на скопления вражеской техники. Такие беспримерные подвиги совершались при обороне Москвы, Ленинграда и Сталинграда, на Курской дуге, на Украине, в Белоруссии и Польше и уже после Победы над фашистской Германией, в войне против милитаристской Японии.

Последний огненный таран в истории Второй мировой войны совершил 10 августа 1945 г. командир звена 37-го штурмового авиационного полка 12-й штурмовой авиационной дивизии ВВС Тихоокеанского флота, казахстанец, младший лейтенант Михаил Егорович Янко. Свой подбитый и загоревшийся самолет во время штурма занятого японцами корейского порта Расин советский пилот обрушил с неба на береговой вражеский объект.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. Михаилу Янко посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

И что самое удивительное, пусть не часто, но все же некоторые пожертвовавшие собой советские летчики после совершения огненных таранов оставались живы! В их числе оказался и уроженец карельского села Сорока лейтенант Сергей Колыбин, командир авиационного звена 74-го штурмового авиационного полка.

К августу 1941 г. на его счету было 18 боевых вылетов, он сбил два вражеских самолета. 24 августа Сергей, получив приказ об уничтожении моста через Днепр в районе села Окуниново (Черниговская область), зашел на цель. Фашистам удалось подбить «Ил» лейтенанта Колыбина. Успев сбросить бомбы на мост, он направил свой горящий самолет на колонну немецкой техники. А его товарищи, вернувшись на аэродром, доложили командованию, что мост уничтожен, но командир звена лейтенант Колыбин при этом погиб, так как протаранил своим горящим самолетом вражескую колонну. Из личного состава части он был исключен как павший смертью храбрых.

Однако Колыбин на самом деле выжил. После столкновения самолета с намеченной на земле целью его взрывом выбросило из кабины. Израненный летчик был пленен, его переводили из лагеря в лагерь. Много чего пришлось пережить Сергею Колыбину, но он держался мужественно и даже успел поучаствовать в деятельности лагерной подпольной организации. Освобождение пришло в апреле 1945 года. После полутора лет лечения в госпиталях Сергей вернулся к мирной жизни, был строителем. Награда за совершенный подвиг нашла его лишь в 1965 г. — Колыбина удостоили ордена Ленина.

Выбросило из кабины

Орденом Ленина был награжден и пилот штурмовой авиации Александр Иванович Гарбуз. 3 августа 1942 г. звено Ил-2 под командованием лейтенанта Зинченко вылетело для выполнения боевой задачи на Киришском направлении. В ходе атаки в бензобак самолета Сергея Гарбуза угодила зенитная снаряд, пламя охватило кабину. Понимая, что это, скорее всего, его последний бой, Сергей решил продать свою жизнь, что называется, подороже. Он направил самолет на вражескую колонну, ведя при этом непрерывный огонь из пушек и пулеметов. Его товарищи видели, как «Ильюшин» Гарбуза врезался в скопление вражеской техники и взорвался, о чем с горечью и было доложено командованию вернувшимися с задания летчиками.

Невероятно, но Сергей Гарбуз выжил! Искалеченный, обожженный, он с трудом выбрался из-под обломков самолета и, преодолевая чудовищную боль, сумел дойти до темнеющего невдалеке леса и укрыться там. А позже герой добрался и до своих. Лечился в госпитале — ожоги были очень серьезные, не давали ему ни спать на спине, ни даже спокойно сидеть. Тем не менее Сергей, не долечившись, сбежал и вернулся в свой авиационный полк. И он снова был в небе, снова истреблял врагов. Заслуженная им награда нашла своего героя в ноябре 1942 года. Но, увы, уже 12 января 1943 г. Сергей Гарбуз погиб при выполнении очередного боевого задания. С тех пор его имя навечно в списке гастелловцев.

Еще один невероятный случай при совершении аналогичного подвига произошел со старшим лейтенантом Анваром Гатауллиным. Он служил командиром звена 99-го гвардейского отдельного разведывательного авиаполка на 2-м Прибалтийском фронте. К осени 1944 г. на его счету было 110 боевых вылетов.

10 октября 1944 г. при выполнении очередного боевого задания — фотографирования вражеских позиций в районе городов Добеле и Ауце Латвийской ССР — самолет Гатауллина попал под обстрел зенитной артиллерии, получил критические повреждения и загорелся. Анвар принял решение таранить с воздуха позиции артиллерийских батарей противника. Факт его героической гибели был отражен в рапорте командования «наверх», на основании чего Анвару Гатауллину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 г. за «мужество и героизм, включающие самопожертвование, проявленные при выполнении разведывательных полетов», было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но Анвар выжил. Как оказалось, при ударе самолета о землю и взрыве бензобака его выбросило из кабины, и он в бессознательном состоянии повис на дереве, зацепившись стропами парашюта. Члены его экипажа — штурман Павел Хрусталёв и воздушный стрелок Дмитрий Никулин — к сожалению, погибли. Освободившись от парашюта, Гатауллин стал пробираться к своим, но был обнаружен немцами и пленен, попал в концлагерь, бежал оттуда — со второй попытки. К расположению советских войск шел 18 дней, вышел к пехотинцам. Документов при нем никаких не было, но пилоту после его рассказа о своих злоключениях поверили и оставили служить в пехотном полку.

Серьезной и неоднократной проверке Анвар Гатауллин подвергся уже после окончания войны. Все подтвердилось, и ему наконец вручили уже давно оформленную на него Золотую Звезду Героя Советского Союза (посмертно!). В запас он ушел в 1955 г. в звании подполковника и до конца своих дней, в 1994 г., жил и работал в родной Перми.

Главный подвиг Аксёнова

Нельзя обойти вниманием судьбу еще одного выжившего после огненного тарана летчика, уроженца Ростовской области Константина Аксёнова. В звании старшего лейтенанта он отважно воевал в бомбардировочной авиации. 27 февраля 1943 г. во время ликвидации Демянского плацдарма противника у самолета Аксёнова огнем зенитного орудия был поврежден правый двигатель. И пилот на одном моторе смог выполнить поставленную задачу и, добравшись до своей территории, посадил плохо управляемый самолет на «брюхо».

Участвуя в Курской битве, Аксёнов совершил 31 боевой вылет, за что был награжден орденом Красного Знамени. Во время боев в районе Днепропетровска и Кременчуга в составе девятки пикирующих бомбардировщиков Пе-2 Аксёнов, под плотным вражеским обстрелом с земли, прямыми попаданиями уничтожил до 30 машин с живой силой и техники, разбомбил Кременчугский мост, за что получил благодарность командира корпуса. И вот так Константин выполнял одно боевое задание за другим, всегда нанося большой урон врагу.

Свой главный подвиг он совершил 26 марта 1945 г. при бомбардировке скопления вражеской техники в Верхней Силезии, в Германии. Один из вражеских зенитных снарядов попал в бензобак крылатой машины Аксёнова, она загорелась. И тогда пилот, не видя иного выхода, направил свой самолет на наземные вражеские цели. Это видели его сослуживцы. Аксёнова и его экипаж сочли погибшими. Но на самом деле он выжил и, выброшенный во время удара о землю из кабины, оказался в руках у немцев. Был направлен в концлагерь, но, к счастью, находился там всего месяц — война была уже на исходе, и Аксёнова вместе с другими узниками освободили союзные англо-американские войска.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшему лейтенанту Константину Филипповичу Аксёнову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Свою заслуженную награду он получил уже после войны. Из армии Аксёнов уволился в 1946 г. капитаном, трудился на полиграфических предприятиях. Герой ушел из жизни в Новороссийске в 1966 году.

Родом из Усть-Яруля

В плеяде героических летчиков были, конечно же, и сибиряки. Я имею в виду своих сегодняшних земляков, жителей Красноярского края. И первым среди них называют имя Николая Яковлевича Тотмина (родился 19 декабря 1919 г. в поселке Усть-Яруль, ныне Ирбейского района). Участвуя в Великой Отечественной войне с июня 1941 г., летал на И-16. 4 июля 1941 г. группа немецких самолетов совершила налет на советский аэродром в селе Рожкополье Псковской области. Старшина Тотмин с сослуживцами в составе дежурного звена истребителей вступил в бой с противником, количественно их превосходящим. В ходе этой воздушной схватки Николай Тотмин, расстрелявший все боеприпасы, пошел на лобовой таран атаковавшего его мессершмитта. Немецкий летчик погиб в разрушившемся самолете. Истребитель Тотмина при этом тоже потерял одно крыло, но сам он успел выпрыгнуть из падающей машины с парашютом, буквально в нескольких десятках метров от земли. И за этот подвиг, всего через месяц после начала войны, красноярец Николай Тотмин Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1941 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Он и дальше воевал отважно. Только за один год сибиряк совершил 93 боевых вылета, принял участие в 29 воздушных боях и сбил семь вражеских самолетов. Но до конца войны ему дожить не довелось: старший лейтенант Тотмин погиб смертью храбрых 23 октября 1942 г. в воздушном бою в небе Ленинградской области. Его самолет упал в болото. И лишь в 1990 г. поисковики смогли обнаружить и поднять части самолета и останки Тотмина в районе поселка Гладкое. Герой был захоронен на родине, в поселке Усть-Яруль.

Красноярцы чтят память Николая Тотмина, и одна из улиц краевого центра носит его имя. Да, он не «гастелловец», кому в основном и посвящен этот очерк, но его подвиг не менее отважен и значим и также вдохновлял советских летчиков в критические моменты на решительные, самоотверженные действия.

Героическая связь поколений

И в завершение несколько штрихов к означенной теме.

Оказывается, первым в Великую Отечественную войну свой загоревшийся от вражеского обстрела истребитель И-135 устремил в центр колонны немецких танков 27-летний старший лейтенант, командир авиационного звена 62-го истребительного полка Пётр Чиркин. Пилот погиб, но и враг понес потери от взрыва самолета. Это произошло в первый же день войны, 22 июня 1941 г., во время боя у города Стрый на Западной Украине. К сожалению, в суматохе тех первых огненных дней противостояния фашистским ордам этот подвиг остался незамеченным и не отмечен заслуженной наградой. Тем не менее в деревне Лисятичи Львовской области, где базировался авиационный полк, в котором служил Пётр Чиркин, одна из улиц носит его имя. Хотя, в свете сегодняшних событий на Украине, возможно, она уже переименована.

Спустя 81 год подвиг Николая Гастелло был повторен уже в наше время российскими летчиками, летавшими на бомбардировщике Су-24М, Александром Антоновым и Владимиром Никишиным.

Они направили свой подбитый и горящий самолет на бронетанковую колонну украинских националистов под Артёмовском 2 декабря 2022 года. Пилоты погибли и стали Героями Российской Федерации, навечно вписав свои имена в небесный полк гастелловцев, тем самым подтвердив нерушимую связь героических поколений нашей независимой и свободолюбивой страны, всегда готовых встать на защиту своей Родины и, если будет в том необходимость, отдать за нее жизнь.

БАТАЛЬОН МАТРОСОВЫХ

Бессмертный подвиг Александра Матросова, совершенный им в бою с фашистами у деревни Чернушки Калининской области 23 февраля 1943 г., стал одним из ярчайших символов Великой Отечественной войны, во имя достижения победы, в которой советские бойцы проявляли невиданные примеры мужества и отваги.

Сегодня известно, что не один Александр Матросов оказался способен на самопожертвование, причем уже в первые месяцы сражений с гитлеровскими войсками. Но почему именно он считается «зачинщиком», если можно так сказать, подобного бессмертного подвига? А дело все в том, что, когда Александр Матросов пошел в свою последнюю атаку и пожертвовал жизнью, чтобы остановить смертоносную работу вражеского пулемета, в его подразделении находился корреспондент газеты «Красная звезда» Михаил Бубеннов. Узнав о подвиге Матросова, он написал очерк и отправил его в свою газету.

Потрясенный редактор постарался, чтобы этот очерк попал к Сталину. Верховный главнокомандующий, прочитав об этом подвиге, сказал тогда: «Вот как надо воевать — равнение на Александра Матросова!». С тех пор Александр Матросов и стал легендой, его имя было на слуху у всей Красной армии, всего советского народа. Хотя до него такой подвиг совершили, оказывается, уже более ста бойцов.

Первым лег грудью на амбразуру в конце лета 1941 г. политрук танковой роты Александр Константинович Панкратов. В списке этих героев есть

даже девушки — Римма Шершнева, которая закрыла своим телом амбразуру дота в 1942 г., Нина Бобылева, Александра Нозадзе.

Как мы знаем, сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны дрались отчаянно. И потому неудивительно, что среди уроженцев Красноярского края тоже нашлись воины, отдавшие свои жизни при аналогичных обстоятельствах.

Михаил Афанасьевич Юшков родом из деревни Коряково Балахтинского района, попал на фронт в 1944 году. Был разведчиком, воевал в составе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Участвовал в Белорусской и Висло-Одерской операциях. Отличился в боях за город Седлец (Польша), за что был награжден медалью «За отвагу». За форсирование реки Одер и в боях на плацдарме в районе города Франкфурта был удостоен ордена Красной Звезды.

Беспримерные мужество и героизм были проявлены Михаилом Юшковым 1 марта 1945 г. уже на территории Германии при захвате группой разведчиков контрольного пленного на сильно укрепленном рубеже южнее города Франкфурт-на-Одере. Бойцы скрытно подползли к траншеям противника. На их пути оказался расчет немецкого станкового пулемета. Юшков в рукопашной схватке уничтожил пулеметчиков, остальные фашисты в панике сбежали с позиции. Однако в паре сотен метров за немецкими траншеями стояли обездвиженными из-за отсутствия горючего два танка и самоходная пушка и вели огонь по нашим наступающим войскам. Их надо было подорвать, но подход к ним прикрывал другой станковый пулемет, расположенный в доте. Гвардии красноармеец Юшков вызвался уничтожить его. Он подполз к доту поближе и бросил в него две гранаты, но пулемет продолжал вести огонь. И тогда Юшков бросился к амбразуре и накрыл ее своим телом. Пулемет замолк, а товарищи Юшкова тут же кинулись на врага. В этом яростном бою они захватили те самые два танка, самоходное орудие, две 105-миллиметровые пушки и много другого вооружения и удерживали занятые ими вражеские позиции до подхода основных сил. Михаил Юшков был похоронен как герой, с отданием всех почестей, в населенном пункте Цахарин в Германии. Официальное признание его подвига выразилось в присвоении ему (посмертно) звания Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года.

А улицы Белинского в Советском районе Красноярска и в городе Лесосибирске носят свои названия, как можно подумать, вовсе не в честь известного русского литературного критика и публициста. Так благодарные сибиряки выразили свою признательность земляку, уроженцу Рыбинского района, Герою Советского Союза лейтенанту Ефиму Семёновичу Белинскому, повторившему подвиг Матросова в 1944 г. в Восточной Пруссии.

В списках закрывших своими телами пулеметные амбразуры также значатся и другие воины, ушедшие на фронт из Красноярского края: Михаил Лаврентьевич Ивченко — Герой Советского Союза (посмертно), Михаил Васильевич Межев — кавалер ордена Ленина (посмертно). Еще один герой-красноярец, Куликов Степан Устинович, после совершения схожего подвига в декабре 1941 г. под Москвой сумел выжить, долго лечился в госпиталях. Его даже хотели комиссовать, но Куликов добился возвращения в действующую армию, был еще дважды тяжело ранен и в конце концов его все-таки списали.

*Александр Матросов. Художник В.Е. Памфилов,
1953–1954 гг.*

С войны старший сержант вернулся израненным и с наградами — орденом Боевого Красного Знамени, медалями. Но, что самое странное при этом, награду за свой практически смертный подвиг Куликов так и не получил, хотя во всех существующих списках воинов, повторивших подвиг Матросова (впрочем, Куликов совершил его раньше), его имя значится. Этим случаем, вероятно, следует заняться архивистам, историкам, военному комиссариату, наконец, отправлявшему бойца на фронт, — должна же справедливость восторжествовать!

Всего же, по последним данным, у нас четыреста пятьдесят семь «матросовых» — почитай, целый батальон. Из них ста шестидесяти семи посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, остальные отмечены иными государственными наградами. Что самое поразительное, четырнадцать воинов, повторивших подвиг Александра Матросова, смогли выжить. И четверо из них были удостоены звания Героя Советского Союза еще при жизни!

В завершение хочу сообщить, что в казахстанском райцентре Железинка (Павлодарская область), где я несколько лет жил и работал в районной газете «Ленинское знамя», тоже помнят и чтят своего «матросова» — Героя Советского Союза Ивана Васильевича Бабина.

Родился Иван Васильевич 8 апреля 1899 г. в селе Железинка (бывшей казачьей крепости, а затем станице на Иртыше) в крестьянской семье. Окончил начальную школу, работал счетоводом и бригадиром в колхозе. На войну ушел уже в приличном возрасте, в сорок два года, был кавалеристом. В боях на Днепре отличился тем, что смог подползти к вражескому доту и уничтожить его гранатой, за что получил первую свою награду — медаль «За боевые заслуги».

Младшему сержанту Ивану Бабину довелось воевать под Воронежем, Киевом, Львовом, и везде он своим мужеством и отвагой служил примером для однополчан. 13 сентября 1944 г., в 22 километрах от города Кросно, у деревни Конты Иван Бабин находился в первых рядах наступающих советских подразделений. В рукопашной схватке Иван уничтожил 2 офицеров и 17 солдат противника. Под неудержимым натиском советских войск немцы стали отходить на запасной рубеж, сдерживая наступление наших бойцов пулеметным огнем из дзота.

Бабин, как имеющий опыт уничтожения этих огневых точек, подобрался к дзоту, но у него уже не оставалось ни гранат, ни патронов. И он сделал единственное, что смог в тот решающий момент — грудью накрыл амбразуру. Иван Бабин погиб, но смерть его не была напрасной. Наши воспользовались возникшей заминкой и уничтожили вражеский пулеметный расчет, что позволило им продолжить наступление.

Звания Героя Советского Союза младший сержант Иван Васильевич Бабин был удостоен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года. На его родине в Железинке установлен бюст Героя, одна из улиц райцентра названа его именем.

Как видим, много их было, героев, совершивших подобные подвиги. Но история распорядилась так, что первым всегда при рассказах о случаях самопожертвования бойцов при уничтожении вражеских пулеметных дзотов и дотов вспоминают имя Александра Матросова. Что ж, пусть так. Но не будем забывать имена и других героев, в решающий момент, не раздумывая, закрывших вражеские амбразуры своими телами, чтобы помочь товарищам выполнить боевую задачу.

ВЫШЛА КНИГА

Мясников А.Л.

Новороссия. ВоZВращение: краткая история от Екатерины II до Путина. М.: Вече, 2025. 335 с. (Битва за Новороссию).

«Пока боишься врагов — ты не можешь быть победителем». Так гласит одна старая истина. И ей вторит еще одна истина: чтобы двигаться вперед, надо опираться на что-то надежное и прочное. А такой прочной, надежной опорой, на которую можно и нужно опираться, является история. Какие тайны хранит история Новой России — Новороссии? Что спрятано за частотомом дат и чередой событий? Есть ли некий тайный код истории Новороссии? И если есть, то как его узнать? Какова подоплека событий на Украине с 2014 года, которая привела к необходимости проведения специальной военной операции в 2022 году? Об этом и многом другом рассказывает книга известного писателя и историка А. Мясникова.

Марина МИХАЙЛОВА

В БЛОКАДУ ДУХОВНУЮ

Марина Викторовна Михайлова — окончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета. В студенческие годы сотрудничала с художественной редакцией Ленинградского телевидения, газетами «Смена», «Вечерний Ленинград». С начала 1990-х гг. пишет на церковные темы. Была корреспондентом газеты «Православный Санкт-Петербург». Сотрудничала с газетами «Церковный вестник» (Москва), «За православие и самодержавие» (Санкт-Петербург), журналами «Русский дом» (Москва) и многими другими изданиями. В 2003–2020 гг. являлась редактором приходских газет собора Владимирской иконы Божией Матери и Успенского храма на Малой Охте. С 2005 г. работает на «Русской народной линии». Живет в Санкт-Петербурге.

27 января — день памяти равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, и день снятия блокады Ленинграда в 1944 году.

Человеческое бытие имеет, кроме явной стороны, еще и незримую, скрытую для очей телесных. Что-то всегда остается для нас тайной. Неизвестны нам до конца истории народов и городов, а исторические факты порой имеют скрытый духовный смысл. Так, 27 января — день полного освобождения нашего города от фашистской блокады в 1944 г. — совпадает с Отданием праздника Богоявления и памятью равноапостольной Нины, просветительницы Грузии.

По свидетельству петербургского писателя Валерия Лялина, известный подвижник XX в. митрополит Зиновий (Мажуга; † 1985), воспитанник знаменитой Глинской пустыни, ответил на вопрос о значении совпадения дня снятия блокады нашего города с днем памяти равноапостольной Нины следующим образом:

«Многие народы скорбели, молились, помогали, как могли, осажденному и гибнущему населению Ленинграда. Митрополит Гор Ливанских Илия Салиб ушел в затвор и, наложив на себя пост, сорок дней провел в молении в пещере. Здесь ему явилась Пресвятая Богородица и сказала, что пока власти России не снимут цепи и оковы с Церкви, до тех пор победы над врагом не будет, потому что на страну нашла не просто военная сила Германии, а сила демоническая. В основе всего злодейского плана нападения на Россию были тайные языческие и оккультные доктрины сатанистов.

В те дни однажды мне под утро предвиделось, как святая равноапостольная Нина предстоит пред Престолом Божиим на коленях и

*Святая равноапостольная Нина,
просветительница Грузии*

молит Господа пожалеть и помочь страдающим людям осажденного города одолеть супостата. И при этом из ее глаз по щекам катились крупные, величиной с виноградину, словно хрустальные слезы. Я это растолковал так, что Божия Матерь дала послушание святой Нине быть спорушницей этому осажденному городу.

Издревле на Руси считалось, что в день какого святого одержана победа над врагом, значит, этот святой и способствовал ей. И посему жители Петербурга, в знак Божией милости к ним и в знак признательности святой Нине за ее предстательство пред Господом, в каждом храме должны иметь образы святой Нины с соответствующей надписью в память

полного снятия блокады, чтобы потомки помнили и знали о наших скорбях и радостях. Ну а если храм созиждут в память святой равноапостольной Нины и всех мучеников блокадных, то благо будет им и потомкам их».

Можно сказать, что особым образом пожелание владыки Зиновия сбылось: есть теперь в Петербурге храм, посвященный блокадным страдальцам, в котором находится и икона равноапостольной Нины. Ежегодно в церкви Успения Пресвятой Богородицы на Малой Охте в день ее памяти совершается Божественная литургия с прославлением святой Нины и молитвами о погибших в годы блокады. 27 января на торжественное богослужение в Успенский храм собираются многие жители нашего города, пережившие скорбные дни блокады, а торжественное богослужение часто возглавляет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

В Успенском храме собираются свидетельства о церковной, молитвенной жизни блокадного города, которая долгие годы была сокрыта. А ведь в городе на Неве не прекращалась литургическая жизнь, в десяти действовавших на начало войны православных храмах приносилась бескровная Жертва. Пережил с городом всю блокаду митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский), будущий Патриарх Алексий I.

Во время блокады в Ленинграде действовали следующие православные храмы: Николо-Богоявленский собор, Князь-Владимирский собор, церковь святителя Николая Чудотворца на Большеохтинском кладбище, церковь святого праведного Иова Многострадального на Волковском кладбище,

Спасо-Парголовская церковь на Шуваловском кладбище, церковь великомученика Димитрия Солунского в Коломягах, подчинявшиеся митрополиту Алексию (Симанскому); а также относившиеся в начале блокады к обновленцам: Спасо-Преображенский собор, церковь преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище, Князь-Владимирская церковь пос. Лисий Нос. В Свято-Троицкой церкви в Лесном находилась уцелевшая община иосифлян. Во время блокады Ленинграда обновленческие и иосифлянские приходы вернулись в лоно Церкви.

Несмотря на многолетние гонения, которым подвергались священнослужители и миряне, с самого начала войны Церковь восприняла ее как общую горе, разделив с народом все ее тяготы. В чин Божественной литургии были введены специальные молитвы о даровании победы нашему воинству и об избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен «в нашествие супостатов, певаемый в Отечественную войну». С первых дней войны церковные приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Община Князь-Владимирского собора почти все свои деньги — более 700 тысяч рублей — отдала на устройство госпиталя. Из восьми миллионов рублей, которые были собраны верующими на танковую колонну «Дмитрий Донской», два были переданы из блокадного Ленинграда. В осажденном городе производились самые массовые перечисления в фонд обороны страны.

Митрополит Ленинградский Алексий в своем докладе на Соборе епископов Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 г., во вторую годовщину блокады, говорил: «Мы отмечаем, как в Ленинграде усилилась молитва, как умножились жертвы народа через храмы Божии, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный».

Государство вынуждено было идти навстречу Церкви. В блокадном городе для полноценного совершения Божественной литургии власти выделяли епархии белую муку и вино. А осенью 1943 г. пережившие блокаду священнослужители (из пятидесяти священнослужителей, живших в осажденном городе, около двадцати умерло от голода) были награждены медалями «За оборону Ленинграда». Это — первая правительственная награда, которой были награждены священнослужители в советский период.

Но самое главное, что обескровленный репрессиями и обезбоженный пропагандой наш город, попав в страшную беду, взмолился. И был услышан. Очевидцы вспоминают, что, передвигаясь по блокадному городу, люди часто накладывали на себя крестное знамение. Блокадники рассказывают, что у многих замерзших в сугробах людей пальцы правой руки были сложены в троеперстие. С самого начала войны стремительно возросло число молящихся в храмах. Один из прихожан Князь-Владимирского собора вспоминал о декабре 1941 г.: «Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, в валенках, мужчины даже в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане. Посещаемость собора в блокаду несколько не упала, а возросла. Служба у нас шла без сокращений и поспешности, много было причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды».

Сплотившиеся вокруг храмов церковные общины помогали блокадникам выжить. Во многих церквях были сделаны бомбоубежища, где укрывались жители соседних домов. Там они получали кипяток, стройматериалы для ремонта разрушенных квартир.

Много сил на продолжение богослужебной жизни в блокадном городе положил владыка Алексей. Не боясь артобстрелов, он обходил церкви, встречаясь с духовенством и мирянами. «Митрополит Алексей, испытывая все бедствия блокады, проявил героическую бодрость духа и огромное самообладание, — рассказывал очевидец. — Он постоянно совершал богослужение, ободрял и утешал верующих. Несмотря на голод и бомбежки, обессиленные люди с опухшими лицами, едва держась на ногах, ежедневно наполняли храм, где служил архипастырь, и во множестве приобщались у него святых Христовых Таин. В дни блокады владыка Алексей служил Божественную литургию один, без диакона, сам читал помянники. Каждый вечер он служил молебен святителю Николаю, затем обходил Николо-Богоявленский собор, где жил тогда, с иконой святителя Николая, моля его, чтобы он сохранил храм и город от разрушения». Протоиерей Николай Ломакин вспоминал: «Очень многим владыка из личных средств оказывал материальную помощь, немалым лишая себя, по-христиански делился пищей. Желая молитвенно утешить и духовно ободрить пасомых, он нередко сам отпевал усопших от истощения мирян, невзирая при этом на лица, и обставлял эти погребения особенно торжественно».

Настоятелю Димитриевской церкви в Коломягах, протоиерею Иоанну Горемыкину, было 72 года, когда началась война. Несмотря на возраст и блокадный голод, он каждый день приходил с Петроградской стороны в Коломяги и совершал богослужение. Прихожане свидетельствовали, что отец Иоанн нередко отдавал свой паек голодающим. А когда батюшка совсем обессилен, его привозили в церковь на саночках, и он служил...

Своему сыну Василию, работавшему главным инженером одного из военных заводов Ленинграда, протоиерей Иоанн сказал: «Как это так, все идут защищать Родину, а мой сын будет отсиживаться?» Василий Горемыкин пошел на фронт. Узнав об этом, командующий Ленинградским фронтом маршал Л.А. Говоров приехал в коломяжскую церковь благодарить настоятеля за сына. Кстати, после своего назначения на Ленинградский фронт маршал Л.А. Говоров с другими офицерами бывал на богослужениях в Николо-Богоявленском кафедральном соборе.

Протоиерей Иоанн Горемыкин прожил после блокады еще четырнадцать лет и был погребен у стены храма, который не оставил в самые трудные годы.

«Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на службу, — вспоминала балерина Кировского театра И.В. Дубровицкая о своем отце, священнике Никольского собора протоиерее Владимире Дубровицком. — Бывало, качается от голода, а я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь, упадет где-нибудь в сугробе, замерзнет, а он в ответ: “Не имею я права слабость, доченька, надо идти дух в людях поднимать, утешать в горе, укреплять, ободрять”. И шел в собор. За всю блокаду — обстрел ли, бомбежка ли — ни одной службы не пропустил».

Всю блокаду молилась в осажденном городе и старица Мария (Маковкина), духовная дочь преподобных Варнавы Гефсиманского и Серафима Вырицкого. Незадолго перед войной по благословению митрополита Алексия и отца Серафима матушка Мария перешла на жительство при Никольском соборе. В блокаду она явила необыкновенную бодрость духа, утешая и ободряя людей. Во время артиллерийских обстрелов она слезно молилась Спасителю,

Божией Матери, святителю Николаю об избавлении города и России от вражеского нашествия. Несмотря на голодную слабость и воздушные тревоги, Мария Павловна постоянно ходила на Смоленское кладбище к блаженной Ксении. Митрополит Алексей глубоко почитал Марию за высокодуховную жизнь, прибегал к ее совету. После своего переезда в Москву Владыка благословил старицу оставаться в соборе, где она и почилла, проведя последние годы в комнатке при алтаре собора, что само по себе удивительно.

Не только старица Мария ходила к часовне блаженной Ксении. Душается, эта святая, глубоко почитавшаяся жителями города и в самые безбожные времена, сама «голод и холод претерпевшая», как говорится о ней в молитве, написанной к прославлению, была особенно близка блокадным страдальцам. Свидетельством же ее почитания блокадниками может служить письмо ленинградца, написанное в декабре 1943 г., с просьбой открыть для верующих часовенку блаженной Ксении. Оно хранится в архиве Санкт-Петербургской епархии.

Известно немало случаев проявления в блокаду христианской жертвенности и милосердия. Так, одна бабушка отдавала свой паек дочери, чтобы та сохранила себя для детей. Мать выжила, бабушка умерла. Другая семья верующих кормила всю коммунальную квартиру найденным у разбомбленных в начале войны Бадаевских продовольственных складов сахаром, хотя до войны соседи не общались с семьей. Все выжили.

Известны и примеры разнообразной помощи и заступничества, явленные блокадникам Пресвятой Богородицей, святителем Николаем Чудотворцем, другими святыми.

*Церковь святой равноапостольной Нины в Санкт-Петербурге.
Фото из открытых источников*

После избрания в 1945 г. владыки Алексия (Симанского) Патриархом Московским и всея Руси, он посетил Ленинград и после литургии в Николо-Богоявленском соборе обратился к пастве со следующим словом: «Вспоминается, как под грохот орудий, под страхом смерти вы спешили в этот святой храм, чтобы излить перед Господом свои скорбные чувства... Вспоминаю я, как мы совершали богослужения под грохот разрывов, при звоне падающих стекол, и не знали, что с нами будет через несколько минут... И хочется мне сказать: град возлюбленный! Много горького пришлось пережить тебе, но теперь ты, как Лазарь, встаешь из гроба и залечиваешь свои раны, а скоро и предстанешь в прежней красоте... Я призываю благословение Божие на град сей, на братий сопастырей моих, о которых сохраняю самые теплые воспоминания. Они разделяли со мной все труды, испытывали много скорбей, еще больше, чем я, и теперь несут тяжелый подвиг... И будем молиться, чтобы Господь простер благословение Свое над Русской Церковью и над дорогой Родиной нашей».

* * *

Не берясь за непосильную задачу выяснения мистического значения блокады в истории города на Неве, мы можем лишь засвидетельствовать действие этой трагедии на современную жизнь горожан.

9 мая 2000 г. рядом с Пискаревским мемориальным кладбищем была освящена деревянная часовня во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. Планируется возведение храма. Сейчас на месте будущего храма стоит поклонный крест.

В 2001 г. на Малой Охте силами петербуржцев был построен уже упоминавшийся нами храм Успения Пресвятой Богородицы, посвященный памяти жертв ленинградской блокады, где молятся о живых и погибших блокадниках, собираются документы и свидетельства, посвященные церковной жизни блокадного Ленинграда.

Несколько лет назад была восстановлена церковь Николая Чудотворца в поселке Кобона на Дороге жизни. В блокаду в стенах храма размещался эвакуационный пункт, куда попадали люди из блокадного города перед отправкой на Большую землю. Здесь их встречали врачи, тепло, паек. Около миллиона горожан прошло через этот пункт. Возвращение храму истинного предназначения — это осуществление давнего замысла В.И. Поздняковой, директора музея «Прорыв блокады Ленинграда». Дело в том, что, занявшись двадцать лет назад блокадной темой, она пришла к вере в Бога, объясняя это тем, что постичь и сопережить (а знакомство с блокадниками требовало именно этого) это прошлое было возможно лишь с Божьей помощью. Примечательно, что люди, кому выпало восстанавливать храм, стали церковными людьми. Сейчас церковь действует как подворье Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря.

Ко дню Победы в 2010 г. в Московском парке Победы в Санкт-Петербурге был освящен храм-часовня в честь Всех святых, в Земле Российской просиявших (в память о том, что 22 июня, в день начала Великой Отечественной войны, Русская Православная Церковь отмечала этот праздник). В войну существовавший здесь кирпичный завод выполнял роль крематория: в блокаду там были сожжены останки сотен тысяч ленинградцев.

Есть информация о планах строительства нового храма в честь 80-летия снятия блокады Ленинграда на пересечении Бухарестской улицы и Козловского переулка.

...Так продолжает жить в петербуржцах память о блокаде, но теперь уже не идеологизированная, а тихая — молитвенная и церковная. Учитывая, что появляются православные храмы, связанные с блокадой, и, выражаясь аллегорически, можно сказать, что через смерть родилась жизнь.

Литература:

Блокадный храм: ежемесячная газета храма Успения Пресвятой Богородицы на Малой Охте / вып. ред. М.В. Михайлова. 2003–2018.

Лялин В.Н. Рассказы // Горница. 2002.

Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.

Филимонов В.П. Старец неросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.: Сатись, 1999. 333 с.

Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб., 2005. 620 с.

ВЫШЛА КНИГА

До свидания, мальчики: судьбы, стихи и письма молодых поэтов, погибших во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 / Сост., биогр. очерки, подг. текстов, примеч., коммент., предисл. Д.Г. Шеварова. М.: Никея, 2025. 702 с.

«До свидания, мальчики» — это книга-реквием. Готовилась она в течение многих лет, когда по крупицам, «по городам и весям» огромной страны собирался ее автором-составителем Дмитрием Шеваровым бесценный документальный материал о поэтах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Уникальная по своей силе книга содержит не только пронзительные очерки о молодых героях, но и их фотографии, письма, стихи — эти строки невозможно читать равнодушно, со спокойным сердцем.

Завершают книгу Поминальные записки, включающие в себя имена 138 молодых поэтов.

До свидания, мальчики

Судьбы, стихи и письма
молодых поэтов,
погибших во время Великой
Отечественной войны

1 9 4 1 — 1 9 4 5

Александр ПРОХАНОВ

ПОБЕДА — ЭТО НЕГАСИМАЯ ЗВЕЗДА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата СП России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмоскowie, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Идеолог духовно-нравственной традиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

Победа 1945 года выходит за пределы календаря, перестает быть календарной датой. Русская Победа была всегда, она извечна. Сначала в мироздании появилась Победа, а потом из нее истек русский народ. Отправляясь в историческое странствие, русский народ движется от Победы, его породившей, к Победе, его венчающей.

Победа — то идеальное бытие, к которому стремится русская история, и это делает русский народ победителем. Победа 1945 года — не военная, не политическая, не идеологическая, не геополитическая. Она религиозная. Она — победа рая над адом, победа ангелов с красной звездой на каске над демонами со свастикой на рукаве.

Одоление ада — это мистическая задача русского народа. Россия — душа мира, она принимает на себя всю мировую тьму и превращает ее в свет, тратя на это миллионы жизней своих лучших сыновей и дочерей. Демоны во все века стремятся покорить Россию, овладеть русскими пространствами. Не газом, не нефтью, не золотом, не лесными богатствами. Демоны стремятся захватить Россию, ибо Россия граничит с Царством Небесным. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Россия — предбанник Царствия Небесного. Демоны стремятся захватить Россию как плацдарм, с которого они поведут атаки на небесное царство, царство, откуда они когда-то были низвергнуты и теперь стремятся вернуться в тот небесный чертог, откуда их изгнали.

Запад ненавидит Россию за ее райскую сущность. Ненавидит рус-

По страницам газеты «Завтра» и других открытых источников.

скую веру, литературу, искусства за райские смыслы. Бой, который мы завершили в 1945 г. в Берлине, не последний, не окончательный. Он вечный, ибо «покой нам только снится». И это сон о великой Русской Мечте, о Победе вечной.

На Христовом распятии начертано греческое слово «Νίκη», что значит — победа. Христос — победитель. Он не раз являл себя в Великой Отечественной. Чудо Пресвятой Богородицы было явлено под Москвой в 1941 г., когда последняя замерзающая горстка советских солдат, готовая погибнуть от натиска немецких армий, вдруг увидела в снежных полях под Истрой и Волоколамском светящийся столб до неба. Охваченный метелью, он пошел на немцев и обратил их вспять, и те бежали в ужасе, бросая по дорогам свою беспомощную военную технику.

Под Сталинградом, в этой чудовищной кровопролитной битве, в которой невозможно было победить без помощи Божьей, там, под Сталинградом, было явлено второе пришествие, когда Господь спустился на землю и сел за рычаги советских танков, за штурвалы советских самолетов, поднимал в атаку окровавленных советских пехотинцев. И Волга стала святым Иорданом.

*Отягченный трехлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
Исходил, благословляя.*

Путин в метафизическом прозрении совершил грандиозный подвиг: он перенес Победу из советской, сталинской эры в новую, постсоветскую, путинскую. Знамя Победы, обугленное, оскверненное супостатами, было явлено в новой России. А сама Победа стала центральной сущностью идеологии новой России. Лучшие русские умы стремятся сформулировать образ идеального будущего, тот идеал, к которому устремлена сегодня Россия, и они видят этот образ в Победе. В той мистической русской победе, которая каждый раз после громадных исторических поражений, после кровопролитных разгромов, когда, казалось, исчезает народ и государство, вновь подымает русский народ из праха и движет его от великих потрясений к величию. В Победе, как и в Царствии Небесном — бессмертие. Идеал, к которому движется сегодня Россия — это божественная справедливость, одолевающая самую страшную земную несправедливость — смерть. Стремясь к Победе, мы стремимся к бессмертию.

Бессмертный полк — это репетиция воскрешения из мертвых. Это пасхальный ход, когда погибшие за Победу герои и мученики воскресают и идут рядом с нами. И шествие полнится всеми умершими и еще не родившимися.

В военной песне пелось: «Звезда Победы, нам свети». Победа — это негасимая звезда русской истории.

ДОБЛЕСТНАЯ СОРОКОВАЯ

В конце декабря 1979 г. тяжелые советские транспорты перемахнули ледники Гиндукуша и приземлились на кабульском аэродроме. И десантники, высаживаясь с самолетов, брали под контроль аэродром, втягивались

в город, занимали перекрестки, шли к президентскому дворцу, к Министерству обороны. А в это время спецназ КГБ штурмовал дворец Амина, мчался по этажам, швырял гранаты в охрану, и у резного, золоченого бара мой друг Яков Семёнов всаживал автоматную очередь в президента Амина, передавая по радию в центр свое знаменитое: «Главному — конец».

Так начинался Афганский поход. И я помню этот янтарный дворец на горе, изстрелянный очередями «Мерседес» Амина у входа, кровавые бинты на лестницах. И на третьем этаже, на великолепном, инкрустированном дорогими породами дерева полу — огромного размера женский бюстгальтер, в липком и красном.

Потом было Хазарейское восстание в Кабуле, когда танки били прямой наводкой по снайперам. Был Саланг, где взрывались «наливники» и горели колонны, груженные боеприпасами. Был Панджшер, где крупнокалиберные пулеметы моджахедов били по танкам, и те, утыканные стальными сердечниками, как ежи, уходили пополнять боекомплект.

Были военные операции в Герате, когда над городом, над лазурными, изумрудными мечетями поднимались черные гигантские дымы, похожие на одноногих великанов. Было истребление Муса-Калы, где правил жестокий вождь моджахедов мулла Насим. Был Кандагар с его пестрыми рынками и заставами ГСМ. И элеватор, над которым всю ночь висели осветительные бомбы, похожие на желтые дыни, и шли непрерывные ночные бои. Был пуск ракеты «Точка-У», который мы с генералом Гареевым наблюдали у подножия дворца. Была пустыня Регистан, красная, как Марс. И вместе с группой спецназа мы бежали из-под вертолетных винтов по песку к каравану; солдаты шомполами протыкали мешки на спинах верблюдов в поисках оружия и взрывчатки.

И был вывод полков из Афганистана. Когда я, обезумев от нескольких бессонных ночей, прыгнул в головной танк, и колонна с грохотом понеслась по бетонке от Шинданда до Тарагунди, пересекла границу, где мы ждали светлый прием, выступление президента, поздравление с окончанием похода. Вместо этого в голой степи поставили деревянные столы, выкатили на них горы арбузов, и солдаты, изнуренные походом, мучимые жаждой, рассекали штык-ножами эти арбузы и впивались зубами в красную мякоть. И я помню эту красную мякоть и непрерывно льющийся сок, заливавший солдатские гимнастерки и доски столов.

Сороковая армия, именуемая ограниченным контингентом, входила в Афганистан как армия великой, победоносной страны, воспеваемая в стихах и песнях. Но вернулась в другую страну, где ее облили грязью, называли армией поработителей, армией «Черного тюльпана» и «цинковых мальчиков».

Армия, покидая Афганистан, уходила через мост в Хайратоне, развернув красное знамя. Но страна уходила не только из Афганистана. Русские уходили с Востока. Покидали Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Киргизию, уходили из Армении, из Грузии, из Азербайджана, покинули Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику. Страна сжималась, как спущенная футбольная камера. И последующая российская история напоминала красную арбузную мякоть, из которой лилась и лилась красная жижа.

Сороковая армия — великая и трагическая, оскорбленная и униженная. Идеологи, политики по сей день не говорят правды об афганской войне,

ее причинах, ведении и итогах. Над Сороковой армией по-прежнему висит дымка недомолвок, копоть подозрений, фальшивые трактовки журналистов и аналитиков.

Хвала этой великой армии! Хвала ее генералам, офицерам и солдатам — рыцарям афганского похода, последнего похода великой Красной империи.

Сегодня российская армия сражается на Украине, в Донбассе. Война мучительная, загадочная, неочерченная, началась с одиночных выстрелов, а продолжается грохотом бомбардировок, стратегическими ракетами, «Орешником», клубящейся в ненависти Европой.

На русских танковых и авиационных заводах работают в три смены. Война, изменившая облик России, война, разбудившая русский ум, русскую волю, русскую совесть, русскую веру. Русская армия, воюющая в Донбассе, восстанавливает честь Сороковой армии, поруганной после афганского похода.

Ореол, окружающий сегодня российскую армию, не должен померкнуть, он должен превратиться в нимб. Власть, предавшая Сороковую армию, а вместе с ней и Советский Союз, проклята навеки. Власть, вернувшая России Крым и Донбасс, будет навеки прославлена. Пусть не было торжественного парада вернувшихся из Афганистана войск. Этим парадом пройдет новая, победоносная российская армия, вернувшаяся с полей Донбасса. И пусть на этом параде по Красной площади пройдет «коробка» бодрящихся, храбрых стариков — ветеранов Сороковой. И Верховный главнокомандующий отдаст честь этой великой когорте.

*Я верю, что, когда придет пора,
Когда оставят Родину невзгоды,
Грядет на Красной площади парад
Седых солдат афганского похода.
Пусть перед строем, отдающим честь,
Протащат ржавый корпус «бэтээра»,
Его огнем изрезанную жуть,
Подорванную на камнях Панджишера.
Пусть караул торжественно замрет,
Пусть пускай приспустит боевые стяги,
Когда ввезут на площадь вертолет
С дырявым баком, без винтов и тяги.
Пусть затуманится Кремля прекрасный лик,
Когда тягач с трудом ввезет на площадь
На ободах сожженный «наливник».
Пусть флага алый шелк над ним полощет.
И пусть еще помедлят танков лязги,
Пусть замрут войска недвижимым строем,
Когда покатают инвалидные коляски,
И в них — безрукие, безногие герои.
Когда полки пройдут священным маршем,
Им честь отдаст с высокого гранита
Моей страны победоносный маршал.
Крест золотой. Звезда из лазурита.*

ЛИТЕРАТУРА ПРЕДСКАЗАНИЙ

Поэты и философы Серебряного века выкликали будущее, вымаливали бурю, чаяли великих очистительных перемен. Но когда пришла революция, ужаснулись, бежали от нее, проклинали ее, не приняли грозных перемен XX века. Блок в предсмертном стихотворении писал: «Но не эти дни мы звали, а грядущие века».

Я, писатель, проживший огромную жизнь, написавший множество книг, стремился в будущее, предчувствовал его, рисовал его образ, не страшился перемен, сам в них участвовал, и сам со своими романами был переменной. Сегодня в России время перемен. Перемены забрызганы слезами и кровью. Они даются трудами, от которых ломаются кости. Они требуют мыслей, от которых можно сойти с ума. И я принимаю перемены во всей их полноте, в грохоте сегодняшних, завтрашних катастроф, с громадной, встающей в народе волной, выносящей Россию к величию.

Для меня образ сегодняшней России — это цветок со множеством огненных лепестков — сочных, раскаленных, жгущих. Быть может, это огненный георгин или пламенная роза. И каждый лепесток цветка был мне виден из прошлого, и я предсказал его в моих романах. Мои романы — это прошлое, из которого вырастает пылающая современность.

Сегодня идет война. Русские полки и батальоны пошли в праведный поход, исправляют чудовищные вывихи русского прошлого, своей молодой кровью искупают ошибки и вероломство отцов.

Мои романы об афганской войне — «Сон о Кабуле», «Стеклодув», мои романы о двух чеченских войнах — «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи» — это рассказы о том, как Россия сражалась все с теми же вековыми вызовами. Она отражала чудовищное давление Запада, грозящее распадом Союза, она преодолевала распад, сшивая жесткой драгмой кромки расплывшихся территорий.

Сороковую армию, которую провожали в Афганистан как героическую, освободительную, встречали из Афганистана как армию карающую, оплевывали, унижали, оскорбляли ее. Сегодня наших воюющих на Украине солдат тайные и явные недруги стремятся оскорбить и унижить. Горе этим недругам. Воюющая на Украине армия свята, как свята была Сороковая афганская.

Лукавые политики шепчутся о перемирии, о временной приостановке военных действий. Предательская приостановка военных действий в первую чеченскую привела к позорному Хасавюртовскому миру и возобновлению бойни во время второй чеченской. На сегодняшней войне — никакой временной приостановки, никакой передышки противнику. Вперед, до полного его разгрома.

Сегодня Россия, порушив иго, вырвалась из-под гнета, подсчитывает великие потери, восстанавливает разрушенную советскую цивилизацию на новом русском витке истории. Мы заняты великими трудами на заводах и пашнях, в научных центрах и университетах. Эти труды огромны, но предстоят еще большие. Труд перестает быть только профессией, он становится религиозным деянием, ибо трудами мы воскрешаем нашу родную, нашу святую матушку-Русь.

Мои индустриальные романы «Место действия», «Время — полдень», «Кочующая роза», «Око» — это романы о религии труда, рассказ о великих

стройках, в которых одухотворялась машина, очеловечивалась цивилизация. А взбесившаяся, неодухотворенная машина, как взрыв Чернобыльской станции, описана мною в романах «Шестьсот лет после битвы» и «Ангел пролетел».

Русские перемены проходят в мучительном сражении, в ежедневной, ежеминутной борьбе. Враги перемен, явные и тайные, бежавшие за границу или притаившиеся в министерских кабинетах, в театральных ложах, в респектабельных офисах, — эти враги перемен мечтают о реванше, мечтают о возвращении ига, ткнут свои тайные заговоры, отравляют чистые колодцы наших помыслов и наших намерений.

Романы о ГКЧП, о предателях, разрушивших Советский Союз, о гибели красных богов — это романы «ЦДЛ» и «Меченосец», где видны причины распада великой Красной империи. Герои тех романов о прошлом сегодня здесь, в современной русской истории: ее демоны и праведники, ее адские и райские смыслы.

Россия восставала против ига, поднималась во весь рост и падала, сраженная. Иго душило нас шоковой терапией и сексуальной революцией, культом тлетворного рынка, а также танками.

Романы «Красно-коричневый» и «День» — это о восстании 1993 г., о великом стоянии, о патриотической оппозиции, погибшей на баррикадах или в тайных застенках. Это иконы русской оппозиции. Баррикадники, расстрелянные у стен Дома Советов, убитые у башни Останкино, воскресли в сегодняшних донбасских ополченцах, в солдатах российской армии, сражающихся с игом не на Краснопресненской набережной, а под Харьковом и Херсоном. В этих романах — пасхальный смысл русской истории, которая через все крушения и кровавые подавления движется от великих потрясений к величию.

Девяностые годы — это время русского ада, когда из преисподней, из ее темных расщелин вылезли исчадия и наполнили банки, телевизионные экраны, экономические форумы, художественные галереи. Это было время, когда распад возводился в культ, порок — в этическую норму, когда зло выглядело пленительным и позолоченным, когда господствовала культура осквернения, воспевавшая эстетику разрушения, когда художники были черными магами, приносящими на своих холстах, в своих перформансах ритуальные жертвы, где закланию подвергались русская классика, русская религиозная мысль, Русская Мечта.

Мой роман «Русский» — о чудовищном Черкизоне. Роман «Гость» — о художнике тьмы, воспевающем ад, погибшем в аду. Это романы об образах того времени, что сегодня отхлынули из России и скопились там, за кордоном, образуя жестокие сгустки тьмы, из которых в Россию льется ненависть, разрушения, содомия. Это романы об оккупационной культуре, что рвется вернуться, и с которой еще предстоит сразиться новой русской культуре.

Страшен взрыв в «Крокусе», совершенный исламскими террористами. Ужасно убийство исподтишка русских генералов, ученых, журналистов. Украинский террор в России — это данность. Вооруженные исламские джихадисты проникают на территорию Таджикистана, Казахстана, Киргизии, и их путь лежит на русский Кавказ, в Башкирию, в Татарстан. Джихадистский террор развязан. Спецслужбы работают на пределе, ликвидируя под-

полье, и нам придется столкнуться с усмирением этого обезумевшего зверя. Мой роман «Востоковед» — это рассказ о русском разведчике, который ищет в сегодняшнем окровавленном исламском мире террориста, взорвавшего самолет с русскими детьми и женщинами. Мой герой движется узкими улочками Амстердама, ливийской пустыней, иракскими рынками, вместе с воюющими сирийскими батальонами, в священном иранском городе Кум, в секторе Газа среди героев ХАМАС, в Ливане в подразделениях «Хезболлы», на берегах турецкого Босфора. Это роман о том кипящем исламском котле, из которого брызги расплавленного свинца долетают до Москвы и грозят забрызгать другие города России.

Сегодня русские философы и мыслители стремятся сформулировать образ идеальной, нетленной России, к которой во все века стремился русский народ. Роман «Таблица Агеева» — о сокровенном русском знании, о русских кодах, которые лежат в основе русского мировоззрения от древнейших времен до наших дней. Это роман о том, как русская религиозно-философская мысль сражается с магическими лаборантами трансгуманизма, стремится к Русской Мечте, к русскому раю, к русской вселенской победе.

Роман «Убийство городов» — это роман о войне 2014 г., которую я познал в Донбассе, когда еще были живы Захарченко, Моторола, Гиви, Мозговой. По этому роману, по его неполной урезанной версии, поставлен фильм «Позывной «Пассажир»». Но весь роман в его полноте описывает начальную фазу войны в Донбассе, открывает ее интеллектуальные, национальные и политические корни.

Сегодняшняя война... Я смотрю на нее издалека, из глубинных русских снегов, и она прилетает ко мне стихами. На эти стихи композиторы пишут рок-оперы, чудесные певицы складывают свои неповторимые песни.

Я совершил свой писательский труд, я рассказал о сегодняшнем дне так, как он мне явился из прошлого. Загадки и шифры сегодняшних дней открываются в моих прошлых романах.

*Грядущее, тебя мы долго звали.
Мы тяготились пресной тишиной.
Змея войны струится средь развалин,
Покрытая железной чешуей.
Кто победит? Кто выйдет из потока?
Над кем взойдет победная заря?
Потомок иудейского пророка?
Наследник православного царя?
Иль ни один? Иль оба канут в вечность?
Пылает в небе огненный венец,
Горит-горит кровавый семисвечник,
И капает расплавленный свинец.*

СЛОВО И ОЛОВО

Русские войска наступают по всей линии фронта. Украинцы обстреливают пляжи Черного моря. Трамп назвал Россию «бумажным тигром». ФСБ отлавливает диверсантов. Множатся подрывы на железных дорогах. Депутат Милонов предлагает законодательно запретить мат. Страны Ев-

ропы признают Палестинское государство. Нетаньяху намерен аннексировать Палестину. На блистательно проведенном «Интервидении» победил вьетнамец.

Я погружен в череду недельных событий, мучительно повторяющих предшествующие своим жестоким однообразием, к которому привыкает сознание, и не случается перебоев в сердце.

Но вот событие, заставившее мое сердце с болью замереть и несколько секунд не биться. В контейнере с мусором я отыскал две книги: том с произведениями Бунина и мемуары маршала Жукова. Они лежали в контейнере, засыпанные хламом, и сами являлись хламом, если хламом могут являться иконы. Божественные тексты Бунина, непревзойденная красота русской словесности — это икона, на которую молились поколения русских людей, прикладывались к ней в час уныния и беды или восхитительной благодати. Бунин, обладатель русской тайнописи, был кудесник, быть может, святой, спасший от исчезновения множество драгоценных явлений русской жизни, переносивший эту жизнь из пожара в пожар.

Мемуары маршала Жукова — это рассказ о грозной, страшной, великой священной войне, в которой русский народ одолел ад земной, сокрушил его, великой кровавой жертвой одержал божественную победу и стал народом-победоносцем, народом святым, народом райским. Маршал был архистратигом этого священного русского воинства. Две эти выброшенные на помойку драгоценные книги — это акт богохульства и иконоборчества, совершенный не нарочно, без желания оскорбить чувства верующих, а невольно, в дурном непонимании и затмении, когда Россия перестала быть Россией читающей, забыла религию чтения, погрузилась в сумерки социальных сетей и бессмысленное косноязычие блогеров.

Нынешняя российская власть поднялась из контейнера с прахом. Этим прахом была вся разгромленная, оскверненная советская цивилизация с ее великой индустрией, могучим оружием, космическими достижениями, цветной культурой — все было брошено в гигантский контейнер между трех океанов, подлежало утилизации. И из этой мертвой материи, которую отправляли в крематорий, чудесным, непредсказуемым образом вырвалось новое русское государство, подтверждая таинственный закон о русском историческом воскрешении, о пасхальной русской истории. И это новое, робкое, беззащитное государство, стряхивая с плеч картофельную кожуру, стало облекаться в доспехи.

Государство вспомнило о ракетчиках и военных технократах, которые прозябали в своих неотапливаемых лабораториях и на заводах. И у государства появилось первоклассное оружие. Государство вспомнило, что у России есть Северный морской путь и Байкало-Амурская магистраль, ведущая к несметным сокровищам земли и моря. Государство стало строить великие ледоколы, разрабатывало медные и редкоземельные рудники. Государство прозрело и увидело, что его страшно обобрали, отняли прекрасные земли, города, разлучили с чудесными народами, и вернуло в Россию Крым, подняло восстание в Донбассе, и Новороссия, населенная русскими, не превратится в плацдарм для уничтожения России.

И вот наконец государство вспомнило о писателях, об этой огромной массе благородных, просвещенных творческих людей, которые еще недавно составляли цвет нации, ставили перед народом высшие проблемы бытия.

Сегодня писатели влчат жалкое существование, забытые народом, который перестал читать книги.

Русская литература за века своего существования надышала чудесный, окружающий Россию, покров — покров Богородицы, заслоняющий Россию от черных лучей ненависти, скверны, уныния, от духовной тьмы и сползания в ад. Как ионосфера защищает Землю от губительной, беспощадной радиации, так и русская литература защищает народ от радиации тьмы. Береза, ель и осина, взрастая, насыщают земную атмосферу кислородом, позволяя всему живому дышать. Каждая книга, как чудесное дерево, рождает духовную атмосферу, которой дышит душа каждого русского человека и всего народа. Угасание литературы, случившееся мгновенно, в одночасье с крушением Советского Союза, есть страшный урон, нанесенный русской цивилизации. И государство почувствовало этот урон, почувствовало отсутствие русских писателей рядом с ракетчиками, покорителями Арктики, солдатами СВО, добывающими победу.

Был воссоздан на новом основании Союз писателей России. Возглавил Союз Владимир Мединский — рафинированный интеллигент, историк и писатель. Государство поручило ему два громадных, неотложных дела: добиться успехов в российско-украинских переговорах, которые неизбежно, через все слезы и кровь, увенчаются миром, и воссоздать пребывающую в разброде драгоценную и утешающую среду — писательское сообщество. Прошло полгода, и писатели получили отобранный у них чудесный особенняк с белыми колоннами и фронтоном. Писательский союз возвращает себе собственность, расхищенную бессовестными коммерсантами и духовными мародерами. У Союза писателей появляются деньги, на которые воссоздается рухнувшая было структура, питаются региональные организации, проводятся писательские конференции, совершаются поездки на линию фронта. Особенное внимание — писателям, которые связывают свое творчество с СВО, тем, кто еще в окопах, но уже пишет свои первые стихи и рассказы. Неизбежно появление нового поколения литераторов, которые расскажут об этой загадочной, зашифрованной войне, частью которой они являются. Будущий роман об этой войне еще не написан, но уже зреет в душах идущих в бой штурмовиков, лежащих на операционных столах героев, тех, кто увенчан Золотой Звездой и встречается в кремлевских дворцах с президентом.

Но главное — не особняки, не дворцы, не дома творчества, не великолепный Дубовый зал Дома литераторов. Главное — литературный процесс. Как отдельные, возникающие литературные шедевры сольются в поток литературных явлений, литературных направлений и школ? Каковы будут взаимоотношения Союза писателей России и государства? На чем сойдутся художник и власть?

Союз писателей СССР был рожден по воле Сталина, у его истоков стояли Горький и Шолохов. Разноцветная, как лоскутное одеяло, российская словесность была собрана воедино, крепко сшита, и писателям было предложено проповедовать и воспевать государство. Писатели десятилетиями безоговорочно выполняли данное им поручение. Тех, кто блистательно выполнял поручения, награждали и поощряли, делали их духовными лидерами. Тех, кто не справлялся, отодвигали в сторону, отбраковывали. А тех, кто мешал, просто уничтожали.

Сталинский Союз писателей СССР существовал как слуга государства долгие годы и постепенно выходил из-под контроля. Писатели осторожно ускользали из-под жесткой длани государства. И художник робко, рискуя выпасть из обоймы привилегированных, начал рассказывать о муках народа, своими истертыми до костей руками, пробитыми пулями сердцами, впавшими от голода животами сохранившего свое государство.

Возникло два направления русской литературы. Одно — «трифонинское», кумиром которого был Юрий Трифонов. Оно повествовало явно и неявно о грозных и жестоких репрессиях, в которых была истреблена ленинская гвардия, и та когорта лидеров, возглавивших Россию после революции и гражданской войны, сгинула в расстрельных рвах и безымянных сибирских могилах. И второе направление, получившее название «деревенской прозы». Это восхитительное явление русской духовной жизни, когда одновременно появились удивительные художники, гении и провидцы — Белов и Распутин, Астафьев и Носов, Кузнецов и Рубцов.

Эти два направления плодоносили талантливыми и восхитительными творениями. Государство опекало их, награждало художников премиями, крепило к их пиджакам Золотые Звезды. И то ли не догадывалось, то ли делало вид, что не догадывается, что оба эти направления в русской литературе были глубинно антикремлевскими. Они предъявляли власти жестокие обвинения за истребление революционной пассионарной элиты и за уничтожение русских ценностей, русской деревни, русской глубинной мощи. Два этих направления усиливались, тайно подтачивали государство. И советская эра заканчивалась книгами, которые можно назвать книгами отмщения: «Белые одежды» Дудинцева, «Дети Арбата» Рыбакова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Колымские рассказы» Шаламова, «Прокляты и убиты» Астафьева, «Пожар» Распутина, «Всё впереди» Белова.

Блаженны времена, когда взгляды художников и вождей совпадают. Именно в эти моменты возникает цивилизация. И горе вождям и художникам, когда их взгляды радикально расходятся; и в этом конфликте гибнут и вождь, и художник, кровоточат государство и литература.

После бегства за границу либеральной писательской элиты, после исчезновения «оккупационной» литературы, мешавшей пробиться русскому литературному слову, наступает пора, когда русская литература снимает каски и бронежилеты, откладывает автоматы и гранатометы и начинает писать свои поэмы и повести. Дай Бог, чтобы молодые писатели не искусились, изображая тьму, которой еще так много в нашей жизни. Дай Бог, чтобы они увидели в этой жизни восхождение от великих потрясений к величию, которое совершается, невзирая на все слезы и кровь. Дай Бог, чтобы государство не искало в новой когорте писателей своих противников и врагов, не считало их неблагодарными вольнодумцами, относилось к литературе как к таинственной форме жизни, которую нужно познавать и лелеять.

Я вынул из мусорного контейнера книги Бунина и Жукова, очистил их от сора, спрятал себе на грудь под пальто и понес под дождем домой. Я нес на себе эти две иконы под ливнем русской истории.

Русский писатель — это оловянный солдатик, стоящий у мартена русской истории.

Николай ИВАНОВ

ПОКА ИГРАЕТ ФЛЕЙТОЧКА

Повесть

Николай Фёдорович Иванов — родился в 1956 г., с. Страчево Брянской обл. Российский писатель и публицист, Ответственный секретарь СП России. Автор более 30 книг прозы и драматургии. В качестве военного журналиста и писателя побывал в разные годы в Чечне, в Цхинвале, в Крыму, на Донбассе, в Сирии. Был гл. ред. журнала «Советский воин». Полковник запаса, военный журналист, офицер-десантник. Лауреат лит. премий им. «Н. Островского», «Сталинград», ФСБ России и других, награжден медалями «За отвагу», «За возвращение Крыма» и другими орденами, в том числе Орденом Дружбы и Орденом Дружбы ДНР. **Живет в Москве.**

Война лишь по молодой настырности бегаёт вместе с солдатами в атаки и носится с десантом на броне. Ей ещё за детское счастье — понажимать кнопки всяческих реактивных систем, полосая небо огненными колесницами. Правда, при этом ни разу не запомнила, в какой очередности вылетают из сорока стволов трехметровые красавцы. Пятый? Тринадцатый? Первый? Сороковой? Конструктор в тетрис играл при разработке, или как карта ляжет и на кого Бог пошлет?

Незадача у молоденьких войн-красавиц другая — долго красоваться перед воздыхателями не получается. Стареют быстро. Если не успела закончить флирт по зеленой травке да под красным солнышком, то первая же осенняя слякоть и заморозки превращают их в истрепанных, циничных старух. И как итог — никого рядом из бывших ухажеров. Первыми предают, как надоевших любовниц, ушлые политики, чаще всего и вовлекающие их в свои игры. И вот цветы-конфеты дарят уже не ей, а носят под телекамерами на кладбище погибшим героям. Ничего личного, только политический бизнес: необходимо зарабатывать очки для будущих выборов.

Вкупе с депутатами стонет артистический мир, у которого истончается список бесконечных вечеринок с их возможностями пристроить очередной свечной заводик к уже имеющимся дворцам и яхтам.

Из мужиков рядом остаются только люди в погонах. Но здесь другая беда: более лютой ненависти, чем от военных, войны по отношению к себе не встречали. Вроде в

¹ Продолжение. Предыдущие главы см.: Родная Ладога. 2025. № 1. С. 148–191.

одном окопе под бомбежками сидят, одной кровавой юшкой умываются, а родства душ нет. Нынче именно военные кличку ей дали — Хохлица. Ни единой ласковой буковки...

— Ленушок, Ленушок, на все Божья воля... Ветер, отдай! — Москвич повис на руке ефрейтора, выхватившего у него телефон. — Что ты делаешь? Стой! Нельзя! Нееет!

Морпех оказался добрым: чтобы не вколачивать штырь меж глаз светящейся на экране брюнетке, перевернул бирюзовый смартфон и двумя ударами лимонки пригвоздил его между другими аппаратами, висящими на красном щите для хранения телефонов. Красноречивее взбунтовавшихся в свое время стрельцов...

— Тебя предупреждали? — глаза у Ветра сузились до ярких монгольских разрезов. Несмотря на неказистый рост, он словно возвышался над долговязым нарушителем: справедливость никогда не выглядит жалкой. Припомнил ссылку абонента и про Божью волю: — Мы тут не под Богом, а под дронами ходим.

— Это подарок!

— Мой подарок ценнее — останешься жив. На радость своему Ленушку. Свободен. Отдыхай.

О, кто бы послал вот так отдохнуть от суеты саму войну! Залезла бы в земляную норку, к затепленной окопной свече. Их можно не экономить, привозят коробками от сердобольных граждан. Свечи выглядят как консервы, лишь вместо мяса или рыбы заполнены высушенными сосновыми шишками и залиты воском от свечных огарков. Хуже, если партия с парафином и гофрокартоном вместо фитиля. Такие свечи, пусть и не сильно, но все равно коптят, привнося в землянку запах краски и бумажного клея. Но пламя, тут следует отдать ему должное, держится долго: в банке из-под стуженки — шесть часов, в жестянке от маслин — уже десять, от тушенки — подарок — все двенадцать часов.

Двери в землянки были закрыты, и война довольствовалась малым, просочившись между усевшимися вокруг казана с разогретым пловом бойцами — взвод насытится и еще останется. Ее к столу не пригласили, сделали вид, что не видят, своими впечатлениями от первого боя заняты.

— А я как шмялянул! А потом все за мной — и ого-го! У, да-а! Дали копот!

— Но они идиоты! Так тупо идти на пули, как на мясной убой...

Ветер постучал финкой по краю казана, требуя тишины и заодно сбивая с лезвия рис. Пояснил «мясной» штурм противника:

— У хохла что еще сегодня осталось нормального, так это наше храброе русское сердце. А вот мозги уже прошиты пиндосами. Они и гонят украинскую оболочку на убой, как стадо баранов. Так что легкая прогулка, мужики, вас здесь не ждет.

Притихли. С учетом первого ранения от первой же прилетевшей в траншею пули перспективы и впрямь вырисовывались не совсем радужные.

— Как там наш Ничей? Точно три ляма огребет.

— Дурак ты, хоть и олигарх, — оборвал Купца Ермак. — Свою ложку мимо рта не пронеси.

— Так это одного выбило, — Синяк оглядел-посчитал оставшихся. И добавил потише, чтобы и не накликать беды, и героем остаться: — Всех не перебьешь!

— Незабудка, доставай флейточку, а то жир в горле застывает, — попробовал снять нервное напряжение подчиненных Маадыр.

Каким образом музыка могла способствовать пищеварению — дело десятое. Скорее всего, Рязань приучила, что рядом постоянно должна шелестеть мелодия.

Худоба позволяла музыканту иметь под бронежилетом место под любую захоронку. Вытащил аккуратно сложенный пакет, в его залежах отыскал черный футлярчик. Раздвинул в нем кнопки-застежки, явил миру бордовую бархатистую внутренность. Не хуже омича-чистюли протер лежавшей там же салфеткой инструмент.

Пока Цветок настраивался на игру, сидевший рядом с коробкой блиндажных свечей Маадыр дотянулся до присыпанных хвоей банок. В этой партии умельцы выложили гофрокартон в виде буквы Z, пламя в таком виде, словно не снявший с плеч амуницию солдат, и начало облизывать дно казана. Кому-то ублажать слух мелодией, а командиру — заботиться о горячей пище солдатам.

— Надуй «Подмосковные вечера», — не переставая оглядываться на пожарный щит, словно морпех заколотил смартфон понарошку и после обеда можно будет вернуть блестящую говорушку, попросил Москвич.

— Обиженному можно, — поддержал географию запрошенной мелодии Подмосквич из племени сигаретных купцов.

— Не обиженному, а провинившемуся, — расставил акценты Ветер.

На правах хозяина он сидел в кресле, меж его растопыренных пальцев виднелись разводы запекшейся крови, которые он не смог до конца вычистить снегом. Омич несколько раз порывался подать влажную салфетку, но то ли становилось жалко дефицитных платков, то ли ефрейтор не обращал внимания на подобные мелочи. Небо хмарилось, угроза появления вражьей «птички» исключалась, что давало возможность собраться тесным кружком. А солдата после первого боя и первой крови как раз лучше и не оставлять наедине со своими мыслями. Это и без психологических знаний Журавко любая бабка могла нагадать.

Заказавший мелодию Москвич и впрямь имел право на моральную компенсацию, и Незабудка уложил губы на блестящий мундштук. Вдохнул и поклонился первому нотному зернышку.

Вольно разлиться Подмосковью в донецкой обожженной лесополосе не случилось: ефрейтор подхватился, усмотрев приближающегося комбата с алеющим на груди, словно орден, шевроном Спаса Нерукотворного. За морпехом белкой преодолевал выпирающие корневища Брусникин. Замыкал группу, как и подобает вволю навоевававшемуся еще в афганскую войну, спокойный и уверенный в себе московский гость.

Спас Нерукотворный, даже уезжая, тем не менее продолжал оставаться старшим и над линией фронта с отставшим от батальона ефрейтором, и над настроением десантников, и над казаном с нескончаемым пловом. Его запах достиг начальства, и морпех издали протянул руку за едой. Ветер вытер о колено ложку и протянул командиру. Тот на ходу зачерпнул ею, как ковшом, еды с горкой и отправил в рот. Намеривался пройти сразу к штабной землянке, но увидел двух леших, с головы до пят укрытых тряпьем из бабушкиного сундука. Барахло оказалось темно-серыми лентами, пришитыми к маскхлату. С не меньшей любовью было облачено в ленточный, под стать весенней погоде, камуфляж и оружие.

«Мы с Тamarой ходим парой» — песенка про нынешних снайперов. Это раньше они работали в одиночку. Ныне же без второго номера, выполняющего обязанности и наблюдателя, и охранника, никуда. По новой тактике он, как ни странно, определяет для стрелка, какую цель уничтожить первой.

Пришли за украинским Чахликом, который Бессмертный? Только какими-то неповоротливыми они показались, второй номер вообще ковыляет, как после ранения. А может, так и есть? Может, снайперу лишняя резвость как раз и мешает?

Комбат разрешил подойти к ним, спрятавшим лица под масками, лишь Брусникину. Все оправдано: если солдат в бою просто стреляет по врагу, то снайпер уничтожает уже конкретного человека. Психологическая разница, которая и отодвигает от них посторонних и, тем более, любопытных. Даже Журавко, пусть и более старшего по званию по сравнению с комвзвода. Судя по всему, морская пехота жила по корабельному уставу, когда на палубе находится только один капитан. На этом участке — взводный Брусникин.

О чем командиры переговаривали с «лешими», осталось на их губах, легкий шепот был зарихтован и легким ветерком среди деревьев, и «Подмосковными вечерами»:

*Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра...*

Судя по всему, до утра ничто замирать не планировало, Донбасс — не окрестности столицы. А доля солдата после первой атаки известна — ждать следующую. Разговоры у казана вроде ни о чем, но собравшиеся ловят и примеряют на себя каждую деталь. В сторону лесополосы пробует вылететь на разведку на своей механизированной метле не «Баба Яга», которая у хохлов до СВО развозила по полям удобрения, а ныне мины, но тоже весомая «птичка». Видимость падает, но кошмарить врага требуется без оглядки на погоду, хотя подобного наверняка желают и по ту сторону фронта. Значит, и сиделки у котла не такие уж безмятежные.

КамАЗ привез доски — получается, продолжится обустройство быта, и в ближайшее время наступление не предполагается. Словно индеец в боевом раскрасе, пробежал еще один чумазый морпех с неизменным Спасом Нерукотворным на груди. Скорее всего, доделал заглохший БТР, из-за которого моряки и задержались. Но как кстати подвела техника!

Больше всего выдают напряжение среди десантников чётки, мелькающие по замкнутому кругу в руках дагестанца. В дополнение к тому, что Купец пустил сигаретную пачку по кругу: угощайтесь, я не жадный.

Тренькнула допотопная, по сравнению с космической аппаратурой, японская «Моторола» у полковника-гастролера. Не связь, а фуфлыжка. Но когда Россия сидит под санкциями, которых столько же, сколько у Ирана, Северной Кореи, Венесуэлы, Кубы и Сирии вместе взятых, будешь рад и этому.

Не случаен здесь афганец, от которого зависит сегодняшний день. Пока хмурится, слушая по рации собеседника. Подозвал комбата, поделился шумами в эфире. Тот уловил суть, но посмотрел на часы и развел руками: рад бы, да не могу.

Плохо. Плохо, если он уедет догонять батальон. И хотя Незабудка вроде убаюкивает, убажая слух, все напряглись, потому что командиры уже знают то, что вскоре коснется каждого из подчиненных...

Журавко, подошедший к кухне последним и к обсуждению будущих задач пока не приглашенный, попытался обозначить свою значимость похвалой десанникам:

— Молодцы, отработали достойно.

Хотел добавить, что тот, кто в бою опускает руки, пропускает в голову, но вовремя прикусил язык: рязанские шуточки закончились, здесь любое слово обретает реальность. А смерть любит каждого не меньше жизни.

Только и на глазах у всех выглядеть отрезанным ломтем не хотелось.

— Еще ни одна страна мира с Россией не могла совладать. И не совладает, пока у нас есть десантура. Пусть противник умрет героем, а мы проживем во благо Отечества.

Угадал тон. Какой солдат не встрепенется, если его сравнивают с героями прошлого?

— Семён перед отправкой всем привет передавал, обещал скоро вернуться, — продолжал Журавко напоминать о своем участии в бою. Да еще в его благороднейшей ипостаси — спасении раненого.

Развить тему не успел, командиры наконец позвали и его в штабную землянку. Совет в Филях, не иначе. Точно судьба каждого сидящего у казана уже предreshена.

Подтверждая шитую белыми нитками догадку, через мгновение Брускин выкрикнул и имя сержанта.

Маадыр, добрая душа, пропустил впереди себя в подземное тепло ожидавших под дверью кота и войну. Последняя, не привлекая внимания, сразу юркнула на лежак. Порадовалась, что ни одной мыши не вышмыгнуло из-под брошенного на доски бушлата. Знать, Боцман не зря ест свой хлеб: без мышей в лесу не обойтись.

Понять полевок можно: они-то жили, никого не трогали, а тут целая военная армада пришла к ним под землю, перерезала ходы-выходы, настроила блиндажей. Только центр на войне не там, где мыши с котом или командир с картой, а где она сама пропишется. Но сейчас ей хочется просто прикрыть глаза и если не подремать, то послушать умные разговоры. Авось и она чем-либо подсобит родственничкам. Месяц назад как красиво получилось: надоумила своих мыкол повнимательнее просмотреть телерепортаж одной московской фифочки о работе артиллеристов. Те догадались увеличить картинку и рассмотреть на рации комбата радиочастоту, на которой работали боги войны. Ни на что не надеясь, вошли в нее, послушали и... нету больше богов войны, удар пришелся ровнехонько в момент сбора всей батареи. Успели еще послушать вопли и проклятия, пока русаки не догадались перейти на запасные частоты. Война дураков любит, но и покрашенной телефифочке спасибо, настреляла глазками на несколько могил героям своего репортажа.

— Боцман, иди ко мне, — похлопал по колену морпех. Сердобольный, растягивает совместные минутки перед расставанием. Жалко, ее вот так дружески никто не приветает. Но потом и не обижайтесь, что не повезло в жизни...

За столом выяснилось, что полковник-гастролер обладает достаточными полномочиями, чтобы его слушал даже морпех. И карта у него имелась с уже

нанесенными знаками, и в первом ряду орденских колодочек шли сплошь боевые награды: две Красные Звезды, медали «За отвагу» и «За БЗ» — «За боевые заслуги». Не хухры-мухры, в штабах такого не заслужишь. Еще хорошо, что никого не построил, не наказал и сам пахал в роли рядового.

— Там тоже не все от них зависит, — продолжил он начатый до прихода гостей разговор с морским пехотинцем.

Морской пехотинец, на правах хозяина, искал на узкой полочке кособокого шкафчика кружки почище, намереваясь попотчевать собеседников чаем. Обладатель Спаса Нерукотворного мысленно был, скорее всего, уже далеко отсюда, на отдыхе со своим батальоном, а гастролер, выставив кулаки перед десанниками, заявил: «Работаем с вами».

— Есть договоренность через ребят-афганцев с той стороны произвести обмен телами. Мы забираем гранатометчика, они — своих из автомобиля.

— Таким доверять... — начал Брусникин, словно не услышал перед этим сожаления полковника о том, что на украинской стороне не все зависит от переговорщиков.

Московский гость не погнушался повторить:

— У хохлов сейчас мужики, с которыми я воевал в Афгане. Мои подчиненные. Они слово сдержат. Замотивирован и командир бригады у хохлов: в автомобиле тело родственника киевского олигарха, за его вывоз заплачены огромные деньги. Кто сорвал договоренности, по чьему распоряжению пошли в атаку тачанки, они сейчас выясняют. Или куш не поделили, или решают личные проблемы.

Замолк, ожидая встречных вопросов. Морпех молча заваривал в кастрюльке пакетики с чаем. Маадыр и Брусникин скосили глаза на Журавко. Однако майор инициативы не проявлял, отколупывал подсохшую корочку грязи на лбу у зайца, и старший лейтенант обреченно взял командование на себя:

— Что с нас требуется?

— Подготовить группу, которая пойдет к «поляку».

— Гарантии?

— Пятьдесят на пятьдесят. Выдвигаемся одновременно с группой с той стороны. Я слышал, кто-то у вас играл на дудочке?

— Незабудка. На флейточке. Пикколо — самый маленький инструмент из...

— Договорюсь, что пока будет играть флейточка, стрельбу не открывать, — не стал слушать пояснений по музыкальным инструментам полковник. А вот во взводе знают даже то, что они не делятся на мужские или женские... — Сколько по времени ваша Незабудка может дуть?

— Это фамилия, — в первом случае пояснил Маадыр, а во втором пожал плечами.

Но офицерам требовался ответ, и сержант отправился на поиски музыканта. Ответ добыл достаточно быстро, словно флейтист стоял за дверью:

— Часа два-три. Но губы будут как у коровы.

— Это вторично. Готовьте группу. Пять-семь человек. Кто возглавит?

Откапывать и выносить погибших — не офицерское дело, звезды на погонах предназначены для руководства боем. Все остальное отдано на откуп сержантским лычкам. Да и не чай же пить пригласили Маадыра, хотя его кружка тоже стояла полной на столе.

Обжигаясь кипятком, он мысленно начал перебирать подчиненных. В первую очередь надо брать Цыгана, имеющего опыт поисковых работ. Незабудка — это без вариантов. Можно Синяка, ему без разницы, ломать или строить. Хотя бестолковости, как у козла перед новыми воротами, хватает. На деликатные дела лучше брать Ермака. Аккуратист, любую мелочь заметит. Историка нельзя, ему еще детей после войны учить. Пусть перебирает четки за всех. На Москвича интересно посмотреть, как спесь спадет и наложит в штаны. Кто остался? Купец...

Журавко с Брусникиным молчали. Не труса праздновали, естественно, просто прекрасно понимали: с них спросится за удержание участка фронта, а не за мутную локальную задачу, поставленную непонятным полковником по чьим-то договоренностям. Люди на войне — главное. Живые. Вкупе с выполнением боевой задачи.

— Не будем вытаскивать своих, грош цена в базарный день будет и армии, и каждому из нас, — словно прочел их сомнения полковник. Скорее всего, уже убеждал в подобном на других фронтах. — Победим, потом подсчитаем дебет с кредитом.

— Когда быть готовыми? — пойманный за сомнениями, попросил конкретики Брусникин.

Афганец посмотрел на часы в надежде, что успеют допить маковую розинку чая. Лично ему ложку для плова никто не протягивал...

— Через полчаса выхожу на связь с той стороной, и можем приступать. Ты вроде сапер? — посмотрел на майора. Журавко напрягся, мгновенно поняв неизбежность своего участия в предстоящем броске к «поляку». Не ошибся: — Тело может быть заминировано. Уже сталкивались с подобным.

С гусарских времен утвердилось: война — это белый танец, и, если она приглашает на вальс офицера, тот не имеет права отказаться.

Майор столь низко склонился над столом, что даже поджатый хвост зайца оказался в кипятке.

6.

Война — первый из курортов, который начал работать по системе «all inclusive».

Всё включено. Круглосуточно.

Что на фронте, что в тылу.

Бабушка Анай с отъезда Маадыра приросла ухом к радиоприемнику, подаренному ей старостой на следующий день после прощания с внуком.

— Держи, а то стыдоба мне перед людьми иметь такую неподкованную родню, — Коммунист Коммунистович вытащила из сумки, с которой ходила за хлебом в магазин, черный ребристый прямоугольничек с треснувшим стеклом.

Скорее всего, староверы оставили его за ненадобностью при переезде, а у Чечек гвоздь не заржавеет, все в дело пускается. А тут еще вышло так, что по черной решетке передатчика шла красная пластина с именем — «Украина-201». Ни дать ни взять нынешние времена: сама Украина — черная, а название яркое, как из советского прошлого. Теперь главное, какие известия будут приходить Анай о войне и ее мальчике?

— Конь падет, ветер устанет гонять тучи над перевалом, а отсюда новости на каждый час новорожденные, — Чечек понимала толк в пропаган-

де. Покрутила колесико настройки, погонила красную палочку в треснутом окошке в поиске московских новостей. Нашла их на самом краешке, словно у сороки на хвосте. — Только батарейки не забывай менять, — постучала костылем: и пригрозила, наставляя на путь истинный, и сбила налипший на резиновое копытце снег...

Сегодняшние посиделки после последовательного доклада о событиях в мире, Кызыле и Куране завершила вопросом:

— Что придыхаешь?

— Грудь болит. Солнце жду. Тепло жду. Маадыра жду. Приезжал — как во сне побывала. А теперь кончается.

— Завтра врача вызову. Не спорь! Надоела! — традиционно стукнула резиновым копытцем. А может, чтобы с помощью костыля просто встать. Спину не распрямляла, тело с детства из-за болезни согнулось под опору, как привычнее. Главное, шея вертится, позволяя хозяйке заглядывать за собственный нос хоть в Америку, хоть в Китай.

Пока же углядела одинокую пиалу молока с сиротливым кусочком лепешки на кухонном столике.

— Жируешь, подруга!

Вытащила из сумки батон, разломил пополам. После небольшого раздумья добавила к угощению банку бычков в томате. Черноморских. В два раза крупнее и дешевле кильки. Расхватавали, как сахар летом на варенье. Значит, вкусные.

— Не спорь! — вновь привычно отдала распоряжение на попытку воспротивиться. — Превратилась в доходягу!

— Сил нет ни готовить, ни есть, — оправдалась Анай. Такая жизнь началась: руки-ноги на месте, а уже бессильнее подруги-инвалида.

— Все расскажу Маадыру, — припугнула староста, как в свое время это же самое проделывала Анай с козленком.

День угасал, а ей самой до дома было ковылять да ковылять. Староверы дома свои ставили не забор к забору, как обычно, а по вольному для скота и от возможных пожаров, друг от друга подальше. Оттого поселок по месту вроде огромный, а жителей в одну горсточку собрать можно.

Направилась к выходу. Обитой войлоком двери меньше всего хотелось распахивать душу в стылые сени, а тут еще, пока инвалидные ноги на пару с костылями перевалят через порог, все домовое нутро выстудится. Стопка поленьев, до снегопада и морозов нанесенная Анай в угол кухни, уменьшается на глазах с каждой вечерней топкой. Сама хозяйка лишний раз дверью не распоряжается, но все равно до весны не досидеть взаперти без дров, придется откапывать от снега сарай ради новой порции. Просить соседей неудобно: у каждого своих хвороб и забот — до Саян.

Подержала палец на оконном стекле, через оттаявший кругляш проводив взглядом гостью. Загребая костылями, как веслами, Коммунист Коммунистович утлой лодочкой пробивалась к большой протоке — расчищенной трактором центральной улице.

Прислушалась к себе. Боль в груди, словно испугавшись вызова врача, присела на лапки, перестав дышать и уступив место голоду. Да и гостинец манил рыбкой, давно разносолов на стол не выставлялось. Почитай, с проводов Маадыра. Всё по нему теперь меряет...

Отыскала среди ножей и вилок старенькую открывашку с треснутой деревянной ручкой. С усилием продавila острием тугую консервную крышку. Ровным кругом пройти по ней не удалось, но ей хватит и маленького рваного отверстия, чтобы выудить рыбешку. Вон как выпирает вкусно красной толстой спинкой. А кусочком хлеба потом промокнет на дне томатные остатки...

Грешным делом порадовалась, что нет козленка. Она сама обойдется малым, а вот ему не наносилась бы воды да сена. А что грудь болит... Никакой врач не поможет, если старость пришла. А она в одиночку не ходит, ей попутчицу из болезней обязательно надо отыскать. А консерва вкусная, спасибо Чечек...

Увлечшись едой, бросила тревожный взгляд на будильник, сверкающий колпаком на серванте: время новостей? Поначалу вообще не выключала приемник, боясь пропустить что-то важное московское, да только батарейки и впрямь не вечные. Новые пришлось заказывать в Кызыл, да только когда их привезут из-за ста километров! Коммунист Коммунистович, дай ей небо здоровья, продлила крохотку жизни старым: зажала меж дверей, примяв бока кругляшей, а после выложила на теплые кирпичи добирать силу. Смех смехом, а приемничек поработал несколько дополнительных минут. Так что теперь новости, как и привоз хлеба в поселок, тоже по расписанию.

Заправила «Украину» прогретыми, измятыми батарейками. Хлебнув глоток энергии, та попыталась среди вселенского шума отыскать нужные новости. Да только будильник, несмотря на старость, скорее всего, спешил: на нужной отметке «сорочьего» хвоста корреспондент вел местную программу, пока еще не подпуская Москву с ее проблемами в Куранты.

— Это был единственный случай во время Великой Отечественной войны, когда бойцов добровольно, в полном здравии и рассудке, требовали отправить по домам с фронта, — просвещал в эфире диктор.

Опять о войне. Большой, но давней...

— ...Сам Жуков докладывал Сталину, что если они и дальше продолжат так безрассудно воевать, то к концу войны от них не останется ни одного человека. Это были тувинцы, всего лишь в 44-м официально вошедшие своей республикой в состав Советского Союза! — завершил программу журналист.

Анай оставалось погордиться своими предками, тем более что многих фронтовиков застала девчонкой еще живыми. Но вместо этого ее накрыла тревога. Слишком хорошо она знает своего мальчика, Маадыр ведь тоже полезет под пули. Кто вернет его с фронта? Где на него найти Сталина?

Диктор стал торопиться, скороговоркой втискивать рассказ в оставшееся время. И хотя говорил о Великой Отечественной, для Анай она сложилась в сознании воедино с той, где сегодня воевал внук. Вновь ожила, запульсировала боль в груди.

— Ну чего ты болеешь? Я же не враг тебе.

Прикрыв глаза, на ощупь дошла до кровати. Ничком завалилась на покрывало. Сознание уже не улавливало звуки, а может, это батарейки исчерпали свой лимит, и «Украина» сама замолкла, не дождавшись новостей из Москвы.

А вот козленок бы не оставил одну — притопал бы к ней...

Михаил ТАРКОВСКИЙ

ГОРКА

Рассказы

Михаил Александрович Тарковский — родился в 1958 г. в Москве. Русский писатель, поэт, биолог, охотник. Окончил Московский гос. педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности «География и биология». Работал на Енисейской биостанции ИЭМЭЖ АН СССР в пос. Мирное в Туруханском районе Красноярского края и охотником-промысловиком в Южно-Туруханском Госпромхозе в пос. Бахта. Главный редактор альманаха «Енисей» (Красноярск). Автор поэтического сборника, многих книг прозы, инициатор и автор целого ряда документальных кинопроектов и сценариев к ним. Внук великого русского поэта Арсения Тарковского. Лауреат Патриаршей премии по литературе. **Живет в Красноярском крае.**

Бабушка была курильщица, хотел сказать, страстная, а правильнее — обреченная. Курила только папиросы, и только «Север» и «Прибой», и терпеть не могла сигареты, воспринимая их как нечто едкое и вредное, после чего «в доме воняет табачищем». И, конечно, недопустимо нынешнее и холодное, навроде фонарного неона. Курила, держа папиросу, как в развилке, указательным и средним пальцами. Затянется, развилку с папиросой отведет от лица и, подняв подбородок, длинно и пространно выдохнет.

Спички у бабушки всегда под рукой. Тушит плавным зигзагом о воздух и никогда не задувает.

Паре папиросы-сигареты противостояли у бабушки чай с кофеом. Насколько любила чай, настолько не принимала кофий.

Не любила автобусы — «воняют» бензином, и признавала троллейбусы, словно электрическое, природно-небесное было стерильней и праведней. А автобусы выбрасывали синий дым, и это роднило их с сигаретами. Я же больше любил автобусы. Троллейбусы так щелкали и рвали с места, что меня однажды не в шутку замутило, и бабушка попросила водителя нас выпустить.

Однажды шли по улице, и проезжал троллейбус. Вдруг у него сыпуче заискрило меж проводом и кулаком удочки. Удочка, тяжело изогнувшись, бухнулась, как оглобля. Водительша в лиловом халате долго с ней возилась, нацеливала на провод толстенным канатом. Было нечто старинное, вожжевое, кучерское в этом занятии, и толстенный аркан никак не вязался со всем нынешним электрическим.

В троллейбусе бабушка садилась только «по ходу» — если спиной, то

ее мутило. Метро признавала неглубокое, где нет «лестницы» — эскалатора, на котором тоже мутит.

Терпеть не могла английский язык — холодный, «одно мяуканье». Немцы у нее «лаяли». По сословно-литературной привычке она благоволила лишь французскому. Особо его не знала, но меня приобщала и возила к учительнице. Однажды я увидел в журнале «Крокодил» карикатуру: два злющих длинноносых дядьки в шляпах пытаются запрыгнуть на милую беловолосую женщину в синем костюме. Называлось: «Англия с Германией насели на Францию». Я был за Францию.

Все так и шло парами: чай — кофе, папиросы — сигареты, троллейбусы — автобусы, Франция — Англия. И до бесконечности. В деревне: керосинка — керогаз. Керосинка, конечно же, бабушкина помощница, а керогаз — злобный вражина, дорогой и, вдобавок, взрывается.

Москву любила, но если выбирать меж городом и деревней, то, конечно, деревня. С речкой и лесом, полным зверья и птиц. До сих пор не знаю точно, сам ли полюбил природу или бабушка наладила. Скорее всего, совпало: и мое восхищение хищными птицами, грозным их видом, и бабушкин лесной настрой, рассказы об охотничьих собаках ее отчима, о видах дичи — боровой, красной. Книги, которые сама читала или давала читать, походы в зоопарк и в зоомузей. И слова: «Когда вырастешь, будешь жить в лесу». «Женишься на якутке, и она нарожает тебе якутят» (сдержанный смешочек). «Будешь жить где-нибудь в заповеднике». Заповедник. Заповедное — незаповедное... Снова пара.

В том же противоборстве: книги и телевизор с кинематографом. Мы жили без телевизора, и хотя внешне это объяснялось нашей бедностью, главное тайлось в бабушке. Она понимала, что книга — свидетельство многовековое, а кинематографу без году неделя, и полон он суетных представлений нынешних режиссеров. Поэтому для воспитания не годен. Хотя картина картине рознь. (Бабушка никогда не говорила «фильм» — только «картина».) В качестве исключения некоторые из картин тоже «были хорошими», например, «Путевка в жизнь» и «Пятнадцатилетний капитан». Город же пестрел цветастыми афишами: «Золотой теленок» и еще что-то подобное. Даже без бабушкиных поправок мне чувалось в таком названии пошлость, претензия на остроумие.

Для пошлости и безвкусицы у бабушки было одно слово — «вырви глаз», с кислятиной никак не связанное. Приходим в магазин. За прилавком молодая тетя с тыквой волос в сетке, яркой краской на рту и огромными малиновыми стекляшками в ушах — «классический вырви глаз».

Если представить бабушку на границе фронтов, то по нашу сторону кипятили воду на керосинке и пили чай, курили папиросы, ездили на троллейбусе и читали книги. На вражьей — нюхали бензин в автобусах, пили кофе, сине чадили сигаретами и в этом же дыму смотрели телевизор.

При всей нелюбви к телевидению, утверждала, будто у нее внутри маленький телевизор, по которому она отслеживает мои безобразия на любом расстоянии. Меня подкупало, что бабушка, не приемлющая современного, сдает позиции. Допытывался, что за телевизор, и представлял маленький экранчик, как у дяди Гриши. Про телевизор бабушка говорила с брезгливой улыбкой, и наслаждением был не поиск правды, а замирание на границе: по правде есть экран или дурит.

Еще чай пила постоянно, и был он и ритуалом, и способом общения, а иногда и выходом: «Будем тупо пить чай».

К чаю и меня приучала, не разрешая в жару пить воду: «Никогда не напьешься. Суворов так солдат учил».

Чай пили все время. Конфет у нас особо не водилось, ели варенье или изредка мармелад. Я очень любил чай с яблочным мармеладом — мутным, с белесыми, затуманенными углами. Мармеладины были двух пород — овальные и квадратные, с рисунком, как от песочной формочки, — лепестки веером... Потом появились химически-яркие и шиферно-волнистые: малиново-зеленые с белой прослойкой. Бабушка их не признавала: «Эссенция!» — «Что за эссенция?» — «Эссенция!» — и весь сказ. И все вспоминала белёвскую полосатую пастилу, которую помнила по родовой Калужской области — Белёв был по соседству, в Тульской. Полосатая эта пастила меня очень волновала, и я представлял мармеладно-прозрачный ковер с белыми полосками. И как вырезаю из него подходящий клин. А ковер огромный, бескрайний и родня кисельным берегам...

Чай бабушка пила только индийский — «со слоном» или в маленькой красно-зеленой пачке — грузинский не признавала. Пила только из чашек с блюдцем и любила показывать, как купец пьет: сидит в открытом окне и дует в блюдце. Величественно и немножко с улыбкой. Была у нее такая улыбка — будто из сторонки на себя смотрит... Расправляла кисть и держала блюдце исподнизу, безымянный палец согнут и упирается в блюдце суставом, как коленкой. Блюдце обязательно либо с каемочкой из золотца, либо рельефное, с чернильно-синим размытым рисунком. В блюдце прозрачный рыжий чай и волны — бабушка дует, и похоже на море из сказки... Сквозь рябь сине просвечивают узоры, травы, лебеди. Мне тоже казалось важным пить, как купцы, и я собирался всегда так чаевничать.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ

Ничто не вызывало во мне такую тоску, как вид безглавой колокольни с березками, растущими по контуру яруса звона. Или огромного полушарного купола на ротонде, мрачно-пузатого, ржавого и будто распухшего без креста. Особенно страшен вид погибшего железа. Дом без крыши не так жуток, как храм без маковки.

Хорошо помню одну такую церковь на Серпуховке. При всей тоске от разрухи — березкам я дивился и умилялся их цепкости и живучести. Хотя вряд ли думал о том, что почвой им стала пыль, принесенная ветром, и что семена эти ветер таинственно носит над городом.

Мимо этой церкви (Вознесения Господня) мы ходили в парикмахерскую и в «амбулаторию» — так бабушка называла поликлинику на Житной, — большое серо-зеленое здание в витиеватом стиле с широкими окнами, думаю, конца того века, а тот век для меня навеки XIX.

Из детских событий память брала лишь по одному событию. Один пуск спички по ручью, одни первые вербы. По одному зубному и одной парикмахерской.

Бабушкина строгость к расхожести, к преходящим ценностям касалась и того, как меня стричь. Всех мальчишек в ту пору корнали «под бокс» или «полубокс»: на лбу пирожок, а остальное, и особенно затылок, — голый.

Бабушка такой фасон звала «куриной попкой». «Знаешь, когда курице сзади ветер дует»... И еще не любила, когда затылок скобкой: надо постепенно — «лесенкой».

Пришли в парикмахерскую, усадили, укутали. Мне понравилось, что парикмахерша начала стрекотать ножницами еще издали, словно они стрекоза или косилка.

— О! Две макушки — значит, две жены будет! — сказала парикмахерша.

А когда стрижку закончила, с недоумением оглядела работу:

— У него голова пятнами.

Дранье зубов тоже одно запомнилось. Ехали на троллейбусе мимо все того же храма с березками и шли к серому зданию «амбулатории». Ждали в коридоре, пока наконец не запустили в кабинет. Открыл я рот и все ждал, когда появятся огромные страшные щипцы. Тем временем врачиха сказала сестре между прочим: «Дайте, пожалуйста, клювики». Едва я задумался над этим птичьим словечком, как у нее в руках оказалась небольшая безобидная штучка с боковыми губками. Пока я гадал, что это за кочережка, зуб деревянно хрустнул и со стуком упал в ванночку. С разрешения врачихи я прибрал его в карман.

В коридоре от одной крепкой и разговорчивой бабки я услышал, что после дранья зуба очень хорошо «мороженое». И вот, щупая языком кислую кровавость ямки, я начал канючить, что хочу мороженого. Понятно, что «не сразу, а вечером дома», но все равно мороженое, «Ленинградское», в шоколадной обкладке. С плотным, ярко-белым нутром, в несовместимости которого с кровавой лункой было что-то великолепное.

Бабушка страшно не любит ходить со мной в магазин и старается оставить в каком-нибудь скверике, где я по обыкновению пытаюсь потеряться. Если скверика не оказывается, то, конечно, «тащит по магазинам», предупреждая, чтоб я ни обо что не «мызгался», «не обтирал поверхности» и не «собирал микробов», ну и ничего не «клянчил». А я клянчу тресковые палочки, мармелад и ленинградское мороженое в шоколадной обкладке. И изредка перочинный ножичек.

И вот зима. Сумерки. Саднит зубная рана.

Ради одного мороженого бабушка в магазин не пойдет, и я попадаю на поход за продуктами. У нас два магазина: один на Серпуховке, на нашей стороне, другой на той. Он называется «Под часами» за большие круглые часы, словно будильник, вывешенные над тротуаром. Начинаем с него, поскольку идем от Житной. Я его называл рыбным, потому что там на стенах морские раковины — ребристая лепнина в виде карманов, над которыми горят светильники. Несмотря на океанский рыбный дух, отделы там имелись и мясной, и молочный.

Заходим в пахучий и первозданный дрызг, связанный с полнейшей оптовой натуральностью всего, что там теснится, начиная от свиных и коровьих туш и кончая живыми карпами, которых выуживают сачком. Под ногами мокрые опилки, их сгребает деревянной шваброй уборщица в чернильно-лиловом халате.

С опилками связано ощущение талого снега, который все тащат на ногах, и чего-то густеющего, зимнего, глубинного, что связано с приходом вечера в город... С переходом, который случается в момент загорания фонарей, когда за секунду целая пора сменится, и накопленный день, прежде

чем обратиться во что-то блистательно сверкающее, осадит тебя вдруг тяжестью.

В опилках я вязну, и приходится ступать по выпуклой толще, противоестественно мягкой под подошвой. Уборщица истоиво орудует шваброй, и ручка угрожающе замирает возле боков и животов покупателей.

В зале крепкий и свежий рыбный запах. За стеклом на прилавках белая севрюга горячего копчения, мраморная с прожилками, и черная икра в наклонных ванночках — паюсная и зернистая. Икра такая изредка бывает на столе. Зернистая мне не нравится — как все скользкое, мягкое, противное детскому естеству, а наоборот, твердую и будто подсохшую паюсную в ястыках — я люблю. Икра на столах нечасто — ее брали «для ребенка», а сами не ели.

Бабушка покупает наши любимые тресковые палочки в коробке, но нам нужна еще колбаса, и мы идем в мясной. Здесь тоже целое царство. На стенах картины разделки туш «на сортовые отрубы»: свиной, коровьей, бараньей. Границы частей жирно прочерчены, и туши будто перетянуты веревками, а свиная — как толстая бутылка и мордой как кобура. За прилавком широченная колода, измочаленная до такой волокнистой серости, что края ее нависают грибом. На ней рубит мясо огромным топором мужик в белом халате и черных нарукавниках. Лезвие длиной едва не в пол-топорища. Оставляя ровнейший срез мяса, костей и жил, оно с одного удара рассекает оковалок до колоды, глухо в нее ударяя.

В молочном отделе смешанный запах свежего масла, молока и чего-то сывороточно-сырного. Высокий и узкий ковш, которым разливают молоко из фляг, — в жирной молочной пленке. На прилавке грубыми пластами — разные сорта масла. На слуху «вологодское», белое и отборно-добротное. Еще шоколадное, которое мы никогда не покупали, и оно так несбыточно прошло сквозь раннее детство, как перочинный ножичек.

Продавщица кладет на весы толстую желтую бумагу, а на нее — кусок масла. Бумага крылато торчит в стороны, а продавщица держит длинный нож на отлете и смотрит на шкалу. На прилавке штырь, на который надеваются чеки.

Лежат сыры, копченя, буженина, колбасы. Среди них какая-то толстенная языковая, пятнистая, которую однажды купила бабушка. Колбасу и сыр брали понемногу, «грамм» двести-триста, и такую порцию могли по просьбе порезать.

Переходим Серпуховку и идем в самый известный магазин: «У Ильича». При этом названии мне почему-то представлялся черный каравай, который держишь под мышкой и отрываешь от него пахучий кусок. Может, из-за созвучия с куличом или кирпичом черного хлеба.

Если рыбный сочный, дрызглый, то в «Ильиче» дух сухой и какой-то цветной, сродни конфетной бумажке. В кондитерском — конфеты, из которых самые дорогие и вкусные — «трюфеля». Торты «сказка» с цукатами... Сливочное полено — плотное в продольную риску и цвета вареной сгущенки. Постный сахар кубиками с крошечкой на гранях — то розоватый, то белый, а то какой-то бледно-зеленоватый, мутным светом налитанный. Сливочные помадки, мармелад.

У «Ильича» бабушка покупает хлеб — белый батон и черный, обязательно «обдирный», пряный с кислинкой.

Был еще овощной, где картошка с грохотом ссыпалась по дощатому желобу в сумку. Еще «бакалея». Я толком не понимал, что это такое, и, хотя там продавались сухие съестные товары — чай и приправы, почему-то думал, что это связано с табаком: «табак — бак — бакалея».

От «Ильича» идем мимо табачного ларька. Кроме папирос и сигарет, там те самые слоеные перочинные ножички — толстенькие, с кучей лезвий и приспособ. С перламутровыми накладками на толстом тельце — в коричневый или зеленый развод.

Сигареты стояли за стеклом пластами: «Дукат», «Памир» с альпинистом на фоне коричневых гор, «Шипка», «Лайка» с собакой. Мне больше всего нравились «Лайка» и «Памир». «Север» — горы со снегом, над ними солнце восходит, его синие лучи — как полосы тельняшки. «Прибой» — могучий вал с гребнем, а на заднем плане пароход и маяк. Всё в синем тоне. «Казбек» — на фоне граненых белых гор великолепно нарисованный силуэт горца на коне.

«Север» и «Прибой» у меня были связаны только с бабушкой, и досадно было, когда я в школе услышал куплет:

*Хороши в палатке сигареты,
Еще лучше «Север» и «Прибой»,
Выкуришь полпачки, встанешь на карачки —
Сразу жизнь покажется иной.*

О моем отношении к куреву бабушка писала:

«Мишка о папиросах: “Мне скажут: Кури! — а я возьму папиросу, будто курю, а курить не буду”. Прочла мораль, подходящую случаю: О храбрости духовной».

Раз уж речь о магазинах, нельзя не вспомнить необыкновенно породистый «Гастроном» на Валовой. Он располагался внизу высокого и запредельно плоского дома, первый этаж которого был выложен граненой коричневой подушкой, очень роднившей его с бежевými конфетами-подушечками. На магазине были крупные и косые красные буквы: «Гастроном», и я сначала читал эту надпись как «Тастроном», принимая «Г» за «Т». В «Тастрономе», как войдешь, слева здоровенный медведина пил сок — поднимал и опрокидывал в крашеную пасть стакан. Все ребятишки ходили медведя смотреть. Наискось от медведя сок продавался за прилавком в стекляннх конусах: томатный, виноградный, яблочный. Все это многоцветье было за пределами нашей жизни, угощать меня, поить в магазине бабушка считала дурным тоном и всегда говорила: «Придешь домой — попьешь». Да и не особо я зарился за всю эту вкуснятину, она далеко была, там же, где шоколадное масло и слоеные ножички.

За табачным ларьком наша цель — ларек с мороженым. Про мороженое у бабушки свой рассказ: как приехал иностранец в зверский мороз и дивился, как девчонки идут с мороженым и хохочут на всю Серпуховку.

Ларек на Серпуховке особенно хорош в мороз — крашеные неказистые рамы и заросшие льдом окна, сквозь которые не разобрать названия пачек. И продавщица в халате, надетом на что-то огромное, пухлое. И талые кругляши на индевелых окошках. И тусклый свет. А в кругляши видно продавщицу частями, она то пошевелится, то замрет и будто живет там.

Сортов много: пломбир в вафельном стаканчике с нежнейшим сливочным вкусом и кремовой розочкой — розовой или желтой; «За двадцать восемь» — колбаска с шоколадной оболочкой, пупырчато осыпанной орехами; на палочке эскимо — брусочек в шоколадной корочке; и не менее великолепный брусочек в шоколаде — «Ленинградское» за двадцать две копейки. Его мы и купили.

Болела челюсть, но я плелся, не сдаваясь, зная, что в сумке у бабушки «Ленинградское». Дома бабушка положила мороженое на блюдце — подоттаять. Я не удержался и отвалил шоколадный бортик, и оно дало белую лужицу по блюдцу. Наша кошка Мяка, тигрового окраса, оживилась, подошла и заинтересованно погладилась о мои ноги. Когда я уже взялся за ложку, бабушка вдруг задумчиво сказала:

— В войну привезли к нам в Юрьевец в эвакуацию ленинградских детей. Идут они по улице бритые (вши же), худющие, как скелеты. И вдруг кошка перебегает дорогу. И тут они как закричат: «Кошка! Смотри, кошка!»

Я представил всё — и колонну по двое одетых в серое худющих подростков, и Юрьевецкую деревенскую улицу, и как прокатывается это «Смотри, кошка!» — ветерком по изможденной этой поросли... Всё как живое видел. Но не понимал одного: при чем тут кошка?

— Они, что, кошек не видели?

— Нет.

— Почему?

— А съели в блокаду.

Хорошо устроена память — ощущение, что все ладно да гладенько, и ты молодец: помесь покладистости с созерцательностью. Однако бабушкин сказ о зубном походе выглядит иначе: *«25-го Мишке вырвали еще один зуб — распухла десна, выросла шишка. Что там было, не знаю. Дома орал, что не пойдет. Надену башмак — снимает, завяжу — развяжет, насили натянула пальто. На улице замолк, в троллейбусе — забыл, в очереди был спокоен и без единого звука дал вырвать. Дурак, я чуть инфаркт не заработала, с такой лошастью боролась. Почему-то в острых случаях я абсолютно спокойна, а мелочи доводят невыносимо».*

ГОРКА

1.

Вечер, темно, на Втором Щиповском пылает домишко. Мы стоим в толпе, и бабушка говорит: «Костром горит». Я не ощущаю ни страха, ни горя, ни сострадания к погорельцам и вижу только одно: торжествующий огромный костер. И, как обретение, беру его с собой — в память, в дорогу.

Утро. По радио звучит песня «Солнечный круг», и бабушка кривится: ее возмущают слова «пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я».

— Опять «я». И солнышко, чтоб грело... Ну и, конечно, мамочка — чтоб кормила. Тоже мне, пуп земли... Запомни: «я» — последняя буква алфавита. Всегда говори: «Васька, Серёжка и я».

Я умом понимаю бабушку, но с головой погружен в ощущение, что всё вокруг, включая пожарное зарево — мое и ради меня, и нет ничего,

кроме моего сверкающего окоёма, и что бабушка — его часть, и всё на свете управит.

К этому времени стену давно сломали, на пустыре закончилась стройка, и Мишка переехал в новый блочный дом. Тот двор наполнился целой ватагой, к которой мешалась ребятня из соседних избенок. Ватага была рыскачей. Лазили везде. Нашли мы в кирпичном сарае, на чердаке, залежи ламп дневного света — длинные мутные трубки. Вытащили их, аккуратно передавая друг другу, слезли и стали кидать в кирпичную стену дома. Стена была без окон — мы высоко целили, и лампы летели, вращаясь, и если попадали всей плоскостью, то разбивались с великолепным хлопком, оставляя на стене белую полосу.

Жизнь того двора кипела вокруг горки. Мы не запоминали, не знали, кто ее строил, кто заливал... Все будто само творилось... Светлый сизозеленоватый лед, дощатые бортики — скрипучее единение дерева и льда. Горка поскрипывает, чуть ходит, и лед будто держит доски.

Однажды я катился с горки на санках, и большой палец попал под полз. Бабушка кровавый ноготь забинтовала и сказала: «Теперь сойдет», а я не понял: «Как сойдет?» (не снег все-таки). «Так и сойдет».

Кто поменьше — катились на картонках и санках, постарше — лихо съезжали стоя, балансируя и выправляясь, когда ставил совсем боком. В конце ледяного языка, где он терялся в снегу, полет обращался в почти комичную побегку.

Бывало, карапуза развернет в конце ледяной дорожки. Он замешкается, отползая на снег, пытаясь ухватить заледенелой рукавицей картонку, та отскальзывает по льду, он тянется, а тут кто-то большой, истошно крича: «Эээ! Отход, малой!», сметет малыша, да и сам завалится, смешно перебирая ногами.

Обязательно какая-нибудь поперечная карапузная душа ползет по горке против движения вверх, цепляясь за бортик, не обращая внимания на возмущенные крики и толчки несущихся с горки. Или вдруг все начнут тоже с разбегу залезать на горку по ледяной дорожке, падать и снова лезть. А кто-то не успел съехать, отпустил картонку, и она несется пустая.

Здоровые лоботрясы, подгуляв, завалились на горку и несколько раз скатились с режуще-басовитыми криками: «Жэкаааа! Жэкааа! Давай!» А долговязый неуклюжий Жэка поехал и упал. Встав, деланно застонал и, держась за крестец, матюгнувшись, отковылял с ледяной дороги под дикий хохот. И откуда-то еще колоссальный толстый дядька взялся, еле забрался на горку и полетел... Снарядом, глыбой, ядром вынесся по ледяному языку и, вспоров снег, с грохотом врезался в ржавый гараж. С гаража рухнул на него пласт снега. Лёг весь двор.

А девочку звали Наташей. Она каталась на саночках — в белой шапочке и синем пальтишке. И в очередной куче-мале меня прибило к ней, и я шарахнулся лицом в ледяное ее личико, в зубки, и потом все старался рядом с ней забираться на горку и ехать рядом. Как-то вечером мы остались с ней вдвоем, и она сказала: «Хочешь, покажу тайну?»

Обычно девчонки всякими секретиками мучили: «Пойдем секретик смотреть». Землицу раскопает, а там стеклышко, а под стеклышком — цветные фантики. Да малохолный Алёша все приставал к нам с Мишкой, будто знает «военную тайну». «Что за такая тайна?» — пытали мы его, а он по-

сле долгого упирания и хихиканья сдался: «А Наташка сказала, что вы... выыы... эта... что вы дулаки».

Наташа оставила санки и, взяв меня за руку, повлекла на горку. Вечер был ясный, а тайна оказалась в том, чтоб съехать с горки на спине, а потом так и лежать на ледяной дорожке и «смотреть на звездочки».

Чувствую, как складываются зимние эти девочки в один образ, святой и прекрасный: темнеющая округа, синее пальтишко с белым пушистым воротничком и белая шапочка... Где ты, моя хорошая? Какие звезды мерцают над твоей головешкой? Помнишь ли детство?

Оно выдалось безгранично счастливым, несмотря на все беды, которые испытывало многострадальное наше государство. Мне даже кажется, что его последующее ослабление случилось именно из-за нас — слишком многое было упущено, чтобы нам взрослелось спокойно. И эти годы — сами как горка: за полвека не было счастливей поры у нашего народа...

2.

Из домишка, прилежащего к тому двору, был один Чернышёв, года на два меня старше, крепкий, с худощаво-широким лицом и смолево-смуглый. Есть такие лица — еще и с пятном где-нибудь на щеке, словно от избытка смоли. На горку пришла Наташа, и я нарочно устроил свалку, чтобы снова к ней притолкнуться. А потом начал толкаться уже на самой дощатой площадке. Между Наташей и мной оказался как раз тот самый малохолный Алёша. Я грубо его толкнул, а Чернышёв на меня прикрикнул. Я ответил, завязалась перепалка, и я крикнул: «Черныш чертов!» Выражение «чертов» я перенял от бабушки и им словно продолжал ее всевластие.

— А ну, проваливай в свой двор! — рыкнул Чернышёв и прогнал меня в шею. Я поперся с санками домой и, веря во всеильность бабушки, доложил о несправедливости и заставил навести порядок. Бабушка притащилась со мной через лаз, вернула справедливость и ушла домой.

Довольный, я скатился с горки. За мной следом на ногах слетел Чернышёв, опрокинул меня и, локтем придавив шею, вжал в снег: «Ну что? Бабка-то дома. А ты тут. Так что не выдрыпывайся. Пока я добрый. По-онял?» Я действительно понял.

3.

Зима постепенно заканчивалась, снег таял и таял. И с моим лиловым ногтем тоже что-то происходило таинственное, он словно задышал. Я проковырял иглой почерневшую, исшорканную корку: под ней вырос молодой и чудный розовый ноготь...

Уже текли ручьи вдоль мостовых. Мы пускали спичку и бежали за ней, и по ребристым треугольникам мутной воды она неслась и исчезала в решетке. На оттаявшей пахучей земле мы играли в ножички. Их было несколько разновидностей, включая сложнейшие «ордена и медали», где участвовала еще и свинцовая бита-кругляш. Не помню вовсе... И никто, видно, не вспомнит...

Только запах оттаявшей земли, воткнутой треугольный ржавый напильник и жар на лице.

А потом завязался розовый воздух в поднебесье, и настала знакомая праздничная пустынность... И когда тишина достигла эховой силы, то стал слышен далекий и раскатный гул. Это со стороны Чернышевских казарм по Серпуховке и дальше по Ордынке шли на парад танки.

Все ходили их смотреть — так и называлось: «Пойдем на Ордынку смотреть танки».

На Ордынке вдоль мостовой стояли людские берега, дети сидели на плечах, на пиково острых железных заборах, на деревьях...

— Смоли, «амфибии»!

Несмотря на плотнейший людской барьер, мы с Мишкой обязательно оказывались около мостовой и, дрожа от нетерпенья, вперивались в даль улицы, невидную и будто туманную.

Гул невидимой колонны рос и близился. И наконец *они* появлялись — зеленые, какой-то особой зеленью, с животворной примесью желтизны. Бабушка называла этот цвет болотным, и мне он очень нравился за природные истоки.

Сначала ехала по Ордынке какая-то колесная мелочевка, потом колесные же «амфибии» и бронетранспортеры, потом наконец танки, потом ракеты. На ракетах мне становилось скучно — по сравнению с танками, они представляли собой лишь нечто транспортно-инженерное, и поддерживало интерес лишь нарастание размеров.

Сухой лязг гусениц по асфальту. Сильнейший синий дым, звезды на броне, остроконечные, выточенные, с прямизной линий, лучевых треугольников, обрамленных желтой каемкой. И кругло, отдельно торчащая голова механика-водителя в шлемофоне — как черная фара. Она настолько внизу, что непонятно, куда помещается остальное тело. Башни у танков выпуклые с боков и неровные, словно их ляпали с размаху из огромного зеленого теста и наскоро правили шершавым мастерком.

И вот проходит последняя ракета, огромная зеленая труба, в которой меня волнует только мощнейший тягач... Потом через промежуток проносятся какой-то ошалевший «газик», и всё...

И шевеление начинается в людских берегах, и нас выносит на площадь, где народ разбредается... И снова простор, и празднично пустынно, и где-то вдали затихает грохот, и мы идем по отпечаткам гусениц, белесой крошке. И стоит запах выхлопа, уже слабый, но такой терпкий, что кажется, синий дым еще висит волокнами над оживающим городом. А розоватая дымка уже до совершенства настоялась на серебряном поднебесье.

Был у бабушки специальный один голос. Он негромкий и чуть ниже обычного, и с торжественной, почти шершавинкой, но не перерастающей в явную дрожь. И вот мы идем по пустой улице, и смесь музыки и дымки сеется с неба, и бабушка вдруг говорит, что в 41-м танки с парада с Красной площади «прямо на фронт пошли». Меня это поражает. Танки, как живые, решили с завода совсем попутно на парад заскочить, провести площадь напоследок... И эта решимость — часть какой-то огромной и тягучей силы, завладевшей нашей землей в те туманно-далекие годы и спасшей ее от гибели. И я еще крепче держу за руку бабушку и не понимаю, какое считанное число лет отделяет меня от Победы.

А бабушка вдруг начинает говорить, что, когда я вырасту, придет совсем другое время, и я стану очень занятой, и мне совсем не до нее будет...

А я чувствую, что и в моем голосе вот-вот завяжется шершавинка, что надо успеть до нее, пока совсем не свело скулы, и говорю: «Бабушка, я всегда с тобой буду». И бабушка тоже хочет что-то сказать, но не говорит и только отворачивается и сжимает мне руку...

Потом мы с Мишкой и Чернышёвым дупили битой по чижику, и чижик был обоюдоострый, кто не знает, и острия эти имели необыкновенно четкие грани. А девчонки играли в «классики» на асфальте, и мы тоже иногда перетекали к этим классам, расчерченным розовыми или белыми мелками. И блажь стояла в воздухе, и мама говорила: «Теплень».

И бабушка уже говорила о деревне, о том, что меня надо пораньше забрать из школы, и что уже договорилась с Екатериной Фроловной.

И мне снится первый мой сон, который я осознаю и запоминаю: будто огромная и довольная морда электрички оказывается в нашем дворе, как раз в районе лаза. Очень хорошо показаны огромность и круглость морды и уменьшение, сход состава в перспективу, дающее что-то летящее, полное надежды и шири. И я восхищенно повторяю первое в жизни толкование сна: что, оказывается, во сне соединяется то, что волнует тебя в жизни, то, что тебя окружает, — вот, например, наш двор и мое ожидание дороги. И что вписана дорога в мое окошко, в мой дом и двор, с которым я сросся до самых тополиных корней.

ВЫШЛА КНИГА

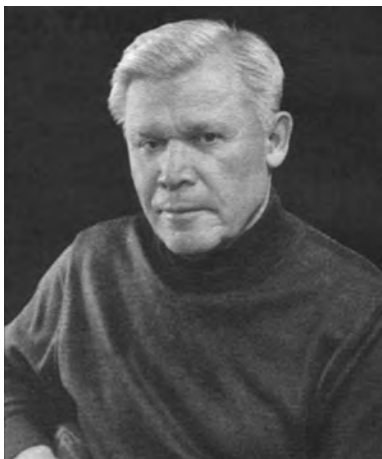
Никонов В.А.

28 мгновений весны 1945 года. Иллюстрированная версия. М.: АСТ, 2025. 768 с..

Это книга о Великой Победе. О Победе наших отцов, дедов и прадедов над самым страшным врагом в истории человечества ценой самых больших жертв в истории человечества. Каждый день весны 45-го — шаг к Победе. И каждый шаг стоит десятков тысяч жизней. И никто не знает, сколько шагов еще надо пройти, кто останется жить, а для кого этот шаг станет последним. Каждый день приближает гибель все еще мощного нацистского зверя. И происходит, казалось, немыслимое: союзники в битве с фашизмом идут к столкновению друг с другом, к «холодной войне».

Мы вместе переживем каждый день весны 45-го. Побываем на полях жесточайших сражений. В Кремле. В Берлине. В Вашингтоне, Лондоне, Токио, Париже, Риме. Вспомним каждый день, который приближал Победу, и отдадим дань памяти тому поколению наших предков, которые подарили нам свободу и саму жизнь. И лучше поймем себя и мир, в котором живем сегодня.

Ренат ХАРИС ТАНК ПО ИМЕНИ «АЛЁША»

*Поэма, посвященная
Казанскому танковому
училищу*

Ренат Харис (Харисов Ренат Магсумович) — Народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском, чувашском языках. Родился в 1941 г. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарем СП Татарстана, зам. Министра культуры, главным редактором, зам. Председателя Госсовета Татарстана, народным депутатом Парламента республики трех созывов. Лауреат Государственной премии РФ, Государственной премии Республики Татарстан и др. Заслуженный деятель искусств Татарстана, заслуженный работник культуры Чувашии и Каракалпакии (Узбекистан). Секретарь СП России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член главной редколлегии Татарской энциклопедии. **Живет в Казани.**

1.

*Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.*

Василий Фёдоров

В день рождения Пушкина-поэта
в центр Казани сходится народ.
Ярким солнцем вся земля согрета,
и стихи взлетают в небосвод.
На татарском языке, на русском —
до небес стих Пушкина летит.
То веселым к небу мчит, то грустным,
то, как птица, в воздухе парит!
Выступать мне нынче не хотелось —
не готов я был к речам в тот час.
Но в душе без музыки запелись:
Пушкин,
делибаш!¹
и наш Донбасс...

То ли это теплые потоки
сам поэт мне в этот день прислал,
но я вспомнил пушкинские строки,
что однажды он нам написал:

«Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье...»

И все это, как во сне, лишь снится,
иль я вправду вижу наяву,
как у танка ствол стальной дымится,
разрывая в клочья синеву!

Еле слышно шелестело лето,
солнце с неба всех жестоко жгло,
и с трибуны, где стоят поэты,
я сошел, вздыхая тяжело...

В этот час в родном краю, Донбассе,
мой земляк, кипевший бурей сил,
в бой вступил с колонной
вражьей мрази
и ее бесстрашно разгромил!
Над Донбассом задымленным,
мглистым

¹ Делибаш — страж турецкого паши. В переводе с турецкого означает «сумасшедшая голова». В данном случае — отчаянный храбрец, смелый воин.

враг исчез, как призрачный мираж,
а во мне, наперекор фашистам,
в памяти возник вдруг «делибаш...»

В то, что телепатией¹ зовется,
верю — это в нашей жизни есть.
Небо в клочья над землею рвется.
Нашим миром правят зло и месть!
Мне в тот день внезапно захотелось
разглядеть сквозь всполохи огня —
танк, в котором есть напор и смелость...
Жаль, в танкисты не возьмут меня!
Стар уже я, и уже не волен
воевать ни день, ни даже час.
Но мой стих летит, как дрон, над полем
и собою лечит он Донбасс!..

2.

*Зачем меня преследует война,
Иль на покой я не имею права?*

Сибгат Хаким

...Захожу в училище танкистов.
(Разрешили мне здесь побывать.)
Аккуратно все вокруг и чисто,
есть что приходящим показать.

В ряд стоят курсанты — те, что в бронзе,
это все герои прошлых войн.
При любой угрозе и морозе
каждый здесь стоит, как часовой...

Вот шагаю тихо по музею —
всюду дышит гордость на меня.
И гляжу вокруг я, и робею,
слыша жар далекого огня.

Кто же только здесь не обучался!
Кто курсантов здесь не обучал!
Где же только русский танк не мчался
и кого он только не встречал!

Не речисты, но душой лучисты
наши парни всюду шли вперед.
(Здесь мой брат двоюродный учился,
нынче помощь он Донбассу шлет).

Много тех, кто к нам стремился рьяно,
ну, а после был в России бит.

¹ Телепатия — передача мыслей на расстоянии.

Узнаю я здесь Гудериана¹,
что под Курском нами был разбит.

Это с ним в Россию рвались «тигры»²,
то есть танки, злые, словно зверь.
Но война — это совсем не игры,
это всюду только кровь и смерть.

Он кричал танкистам: «Drang nach Osten!» —
бешеному фюреру впад...
Но не знал он, что оставят кости
здесь немецких полчища солдат.

Я люблю Отчизну до поджилок,
да и как ее мне не любить?
Лишь бы прошлых не свершить ошибок
да с умом с друзьями нам дружить.

...Всё на свете стало беспокойным —
мир наполнен духом боевым.
Я узнал: «Алёша»³ — танк родной нам,
был стальным, а сделался живым!
Словно замыкание случилось,
или рядом с нами вспыхнул взрыв,
будто солнце в щели просочилось,
весь музей собою озарив!
Показалось, в этой грозной стали
бьется сердце, как в живой груди.
И хоть мы от войн уже устали,
но судьба зовет нас впереди!
И я понял — есть язык у танка,
и глаза,
и уши,
и слова,
и еще — у танка есть осанка,
а под люком скрыта голова.
Этот танк бесстрашен и неистов,
с ним сроднился каждый наш солдат.
Было время, он громил нацистов,
а сегодня стал он экспонат.

¹ Гейнц Гудериан — генерал-полковник вермахта. Его танковая армия была разбита на Курской дуге. В 1926 г., нарушив Версальский договор о запрещении Германии иметь бронетанковые войска, Германия и СССР открывали совместную танковую школу «Кама». В 1929 г. подполковник Гудериан приезжал в Казань с инспекционной проверкой.

² «Тигр» — немецкий тяжелый танк времен Второй мировой войны, прототипом которого являлся танк VK 45.01 (H), разработанный в 1942 г. фирмой «Хеншель».

³ «Алёша» — имя легендарного русского танка, который 6 июня 2023 г. (это был день рождения А.С. Пушкина) в одиночку разгромил бронеколонну неонацистов и уничтожил множество бандеровцев.

Этот танк ни речек не боялся,
ни сирийских огненных пустынь.
В свисте пуль он, как в дождях, купался,
не внимая окрику: «Остынь!»
Не боясь ни армий, ни полиций,
мир насыщен до предела злом.
Кто не видел, как среди столицы
танк огнем плевался в Белый дом?
В этот день он чуть ли не героем
ощущал себя... Ну, а потом —
наблюдал, как выходили строем
депутаты, покидая Дом.

Баксиков Расим¹, еще курсантом,
постигал армейские шаги,
потому он не был дилетантом,
когда встали на пути враги.
А потом — «Алёша», «Ласка», «Лёня» —
слили в общий ком свои сердца,
и сквозь чащу рощи опаленной
в бой рванулись три лихих бойца!

Жаль, что мы не встретились с Расимом!
Жизнь порой бывает и слепа.
Вот и мы прошли друг с другом мимо...
Боевое время!.. Не судьба...

3.

*Он на вражеские танки
Шел со связкою гранат,
Не успели оглянуться —
танки полымем горят...*

Фатих Карим

В своих стихах я говорил не раз —
и с солнцем, и со скалами, и с морем,
а то с тяжелым, невозвратным горем,
что всем грозило опечалить нас.
Включив компьютер на один лишь час,
у монитора не сомкнул я глаз
и, как во мраке или же в тумане,
увидел вдруг на голубом экране
всё, что хотел я разглядеть сейчас.

Тут на меня помчались «делибаши»!
Они неслись вдоль пашен и лесов,

¹ Баксиков Расим Рашидович (татарин) — командир танковой роты, который заменил раненого водителя танка по имени «Алёша» — Ф. Евсеева (якут). Сев на его место, Баксиков с командиром танка А. Леваковым (русский) и стрелком А. Неустроевым (якут) в неравном бою уничтожил вражескую бронекolonну. Все четверо — Герои России.

а с ними — грохот, рык и рев лесов,
и понял я, что были то не «наши».
Я не казак. И у меня в руке —
не пика, а всего лишь авторучка.
Здесь дом родной мой: и жена, и внучка.
А «делибаши» уж не遠далеке.
Они вот-вот испепелят мой дом!
От них не скрыться, не уединиться.
Хоть обмануть бы! Как-нибудь отбиться...
Но как унять мне этот злой содом?
Ведь будут мстить мне, словно за позор —
за труд татар, сроднившихся с Донбассом,
за блеск угля, сверкающий алмазом,
за нашу песню, где герой — шахтер.
Фашисты мне, конечно, отомстят
и помешают жить до мирной жизни.
Но все равно мы защитим Отчизну,
чтобы она цвела, как белый сад!

И танк «Алёша», прячась средь берез,
вдруг выстрелил по вражеской колонне —
да так, что танки замерли на склоне,
как будто каждый там навечно врос.

А наш «Алёша» мчался напролом —
так, что фашисты показали спины.
Горели танки и бронемашины —
всё превращалось там в металлолом!

Спеша «Алёшу» подменить в бою,
другой наш танк вдруг заработал рану.
Но как сражаться с дыркой в башне рваной?
Не навоюешь, повредив броню!

Увидев танк, подстреленный врагом,
«Алёша» тут же тянет его тросом —
под гущу леса, к елям и березам,
за видный холм, за ближний бурелом.

Над горькой гарью жаркого металла
летят снаряды с ночи до утра,
и никому в сражение не хватало
ни выкриков «Вперед!» или «Ура!»

В международной душегубной драке
взлетают часто маты... (И не зря!...)
Но помогают нам не только танки,
а также мощь родного словаря...

«Алёша» вновь — лугами, берегами —
летит вперед, не опуская взгляд...

Земля покрылась мертвыми врагами,
мы им не дали убежать назад...

Глазастый дрон — во мне. Ему не спится.
Он видит всё — и полночью, и днем.
Он на посту, с оседланным конем¹,
и никогда от них врагу не скрыться!

Ну вот, мой конь, боец мой дорогой!
Трансмиссии натянуты, как жилы.
Есть след царапин... Экипаж другой,
А прежний — весь накапливает силы.

Он в край родной уехал отдохнуть,
но дуло танка повернул на Запад.
Опять на фронт ему проляжет путь,
и, может, это будет уже завтра.

Душа полна неудержимых гроз,
плывут над миром ночи и рассветы,
а я «Алёше» задаю вопрос,
и он дает мне четкие ответы.

Он отвечает на вопрос любой
без грубых слов и ласковых улыбок, —
эпохам, странам, людям пред тобой, —
лишь задавай вопросы без ошибок!

4.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром...

М.Ю. Лермонтов «Бородино»

— Скажи, стальной мой друг «Алёша»,
легко ли жить, погибших множа?
Однажды волка встретил я —
аж вздрогнула душа моя!

Связав три сердца в общий узел —
татарина, якута с русским —
не побежите ль кто куда,
как с горки быстрая вода?

— Ах, мой поэт! Да я ведь тоже
убит быть в битве не хочу.
И про себя шепчу: «О Боже!» —
не дорого ли я плачу?

¹ Оседланный конь — это выражение из татарской поговорки: «В сердце настоящего мужчины всегда стоит наготове оседланный конь», то есть мужчина готов к защите Отечества.

Способность страхов не бояться —
и есть тот воинский порог,
где, прошагав все сто дорог,
мы вновь с врагом готовы драться.
Я знаю, будет он разбит,
а мы здесь обретем победу.
Повсюду взрывов гул гремит,
как будто я по минам еду.
И в тот же миг мои друзья
взмахнули все шестью руками —
и очутился мигом я
лицом к лицу перед врагами.
Враг наступал на нас тогда,
повсюду запах гари плавал,
и танк немецкий я тогда
плевками жгучими расплавил.

— Что? И тебя тревожат дроны?
Враг рушит цельность обороны?
Вон — за снарядом мчит снаряд,
на землю рушится, как град!

— Коль так — меня бы все тут знали
и среди всех героем звали...

Умение нам быть не лишним
дано от матушки-Земли,
а храбрость вручена Всевышним.
(Мы с ним стать сильными смогли!)
Герой живет ради Державы,
но кто героем стать горазд?

Мы здесь не ищем легкой славы,
да нам и Бог такой не даст...

— Что ты имеешь — радость, стыд?
Набор страданий и обид?
Надежду, веру и любовь
иль обжигающую кровь?..

— Что мне сказать?¹ Мой путь указан,
куда идти, где быть в бою.
Через людей я с миром связан,
хоть сам — из стали состою.
Я в мир гляжу людей глазами
на яркий мир, что лег вокруг,
на красоту под небесами —
и лес, и ров, и ближний луг.
Я в мир вокруг смотрел лучисто

¹ Это ответ танка по имени «Алёша» поэту Ренату Харису.

и знал — враг будет побежден!
(И в мысли всех моих танкистов
я, словно в книгу, погружен...)
Я всех уже могу по лицам
своих танкистов узнавать —
кому настало время злиться,
кому пришел час ликовать.
Не раз я к вражеским окопам
спешил, чтоб им устроить ад,
враг был готов аж до Европы
бежать, чтобы спасти свой зад.
И я решил — конец фашистам,
пора их всех испепелять,
чтоб на планете стало чисто.
(Но трудно все ж в людей стрелять...)

Порой нам всем нужна подсказка,
чтоб знать, что следует за чем.
Солдату в битве надо каска,
ну, а танкисту важен шлем.
Когда хоть чуть я отступаю,
меня гнетет обида, стыд,
я словно плохо поступаю
или в бою врагом подбит.
В момент атаки я счастливый,
с Победой снова я живу!
И снова мир наш справедливый,
и с нами счастье наяву.
Бои у нас идут все чаще
и, отгоняя с сердца тень,
врагам, засевшим в ближней чаще,
я приближаю Судный день!

Жить и любить вовек не поздно —
при всех страстях и всех властях,
лишь только вили б птицы гнезда
на мной израненных ветвях.
Пусть «Абрамсы» горят в атаках
и «Леопарды» на огне,
но выживших в горящих танках —
не довелось увидеть мне...

— А мне вот встретился однажды
танкист с колодкой орденов —
душой отважный, бесшабашный,
а звать его — Сергей Орлов.
В войну он в танке подорвался
и был опасно поражен.
Но он огню в бою не сдался
и лишь лицом был обожжен...

5.

*Они палят, палят с заката,
Но солнце расстрелять нельзя.*

Сергей Орлов

В февральский день, когда погиб поэт
и Пушкина читал я, вспоминая,
вновь «Делибаш» явился в мой рассвет,
мираж той битвы вызывая.

На письменном столе моем лежат:
как гильзы раскатившиеся ручки,
страницы, что легонечко шуршат,
игрушки — то ли внука, то ли внучки.

Вот персонажи пушкинских стихов —
они припоминаются мне сразу.
Я делибашу дал букет цветов,
а казаку — сверкающую вазу.

Я к черным дырам Космоса свезу
снаряды, бомбы, чтобы распрощаться,
пусть войны прольют по ним слезу,
а для других все это будет счастьем!

Пожалуй, это все отчасти грех,
но только бы Земля была счастливой.
Пускай поэты славят наш успех
и будет наша Родина красивой.

Так пусть «Алёшу» встретит впереди
не вражий дот, не хитрая приманка,
а бьющееся у него в груди,
не зная остановки, сердце танка!

Он весь из стали — сердце и одежда.
Он — настоящий человек. Алёша!

*Перевод с татарского языка
Николая Переяслова*

Точка ЗРЕНИЯ

Александр МОСЯКИН ЛЕНИНСКАЯ ДОКТРИНА ПОРАЖЕНЧЕСТВА И «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ» РОССИИ

*Историко-
публицистический очерк*

Александр Георгиевич Мосякин — известный историк-архивист, публицист, в прошлом — геолог-нефтяник, искусствовед и журналист. Из-под его пера вышли книги «За пеленой янтарного мифа. Сокровища в закулисные войны, революций, политики и спецслужб», «Миф о Янтарной комнате», «Фальшивки и мистификации: от искусства до политики», «Ограбленная Европа», «Путь ислама. От Пророка до Еврохалифата», «Судьба золота Российской империи в срезе истории 1880–1922», «Золото Российской Империи и большевики» (3 т.), «От перестройки до Путина. Третья русская смута» и другие. Документы и материалы, опубликованные автором, использованы во многих документальных фильмах.

ЧАСТЬ II. ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ» РОССИИ

В тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» в августе 1914 г. Ленин заявил, что «наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России», и поставил задачу борьбы с царизмом, а также «с великорусским, панславистским шовинизмом и проповедь... освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов». А в июле — августе 1915 г. он пишет программную работу «Социализм и война», в которой излагает доктрину деколонизации мира, имея в виду прежде всего Россию.

Россию от русских надо «освободить»

Анализируя в этой работе современный капитализм, Ленин пишет: «Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу “великих” держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всякого рода»¹.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 26. С. 313–314.

Продолжение. Начало см.: Родная Ладога. 2025. № 3. С. 177–202.

Это верно. Но далее, в главе «Война между крупнейшими рабовладельцами за сохранение и укрепление рабства» Ленин привел любопытнейшую таблицу «Раздел мира между “великими” рабовладельческими державами». Вот она¹:

«Великие» державы	Колонии (1914)		Метрополии (1914)		Всего	
	млн кв. км	млн жителей	млн кв. км	млн жителей	млн кв. км	млн жителей
Англия	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
Соед. Штаты Сев. Америки	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Шесть «великих» держав	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии, принадлежащие не великим державам (Бельгия, Голландия и др.)	9,9	45,3			9,9	45,3
Три страны «полуколонии» (Турция, Китай, Персия)					14,5	361,2
ИТОГО					105,9	1367,1

Как видим, Ленин отнес Россию к числу рабовладельческих колониальных держав, угнетающих человечество², хотя ни колониальной, ни тем более рабовладельческой Россия никогда не была. Да, от века к веку Московское царство, а потом Российская Империя геополитически расширялись и мирным, и военным путем, но ничего общего с западным колониализмом и рабовладением это не имело. Ленин это прекрасно знал и тем не менее называл Россию самой отсталой страной, а русскую монархию — самым реакционным политическим строем на земле, что тоже не соответствовало действительности.

По мнению Ленина, «реакционную» русскую монархию нужно было уничтожить, а вместе с ней и российское государство как таковое. Взгля-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 26. С. 314.

² В 1916 г. В.И. Ленин разовьет эту концепцию в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 27. С. 373–385.

ните, как он разделил территорию исторической России на «метрополию» и «колонии»: из 22,8 млн кв. км территории Российской Империи к «метрополии» Ленин отнес лишь 5,4 млн, а остальные 17,4 млн причислил к «колониям». То есть ***территорию России Ленин ограничил Русской равниной («Московией»), все остальное — это «колонии», которые нужно от «великорусского ига» освободить.***

Ленин пишет: «Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, то есть менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны. Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т.д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных “инородцев”: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация “инородцев”. Таким образом, со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противоосвободительным характером»¹.

Россия (которую Ленин считал «тюрьмой народов») и русский народ в глазах большевистского вождя предстают грабителями и угнетателями сонма «бесправных инородцев», хотя они составляли более половины правящей элиты Российской Империи, а национальные окраины пользовались особыми привилегиями, в отличие от европейских колониальных держав, нещадно грабивших свои колонии. Но Ленин этого в упор не видит, зато видит «варварский гнет великороссов», из-под которого народы Российской Империи надо освободить, а саму Империю развалить. То, что это будет означать гибель российского государства, а с ним и русского народа, Ленина не волнует. Он даже не допускает мысли о том, что освобожденные от «русского ига» народы сами станут угнетателями русских людей на подвластных им территориях (что наблюдается сплошь и рядом). Ленин видит зло только в русском народе и в России, не допуская проявления зла в других, и потому выступает за борьбу с «великорусским шовинизмом» ради «освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов».

По его концепции, все населяющие имперскую Россию этносы должны иметь право на свое государство, потому что «создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии»². Но это полная чушь!

Тысячелетнюю Россию (имперскую по своей природе) соборно строили и строят все населяющие ее народы при великорусском большинстве. Те же малороссы внесли неоценимый вклад. Кем был княжеский, графский и дво-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 26. С. 318.

² Там же. Т. 25. С. 276–277.

рянский род Разумовских, происходящий от малороссийского казака Якова Розума? Алексей Григорьевич Разумовский был фаворитом Императрицы Елизаветы Петровны, а его брат Кирилл (последний атаман Войска Запорожского) был генерал-фельдмаршалом русской армии и полвека — президентом Российской академии наук. Александр Андреевич Безбородко, родившийся в семье малороссийского шляхтича, стал канцлером Российской Империи. Тысячи уроженцев тогдашней Малороссии вписали свои имена на скрижали российской истории и культуры. Уроженец села Сорочинцы Миргородского уезда Николай Васильевич Гоголь и на «четверть эфиоп» Александр Сергеевич Пушкин создали русский литературный язык.

Российская Империя являла собой удивительный симбиоз славянских, тюркских и других народов. Богатейший в дореволюционной России княжеский род Юсуповых происходил от ногайского хана Юсуфа. Татарские или тюркские корни имеют многие известные дворянские роды России: Апраксины, Аракчеевы, Булгаковы, Бунины, Годуновы, Голицыны, Дашковы, Кочубеи, Куракины, Мансуровы, Милюковы, Сабуровы, Салтыковы, Строгановы, Шереметевы — всех не перечислить. А славные царские и княжеские грузинские рода (Багратиони, Чавчавадзе и др.) сколько дали России!

А немцы и шотландцы на службе Российской Империи? Генерал-фельдмаршалы: Яков Брюс, Бурхард Миних, Михаил Барклай-де-Толли, канцлер Российской Империи и министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде; писатель Фонвизин. Во время Первой мировой войны Балтийский и Черноморский флоты России возглавляли этнические немцы: Николай Оттович фон Эссен и Андрей Августович Эбергард. Сменивший его вице-адмирал Александр Васильевич Колчак тоже был не русских корней. Командующий 1-й русской армией Павел Карлович Ренненкампф (зверски убитый большевиками) в августе 1914 г. наголову разбил 8-ю прусскую армию в битве при Гумбиннене. Две трети дворянских родов России имели нерусские корни. Императорский дом Романовых со времен Екатерины II «по крови» являлся немецким, а столицу Империи Санкт-Петербург строили лучшие европейские архитекторы вместе с русскими. Так о чем пишет Ленин?!

Он искусственно сепарирует исторически сложившуюся **российскую общность народов**, разделяя в ней великорусское большинство и всех остальных, относясь к этому большинству очень своеобразно. По его мнению, у каждого народа должна быть своя национальная квартира в виде государства или автономии, а русским не остается НИЧЕГО. Дробя Россию на национальные вотчины, Ленин лишал русских людей права на самоопределение. В этом заключалась суть ленинской национальной доктрины, которую он, вместе с идеологией пораженчества, претворял в жизнь, едва вступив в апреле 1917 г. на русскую землю. Но удивляться тут нечему.

Русофобия ленинизма

Ленин, как и его европейские учителя, был отъявленным русофобом¹. Он ненавидел Российскую Империю, а великороссов называл «рабами», «хамами», «холуями», «подлецами и насильниками», «держимордами», «ве-

¹ См.: *Мосякин А.Г.* Ленин и революция. Диктатура пролетариата и русофобия. М.: Вече, 2024.

ликорусской швалью». Почитайте его опусы и убедитесь, некоторые цитаты мы здесь приводим. Ни к одному другому народу или его представителям Ленин подобных «эпитетов» не применял. Своеобразно Ленин относился и к русской культуре. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» в декабре 1913 г. он писал: «Кто защищает лозунг национальной культуры, — тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов. Может ли великорусский марксист принять лозунг национальной великорусской культуры? Нет. <...> Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной культурой великороссов»¹. Тем самым Ленин признал дореволюционную русскую культуру враждебной большевизму, ведь она и была культурой церковной, придворной, культурой «дворянских гнезд» и «буржуазных» кругов, другой не было².

Из борьбы с «великорусским шовинизмом» и «господствующей, черносотенной и буржуазной культурой великороссов» вытекает потакание Лениным «иностранческому» самосознанию и национализму. Ленин даже вывел теорию двух национализмов: «национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»³. С первым нужно было вести непримиримую борьбу, а на второй можно было смотреть сквозь пальцы. Великороссов можно гнобить и оскорблять, «иностранцев» трогать нельзя.

Выступая в конце апреля 1917 г. на 7-й Всероссийской конференции РСДРП(б) с речью по национальному вопросу, Ленин категорически не согласился с мнением Дзержинского «про свою угнетенную Польшу, что там все шовинисты» и заявил: «Политика Польши является вполне национальной, благодаря долгому угнетению Россией, и весь народ польский пропитан насквозь одной мыслью о мести москалям. Никто так не угнетал поляков, как русский народ. Русский народ служил в руках царей палачом польской свободы. Нет народа, который бы так был пропитан ненавистью к России, нет народа, который бы так страшно не любил Россию, как поляки»⁴.

Итак, по Ленину, **«никто так не угнетал поляков, как русский народ»**. Ленин обвиняет в этом не российское правительство или «реакционный царский режим», а в целом русский народ, выделив его из всех народов Российской Империи, составлявших ее правящую элиту и тоже «угнетавших» поляков, включая самих поляков. Но Ленин видит в угнетателях только русских людей, забывая об исторических грехах и преступлениях польской шляхты, королей, военачальников, солдат, да и массы простолюдинов в отношении России и русских, а также других

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 24. С. 121–122.

² Свою теорию культуры В.И. Ленин связывает с марксистской теорией классовой борьбы и там же пишет: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только “элементов”, а в виде господствующей культуры». Разложите творения Пушкина, Гоголя, Достоевского по ленинским «полочкам». Получится? Это даже не вульгарный марксизм, а какой-то выворот больного сознания.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 45. С. 358–359.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 31. С. 432, 436.

православных народов, бежавших от польского гнета к русским царям. Ленин будто забыл об этом. Когда польский народ, в большинстве своем обожавший диктатора Пилсудского, превратился из «угнетаемого» в угнетателя нацменьшинств, Ленин ни разу не назвал поляков угнетателями, держимордами или палачами, называя так только русских, которые в его глазах во всем виновны.

Ленин в своих сочинениях нигде не называет себя русским человеком или россиянином. Он представляется от третьего лица: «мы, пролетарии» или «великорусские пролетарии», позиционируя себя не как часть русского или российского народа, а как часть «класса без отечества» — пролетариата. Он отторгал себя от русского народа, а отторгая, унижал его. Это серьезная душевная болезнь, именуемая *русофобией*. Откуда она у него? Видимо, тут и воспитание матери-германофилки, и долгое проживание в антирусской Европе, и душевные травмы, связанные с русской монархией, — всё это вкупе дало результат. Причем русофобия у Ленина своеобразная. В статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914 г.) он удивительно раскрывает свою «любовь» к России. Приветствуя появление революционного сознания у русских людей, Ленин пишет:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (то есть 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов... Полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: “Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы”¹. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, топящей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. <...>. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (называет удушение Польши, Украины и так далее “защитой отечества” великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам”².

Ленин оскорбляет русских людей за «отсутствие революционности в массах великорусского населения» и за то, что «защитой отечества» в войне с германцами великороссы якобы прикрывают «удушение Польши, Украины» и других народов Российской Империи. Хотя ни о чем таком в декабре 1914 г. ни русские, ни другие российские народы не думали, и никакой Украины тогда не существовало. А вот проект «удушаемой великороссами» Украины, как Антироссии, и украинцев, как не русских, разрабатывало с конца XIX в. австро-венгерское Эвиденцбюро³, и его концепцию излагает в

¹ Цитата из романа Н.Г. Чернышевского «Пролог» (1867–1870).

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 26. С. 107–108.

³ Эвиденцбюро (нем. Evidenzbüro или Evidenzbureau) — служба информации (управление военной разведки) Австрийской империи, позже — Австро-Венгрии. Создано в 1850 г. для сбора информации военного и политического характера со штаб-квартирой в Вене. Являлась также службой контрразведки. Вела подрывную деятельность на территории Российской Империи, готовя планы ее развала по национальным вотчинам.

своих работах Ленин. А вернувшись из эмиграции в Россию, он приступил к реализации своих планов.

Мандат на развал России

Важно подчеркнуть: ***до Октябрьского переворота ни одна из территорий, входивших в состав Российской Империи и объявивших о стремлении к независимости, не получила признания со стороны центральной российской власти.*** Даже Временное правительство во главе с Керенским не решилось на такой шаг, вверив судьбу России и ее национальных окраин Всероссийскому Учредительному собранию. Зато большевики, захватив власть, стали в спешке признавать независимость отколовшихся от России территорий, подведя под это юридическую базу. 2 (15) ноября 1917 г. Совнарком РСФСР принял ленинскую «Декларацию прав народов России», где говорилось:

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения. Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой. Этой позорной политике нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России. <...>

Съезд Советов в июле этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение. Второй Съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно. Исполняя волю этих Съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях в России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹.

Слова о «рабстве народов», которое якобы имело место в царской России, указывают на то, что в основу сей декларации Ленин положил свою до-

¹ Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. № 215. 3 (16) ноября 1917 года.

революционную работу «Социализм и война», в которой определил Российскую Империю как «колониальную рабовладельческую» державу, где якобы процветает угнетение великорусским меньшинством большинства людей, которые «бесправны, как инородцы» и их нужно от «великорусского гнета» освободить. Все здравомыслящие люди понимали, что ленинская декларация (2-я статья) — это мандат на развал и гибель России. Задавались вопросом: как же так? Выступая в декабре 1917 г. на 1-м съезде военного флота, Ленин ответил: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹.

Границы России (и вообще границы) не имели для Ленина никакого значения, потому что он воспринимал мир через призму революционного марксизма, сделавшего творцом истории неимущий революционный класс-мессию — пролетариат, которому суждено овладеть миром. В центре его мироздания были не государственные границы и национальные интересы, а мировая пролетарская революция, ради которой он готов был на все. Ленин писал, что большевики не стояли «за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели»². Эта ленинская идеологема не укладывалась в нормальном человеческом сознании, но вытекала из «великой цели» (утопии), ради которой большевики захватили власть.

«На Россию мне наплевать...»

Когда в конце 1917 г. в Петроград приехал старый друг семьи Ульяновых, Георгий Соломон, чтобы узнать, что теперь будет с Россией, Ленин бросил ему в лицо: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать — это только этап, через который мы проходим к мировой революции»³. Вот она — сверхзадача и главная цель, ради которой большевики захватили власть в октябре 1917 года.

Мировая социалистическая революция была сердцевинной идеологии ленинского большевизма. Россия в этой стратегии была лишь первым звеном. Захватив власть в России, большевики надеялись распространить «диктатуру пролетариата» на весь мир. Троцкий не раз говорил, что Россия для него — «всего лишь полено», которое он готов бросить в костер мировой революции. Так думала вся большевистская верхушка. Мировая революция была некой формой психического заболевания, маниакальным самообманом кучки фанатичных мечтателей, которые готовы были положить на ее алтарь ресурсы захваченного ими огромного государства и создали Коминтерн⁴ — по дефиниции Ленина — «союз рабочих всего мира, стремящихся к уста-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 35. С. 115.

² Там же. Т. 25. С. 277.

³ Соломон Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. С. 9–11.

⁴ Коммунистический интернационал (Коминтерн, III Интернационал) — международная организация, созданная в марте 1919 г. В.И. Лениным и руководством РКП(б) объединявшая в 1919–1943 гг. коммунистические партии разных стран с целью совершения мировой социалистической (пролетарской) революции.

новлению Советской власти во всех странах»¹.

Вот что вспоминал на XIII съезде РКП(б) вождь Коминтерна Г.Е. Зиновьев: «Было время, когда в момент Брестского мира у нас в Центральном комитете партии все часами считали развитие событий в Германии и Австрии. <...> Мы считали тогда, что, во-первых, раз мы возьмем власть, этим самым завтра развяжем руки революциям в других странах. Мы считали, во-вторых, что если это, паче чаяния, не произойдет, то мы, как изолированная революция, как одна предоставленная себе самой революционная страна, продержаться не сможем и должны будем погибнуть»².

Мировая социалистическая (пролетарская) революция рассматривалась большевистскими лидерами как необходимое условие существования их режима, поэтому ей придавалось исключительное значение. До середины 1930-х годов внешняя и национально-государственная политика Советской России и СССР подчинялась решению этой задачи.

В манифесте Коминтерна, принятом в июле 1920 г. на его 2-м конгрессе в Петрограде, торжественно объявлялось: «Коммунистический Интернационал есть партия революционного восстания международного пролетариата. <...> Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира»³. Тогда кремлевские демиурги истории стали бы хозяевами этой всемирной федерации и завладели богатствами мировой буржуазии, которую они пустили бы по миру или в расход по жестоким законам классовой борьбы. В этом состояла суть исторической концепции троцкистско-ленинского большевизма. В припеве гимна Коминтерна, написанного немецким коммунистом Х. Эйслером, повторялись слова: «Наш лозунг — Всемирный Советский Союз!». А в гербе Советского Союза красовались серп и молот на фоне земного шара.

Плакат IV конгресса Коминтерна, 1922 г.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 38. С. 230–231.

² Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 10.

³ Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М.: Партиздат, 1933. С. 152.

Большевистские вожди жаждали власти над миром для его коренного переустройства. В такой глобалистской картине мира Россия, ее границы и народы ничего для них не значили. Поэтому, захватив власть, они принялись кромсать историческое тело России, «ампутируя» его части, как и обещал Ленин в 1914 году.

Сговор Ленина и Свинхувуда

Первым объектом этой «геополитической хирургии» стала Финляндия, которая по Фридрихсгамскому миру, заключенному в сентябре 1809 г. по итогам последней русско-шведской войны за Балтику, целиком, вместе с Аландскими островами, восточной частью Вестрботнии¹ и Лапландии до рек Торнео и Муонио, передавалась «в вечное владение России». Более ста лет вся эта территория входила в состав Российской Империи под названием Великого княжества Финляндского, имевшего большие экономические и политические привилегии (свой парламент), коих были лишены другие части Империи. Финнам в составе России жилось неплохо, поэтому после Февральской революции они не стали объявлять независимость, в отличие от Польши или Украины, которые весной 1917 г. двинулись к «незалежности».

Финское общество было расколото. В нем существовали две полярные силы по своей идеологии и внешнеполитическому вектору: это социал-демократы, прежде всего, Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ) с сильным леворадикальным крылом, и антирусские националистические партии, поддерживаемые из Швеции и Германии, ратовавшие за отделение Финляндии от России и установление в стране этнократического режима. После Февральской революции националисты (коих усилили вернувшиеся на родину ссыльные и эмигранты) укрепились в парламенте, готовясь провозгласить независимость, но их сдерживал вопрос о международном признании, так как ни США, ни европейские страны не соглашались признать Финляндию прежде, чем это сделает Россия.

Ситуацию изменила Октябрьская революция, которая, по словам историка Ирины Новиковой², «за одну ночь превратила финляндскую политическую элиту в сторонников выхода из состава Российской Империи, потому что существовал серьезный страх того, что революционные события в Петрограде переметнутся на территорию Финляндии»³. И тут случилось нечто очень странное. В тот же день, 2 (15) ноября 1917 г., когда появилась ленинская «Декларация прав народов России», финский парламент⁴ объявил себя высшей властью в бывшем «великом княжестве», что означало выход Фин-

¹ Вестерботен (швед. Vdsterbotten), или Западная Ботния, — историческая провинция Швеции в регионе Норрланд. Составляет восточную часть современного лена Вестерботтен.

² И.Н. Новикова — доктор исторических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ. Сфера научных интересов: история международных отношений в Балтийском регионе в XX — начале XXI вв., история Германии XX в., история Швеции XX в., история Финляндии, Великое княжество Финляндское в имперской политике России.

³ Фрагмент интервью И.Н. Новиковой для фильма Е.Н. Чавчавадзе (прислан автору Чавчавадзе).

⁴ В России его называли сеймом, по-шведски он назывался риксдаг, а новое финское название — эдускунта.

ляндии из-под российской юрисдикции. Это произошло сразу после выхода ленинской декларации, одновременно. Поскольку такие документы готовятся загодя, то можно утверждать, что и ленинский мандат на развал России, и финская декларация о независимости готовились согласованно, скорее всего, при участии заинтересованных кураторов из Берлина. Не случайно, летом 1916 г. курировавший российское направление офицер немецкой военной разведки Штайнвакс и его агент Кескюла (с которым был связан Ленин) перебрались из Швейцарии в Стокгольм, готовя отделение Финляндии и Прибалтики от России, а оперативный штаб военной разведки Германии перебазировался из Берлина в Кёнигсберг, поближе к местам событий.

*Финский лидер, русофоб
П. Свинхувуд*

27 ноября 1917 г.¹ самопровозглашенный финский парламент сформировал правительство Финляндии (сенат). Его возглавил лидер ультранационалистической Финской партии Пер Свинхувуд², которому поручили выработать проект новой конституции. Передавая его 4 декабря 1917 г. на рассмотрение в Риксдаг, Свинхувуд огласил обращение сената «К народу Финляндии», где было заявлено об изменении государственного строя и содержалось обращение «к властям иностранных государств» (включая Учредительное собрание России) с просьбой о признании «полной независимости и свободы народа Финляндии».

6 декабря финский сейм незначительным большинством голосов (100 — за, 88 — против, 12 воздержались) провозгласил «Декларацию независимо-

¹ Здесь и далее даты даются по новому (европейскому) стилю. Принятый в Европе григорианский календарь был введен в Советской России с 1 марта 1918 года.

² П.Э. Свинхувуд (фин. Pehr Evind Svinhufvud; 1861—1944) — финский политический деятель, президент Финляндии в 1931—1937 гг., один из «отцов» ее независимости. Родился в шведской семье морского офицера. Всю сознательную жизнь был финнофилом, германофилом и русофобом. Начал трудовую карьеру как адвокат в окружных судах, затем служил помощником судьи в Апелляционном суде в Або. С 1892 г. работал в комитете Сената Финляндии по законодательству. В 1902 г. вернулся на работу в Або в качестве помощника судьи, где разбирал протесты местного населения против русификации. С 1907 по 1914 г. являлся депутатом финского парламента (Риксдага) и его первым председателем. Принадлежал к правому крылу младофиннов, выступал с шовинистическими лозунгами, призывал к союзу с Германией, отказался признать полномочия российского прокурора, за что был сослан в Сибирь. После Февральской революции вернулся на родину как национальный герой. В ноябре 1917 г. был избран председателем Сената (правительства) Финляндии, и после признания В.И. Лениным независимости Финляндской республики стал проводить антисоветскую и русофобскую политику. Во время его президентства в 1930-е гг. советско-финские отношения накалились до предела. В ходе советско-финской «зимней войны» 1939/1940 гг. хотел встретиться с Гитлером и Муссолини, а при нападении гитлеровской Германии на Советский Союз заявил: «Карелию — вернуть, а русаков — прочь с Севера!». С ненавистью к России он и скончался.

сти Финляндии», и этот день стал национальным праздником. Сейм также постановил, что «правительство в целях достижения признания государственной независимости Финляндии должно приступить к тем мерам, которые объявлены правительством необходимыми для этого»¹. По тогдашним международным нормам, Свинхувуду надлежало решить вопрос о независимости с советским правительством России, которое тогда еще никем не было признано, но на тот момент только оно обладало возможностями для заключения договоров.

Во время начавшихся 3 декабря советско-германских переговоров в Бресте² немецкие делегаты прозондировали мнение советской делегации о том, как поступит ленинское правительство, если финны обратятся к нему с просьбой о признании независимости. Советские товарищи дали ясно понять, что, если правительство Финляндии обратится с такой просьбой, то этот вопрос будет рассмотрен. Немцы тут же сообщили об этом в германское посольство в Стокгольме, а немецкие дипломаты через шведских «товарищей» уведомили финнов. 27 декабря финские представители обратились по вопросу признания независимости в Смольный — и тут же получили согласие народных комиссаров. 30 декабря в Петроград прибыла финская делегация во главе с П. Свинхувудом для вручения соответствующего ходатайства, а на следующий день, 31 декабря 1917 г., Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет о признании независимости Финляндии, где говорилось:

«В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской республики Совет народных комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет:

Войти в Центральный исполнительный комитет с предложением.

1) Признать государственную независимость Финляндской республики.

2) Организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России.

Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: Г. Петровский, И. Штейнберг, В. Карелин, Л. Троцкий, И. Сталин, А. Шлихтер.

Управляющий делами СНК Влад. Бонч-Бруевич.

Секретарь СНК Н. Горбунов»³.

¹ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. 2. С. 94.

² В мирных переговорах в Бресте участвовали представители Советской России, с одной стороны, и Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии — с другой. Разношерстную советскую делегацию возглавлял А.А. Иоффе; переговоры от имени Центральных держав вел немецкий генерал М. Гофман, к которому позднее присоединились их министры иностранных дел.

³ Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 71. (далее: ДВП СССР). Состав и порядок подписей под документом различен в подлинниках документа в России и Финляндии, его дубликаты и тексте для печати. Это постановление СНК было утверждено ВЦИК 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) и III Всероссийским съездом Советов 15 (28) января 1918 года.

После заседания Совнаркома Свинхувуд получил в Смольном из рук Ленина письменный акт о признании независимости Финляндии, а Ленин (в знак особой любезности) сам отнес текст декрета в редакцию газеты «Известия». Членов финской делегации поразила легкость и быстрота принятия советским правительством столь важного решения, как отторжение от исторической России огромной территории, отвоеванной во многих войнах¹. Без предварительной договоренности это было невозможно. Свинхувуд с Лениным загодя все обговорили, и финны приехали в Петроград лишь юридически оформить их сговор. При этом ключевые вопросы раздела территорий, делимитации границы, судьба базы Балтийского флота в Гельсингфорсе², участь российских подданных и имущества в Финляндии на миллиарды рублей не были решены. По своему мировоззрению Ленин и Свинхувуд были антагонистами, но их объединяла ненависть к Российской Империи и желание ее уничтожить; они вместе начали это делать, а все «мелкие вопросы» вождя мировой революции не волновали. Ленин обещал подарить и подарил финнам независимость из «принципа самоопределения» и в благодарность за то, что они прятали его от царского и Временного правительств и помогли взять Зимний дворец³. При этом финское правительство Советскую Россию не признало⁴.

Война за Карелию

В результате признания Лениным независимости Финляндии, помимо огромных материальных утрат, Россия в одночасье потеряла северное побережье Балтийского моря с главной базой Балтийского флота в Гельсингфорсе, получила территориальную проблему в Карелии (на нее претендовали финны) и утратила контроль над Аландскими островами, имеющими такое же значение для Балтики, какое имеет Крым для Черноморского региона. Потом большевики попытались дипломатическим путем оспорить принадлежность Аландских островов, но у них ничего не вышло. События развивались так, как большевистские вожди, делавшие ставку на скорую революцию в Финляндии, не предполагали.

¹ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 712; Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М.: Весь мир, 1998. С. 111–112.

² Гельсингфорс (швед. Helsingfors), после 1918 г. Хельсинки (фин. Helsinki) — столица и крупнейший город Финляндии, где находилась главная база Балтийского флота России.

³ «Финляндские войска» (в основном егеря), переодетые в форму матросов Балтийского флота, прибывшие утром 25 октября 1917 г. из Гельсингфорса в Петроград, захватили ночью оцепленный красногвардейцами и матросами Зимний дворец, обеспечив комиссару В.А. Антонову-Овсеенко арест Временного правительства. После этого внешнее оцепление дворца было снято, и туда хлынули революционные толпы, которые стали крушить и грабить дворец, а заодно и царские винные погреба под ним, устроив всепролетарский запой. — См.: Смилга И.Т. Историческая ночь: отрывок из воспоминаний // Красноармеец. 1919. № 10–15; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 34. С. 264–265.

⁴ Первым Советскую Россию признал в 1919 г. Афганистан. Весной и летом 1920 г. это сделали по мирным договорам страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва). И лишь в октябре 1920 г., в связи с подписанием Тартуского мирного договора с РСФСР, это сделала Финляндия.

Провозглашенная 27 января 1918 г. на юге страны и признанная большевиками Финляндская социалистическая рабочая республика (ФСРР) просуществовала три с половиной месяца. Белофинны, ведомые царским генералом К. Маннергеймом, разгромили финских красногвардейцев и вторглись на их плечах в Карелию, а за ними стояла Германия. 7 марта в Берлине был подписан германо-финляндский мирный договор, означавший военно-политический союз двух стран¹, и в тот же день обласканный Лениным глава финского государства Свинхувуд заявил, что Финляндия готова пойти на мир с Советской Россией на «умеренных Брестских условиях», если к Финляндии отойдут Восточная Карелия, часть Мурманской железной дороги и весь Кольский полуостров.

Большевики, не отошедшие от «брестского нокаута», невразумительно промолчали, и 15 марта Маннергейм отдал приказ о завоевании Восточной Карелии, куда финские войска вторглись тремя колоннами. 18 марта в занятом финнами поселке Ухта (Калевальский район) собрался прибывший из Хельсинки Временный комитет по Восточной Карелии и принял решение о присоединении Восточной Карелии к Финляндии. Финны также выдвинули план ликвидации Петрограда как столицы Советской России и превращения города и прилегающих территорий (Царское Село, Павловск, Гатчина, Петергоф, Ораниенбаум) в «свободный город-республику» наподобие Данцига. А в начале апреля союзные Маннергейму немецкие войска высадились на юге Финляндии и заняли Хельсинки (Гельсингфорс)².

Эти события испугали народных комиссаров, убежавших из Петрограда в Москву. 9 апреля нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил тревожную радиограмму германскому МИД³: «Отряд финских белогвардейцев наступает на Кемь, таким образом вторгаясь в пределы Российской республики. Россия обязалась не вмешиваться во внутренние дела Финляндии, но она не может равнодушно наблюдать враждебное вторжение на свою собственную территорию. Русское правительство надеется, что дружественное и вооруженно поддерживающее [финских] белогвардейцев германское правительство даст вытекающий из создавшегося положения совет правительству Свинхувуда и тем самым предотвратит неизбежное столкновение на Севере»⁴.

Но на стенания большевиков никто не обращал внимания. Между тем германо-финский альянс и высадка немецких войск в Финляндии вызвали серьезное беспокойство у стран Антанты, воевавших с Германией. Поэто-

¹ См.: Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. 2. С. 133.

² Основу 15-тысячного немецкого экспедиционного корпуса, высадившегося в Финляндии, составила 12-тысячная Балтийская дивизия под командованием Р. фон Гольца.

³ После заключения Брестского мира Советская Россия потеряла международную субъектность. Внешняя политика РСФСР в марте — октябре 1918 г. осуществлялась через посольство Германии в Москве (посол В. фон Мирбах) или через советское посольство в Берлине (полпред А.А. Иоффе) с выходом на германский МИД, поэтому радиограмма Г.В. Чичерина была адресована туда. Советской России было также запрещено иметь армию. В 1918 г. Красную армию формировали из наемников из числа военнопленных, находившихся в российских лагерях, или из иностранных добровольцев (например, сотен тысяч китайцев, служивших за деньги в Красной армии).

⁴ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 235.

му в начале марта 1918 г. в Мурманске, с согласия большевистского руководства¹, высадились войска Антанты для защиты Мурманского порта, тамошних военных складов и железной дороги от захвата германо-финскими войсками.

Возникла угроза кораблям Балтийского флота в Гельсингфорсе. Немцы не собирались его захватывать, однако этого опасались англичане, и работавший на их интересы нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий захотел взорвать и затопить Балтфлот на его главной базе. Но командующий флотом капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Щастный в апреле 1918 г., в сложной ледовой обстановке, вывел флот в целостности и сохранности из Гельсингфорса в Кронштадт. За этот подвиг большевистские вожди, испугавшись авторитета Щастного среди моряков, приговорили его к расстрелу, а «непокорный» Балтийский флот решили взорвать в Кронштадте. Щастный разгласил секретную телеграмму Л.Д. Троцкого и Е.А. Беренса² от 21 мая 1918 г. о денежном вознаграждении для лиц, которые будут взрывать и топить корабли в случае необходимости³, чем подписал себе смертный приговор. На рассвете 22 июня 1918 г. героя России по приговору Ревтрибунала при ВЦИК расстрелял в садике Александровского военного училища в Москве полувзвод «красных китайцев». По словам русского историка С.П. Мельгунова, большевики расстреляли Щастного «за спасение Бал-

Карта «Великой Финляндии», 1918 г.

¹ Поскольку к началу 1918 г. российская армия, разложенная Приказом № 1 Петросовета и большевиками, перестала существовать, большевистские лидеры пытались использовать поддержку Антанты для противодействия продвижению германских войск в глубь России, в частности, прорыву на Русский Север частей корпуса Р. фон дер Гольца, высадившегося в Финляндии. Со своей стороны, члены Антанты, стремясь удержать Россию в рамках воюющей коалиции, готовы были оказывать помощь любым силам внутри страны, включая большевиков. Это создало предпосылки для временного альянса Антанты с Советами. На заседании ЦК РСДРП(б) в ночь с 22 на 23 февраля 1918 г. было принято предложение Л.Д. Троцкого (его поддержал В.И. Ленин) принять предложенную Антантой помощь против немцев. Следствием этого стала высадка союзных войск в Мурманске в начале марта 1918 г. — См.: Протоколы ЦК РСДРП(б): август 1917 — февраль 1918 / ИМЛ при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1958. С. 243–246.

² Е.А. Беренс (1876–1928) — офицер русского и советского флота. Начальник Морского генерального штаба (1917–1919), командующий Рабоче-крестьянским Красным флотом (апрель 1919 — февраль 1920). Родной брат Евгения Беренса, Михаил (1879–1943), в звании контр-адмирала командовал в 1921–1924 гг. Русской эскадрой, прибывшей в декабре 1920 г. из Константинополя на французскую военноморскую базу Бизерта в Тунисе.

³ См.: Назаренко К. Капитанская точка // Родина. 2020. № 9. С. 115.

тийского флота». Ленин об этом знал, а Троцкий лично присутствовал при расстреле.

15 мая 1918 г. Финляндия объявила Советской России войну, которая длилась два с половиной года и закончилась в октябре 1920 г. подписанием Тартуского мирного договора, отнюдь не снявшего территориальные претензии Финляндии к Советской России (СССР), потому что в Хельсинки возникла концепция «Великой Финляндии» от Карелии до Оби, включавшая Мурманск, Архангельск и Петроград¹.

Финское решение «русского вопроса»

В самой же Финляндии установился режим жесткой этнократической диктатуры, по сути, первый нацистский режим в Европе, проводивший политику геноцида и этноцида в отношении русского населения. Кровавым проявлением этой политики стала резня русских жителей Выборга, устроенная финскими легионерами 29 апреля 1918 г., когда были убиты тысячи русских людей только за то, что они русские. Масштаб зверств был таким, что 13 мая 1918 г. нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин обратился к послу Германии в Москве В. фон Мирбаху с нотой, где говорилось:

«Ряд фактов, вызывающих глубоко болезненное чувство в широких массах Российской советской республики, относится к расправам, творимым финскими белогвардейцами, союзниками германской власти, над русским населением в Финляндии, в особенности в Выборге. Здесь происходили массовые расстрелы ни в чем не повинных жителей русского происхождения, совершались чудовищные зверства над мирным русским населением, расстреливались даже 12-летние дети»².

Резня шла не по принципу «красный/белый», а по принципу «русский/нерусский». Людей выискивали по разговорному акценту или по фамилии и убивали. Мальчик Павел Соловьёв был приемным сыном финской женщины и не говорил по-русски. Финские нацисты спросили у него имя и застрелили. Людей сгоняли в определенные места и расстреливали из пулеметов. Одним из таких мест был заваленный трупами Выборгский замок.

Когда командующий финской армией Маннергейм узнал о событиях в Выборге, то приказал провести расследование и наказать виновных, но озверевшее от русофобии финское общество не дало наказать «патриотов». В итоге дело замяли, и никого из организаторов и участников акта геноцида серьезно не наказали. 19 мая 1918 г. НКВД РСФСР направил (через полпреда в Берлине А.А. Иоффе) телеграмму правительству Германии, где говорилось: «Вы уже получили наше сообщение об ужасах, творимых над русским населением в Финляндии. Сообщите как можно скорее, согласно ли Германское правительство на создание смешанных комиссий для их расследования»³. Никаких комиссий, разумеется, создано не было. О выборгской резне (точное число жертв которой неизвестно) в Финляндии предпочитают не вспоминать, а послевоенное руководство СССР, дабы не портить

¹ См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1999. Гл. «Советско-финская война 1918–1920 гг.».

² ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 298–299.

³ Там же. С. 310.

отношения с «дружественной страной», тоже не вспоминало. А помнить об этом надо.

Финские власти начали изгнание русского населения из страны. Русские люди не получали продуктов питания и были обречены на голодную смерть. Жившим в Финляндии русским предоставлялся выбор: умереть с голода или покинуть страну. 10 мая 1918 г. в Гельсингфорсе и других городах было расклеено распоряжение нюландского губернатора Бруно Яландера, предписывавшее всем этническим русским покинуть вверенную ему губернию, «за исключением тех, коим выдано мною особое разрешение на продление пребывания здесь». Этим распоряжением также предписывалось «всем домовладельцам, в чьих домах проживают принадлежащие к указанной категории русские подданные, под страхом строгого наказания немедленно сообщить о таковых лицах в Гельсингфорское полицейское управление»¹.

Кроме того, финны начали захват русского имущества, как казенного, так и частного, что вынудило советский НКВД направить германскому правительству ноту протеста, где говорилось: «В Финляндии... многомиллиардное русское народное имущество подвергается насильственному захвату, а те служащие и учреждения, которым было вверено это имущество, подвергались насилию и не в состоянии при создавшемся положении отстаивать интересы Российской народной казны и продолжать работу по ликвидации. Ввиду поголовного выселения русских граждан, если выселены будут также служащие ликвидационных комиссий, народное казенное имущество будет брошено на произвол судьбы, и определить в будущем убытки, понесенные Российской народной казной от захватов, не представляется возможным»².

Таким образом, ***задолго до того, как Гитлер и Гиммлер занялись «окончательным решением еврейского вопроса», таким же решением «русского вопроса» занималось правительство Свинхувуда***, которому Ленин торжественно вручил в Смольном акт о независимости Финляндии, «освобожденной» большевистским вождем от «великорусского ига».

Возвращение к истокам

В 1920-е — 1930-е гг. Финляндия была одним из самых антисоветских и русофобских государств, и со временем позиция финских правящих кругов в отношении СССР становилась все более враждебной; по степени враждебности с ней могла сравниться только Польша при Юзефе Пилсудском. 27 февраля 1935 г. в беседе с послом Финляндии в СССР А.С. Ирье-Коскиненем нарком иностранных дел М.М. Литвинов констатировал: «Ни в одной стране пресса не ведет так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии»³.

«Зимняя война» 1939/1940 гг. несколько умерила пыл «горячих финских парней». Но во время Великой Отечественной войны Финляндия была

¹ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 309.

² Там же. С. 309—310.

³ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. URL: militera.lib.ru/research/sipols1/01.html

союзницей гитлеровской Германии. 22 июня с финских аэродромов взлетели немецкие бомбардировщики, бомбившие советские города. Когда в ответ 25 июня советская авиация разбомбила Хельсинки и финские военные базы, Финляндия объявила войну СССР и вторглась в Карелию, где был установлен оккупационный режим террора. В финских концлагерях были замучены сотни тысяч советских военнопленных и мирных граждан. Финские войска, вместе со всеевропейским нацистским интернационалом, участвовали в блокаде Ленинграда¹.

В конце войны трезвомыслящие финские политики (Ю. Паасикиви, У. Кекконен и др.) решили подружиться с Советским Союзом. За это советское руководство вернуло Финляндии полуостров Ханко (шведский Гангут, отвоеванный Петром I у шведов), обильно политый в 1941 г. кровью советских солдат, а в 1955 г. — арендованный на 50 лет «щипец» Порккала-Удд, где с 1944 по 1956 гг. существовала советская военно-морская база, замыкавшая «горлышко» Финского залива на выходе в Балтийское море. База на Порккала имела стратегическое значение. Там появилась возможность возродить известную еще с царских времен Центральную минно-артиллерийскую позицию, блокирующую в случае чего прорыв вражеских кораблей к Ленинграду: береговые батареи на Порккала-Удде и батареи на противоположном эстонском острове Нарген огнем перекрывали вход в Финский залив в самом узком месте, а при необходимости его можно было быстро заминировать. Но Никита Хрущёв в порыве миролюбия вернул Порккала-Удд финнам.

Пока существовал Советский Союз, Финляндия, имевшая огромные экономические преференции в сотрудничестве с СССР, строила из себя друга нашей страны. Но со временем финны, помнившие уроки войны, умирали; им на смену приходили новые поколения, которые не знали войны и смотрели не на восток. И когда великого восточного соседа не стало, нынешние финны явили миру свое истинное лицо, явленное еще их дедами в 1918 г., когда Ленин широким жестом даровал Финляндии свободу и независимость. Но если бы только это.

Оторванная от России Нарва

По сходному с Финляндией сюжету развивались события в этнически родственной финнам Эстляндии². 30 марта (12 апреля) 1917 г. Временное правительство в Петрограде издало постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии», куда, наряду с исторической Эстляндией, вошла северная часть Лифляндской губернии³. При губернском комиссаре создавался

¹ См.: *Мосякин А.Г.* Евросоюз и евроармия Гитлера // Родная Ладога. 2024. № 3.

² Эстляндия — историческое название северной части современной Эстонии. В начале XIII в. была завоевана немецкими рыцарями Ордена Меченосцев; в 1346—1561 гг. входила во владения Ливонского ордена, после распада Ливонской конфедерации — в состав Швеции. В 1710 г. была завоевана Русским царством в ходе Северной войны. С 1721 г. — в составе России, с 1796 г. — Эстляндская губерния Российской Империи.

³ Лифляндская губерния, Лифляндия (Ливония, Ливская земля) — историческая область на территории современных Латвии, Эстонии и Литвы.

Временный губернский земский совет, избравшийся по квотам «из членов от уездов и городов». И хотя в этом совете (будущем сейме)¹ было только 5 большевиков во главе с Я. Анвельтом², получив после Октябрьского переворота помощь из Петрограда, они провозгласили в Эстонии советскую власть. Временный земский совет³ не признал ее, и 15 (28) ноября объявил себя верховной властью на период до созыва Конституционного совета. В ответ большевики распустили Земский совет, а его сторонники были вынуждены уйти в подполье.

Однако власть большевиков в хуторской Эстляндии была очень хрупкой, и тут Анвельт обратился за помощью к главе Нарвской городской управы, фанатику-большевику А. Дауману⁴. Вдвоем они провернули аферу, возымевшую для России катастрофические последствия. Вот что сказано об этом в 5-м томе «Биографической хроники» В.И. Ленина: «Ленин подписывает сообщение в городскую управу Нарвы о принципиальном согласии СНК с

¹ Из 62 членов выборного Земского совета Эстляндии (будущего сейма) 13 мест принадлежало Эстонскому союзу земледельцев, 11 мест — Эстонской трудовой партии, 9 мест — эстонским социал-демократам (меньшевикам из РСДРП), 5 мест — эстонским большевикам, 4 места — радикальным демократам, 2 места — балтийским немцам и балтийским шведам, а 3 места занимали независимые непартийные депутаты.

² Я.Я. Анвельт (эст. Jaan Anvelt; 1884—1937) — эстонский революционер, член РСДРП с 1904 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. в Эстонии. После Февральской революции возглавлял Нарвский совет; был членом Ревельского и Всеэстляндского комитетов РСДРП(б). С октября 1917 г. — член ВРК, а затем председатель Эстляндского краевого исполкома Советов. Был депутатом Всероссийского учредительного собрания. В ноябре 1918 г. стал председателем правительства и наркомом по военным делам Эстляндской трудовой коммуны. В 1919—1921 гг. — комиссар эстонской Красной армии, член ЦК КП Эстонии. В 1921—1925 гг. находился на подпольной работе, готовя свержение эстонского правительства в декабре 1924 г. После провала восстания бежал в СССР. В 1926—1929 гг. работал комиссаром Военно-воздушной академии им. Жуковского; затем был начальником Главного управления гражданского воздушного флота СССР. В 1935—1937 гг. — член и ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Был уличен в растрате государственных средств и препятствовал расследованию финансовых злоупотреблений в Коминтерне. Был арестован НКВД, вину признал и в декабре 1937 г. умер на допросе. Посмертно объявлен врагом народа; в 1956 г. реабилитирован.

³ Временный земский совет Эстляндской губернии действовал с 1(14) июля 1917 г. по 23 апреля 1919 г. Первым его председателем был А. Вальнер (1887—1937). Земский совет, как первое избранное эстонцами представительное собрание, имел решающее значение при обретении Эстонией независимости.

⁴ А.Э. Дауман (латыш. Ansis Daumanis; 1885—1920) — латышский революционер-большевик, партийная кличка «Пуйка». Участник революционных событий 1905—1907 гг. во Пскове и Риге. С осени 1914 г. участвовал в «германской войне» и дослужился до командира батальона. После Февральской революции был избран городским головой Нарвы, а затем стал председателем Нарвского городского Совета солдатских и рабочих депутатов и главой Нарвского ВРК. Участник Октябрьской революции. После оккупации Эстляндии немецкими войсками в феврале 1918 г. создал из нарвских рабочих партизанский отряд, а позднее — полк Красной гвардии, выросший в 6-ю дивизию РККА, и был ее комиссаром. С 1919 г. — председатель Революционного военного совета Армии Советской Латвии, командовал 2-й Латышской бригадой, руководил Двинской крепостью. Избирался членом латвийского ЦИКа, делегатом VI съезда КП(б) Латвии и IX съезда РКП(б). Учился в Военной академии Генерального штаба РККА. В советско-польской войне (1919—1920) командовал 10-й стрелковой дивизией. Отличился в боях и стал первым в Советской России кавалером двух орденов Красного Знамени (2-й получил посмертно). В августе 1920 г. погиб в бою под Брест-Литовском. Похоронен в Центральном детском парке имени А.М. Горького в Минске.

Эстонский
большевик-авантюрист Я. Анвельт

предложением управы выделить Нарву из Ямбургского земства, образовать Нарвский уезд, причислив его к Эстляндской губернии»¹. А вот текст самого сообщения СНК в городскую управу Нарвы от 16 (29) ноября 1917 года:

«Совет народных комиссаров Российской Республики, ознакомившись с докладной запиской Нарвской городской управы от 14 сего ноября за № 1621 и личным докладом нарвского городского головы А.Э. Даумана, выражает свое принципиальное согласие на ходатайство, изложенное в докладной записке, то есть на:

1) выделение города Нарвы из Ямбургского земства;

2) присоединение к городской территории всех прилегающих к городу населенных местностей и мануфактур;

3) образование Нарвского уезда;

4) причисление объединенного города и Нарвского уезда к Эстляндской губернии, в том случае, если указанные действия местного самоуправления будут произведены с полного согласия всех демократических элементов, или затронутых.

Согласие на объединение демократического населения и совершенные мероприятия должны быть доведены до сведения народных комиссаров.

Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совета Влад. Бонч-Бруевич

*Секретарь Совета Н. Горбунов»*².

Так город Нарва с прилегающими к нему «населенными местностями и мануфактурами», отвоєванный Петром I у шведов, был передан из Ямбургского земства Санкт-Петербургской губернии в Эстляндскую губернию, которой Ленин своей «Декларацией прав народов России» дал право на самоопределение. Так легким росчерком ленинского пера были перечеркнуты победные итоги Великой Северной войны (1700–1721). О русских людях, отданных без их спроса из России в Эстляндию, Ленин, как и всегда, не думал.

«Этнографические границы» Эстонии

Передавая в Эстляндию Нарву и примыкающие к ней территории, Ленин уповал на победу «эстонских трудящихся» над местной буржуазией, но

¹ Ленин В.И. Биографическая хроника: 1870–1924. М.: Политиздат. Т. 5. URL: <https://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/104-tom-54/3806-noyabr-1917-vtoray-a-dekada.html>

² Декреты Советской власти. М.: ИМЛ при ЦК КПСС; Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 542.

в ход событий вмешалась Германия. 10 февраля 1918 г. (после «фортеля» Троцкого в Бресте)¹ Берлин выдвинул большевикам ультиматум с требованием отказаться от Прибалтики по линии Нарва — Псков — Двинск. 18 февраля немцы начали наступление на Петроград, захватывая заодно Прибалтику, что вынудило большевиков принять немецкий ультиматум и подписать Брестский мир². 20 февраля немецкие войска высадились с Моонзундских островов на материковую часть Эстляндии, а собравшийся днем ранее Временный земский совет передал исполнительную власть созданному им Комитету спасения Эстонии во главе с Константином Пятсом³. 24 февраля вооруженные формирования Комитета спасения, состоявшие из ударных офицерских отрядов⁴, добровольцев и частей 3-го Эстонского полка, выбили большевиков из Ревеля (ныне Таллин). И тогда же совет старейшин Эстляндского земского собора и Комитет спасения опубликовали «Манифест ко всем народам Эстонии», где было сказано:

«Неслыханная борьба народов до основания разрушила сгнившие устои русского царства. По равнине Сарматии распространяется разрушительная дезорганизация, угрожая погresti под собой все народы, находящиеся в пределах бывшего русского государства. С запада приближаются победоносные войска Германии, чтобы потребовать себе часть наследства России, а прежде всего — захватить прибрежные страны Балтийского моря.

¹ На заседании в Брест-Литовске 10 февраля 1918 г. глава советской делегации Л.Д. Троцкий сделал заявление, обескуражившее не только сидевших там немцев и австрийцев: «Мир не подписываем, армию демобилизуем, войну прекращаем», — после чего хлопнул дверью и уехал в Петроград. Это означало разрыв большевиками перемирия и начало военных действий по истечении недели, обговоренной по условиям перемирия.

² Осознав, что на переговорах в Бресте большевики заигрались в войну и мир, на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 г. В.И. Ленин сказал: «Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам... Мы сделали, что могли, помогли революции в Финляндии, а теперь не можем. Теперь не время обмениваться нотами... Нужно предложить немцам мир». 3 марта кабальный Брестский мир был подписан. Глава советской делегации Г.Я. Сокольников подписал его, не читая текста мирного договора.

³ К.Я. Пятс (эст. Konstantin Põdts; 1874–1956) — эстонский революционер, государственный и политический деятель, возглавлявший Эстонскую республику с 1918 по 1940 гг. Государственный старейшина (1921–1922; 1923–1924; 1931–1932; 1933–1934), премьер-министр (1918–1919; 1934–1937) и президент Эстонии (1938–1940). Родился в семье православного эстонца, землевладельца Якоба Пятса. Мать, Ольга Туманова, — русская, была удочерена семьей градоначальника г. Валка князя Разумовского. В 1898 г. окончил юридический факультет Императорского Юрьевского университета, после чего поступил на военную службу, но вскоре уволился. За участие в революции 1905 г. был приговорен к смертной казни, но бежал за границу и жил в Швейцарии. В 1909 г., после отмены приговора, вернулся в Российскую Империю и, отсидев год в тюрьме, в 1911–1916 гг. был редактором газеты Tallinna Teataja («Таллинский вестник»). В 1916 г. по мобилизации служил в штабе Морской крепости Императора Петра Великого и за революционную пропаганду угодили в «Кресты». После Февральской революции уехал на родину, где работал в Комитете спасения Эстонии. 24 февраля 1918 г. Пятс, назначенный премьер-министром Временного правительства Эстонии, зачитал манифест о независимости самопровозглашенной страны. В июле 1940 г., после образования Эстонской ССР и ее вхождения в СССР, был арестован НКВД и вывезен вместе с семьей в Уфу. В 1942 г. был помещен в Казанскую тюремную психиатрическую больницу, а с декабря 1952 г. находился в психиатрической больнице в Бурашево под Калинином, где и скончался.

⁴ Ударные отряды офицеров, выбившие 24 февраля 1918 г. большевиков из Ревеля (Таллина), формировал и финансировал лейтенант Конрад Ротшильд, связанный с немецкой ветвью «королей банкиров», которые были заинтересованы в отделении Прибалтики от России.

В этот роковой час Эстонский земский собор, как законный представитель страны и народа, придя к единогласному решению вместе с эстонскими политическими партиями и организациями, стоящими на основе народовластия, и основываясь на праве народов на самоопределение, признал нужным для определения судьбы эстонской земли и народа предпринять следующие решительные шаги:

Эстония в ее исторических и этнографических границах объявляется с сегодняшнего дня независимой демократической республикой.

В пределы независимой Эстонской республики входят: Харьюмаа, Ляэ-немаа, Ярвамаа, Вирумаа вместе с городом Нарвой и ее окрестностями, Тартумаа, Вырумаа, Вильяндимаа и Пярнумаа вместе с островами Западного моря — Сааремаа, Хийумаа, Мухумаа и другими¹, где эстонский народ живет издавна в преобладающем большинстве. Окончательное установление границ в областях, граничащих с Латвией и Русским государством, произойдет путем народного голосования, когда кончится нынешняя мировая война. В вышеупомянутых областях единственной высшей и распорядительной властью является народная власть в лице Комитета спасения Эстонии, созданного Эстонским земским собором»².

Дальше говорилось о созыве эстонского Учредительного собрания, нейтралитете страны, демобилизации армии; равенстве всех граждан Эстонской республики перед законом, «независимо от вероисповедания, национальности и политических воззрений»; проживающим в республике национальным меньшинствам («русским, немцам, шведам, евреям и другим») гарантировались права на национально-культурную автономию; гарантировались гражданские свободы и пр. Заканчивался манифест призывом: «Да здравствует независимая демократическая Эстонская республика!»³

В этом популистском документе нам важна одна деталь: пока по «равнине Сарматии» (то бишь России) шла «разрушительная дезорганизация», руководство самопровозглашенной Эстонской республики решило прибрать к рукам чужие земли, на которых эстонский народ никогда не жил «в преобладающем большинстве» (и сейчас не живет). Это Нарва и ее окрестности, отвоеванные Россией у Швеции в Северной войне. Это древнерусский город Юрьев (Тарту), основанный в XI в. Ярославом Мудрым, который на протяжении своей истории (в 1030—1919 гг.) назывался то Юрьев (до 1224 и после 1893 г.), то по-немецки Дерпт (1224—1893). И это основанный в 1251 г. Пярну, который по ходу истории сменил многих хозяев, а в 1710 г. в ходе Северной войны перешел во владение Российской Империи, стал называться (по Ништадтскому миру) Пернов и на протяжении двухсот лет был важным русским портом на Балтике. Чухонцы (так в России называли эстонцев) жили в окрестных хуторах и никогда большинством в Ревеле, Юрьеве (Дерпте), Пернове и тем более в Нарве не были. То же касается Моонзундских островов, перешедших под власть России в результате Северной войны. Там жили шведы. В 1781 г. Императрица Екатерина II вы-

¹ Имеются в виду исторически шведские Моонзундские острова — Эзель, Даго, Моон и Вормс, — отошедшие по итогам Северной войны к Российской Империи. Эстонцы их называют Сааремаа, Хийумаа, Мухумаа, Вормси.

² Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. 2. С. 117—118.

³ Там же. С. 117—118.

селила шведов с этих островов в Херсонскую губернию, где они образовали село Старошведское (ныне часть села Змиевка), разрешив материковым чухонцам заселять бывшие шведские острова. На Моонзундских островах эстонцы появились в конце XVIII в. по милости русской Императрицы. Но в феврале 1918 г. самозванная эстонская власть решила все эти русские города, земли и острова прикарманить (иначе это не назовешь).

В полдень 25 февраля в Ревеле прошел парад в честь провозглашения независимости Эстонии, а к вечеру в город вошли «победоносные немецкие войска», и Эстонской республики в один день не стало. К концу февраля почти вся «независимая» Эстония была оккупирована немцами, которые к концу апреля разоружили все эстонские вооруженные формирования и де-факто превратили Эстонию в свой протекторат. При этом эстонские претензии на Ревель, Нарву, Юрьев, Пернов и Моонзундский архипелаг немцы поддержали, имея свой собственный интерес.

Независимость Латвии и Литвы

Примерно так же в начале 1918 г. развивались события в Лифляндии, где образовались два центра власти: пробольшевистский Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат), который 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) на совместном заседании в Валке с ЦК Социал-демократии Латвии принял декларацию о самоопределении Латвии как автономной части Советской России. Им противостояли «буржуазные националисты», которые на основании ленинской «Декларации прав народов России» объявили о независимости Латвии. 5 января 1918 г. на заседании Всероссийского учредительного собрания в Таврическом дворце латышский депутат Ян Голдман¹ от имени Временного национального совета Латвии зачитал «Декларацию об автономии Латвии от России». А на своей 2-й сессии, прошедшей в Петрограде в конце января, Латышский временный национальный совет заявил о создании независимого латвийского государства². Но просуществовало оно на бумаге недолго, ибо к концу февраля 1918 г. немецкие войска оккупировали всю территорию Латвии вместе с Ригой.

В Литве пробольшевистские социал-демократы были слабы, и там противостояли друг другу местные националисты и германские оккупационные власти. 16 февраля 1918 г. Совет Литвы под председательством Йонаса Басанавичюса³ провозгласил восстановление независимого литовского государства, поглощенного в конце XVIII в. Российской Империей.

¹ Я. Голдман (рус. Ян Юрьевич Гольдман, латыш. Jānis Goldmanis; 1875–1955) — российский и латвийский политический деятель. Депутат Государственной думы Российской Империи IV созыва от Курляндской губернии (1912–1917). Председатель Организационного комитета Латышского стрелкового батальона (1915). Член Народного совета Латвии (1918–1920). Депутат Учредительного собрания (1920–1922) и Сейма Латвии. Первый министр земледелия Временного правительства (1918–1919) и военный министр Латвии (1920–1921 и 1925–1926). Умер в эмиграции в США.

² См.: *Lerhis A. Latvijas ārpolitiskā dienesta un Ārlietu ministrijas izveidošana (1917–1919)* // *Latvijas vēstures institūts*, 1997. № 4. Lpp. 77–107.

³ Й. Басанавичюс (лит. Jonas Basanavičius; рус. Иван Юрьевич Басанович; пол. Jan Basanowicz; 1851–1927) — литовский историк, фольклорист, публицист, общественный деятель; патриарх литовского национального возрождения.

Германские оккупационные власти встретили этот политический акт в штыки. Его публикация была запрещена, текст акта печатался и распространялся подпольно. Немцы, контролировавшие всю территорию Литвы, всячески препятствовали деятельности Совета Литвы, хотя не арестовывали его членов, пытаясь склонить их к союзу с Германией, и им это удалось. К тому же в Литве германские интересы столкнулись с польскими претензиями на Виленский край и город Вильно, что привело к польско-литовской войне, закончившейся в октябре 1920 г. отторжением Виленского края от Литвы с последующей его передачей воссозданному в ноябре 1918 г. польскому государству (II Rzeczpospolita). А за всеми этими событиями стоял германский стратегический план.

Фикция самоопределения

Одна из главных целей Германской империи в Первой мировой войне состояла в том, чтобы оторвать Балтийское море от России и поставить под свой контроль. Все действия немцев на Балтийском театре военных действий определялись этим, и их желания не изменились после начала в декабре 1917 г. мирных переговоров с большевиками. 18 января 1918 г. немецкая делегация на переговорах в Брест-Литовске выдвинула советской делегации территориальные претензии на обширные области на западе России, включая прибалтийские губернии. А 28 января представитель остзейского дворянства барон Генрих фон Штрик вручил в Стокгольме советскому представителю В.В. Воровскому декларацию о независимости немецких дворянских собраний Курляндии, Лифляндии и Эстляндии и о выходе этих территорий из состава России на основе ленинского права наций на самоопределение, что нашло отражение в 6-й статье Брест-Литовского мирного договора:

«Эстляндия и Лифляндия незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходит в общем по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии проходит в общем через Чудское и Псковское озера до его юго-западного угла, потом через Любанское озеро¹ в направлении к Ливенгофу² на Западной Двине. Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями и пока не будет там установлен государственный порядок. Россия немедленно освободит всех арестованных или уведенных жителей Эстляндии и Лифляндии и обеспечит безопасное возвращение всех уведенных эстляндцев и лифляндцев»³.

Выступая 14 марта 1918 г. с докладом на IV Всероссийском съезде Советов, ратифицировавшим Брестский мир, замнаркома по иностранным

¹ Ныне Лубанское озеро (80 кв. км) находится в пределах Мадонского и Резекненского краев Латвии. Является самым большим и самым неглубоким озером Латвии. По сути, это обводненная заболоченная территория с глубиной воды менее или около метра. Озеро полностью заключено в дамбы, чтобы не допустить затопления близлежащих территорий.

² Ныне город Ливаны находится на востоке Латвии, в историко-культурной области Латгалия.

³ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 122.

делам Г.В. Чичерин¹ сказал по поводу огромных территориальных потерь, понесенных Россией по этому миру, «без аннексий и контрибуций», как изначально думали большевики:

«Территории, на которые распространяются условия мира, разделяются на пять категорий. Первая категория — это территории, окончательно отходящие от российского верховенства, то есть территории, лежащие к западу от линии, проходящей к северу от Риги, затем переходящей непосредственно к югу от Двинска и затем направляющейся на юг, к западу от Вильно непосредственно до Брест-Литовска. К западу от этой линии остается Курляндия и наибольшая часть Лифляндии, Литва и Польша. Эта территория окончательно отходит от верховенства России, причем ее будущее устройство будет определено германским и австро-венгерским правительствами в согласии с их населением. Эта крайне неопределенная фраза есть единственное, что осталось от **фигиции самоопределения**, под флагом которой при первых брестских переговорах эти области отнимались².<...>

Третья категория — это Эстляндия и Лифляндия, занимаемые германскими войсками в чисто полицейских целях, с целью установления общественного порядка, и будут занимаемы ими вплоть до того момента, когда так называемый общественный порядок будет обеспечен собственными учреждениями и государственный порядок будет восстановлен.

Следующая, четвертая, категория — это местности, временно занятые германскими войсками. К востоку от черты, отделяющей указанные ранее местности, германские войска продвинулись вперед на кое-где значительные расстояния: занят Псков, занят Двинск. Эти местности будут оккупированы германскими войсками до заключения всеобщего мира, до полной демобилизации русских войск»³.

Разъяснения Чичерина были приняты, и IV Чрезвычайный съезд Советов Брестский мир ратифицировал. Но, как вскоре выяснилось, 6-я статья «мирного» договора была обманкой, как и фикция самоопределения Прибалтики, а сделанные Чичериным разъяснения — самообманом. Отторжение Прибалтики от России преследовало иные цели.

Балтийское герцогство

8 марта 1918 г., сразу после подписания Брестского мира, курляндский ландтаг, состоявший из остзейских немцев, объявил о создании на территории бывшей Курляндской губернии Курляндского герцогства. 15 марта (в день ратификации IV Всероссийским съездом Советов Брестского договора) германский кайзер Вильгельм II подписал акт о признании Курляндского герцогства самостоятельным государством. 12 апреля Совет балтийских земель (объединенный ландесрат Лифляндии, Эстляндии, города Риги

¹ Тогда Л.Д. Троцкий формально еще оставался наркомом по иностранным делам, хотя фактически функции наркома выполнял его зам, Г.В. Чичерин, которого за глаза называли «говорящей головой Ленина».

² Когда в декабре 1917 г. в Брест-Литовске начались советско-германские переговоры о мире, немцы уцепились за ленинскую «Декларацию прав народов России», дававшую им абсолютное право на самоопределение, и вместе с прибалтийскими националистами «впихнули» его в Брестский мир, чему большевики были не рады.

³ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 667—668.

и острова Эзель) объявил в Риге о создании Соединенного Балтийского герцогства¹, в состав которого вошло и Курляндское герцогство. Самопровозглашенное государство заявило об отделении входящих в него земель от России и установлении личной унии с Королевством Пруссия. А 13 мая представители дворянства Эстляндии и Лифляндии² обратились через Воровского к правительству Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с требованием (на основе декларации от 28 января) «об объявлении самостоятельности Лифляндии и Эстляндии, до того времени входивших в состав Российского государства»³.

После этого немецкие войска (не «в полицейских целях») оккупировали Прибалтику, превратив ее в свой протекторат. Большевики протестовали, посылали ноты протеста⁴, но их никто не воспринимал всерьез. А по итогам начавшихся 15 мая в Москве секретных советско-германских переговоров «по экономическим вопросам», увенчавшихся подписанием 27 августа в Берлине «Русско-германского добавочного договора...» к Брест-Литовскому мирному договору⁵, большевики окончательно отказались от претензий на южное побережье Балтийского моря. 7-я статья договора гласила:

«Считаясь с фактически существующим положением в Эстляндии и Лифляндии, Россия отступается от верховной власти над этими областями, равно как и от всякого вмешательства в их внутренние дела. Их будущая судьба будет определена в согласии с их населением. Для Эстляндии и Лифляндии из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России»⁶.

Так Германия юридически, с согласия советской стороны, оторвала от России Эстляндию и Лифляндию, завоеванные Петром I в результате Северной войны. Теперь ничто не мешало реализации германских планов. 22 сентября 1918 г. кайзер Вильгельм II признал независимость Балтийского герцогства. В октябре рейхсканцлер Максимилиан Баденский отдал распоряжение о передаче управления герцогством от военных в руки немецкого гражданского управления, а 5 ноября формальным главой объединенного Балтийского герцогства, состоявшего из Эстляндии, Лифляндии и Курляндии со столицей в Риге, стал Адольф Фридрих Мекленбург-Шверинский. Советская Россия приняла это как данность.

Так большевики потеряли Прибалтику. Сбылась мечта Ленина, который в сентябре 1914 г. на совещании бернской группы большевиков заявил о своем желании «ампутировать Россию» до Киева, Одессы, Риги и Ли-

¹ Балтийское герцогство (нем. Vereinigtes Baltisches Herzogtum) — марионеточное по отношению к Германской империи государство, провозглашенное после заключения Брестского мира остзейскими немцами при поддержке оккупационной германской армии на прибалтийских территориях бывшей Российской Империи.

² Поскольку дворянства у эстонцев и латышей не было, это были прибалтийские немцы.

³ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 323.

⁴ См.: ноту советского полпреда в Берлине А.А. Иоффе министру иностранных дел Германии Р. фон Кюльману от 26 мая 1918 года // ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 322–323.

⁵ Полное название договора: «Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой».

⁶ ДВП СССР. М.: Политиздат, 1959. Т. I. С. 440.

бавы, и с германской помощью ампутировал. А немцы, отобрав у России завоевания Петра Великого, не забыли и про Польшу с Литвой.

Литовское и польское «королевства»

Литва оказалась в Российской Империи в конце XVIII в. в результате нескольких войн и разделов Речи Посполитой, в состав которой (наряду с Польшей) входило Великое княжество Литовское¹. В середине XIX в. в Литве возникло движение за воссоздание суверенного национального государства. Первая мировая война предоставила такую возможность, но в 1915 г. Литву оккупировали немецкие войска. В условиях оккупации возникло два общественно-политических течения: одно выступало за ограниченный суверенитет Литвы в альянсе с Германией, а другое ратовало за воссоздание независимого Литовского государства. На Вильнюсской конференции в сентябре 1917 г. литовские политики создали за закрытыми дверями Совет Литвы, который отказался от вассалитета по отношению к Берлину. В ответ германские власти запретили публиковать резолюции Совета о создании литовского государства и созыве Учредительного собрания. А после Октябрьского переворота, когда большевики повели мирные переговоры с Германией, оккупационные власти стали давить на Совет Литвы, чтобы тот провозгласил независимость от России на желательных для Берлина условиях. Литовцы были вынуждены их принять. 11 декабря 1917 г. Совет Литвы (сейм) принял в Вильно «Манифест о независимости Литвы», где говорилось:

«1. Литовский сейм, признаваемый литовцами, как живущими в стране, так и за границей, единственным полномочным представителем литовского народа, провозглашает на основе признанного права на самоопределение народов² и на основании постановления заседавшей в Вильно с 18 по 23 сентября литовской конференции восстановление независимости Литовского государства со столицей в Вильно и с отделением его от всех государственных связей, которые существовали с другими народами.

2. При воссоздании этого государства и для охраны его интересов при мирных переговорах сейм испрашивает защиту и помощь Германской империи. Во внимание к жизненным интересам Литвы, которые требуют скорейшего установления длительных и тесных отношений с Германской империей, сейм высказывается в пользу вечного и прочного союза Литовского государства с Германской империей, который должен главным образом

¹ Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское — восточноевропейское государство, существовавшее с середины XIII в. по 1795 г. на территории современных Белоруссии (целиком), Литвы (кроме Клайпедского края), Украины (большая часть, до 1569 г.), а также частично России (западные земли, включая Смоленск, Брянск и Курск, до середины XVII в.), Польши (до 1569 г.), Латвии (с 1561 г.), Эстонии (южная часть) и Молдовы (левобережное Приднестровье, до 1569 г.). С 1386 г. Великое княжество Литовское находилось в личной унии с Королевством Польским, а с 1569 г. — также в сеймовой унии с Польшей в составе конфедеративной Речи Посполитой. В XV—XVI вв. Великое княжество Литовское было соперником Русского государства в борьбе за господство на землях Руси и в Восточной Европе. Прекратило существование после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. К 1815 г. вся территория бывшего княжества вошла в состав Российской Империи.

² Имеется в виду ленинская «Декларация прав народов России», принятая 2 (15) ноября 1917 года.

найти свое воплощение в военном, транспортном, таможенном и монетном единении»¹.

Литва заявила об ограниченном суверенитете в качестве союзного Германии протектората и, по замыслу Берлина, должна была стать не демократической республикой (за что ратовали сторонники независимости), а прогерманской монархией. И хотя 16 февраля 1918 г. Совет Литвы заявил о воссоздании независимого литовского государства, под нажимом Берлина тот же Совет 1 июля 1918 г. объявил страну Литовским королевством (конституционной монархией), а на престол решили пригласить немецкого принца В. фон Ураха.

По схожей схеме годом ранее немцы поставили под контроль и Польшу, учредив на оккупированной территории Царства Польского, входившего в состав Российской Империи, марионеточное Королевство Польское², управляемое Регентским советом «из трех членов, назначаемых монархами оккупирующих держав» (Германии и Австро-Венгрии). Патент на образование Регентского совета при «польском королевстве» выдал 12 сентября 1917 г. варшавский генерал-губернатор Г. фон Безелер³.

Таким образом, к осени 1918 г. Германия достигла своей стратегической цели в Первой мировой войне: **поставила под контроль Балтийское море и обширные территории вокруг него**. И сделала это с помощью «золотого ключика» — ленинской «Декларации прав народов России», юридически оформившей дореволюционную ленинскую доктрину «деколонизации» России. И какой бы смысл большевистский вождь ни вкладывал в свою декларацию, объективно она работала на интересы врагов России, против России и ее интересов, которых Ленин не признавал. Это ярко проявилось в политике большевиков в отношении Украины.

¹ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. 2. С. 117–118. С. 96.

² Королевство Польское, или Регентское королевство Польша (пол. Regencyjne Królestwo Polskie, нем. Regentschaftskönigreich Polen) — марионеточное государство, основанное Актом от 5 ноября 1916 г. при поддержке Польской социалистической партии и ряда других польских партий, и признанное Германской империей и Австро-Венгрией. Было образовано в пределах оккупированной Германией и Австро-Венгрией российской территории Царства Польского и до ноября 1918 г. существовало как государство-сателлит Германии. Королевство имело свою конституцию, валюту (польскую марку), красно-белый флаг и даже войско (его набирал полковник В. Сикорский), призванное воевать на стороне Центральных держав. Королевство было признано большевиками и в 1918 г. имело представительство в Москве.

³ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. 2. С. 117–118. С. 85–86.

Андрей ИЛЬНИЦКИЙ

В ПОИСКАХ ФИЛОСОФИИ СЛОЖНОСТИ

Выступая на Клубе «Валдай» осенью 2025 г., Президент РФ Владимир Путин подчеркнул: *«Сегодняшний мир — чрезвычайно комплексная, многоаспектная система. Чтобы правильно описать, осмыслить ее, недостаточно простых законов логики, причинно-следственных связей и возникающих из этого закономерностей. Тут нужна философия сложности — что-то **сродни квантовой механике**, которая мудрее, сложнее классической физики...»* [1].

История человечества — это история войн. От Сунь Цзы и Аристотеля, Вебера и Ленина, Клаузевица и Свечина, Бисмарка и Наполеона, Черчилля и Оруэлла — на протяжении веков философы, писатели, политики, экономисты, военные аналитики и политологи изучали и анализировали феномен войны. Война

Андрей Михайлович Ильницкий — член президиума Совета по Внешней и Оборонной политике, кандидат технических наук (1989), ст. научный сотрудник ВАК. Окончил МФТИ (Физтех), ВАГШ ВС РФ. Занимал должности: 1982–1992 — научный сотрудник ЦНИИ-26 МО СССР; 1992–2003 — один из руководителей издательств «АСТ», «Аст-пресс», «Аграф», «Вагриус»; 2006–2012 — заместитель руководителя Центрального исполнительного комитета партии «Единая Россия»; 2012–2014 — заместитель председателя Правительства Московской области по социальным коммуникациям (работе с общественностью) в составе политического блока; 2015–2024 — советник Министра обороны РФ, действительный государственный советник 3 класса, член Президиума Совета по Внешней и Оборонной политике, старший научный сотрудник Военного Университета МО РФ. Ввел в военно-политический дискурс термин «ментальная война». Автор научных трудов и публицистических статей по гуманитарным и физико-математическим проблемам. **Живет в Москве.**

как состояние мира находится в фокусе мыслителей и ученых ровно столько, сколько существует наука, главная ценность которой — в предвидении.

Актуальные военно-политические процессы характеризуются сложной топологией, их структуризация затруднена высокой степенью неопределенности, обусловленной недостаточностью, субъективностью, а зачастую и подцензурностью, и закрытостью исходных данных [2–6].

Использование прецедентной логики, описательных концептов и подходов к анализу «сложности мира» уже недостаточно. Не хватает стратегического видения и глубины понимания идущих в мире процессов. Традиционные подходы к анализу современных войн, военно-политической оперативной обстановки и стратегии сталкиваются с ограничениями, связанными со сложностью комплексного описания, моделирования и прогнозирования нелинейных, многослойных, поливариантных и разномасштабных конфликтов и геосоциальных процессов, не имеющих по целому ряду признаков прецедентов в истории. Здесь необходима особая философия сложности, из которой должны следовать нестандартные решения.

Выход состоит в расширении научного знания, в синергии естественно-научных дисциплин с философско-гуманитарным видением мира.

Прорывы всегда делаются на стыке наук.

Нынешнее время — не исключение!

Как следует из приведенной установки Верховного Главнокомандующего ВС РФ Владимира Путина, осмысление военно-политических процессов требует глубокого междисциплинарного анализа с использованием как традиционных, так и инновационных подходов на основе философии и физики.

В данном контексте социофизика как междисциплинарное направление, адаптирующее методы прикладной физики к военно-политическим процессам и социальным системам, позволяет по целому ряду вопросов преодолевать вышеуказанные методологические ограничения, обеспечивая при этом математическую строгость моделей и объективность результатов.

Важность разработки и внедрения социофизических подходов для планирования военной стратегии и текущей потоковой аналитики трудно переоценить [5, 6]. Геополитические конкуренты, противники и враги России активно занимаются этим.

Развитие собственных отечественных технологий и разработок, обладание соответствующими компетенциями для использования инновационных алгоритмов и междисциплинарных методов военно-политического анализа в интересах национальной безопасности и обороны России носит экзистенциальный характер.

Моделирование институциональной и социоинформационной динамики геополитических и военно-политических процессов — одна из сложнейших и актуальных задач военной науки.

Российская военная наука и образование должны уже сегодня разрабатывать междисциплинарные методики, создавать аналитический инструментарий для формирования стратегий и оперативных прогностических заданий, готовить квалифицированных специалистов для этих прорывных по значимости направлений.

Современные войны, включая ментальные, носят сетевой, распределенный характер и часто ведутся в «серой зоне», где нет границы между войной и миром [7–10].

Напомним: ментальная война (МВ) является формой межгосударственного противоборства, целью которого служит изменение цивилизационных основ, идентичности и мировоззрения общества, подрыв суверенитета, ослабление и деградация государства противника [4].

Среди направлений развития теории МВ можно выделить три основных типа моделей, а точнее, подходов к описанию и социофизическому моделированию МВ.

Концептуальные модели ориентированы на описание общих историко-политических закономерностей. Они вполне методологически проработаны, характеризуются высокой степенью обобщения и рассматривают МВ как комплексную информационно-коммуникационную технологию, связанную когнитивными схемами [5, 6]. Однако эти подходы не подкреплены математически, что делает их уязвимыми для политической и научной конъюнктуры, объективно снижает релевантность и прогностический потенциал.

Частные имитационные модели фокусируются на конкретных событиях или явлениях в ограниченных временных и пространственных рамках. Они позволяют применять методы социофизики для анализа локальных процессов. Эффект «частного случая» ограничивает их использование для долгосрочного прогнозирования, поскольку при экстраполяции на более широкие контексты модели входят в зону неопределенности, и их точность снижается.

Системные имитационные модели описывают социальные системы на высоком уровне обобщения, фокусируясь на глобальных взаимосвязях, используя сложные физические модели с системами уравнений со многими переменными. Такие модели позволяют описывать динамику социальных систем с учетом их нелинейности, стохастичности и квантовых эффектов. Они весьма нетривиальны, но наиболее перспективны для моделирования МВ, поскольку способны анализировать сложные процессы, такие как фазовые переходы ментального состояния социума на грани «мира — войны», прогнозировать утрату устойчивости системы в кризисных условиях. Однако на практике таких моделей немного, что связано не только с колоссальными математическими сложностями, но и с нехваткой вычислительных мощностей.

Комбинированный подход, сочетающий элементы частных и системных имитационных моделей, наиболее перспективен для моделирования ментальных войн. Он позволяет численно моделировать локальные информационные кампании и когнитивные операции, а также долгосрочные ментальные стратегии, направленные на изменение мировоззрения социума. При таком подходе оказывается, что ряд свершившихся фактов, исторических событий и процессов имеет вполне адекватное и логичное отображение с точки зрения социофизики, а откалиброванные и отработанные на этих военно-исторических и геополитических кейсах имитационные модели позволяют затем экстраполировать этот подход для прогноза и планирования военно-политических сценариев и операций.

Это в перспективе расширяет возможности и совершенствует инструментарий военных аналитиков, специалистов оперативного планирования, обогащая научным аппаратом и новыми знаниями военную политологию.

Для понимания актуальности и сложности предмета и для иллюстрации подходов к социофизическому моделированию приведем метафору.

Предположим, что стоит задача описать русскую зиму обычному грамотному африканцу, проживающему в жарких тропиках, который никогда не был и не будет в России, а потому возможность привезти его в Россию, чтобы показать и потрогать зиму, сразу вычеркиваем. Задача познания зимы решается через имитационное моделирование посредством визуальных и аудиообразов и «на цифре». Результат достигается в три действия, состоящих в комплексе: а) показываем африканцу картинки и киноролики зимы; б) даем ему просчитать, испытать на себе и «потрогать» температуру воздуха (льда, например), влажность, ветер и другие измеряемые параметры зимы; в) затем погружаем его в музыку Петра Чайковского из цикла «Времена года».

Да, этот комплекс из трех составляемых — не есть зима, но это имитационная модель зимы, которая позволяет смоделировать, почувствовать, представить, понять и предсказать далекому от России африканцу русскую зиму. Так работают имитационные модели в социофизике.

Физический смысл целевой системы модели ментальной войны

Что является объектом/целью воздействия МВ?

Обоснуем конфигурацию целевой системы социофизической модели МВ.

Ставится задача посредством ментальной войны [2, 4, 5] ослабить, разбалансировать и в итоге привести к распаду, разрушить целевую систему «государство — общество».

Почему за цель в нашей концепции моделирования МВ принимается распад и разрушение двуединой системы «государство — общество», а не, к примеру, разрушение страны, государства или общества?

Все это близкие, в каком-то смысле «пересекающиеся» сущности, однако для ясности и адекватности построения физико-математической модели целесообразно взять за цель МВ именно систему «государство — общество».

Мы исходим из логики математического принципа «необходимого и достаточного», полагая, что прежде всего надо определить и разрушать базовую скрепу — тот элемент, при ликвидации / дисфункциональности которого вся система рухнет или радикально изменится. Очевидно, что общество может существовать без страны, а страна не может существовать без общества, но может без государства и суверенитета, а государство не может функционировать без общества, страны и суверенитета.

Общество — самое широкое понятие. Общество включает всех людей, их отношения, культуру, экономику, традиции и социальные институты как в рамках государства, так и вне его (например, диаспоры, глобальные сообщества). Например, российское общество / русский мир охватывает не только граждан РФ, но и русскоязычных людей в других странах, их общую историю и культуру, систему долговременных коммуникаций. Отметим, что общество как сущность может обходиться без государства (например, племенные общества или довестфальская Европа) и переживать смену политических систем.

Страна — это совокупность территории и общества (народа), но без обязательного наличия организующей политической системы — государства. Страна может существовать без государства (например, колониальные

«страны» под внешним управлением) или включать несколько государств (например, Великобритания или де-юре США со штатами).

Государство как политическая форма обустройства общества на определенной территории — самая «узкая» и при этом самая функциональная, четко структурированная институция в триаде «общество — страна — государство». Государство — это организация публичной власти, инструмент управления обществом, система власти, законы, институты (правительство, суды и т.д.). Государство в своем идеальном состоянии должно быть целостным, институционально, правово и идеологически обустроенным субъектом с четким вектором (стратегией) развития, обеспечивающим безопасное развитие общества. Государство может исчезнуть (например, после революции, переворота или оккупации), но общество / народ и даже страна останутся, по крайней мере на определенный период.

В современном мире государство часто по смыслу «накладывается» на страну, но суть понятий все-таки разная. Общество может быть транснациональным (например, «европейское общество»), тогда как страна и государство привязаны к территории. Исторически общество первично: сначала возникает сообщество людей, затем формируется страна как их «дом», и лишь потом — государство как система управления.

Ключевой признак государства — это суверенитет. Суверенитет означает верховенство и независимость государственной власти внутри страны, а также независимость в международных отношениях.

Здесь и далее мы принимаем суверенитет как определяющий и присутствующий признак государства в системе «государство-общество», как базовую скрепу, при ликвидации / устранении которой система распадется и рухнет. Это важно зафиксировать для дальнейших рассуждений.

Заметим, что несколько неточно, но допустимо принимать как целевую модель страну. Россия как исторический субъект сохранялась, радикально меняя государственный строй и политическую систему. В переломные периоды (Царская Империя / СССР или СССР / РФ) она оставалась тем не менее Россией, державой русского мира. Однако, учитывая сакральную важность государства для России и русской цивилизации как образующей и организующей скрепы на протяжении столетий, мы здесь и далее, при построении физико-математической модели, будем считать целевой системой именно систему «государство — общество».

Таким образом, ставится задача через МВ разрушить двуединую систему «государство и общество», которую далее в тексте будем называть Системой.

Итак, цель МВ — ослабить, привести к деградации, довести до распада и разрушить эту Систему.

Подчеркнем в завершение этого раздела две важные особенности.

Состояние Системы «государство — общество» во время войны отличается от состояния мирного времени: радикально изменяются механизмы принятия решений, усиливается и укрепляется властная вертикаль (иерархия), повышается персональная ответственность, объединяя военных и гражданских акторов войны в единую «метасистему» [6].

Как более организованная, структурированная, континуальная и подчиненная «логике масс», Система времен войны легче поддается социофизическому моделированию.

Это создает определенные возможности для анализа Системы, поскольку современные вычислительные методы социофизики с использованием имитационных моделей, технологий искусственного интеллекта (ИИ), математической статистики, стохастических и квази-квантовых подходов.

Подобная метаморфоза качественного управленческого и структурного перехода Системы от мира к войне позволяет моделировать физико-математическими методами нематериальные / живые объекты, обуславливая целесообразность применения социофизических моделей МВ.

Квантовая метафора серой зоны ментальных войн

В завершение затронем **квантовые эффекты** [11] модели МВ, поскольку об использовании подобных подходов к исследованию «сложности мира» упоминал Президент Путин в выступлении на Клубе «Валдай», подчеркивая необходимость применения нетривиальных подходов к анализу политических процессов на уровне философии и принципов квантовой физики [1].

Вначале отметим когнитивный парадокс: квантовая физика базируется на принципах и положениях, которые можно описать (системами уравнений, в том числе), но практически невозможно образно представить. Тем не менее, уже сто лет эта сложнейшая теоретическая наука является основой прикладных наук — ядерной физики, физики твердого тела, квантовой химии и оптики, космологии и др., описывая и просчитывая реальный мир. Не будет большим преувеличением констатировать, что, наряду с **Божественным провидением**, квантовая природа лежит в основе всего сущего, а знания о ней — в основе многих современных технологий.

Ментальная война, как часть гибридной войны, имеет глубинный характер, реализуется в условиях неопределенности и хронической нестабильности «серой зоны» [2–5, 7–9] — комплексного, многослойного, неустойчивого состояния «мира-войны».

Актуальность темы «серых зон» (далее — Серая зона) и значимость этого феномена для национальной безопасности России определяются активным использованием нашими геополитическими противниками из США и НАТО стратегий, построенных на доктринах сдерживания, принуждения и проникновения [10].

Применение метафор из квантовой физики в гуманитарной сфере весьма перспективно, особенно в области интерпретации, моделирования и анализа сложных, неопределенных переходных состояний — таких как Серая зона войны.

Постулируем, что, с точки зрения социофизики, Серая зона представляет собой промежуточное, квантовое состояние (Sic! здесь и далее квантовое состояние/квантовые эффекты — это **метафоры/интерпретации базовых принципов и положений из квантовой физики** [11]) между миром и войной, где действия сторон носят неявный, нелинейный, стохастический и квази-квантовый характер.

Состояние Системы «ни мира, ни войны» делает позицию государства **двойкой**, а состояние общества — **неопределенным**, поскольку одновременно надо настраиваться на мир (через дипломатию, переговоры и торговлю) и готовиться к войне (через перевооружение и мобилизацию). Это состояние, в котором может не быть открытого вооруженного конфлик-

та, но присутствуют элементы насилия, агрессии и напряженности, такие как информационные, когнитивные и кибератаки, экономическое давление, прокси-конфликты, системные ментальные воздействия (переформирование международного «имиджа» и позиционирования целевого государства в государство-террорист или государство-изгой, перезагрузка истории и др.). Ментальную войну «Серой зоны» можно без объявления начать и также «тихо» закончить, сделав вид, что ничего не было. Двойственность «Серой зоны» МВ порождает состояние, которое можно описать как метафору **квантовой суперпозиции**, в котором Система находится в смешанном состоянии, содержащем черты обоих полюсов.

Напомним, что **ментальная МВ [4] реализуется на трех уровнях**: тактическом, оперативном и стратегическом, каждый из которых характеризуется взаимосвязанными, но разномасштабными целями и задачами. Квантовые эффекты проявляются на каждом уровне МВ, усиливая ее воздействие на Систему.

На **тактическом** уровне МВ включает локальные и краткосрочные действия, такие как фейковые новости, посты в социальных сетях или одиночные опросы, направленные на быстрое изменение восприятия небольшой группы людей. Суперпозиция проявляется в смешанном состоянии общества, которое одновременно верит в слухи о кризисе и надеется на стабильность. Неопределенность усиливается опросами о «войне» или «кризисе», которые подталкивают людей к неопределенности и сомнениям в мире и стабильности. Запутанность проявляется в том, что локальное воздействие на общество, например, слухи в одном городе, могут через социальные сети и давление общественного мнения мгновенно влиять на государство в целом, вынуждая власти реагировать. Коллапс волновой функции происходит, когда такие силовые (ментальные и прямые) вмешательства фиксируют общество в состоянии страха, усиливая смятение и хаос Серой зоны.

На **оперативном** уровне МВ включает скоординированные кампании, охватывающие социальные группы и/или регионы, с целью создания устойчивого эффекта в среднесрочной перспективе. Суперпозиция создает сложную неопределенность, в которую погружаются целые слои общества, например, через одновременное продвижение нарративов «государство защищает вас» и «государство утаивает угрозы». Это хаотизирует ситуацию, порождая когнитивный диссонанс и смятение, держа общество в состоянии неопределенности и растерянности. Коллапс волновой функции происходит, когда серия публикаций в СМИ или опросов заставляет общество «выбрать» сторону, например, поддержать милитаризацию из-за страха «внешнего врага». Неопределенность усиливается противоречивыми данными, такими как аналитические отчеты о безопасности, которые подрывают доверие к государству. Запутанность проявляется в том, что кампания, нацеленная на общество, например, через СМИ, практически мгновенно влияет на находящееся в напряженном ожидании государство, побуждая его менять политику, что, в свою очередь, усиливает тревогу в обществе.

На **стратегическом** уровне МВ направлена на долгосрочное эволюционное (и зачастую необратимое) изменение в Системе «государство — общество», например, подрыв через переформатирование общественного сознания легитимности власти и государственный переворот. Суперпозиция создает хроническую неопределенность хаоса Серой зоны, где общество и

государство балансируют в «гоббсовском» состоянии («война всех против всех»), а нарративы о «внешней угрозе» и «внутренней слабости» поддерживают это состояние, подрывая стабильность.

Выводы

Современная война носит перманентный, многокомпонентный, многослойный, распределенный, сетевой характер [2, 5, 7, 10]. В актуальном геополитическом масштабе и состоянии она становится **тотальной Серой зоной и «новой нормальностью»** — вполне адекватно и наглядно описываемой метафорой квантовой суперпозиции «войны и мира».

С позиций социофизики такая война — не дискретное, фиксированное во времени и пространстве событие, а распределенно-вероятностное «волновое» квази-квантовое состояние. У нее нет начала, но есть фазы эскалации, нет окончания, а есть временные перемирия. Это война, реализуемая через инфо-когнитивные удары и операции, через «ползучее» проникновение и ментальные интервенции в онтологические пространства суверенных государств, это война, где функционалы армии, разведок, дипломатии, военной и гражданских сфер тесно переплетаются в **квантовой запутанности Серой зоны**.

Десятилетиями Запад действовал против России в логике **перенапряжения и сдерживания**, теперь же, в развитие этих приемов ведения войны в Серой зоне, по отношению к России реализуется логика **проникновения и дестабилизации**. В такой войне побеждает не тот, кто первым ударит, а тот, кого назначают медиа, тот, кто последним падает сверху.

Применение методов физико-математического моделирования воздействия МВ развивает ее теорию и практику в сторону прикладного анализа сложных, актуальных и недоопределенных военно-политических и социальных систем и процессов.

Междисциплинарный и комплексный характер подобных подходов — это та самая «философия сложности», о которой говорил Верховный Главнокомандующий ВС РФ Владимир Путин [1].

Литература

1. *Путин В.В.* Выступление на пленарной сессии «Полицентричный мир: инструкция по применению» международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. <http://kremlin.ru/events/president/news/78134>
2. *Ильницкий А.М., Симаков С.С.* Корпускулярно-волновая теория ментальной войны // Военный академический журнал. 2025. № 3 (46). С. 13–30.
3. *Ильницкий А.М., Караваев И.Н.* Стратегия ментальной безопасности РФ в условиях становления миропорядка XXI века: монография. Воронеж: ВУНЦ «Общевойсковая Академия ВС РФ», 2025. 184 с.
4. *Ильницкий А.М.* Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
5. *Ильницкий А.М., Симаков С.С.* Социофизика ментальной войны. Концептуальные подходы и апробация модели. // Военный академический журнал. 2025. № 4 (47). С. 14–21.

6. *Словохотов Ю.Л.* Физика общества: применение физических моделей в описании общественных явлений. М.: Ленанд. 2024. 880 с.

7. *Бартош А.А.* «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная Мысль. 2021. № 2. С. 6–19; № 3. С. 25–37.

8. *Зарудницкий В.Б.* Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе // Военная мысль. 2021. № 1. С. 34–44.

9. *Сержантов А.В.* Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // Военная мысль. 2021. № 1. С. 45–56.

10. Dispersed, Disguised, and Degradable // RAND Corporation Report. 2025. 120 p.

11. *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Теоретическая физика. Квантовая механика (нерелятивистская теория). 4-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1989. Т. III. 768 с.

КВШАА КНИГА

Тобольск и вся Сибирь: историко-культурологический, литературно-художественный альманах: В 4 т. Тюмень — столица деревень / Ред.-сост. Н.А. Балюк, А.Л. Вычугжанин, оформление И.Е. Лукьянова. Тобольск: Издательский отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2023.

Новая книга альманаха «Тобольск и вся Сибирь» посвящена судьбам российской деревни. Первоначальный замысел издания — показать историю деревень Тюменского района (уезда), в ходе работы над книгой развернулся на географию всей России. Тюмень — первый русский город за Уралом, как форпост освоения огромной Сибири, — определила логику такого повествования, где тема переселения на вольные земли стала основной сюжетной линией многих жизненных историй и событий. В понимании устройства крестьянского мира исходим из «Изначального» — от тайн древнего моря, в котором формировались последующие ландшафты суши и современный облик Западно-Сибирской равнины, ее ресурсы природопользования и жизнеобеспечения. Извечное стремление русского человека к земле, к воле стало возможным после похода атамана Ермака, открывшего горизонты освоения новых земель от Урала до Тихого океана. В тематические рубрики альманаха, согласно хронике событий, вошли уникальные воспоминания крестьян и их потомков о прошлой народной жизни, личные истории, архивные изыскания, научные исследования, раритетные тексты, яркие образцы традиционной народной культуры тюменской деревни, впитавшей в себя древние истоки крестьянской цивилизации России.

Леонид САВИН ЗАБЫТЬ ЗАПАД

*Девестернизацию нужно
ускорять и расширять*

Леонид Владимирович Савин — родился в г. Сумы (Украина). Журналист, изучал древние языки в Сумском богословском училище. Главный редактор аналитического центра «Геополитика. Ру», генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств, глава администрации Международного «Евразийского движения». Председатель правления Фонда содействия развитию русско-кубинских отношений им. Фиделя Кастро. Главный аналитик в Институте «Царьграда» Автор многих книг по геополитике, более тысячи публикация в российской и украинской прессе. **Живет в Москве.**

В России (но и не только, это также верно для стран Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока и Азии) все еще много внимания уделяют коллективному Западу. В некоторых странах это объяснимо тем, что там продолжают активно работать западные глобалистские СМИ, которые постоянно подпитывают внимание обывателей и провоцируют интерес к событиям в западных государствах или через призму западного мировоззрения. Однако в России, где после начала СВО такие медийные агенты либо сами покинули страну, либо были признаны нежелательными, фокус на западной повестке держат сами государственные телеканалы, а им подражают интернет-издания и блогеры. Такая ситуация неадекватна заявлениям руководства России о необходимости создания более справедливого многополярного мироустройства, а также воспитанию в русле патристических ценностей внутри страны.

Ведь если постоянно делать ток-шоу, передачи и новости с акцентом на западный мир, пусть даже с критических позиций (посмотрите, какую очередную глупость сказал Дональд Трамп, или давайте поговорим о планах ЕС и НАТО), все равно народ будет продолжать мыслить в таких категориях, где Запад представлен как нечто значительное. И, несмотря на репортажи о беспорядках где-то в Афинах или гей-параде в каком-нибудь Амстердаме, будет такая картина мира, где остальные регионы, имеющие более значительные географические, демографические, культурные и политические показатели, будут восприниматься как нечто второстепенное или даже третъесортное.

Кроме того, это будет продолжать серьезно ограничивать кругозор и сужать потенциал для буду-

щих форм сотрудничества и взаимодействия — будь то банальный туризм или совместные научные, экономические и культурные проекты.

Следовательно, необходимо серьезно пересмотреть медийную повестку. С одной стороны, значительно ограничить подачу материала, связанного с коллективным Западом. Сформировать некую квоту, выше которой не давать контента, который освещает события, каким-либо образом связанные с Западом. Понимая, что в международной повестке Запад так или иначе останется (агонии и экспансионистские действия ЕС и США будут еще какое-то время продолжаться), нужно проводить выверенную редакционную политику, тщательно отфильтровывая материалы.

С другой стороны, нужно заполнить образовавшийся вакуум качественным содержанием, отражающим процессы в других уголках мира. Контент из дружественных стран, особенно поддерживавших Россию в СВО, должен постепенно внедряться в медийное пространство России и стать новой нормой — материалы и взгляды из КНДР, Китая, Индии, Ирана, арабского мира, стран Африки, Кубы, Никарагуа, Венесуэлы (эти три страны указаны как стратегические партнеры в доктрине внешней политики России), Бразилии и Южной Африки как членов БРИКС, стран ЕАЭС необходимо регулярно подавать в рамках государственной политики телерадиовещания, а также печатных и электронных СМИ.

Если сделать поправку на новый конкурс «Интервидение», заключение договоров о сотрудничестве между Министерством культуры РФ и КНДР, подписание соглашений с африканскими СМИ, а также работу по линии БРИКС, то начало такой работе уже положено. Ее нужно сделать более системной, стратегически выверенной и всеохватной.

Вместо того чтобы транслировать сессии Европарламента или уделять много времени выборам в какой-то европейской стране, будет лучше дать обзор дебатов в Меджлисе Ирана с комментариями экспертов о политической системе Исламской Республики Иран и шиитском богословии, оценить технико-экономические достижения в Бхарате (новое название Индии для международного обозначения, которое является аутентичным) и показать образцы современного искусства из стран Латинской Америки.

Слова Николая Данилевского о том, что Европа — это всего лишь небольшой западный полуостров континента Евразии, нужно воспринимать не только как призыв к самоограничению от нынешней токсичной культуры европейскости, но и как шаг к творческому самопознанию, о чем говорили евразийцы сто лет назад. У нас достаточно много соседей на континенте, чье культурно-историческое наследие представляет значительный интерес. А от них тянутся связи и мосты с другими не менее важными культурными формациями — в Юго-Восточную Азию, а также Магриб и Машрек, более известными под названиями, которые были придуманы на Западе, как Северная Африка и Ближний Восток.

В многополярном мире такие введения будут позитивно восприняты за пределами Запада как продолжение борьбы против неокOLONиализма и гносеологического расизма Запада. И ответная реакция в той или иной степени будет способствовать улучшению глобального образа России, в том числе через увеличение количества качественного контента из России и о России (поскольку изменение подхода подразумевает соответствующее сотрудничество в области информационной политики между странами).

Кроме того, более всесторонняя информация будет способствовать и развитию творчества внутри самой России, поскольку разнообразие форм и практик из различных частей мира будет обогащать знаниями наш народ и стимулировать многочисленные инициативы. Опыт предпринимательства или самоуправления где-нибудь в Азии может быть воспроизведен в каком-то из регионов России, а информация о нуждах в Латинской Америке, возможно, заинтересует какого-то нашего производителя.

Коллективный Запад, основанный на клептократии и высокомерии, из-за продолжающегося санкционного безумия и организованной дезинформации, а также ввиду собственной научно-культурной деградации, вряд ли может предложить России что-то полезное и существенное. Поэтому его нужно выносить за пределы нашего информационного поля. Пусть профессиональные дипломаты продолжают заниматься двусторонними отношениями, а военные усиливают обороноспособность страны. А контент из стран Глобального Юга и Глобального Востока укрепит и расширит процессы многополярности.

ВЫШЛА КНИГА

Ефимовская В.В.

Сила Единицы: статьи о современной русской литературе. СПб.: Родная Ладога, 2025. 520 с.

Книга Валентины Валентиновны Ефимовской «Сила Единицы» — сборник статей о современной русской литературе, о ее основных смыслах, жанровых и художественных особенностях, историческом значении. В сборнике представлены статьи о творчестве и отдельных произведениях профессиональных писателей России, Санкт-Петербурга, в том числе лиц духовного и воинского звания. Книга подтверждает важность национальных приоритетов, доказательно спорит с модными разрушительными идеями современной западной культуры. Автор показывает, что традиционная культура является оборонным фактором Российской Державы. Изданная в год 80-летия Великой Победы советского народа над фашизмом книга раскрывает на основе современных литературных произведений опыт героических поколений, проецирует его значение на доблестную Специальную военную операцию и жесткое идеологическое противостояние. Материалы сборника посвящены идее Подвига-Победы над внешними и внутренними врагами Отечества. Книга обладает актуальным познавательно-просветительским значением, написана художественным языком, рассматривает произведения в категориях: религии, философии, культурологии, естествознания. Она будет полезна всем, кто следит за современным литературным процессом, может использоваться в образовательных программах.

Александр ДУГИН

ПУТИН — ЧЕЛОВЕК, ОТМЕЧЕННЫЙ СТИХИЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве советский и российский философ, политолог, социолог, переводчик и общественный деятель. Кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук. Профессор, в 2009–2014 гг. — и.о. заведующего кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Директор Высшей политической школы им. Ивана Ильина при РГГУ. Живет в Москве.

Есть такое римское понятие — принцепс, принципат. Это центральная фигура политической системы, которая является чем-то промежуточным между республикой и Империей. И Путин в этом отношении — первопроходец. Он превращает распадающуюся, коррумпированную, прозападную, лишенную суверенитета, погруженную в процессы распада республику 1990-х в будущую Империю. И сам он — словно мост к ней.

Это его фундаментальная роль. Она связана не только с его позицией и функцией, потому что могут быть совершенно разные персоны, разные индивидуумы, которые, получив высшую власть, поступят с ней по-разному. Кто-то хорошо, кто-то плохо, кто-то ради тирании и собственного утверждения, кто-то, наоборот, перерегнет палку в набожности и благочестии, забыв о необходимости грозной стороны державной власти. Поэтому сами возможности верховного правителя, конечно, огромны, но очень многое зависит от того, насколько индивидуум, обладающий верховной властью, соответствует самой природе этой власти. И в Путине, именно как в личности, это сочетание оказалось чрезвычайно удачным. Путин — человек народа. Он дошел до своей позиции действительно с низших ступеней, благодаря своим заслугам, а не благодаря каким-то изначальным позициям и привилегиям. И это тоже надо учитывать.

В этом отношении Путин, особенно когда мы оглядываемся на 25 лет его нахождения у власти, совершил совершенно невероятный реверс русской истории. Наша страна катилась в бездну. Она упала в бездну в 1991 г. и, в общем, дальше должна была сорваться уже с последней скалы, окончательно утратив суверенитет, введя внешнее управление, к чему, собственно, и вела политика ельцинского правления.

*Президент России Владимир Путин во время Рождественского богослужения в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга, 2019 г.
Фото: ТАСС, Александр Демьянчук*

И именно Путин подхватил нашу страну, которая висела на последней ниточке, зацепившись за скалу, прежде чем удариться о дно пропасти (а это было реальностью на расстоянии вытянутой руки), — невероятным усилием и при этом очень аккуратно вытащил и, по крайней мере, вернул на эту скалу. И мы стали думать, как возвращаться к нашему месту в истории, как восстанавливать полноту нашего суверенитета, как возрождать Большую Россию, которую, казалось бы, мы окончательно потеряли в 1990-е.

В этом отношении Путин, конечно, человек судьбы, человек, отмеченный стихией русской истории, трудной, парадоксальной подчас, чей язык, чей иероглиф мы иногда не разбираем. Русская история полна парадоксов, и вот в этой истории Путин и его правление, безусловно, уже сейчас, с самого начала было понятно, проходит под знаком света.

В римской истории была традиция череды императоров. Один был плохой, другой хороший, потом опять плохой, другой хороший. Они составляли структуру, почти черно-белую, 1—0: император удачный, император провальный. В нашей истории не всегда так, но есть те правители, которые, безусловно, с точки зрения исторических свершений, в ткани, в тексте нашей истории обозначены большими буквами.

Некоторые правители были жестоки, некоторые гуманны. Сам Путин, безусловно, не жесток, он гуманен, но при этом по уровню величия стоит наряду с самыми высокими фигурами русской истории. И тот факт, что ему удастся осуществлять свои невероятно трудные свершения по спасению России во внутренней политике бескровно, что он никогда не узурпирует дополнительные полномочия, никогда не превышает их, и, наоборот, ведет себя чрезвычайно человечно, гуманно и терпимо даже к идеологическим противникам, — все это, конечно, делает его уникальным.

Думаю, Путин строит мост к настоящему духовному, социальному, экономическому возрождению России. И искренне поздравляю нашего верховного правителя, принцепса, поднимающего с колен Россию, с Днем ангела! Ангелу — злат венец!

**Хожбауди
БОРХАДЖИЕВ**

МИР — ОТ ВСЕВЫШНЕГО ДАР

Хожбауди Рамзанович Борхаджиев — родился в 1956 г. в Караганде, Казахская ССР. Советский и российский поэт, прозаик, публицист, переводчик. Автор восьми книг. Главный редактор гудермесской районной газеты «Гумс». Имеет много наград, в т.ч. «Платиновое перо» — приз Госсовета Чеченской Республики, орден «Золотой орел» им. Магомеда Мамакаева, медаль «За достижения в культуре». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный журналист Чеченской Республики. **Живет в Гудермесе, Чеченская Республика.**

ГОРОД, ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

Век завершался войной,
Таяли грезы во мгле,
Был ограничен стеной
Мир на чеченской земле.

Кто-то столицу крушил,
Кто-то не мог не любить.
Лидер народа решил:
Городу Грозному быть!

Если путь праведен твой,
К миру поставлена цель,
Ждет за незримой чертой
Праздничных дней карусель.

Каждый успехами жил
Днем и ночью порой.
Скоро весь мир удивил
Сказочный город-герой!

Станет началом начал
Мир — от Всевышнего дар.
Грозный из пепла восстал
Словно под звуки фанфар.

Как же прекрасен расцвет!
Ввысь устремились дома!
В городе царствует свет,
Скрылась зловещая тьма.

Пусть, не имея конца,
Вечно цветет благодать!
Мы по веленью Творца
Будем всегда созидать!

ОБРЕЧЕННЫЙ ПОБЕЖДАТЬ

*Минсултану Алиеву,
отважному воину
из Герзель-Аула посвящается*

Концлагерь смерти. Страшная юдоль.
Ликует рейх, ведь где-то там,
в Берлине,
Имперский фюрер с именем Адольф
Решил свои отметить именины.

А узников ломали в жерновах
За то, что были не арийской расы...

Других сжигали заживо в печах,
В очередях еще стояли массы...

Придумали тупые псы войны,
Наверно, после шнапсовой накачки:
Есть под рукой лихие скакуны —
Устроить можно праздничные скачки.

А для пиара предложили спор
Тем узникам, что вызвались сразиться.
В плену азарта под напором шпор
Дано ль скандалу в лагере родиться?

На финише вперед нельзя им лезть:
Есть установка отставать по ходу.
А проигравший будет вдоволь есть
И легкую получит он работу.

Но что за дерзость? Рушится весь план:
Ведь немец первым не коснется ленты!
А в лидерах — Алиев Минсултан,
С ним к финишу пришли друзья по плену.

Остались немцы где-то там, в хвосте.
Такие вот дела под именины...
Да, как бы первыми пришли не те,
Но точно — настоящие мужчины!

Герои знали: это их конец...
Победа означает финиш жизни...
Но каждого запомнят на коне
Потомки гордых сыновей Отчизны!

Неистов был в лезгинке Минсултан:
Встал на носки под стрекот автомата,
Вознесся над врагом, как великан,
Как исполин, как вечная громада!

РОДНАЯ ЧЕЧНЯ

Родная Чечня, с малых лет я гордился тобою!
В мечтах сокровенных надеялся, верил, любил.
Ходил по земле я, обласканный щедро судьбою,
Во имя добра никогда не жалел своих сил.

Бывало, тревоги твои беспокоили сердце,
Оно исцелялось благими вестями потом.
В гармонии с сердцем мой край обречен на бессмертье:
Пока ты цветешь, благодатью наполнен мой дом!

Я часто желал, чтобы множились блага земные,
А вслед по весне семена их в Чечне проросли.

Когда же порою ветра залетали шальные,
Просил я у Бога, чтоб вихри утихли вдали.

Тяжелые беды ни разу тебя не сломили,
В анналах храним мы героев своих имена.
Их матери свято с пеленок на славу растили,
И ими гордится родная моя сторона!

Равняясь на них, я потомкам поведаю гласно,
Что правду искал, начиная с азов букваря.
И хочется верить, что жил на земле не напрасно —
По горным дорогам свой край исходил я не зря.

Пока я дышу, в благоденствие хочется верить...
Но все ж у последней черты оборвется мой путь.
Когда я уйду и за мною закроются двери,
Родная Чечня, я прошу, ты меня не забудь!

ХУДОЖНИК ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ

Смотрю на знакомый портрет человека в папахе...
Глядит на меня он, как будто сквозь лет решето.
Я знаю, что это — чеченский художник Захаров.
Но имя его настоящее знает ли кто?

Наверно, он был патриотом, как истинный горец.
Нетрудно и грусть, и печаль обнаружить в глазах.
Во взгляде его отразилось великое горе.
В нем есть и тоска. Но совсем не читается страх.

Он знал свои корни. Недаром в папахе и бурке
На холст перенес свой наряд — отраженье зеркал.
Так сильно скучал он по Тереку в Санкт-Петербурге,
Что даже в одеждах менять свои вкусы не стал.

В богатых хоромах в бессонные белые ночи
Он в думах своих возвращался в далекий аул.
И долго потом не смыкал свои черные очи,
В ушах не смолкали сражения грохот и гул.

И Терека волны порой его слух теребили,
Когда на заре говорливо встречала Нева.
Откуда-то вдруг доносились чеченские илли¹,
Что с детства он пел, иногда забывая слова...

...Не так, может, было... Но думы тревожат недаром.
Покою с горбинкою нос и усы не дают...
Да, в памяти нашей остался художник Захаров,
Который прославил не только аул Дады-Юрт.

¹ Илли — чеченские песни в мужском исполнении.

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Светлана ГОЛУБЕВА

«ИДИТЕ, ДРУЗЬЯ, ПОМИНАЙТЕ НАС...»

*Царскосельский
лицей и его наставники*

Светлана Сергеевна Голубева — родилась в 1967 г. в Пскове. Окончила Псковский ордена «Знак Почета» педагогический институт им. С.М. Кирова. Жила и работала в Белгороде. С 2010 г. — член Союза писателей России, автор 10 книг. Участник региональных литературных семинаров в Курске (2008) и Гусь-Хрустальном (2009). Печаталась во многих известных периодических изданиях, лауреат Всероссийской поэтической премии «Вешние воды» 2014 года. **Живет в Орле.**

Говорят, какое время, такие и герои. В этих словах есть доля правды. Но на проверку выходит, что истинный герой во все времена один и тот же — человек, которого мы называли бы гражданином.

Герои появляются, когда есть пример, есть наставник, который сам живет интересами общества, понимает несовершенство государственных уложений и организаций, осознает проблемы и слабости государства и вместе с тем не желает иной родины; сочувствует своему народу, желает и способен быть выразителем его чаяний. И учительство как наставничество для него не труд, а необходимая часть жизни, естественное проявление духовной природы.

Это в идеале, скажет читатель, а в жизни всё сложнее. Безусловно, но идеал не берется из выдумок, именно жизнь его нам и являет. Тут много чего должно сойтись воедино, и к этому делу всегда оказывается причастен идейно увлеченный человек.

Одиннадцатого декабря 1808 г. видный государственный деятель М.М. Сперанский читает Императору Александру I свою записку «Об усовершенствовании общего народного воспитания» и представляет проект «Предварительные правила для специального Лицея», где прописывает принципы устройства нового учебного заведения.

По высочайшему повелению проект поступил на рассмотрение к министру просвещения графу А.К. Разумовскому. Затем документы с некоторым количеством предпочтительных корректировок направляются директору департамента Министерства просвещения И.И. Мартынову. Тот сумел сохранить многое из того, что предлагалось исключить, хотя кое-чем и пришлось поступиться. В частности, из Устава устранили положение о приеме в лицей детей всех

А.С. Пушкин у Лицея. Художник Б.Н. Гуцин, 1969 г.

сословий и пункт о равенстве учащихся. Зато впервые в учебном заведении отменялись телесные наказания.

Двенадцатого августа 1810 г. постановление о лицее было утверждено. Согласно ему, лицей «в правах и преимуществах своих совершенно равняется с Российскими университетами».

Программа обучения рассчитана на шесть лет: два курса по три года каждый. Образование предусматривалось общее, с преобладанием гуманитарных предметов.

Для начального курса: грамматика, науки математические и физические, история, «изящные письма» (художественная литература), изящные искусства (чистописание, рисование, танцы, гимнастические упражнения, верховая езда, плавание).

В обучении старшего курса главенствовали история права, философия права, правоведение, история религии, логика. Важное место отводилось алгебре, тригонометрии, прикладной математике, российской истории, хронологии, географии. А также были литературоведение, эстетика и риторика. Кроме того, «языки иностранные должны быть продолжаемы». Воспитанникам вменялось «стараться понять свойства и разность каждого языка», чтобы они «научились бы красоты чуждые (языковые) присваивать языку отечественному и научились сочинять правильно на немецком, французском и российском языках».

Но образование не имеет смысла, если оно — самоцель. Главной же идеей, во имя которой создавался лицей, было «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной». По окончании обучения вступить в жизнь должны были такие представители общества, которые, проходя «степени службы, могут некогда приблизиться

к подножию трона... и ...соделаются вместе органами общего мнения, представителями народа пред лицом монарха». То есть лицей был задуман как учебно-воспитательное учреждение, ведь истинная педагогика не отделяет образование от воспитания. Недаром на мемориальной доске лицея начертано: «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин». Именно воспитывался, следовательно, кроме образования, получал и некий нравственный опыт.

Такая цель требовала от наставников всего: личной культуры, познаний, соответствующих принципов и убеждений, одно из которых — говорить правду, а значит, уважать себя, свое дело, будущих граждан в своих учениках.

Во главе лицея стоял директор, назначаемый по указу Царя. Преподаватели составляли конференцию лицея. Она занималась вопросами обучения и воспитания и собиралась для их обсуждения раз в месяц. Была также учреждена хозяйственная комиссия, ведавшая бытовыми вопросами.

Директором Царскосельского лицея был назначен Василий Фёдорович Малиновский. На его долю выпали все тяготы, связанные с благоустройством: договоры с подрядчиками, закупка оборудования, хозяйственных принадлежностей, мебели, провианта, подбор персонала и преподавательского состава.

Разумеется, обучение и воспитание тоже находились в зоне внимания Василия Фёдоровича. И это не только поиск учебных пособий, закупка литературы, подписка на журналы. На встречи с воспитанниками директор приглашал известных людей, например, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова. По воспоминаниям Ивана Ивановича Пущина (курсника и одного из самых близких друзей А.С. Пушкина), при Малиновском воспитанников учили самостоятельно мыслить, рассуждать, спорить об истине, торжестве справедливости, об общей пользе и общем благе.

В 1812 г. Василий Фёдорович пережил большое горе: ушла из жизни его жена. Заботу о шестерых детях Малиновских взяла на себя сестра покойной, Анна Андреевна Самборская (небезызвестная фамилия при дворе). Дом Малиновских был открыт для всех лицейских (мальчики первого курса называли себя «лицейскими», а не «лицеистами»). Все выходные и праздники воспитанники проводили в кругу семьи директора. Сын директора — Иван — стал для А.С. Пушкина лучшим другом, о нем у поэта было последнее сожаление...

Будучи воспитанником первого курса, Александр Михайлович Горчаков (впоследствии министр иностранных дел, канцлер Российской Империи) писал: «Я не найду выражения для похвалы Малиновского, какой прекрасный и какой достойный человек! Он относится к нам, как к своим детям и не делает разницы между нами и своим сыном...».

Кумир лицейской молодежи Василий Фёдорович Малиновский умер от сердечного приступа 20 марта 1814 года.

Может быть, из-за искренней привязанности к Малиновским у Пушкина с самого начала не заладились отношения с новым директором. Между тем, новому назначенцу на пост директора суждено стать главной фигурой в истории лицея.

Имя этого человека — Егор Антонович Энгельгардт.

Он родился в 1775 г. в Риге, соединив в себе итальянскую и немецкую кровь. Отец был прибалтийским немцем, потомственным дворянином,

предки которого четыре столетия служили России. Родовые корни матери уходят в историю венецианской высшей знати.

Судьба мальчика мало отличалась от судеб отпрысков дворянских семей.

Егору (Георгу Рейнгольду) не было пяти лет, когда семья перебралась в Петербург: его отцу предложили хорошую должность. Сам Егор едва ли не с рождения (по обыкновениям дворянства того времени) был зачислен в лейб-гвардию Преображенского полка. Первоначально образование сына занималась мать, а в Петербурге он учился в частном пансионе девиц Бардевик. Шестнадцатилетним юношей Егор Антонович поступил сержантом на действительную службу в Преображенский полк и был ординарцем у князя Потёмкина.

В 1795 г. Е.А. Энгельгардт в чине капитана был переведен в канцелярию князя Зубова в Смоленский драгунский полк, успев до того (в 1793 г.) побывать в Вене. Но через год он был отправлен на гражданскую службу в Коллегию иностранных дел, в канцелярию вице-канцлера князя Куракина. Но и там он служит недолго. В апреле 1799 г. Император Павел Петрович назначает молодого Энгельгардта секретарем Мальтийского ордена (Святого Иоанна Иерусалимского), затем секретарем великого магистра, то есть своим.

Поскольку Император, присутствуя на заседаниях капитула, строго следил за исполнением всех орденских формальностей, то Энгельгардт занялся изучением всех деталей и познакомил с ними наследника престола — Александра. Павел Петрович был в восторге от познаний сына и весьма признателен его добровольному учителю. Александр тоже не забыл услуги. После коронации в 1801 г. Александр I назначил Энгельгардта помощником статс-секретаря в Государственный совет. За год до того Егор Антонович (25 лет от роду) женился на Марии-Августе Уайтекер (в крещении Марии Яковлевне), англичанке по отцу, уроженке Ревеля.

Конечно, помощник статс-секретаря — существенный шаг в карьере, но душа Энгельгардта лежала к педагогике. Отчасти это видно уже из истории с обучением орденским ритуалам Александра. Егор Антонович не являлся придворным воспитателем, а юный наследник престола отличался ленцой. О педагогических наклонностях Энгельгардта сообщают и выработанные им взгляды на отношения наставника и питомца.

Егор Антонович, например, считал: основой воспитания является любовь к ребенку, а единственный способ вызвать в нем доверие к педагогу — это искреннее участие того в жизни воспитанника. Вместе с тем воспитание без наказания невозможно, но оно не может быть публичным и телесным, поскольку убивает в людях стыд и страх перед общественным мнением. Наказание не должно быть самоцелью. Оно — крайняя мера, на которую педагог идет вынужденно.

Для Энгельгардта нет градаций: «хороший» педагог или «посредственный». Если уж педагог, то он априори прекрасный специалист и большой души человек. А плохой — просто не педагог. Иными словами, педагог — миссия, требующая от человека не времени, а жизни.

Трудно прийти к таким заключениям, если не размышлять о них, если они не следуют из жизненных исканий. Так что правительство не прогадало, назначив в 1812 г. Энгельгардта на должность директора Педагогического института.

*Пушкин на экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года.
Художник И.Е. Репин, 1911 г. Всероссийский музей А.С. Пушкина*

С началом Отечественной войны граф Разумовский отправил Педагогический институт в эвакуацию в Петрозаводск. Здесь работала гимназия, и студенты устраивались туда учителями, одновременно имея возможность продолжать обучение. Этот период дал Энгельгардту возможность лучше узнать своих студентов. Некоторых из них он пригласит потом работать в Царскосельский лицей.

Главой лицея Егор Антонович становится в 1816 г., после двухлетнего безвластия, воцарившегося по смерти В.Ф. Малиновского. Трудно найти более верного последователя Малиновского в деле образования и воспитания передовой молодежи, чем Е.А. Энгельгардт. Здесь, в лицее, его педагогический талант и опыт оказались востребованными в полной мере.

На посту директора Энгельгардт принялся наводить порядок, шаг за шагом выстраивая управление без формализма и бюрократии к пользе педагогов и воспитанников, для чего немало пользовался расположением Императора. Директор выхлопотал для выпускников некоторую денежную сумму (что-то вроде выходного пособия). При определении их на службу Император (по ходатайству директора) распорядился назначать им особое жалованье, выдаваемое до получения штатной должности с соответствующим окладом. Энгельгардт также ходатайствовал перед министром о лицейских гувернерах, испросив для них (при добросовестном исполнении ими обязанностей) ежегодную прибавку содержания в размере четвертного жалованья.

Именно при Энгельгардте складывается тот образ Лицея, который предстает перед нами в стихах Пушкина, в судьбах и взаимоотношениях выпускников.

Энгельгардт писал: «Основанием общественному воспитанию должно служить воспитание домашнее, родители воспитанников и начальство училища должны поддерживать сколь возможно тесную связь».

Идею эту он активно воплощал в жизнь, о чем писал в 1817 г.: «Настоящее место обязывает меня ко многим расходам, которых бы я не имел

без него. Я приглашаю к себе нескольких из воспитанников моих и уверен, что сие домашнее обращение, разговор и привычка быть в кругу семейства моего, принадлежать к оному, им весьма полезны и составляют немалую часть нравственного их образования. Я обязан приглашать к себе приезжающих из города родственников и родителей воспитанников, которые, сверх того, не находят здесь удобства приставать; словом, я обязан держать здесь открытый дом».

Кстати говоря, привечая лицеистов и их родных, приезжавших в гости, объединяя в семейных затеях, директор изрядно послужил пожизненной дружбе воспитанников. Не удивительно, что однокурсники Пушкина были женаты на родственниках друг друга. Первой женой Ивана Малиновского стала сестра лицейского товарища Ивана Пущина — Мария Ивановна. Овдовев, он женился на племяннице другого сокурсника В.Д. Вольховского, Екатерине Федосеевне. Женой Вольховского была дочь Ивана Малиновского, Мария.

История с Мэри — не единственная, повлиявшая на отношения директора и воспитанника. Известно также, что Пушкин написал злую эпиграмму на Егора Антоновича, и, что хуже, тот узнал о ней после того, как помирился с юношей и считал отношения выясненными.

С той поры неприятие директора и юного поэта было взаимным, но, верный своим принципам, наставник избегал его демонстрировать, и на итоговых выпускных результатах Пушкина это обстоятельство не отразилось. К чести обоих надо сказать, что наставник и питомец ни с кем не обсуждали своих взаимоотношений. О том периоде известно из воспоминаний сокурсников, но насколько истинна их оценка причин неприязни поэта и директора, нельзя судить наверняка. Близким друзьям поэта это тоже не было очевидно.

«Для меня осталось неразрешенной загадкой, почему все знаки внимания директора Энгельгардта и его жены отвергались Пушкиным... Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать», — писал И.И. Пущин.

Время не сохранило всей картины взаимоотношений Пушкина и Энгельгардта. Вероятно, произошла нередкая в жизни вещь: молодые люди часто не прощают тех, кого сами же обидели. Не потому, что злы: неопытность и обостренная совесть не допускают, что необдуманный проступок может быть прощен. Таково свойство юности. Опыт и мысль все потом переработают ко благу.

Однако и директор не был в восторге от талантливого ученика.

«Высшая и конечная цель Пушкина — блеснуть, и именно поэзией; но едва ли она найдет в нем прочное основание, потому что боится он всякого серьезного учения...» — записал в дневнике Энгельгардт. Это немного из того, что думал наставник о воспитаннике. И мы знаем, какая это ошибка, несообразная с проникательностью педагога, ведь в его записях сохранились очень меткие наблюдения за характерами других воспитанников. Впрочем, тревогу за Пушкина испытывали тогда многие, прежде всего его друзья. По случаю Энгельгардт посвятил поэта в свое мнение о нем. Это не прибавило взаимной симпатии, но, надо думать, юношеское уколотое самолюбие и протестное мышление (сделать все, чтобы доказать обратное) сработало

в пользу гения. Человеку ведь нужно время, чтобы дорасти до личности, нужен опыт общения с людьми и понимание собственной натуры...

Прошло время, первый курс покинул лицей. Наконец-то вознаграждено нетерпение, с которым молодой поэт писал П.А. Вяземскому: «Никогда лицей не казался мне так несносным... Правда, время нашего выпуска приближается. Остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного! Целый год еще дремать перед кафедрой...».

Как часто потом и как сердечно Александр Сергеевич будет вспоминать лицейские годы...

Но вот лицей позади. Молодой человек, опьяненный свободой, со всем жаром мятежной души, пустился «пробовать на зуб» мир, обретать опыт, познавать и обретать себя.

А лицей продолжал жить интересами новых воспитанников, выстраивать обыкновения, изобретать ритуалы.

Е.А. Энгельгардту принадлежит инициатива ряда лицейских традиций и символов, например, создания лицейского герба. Дубовый и лавровый венки символизируют силу и славу, сова — мудрость, лира Аполлона — любовь к поэзии, словесности в целом. Сверху — девиз «Для общей пользы».

Энгельгардт же и автор традиции разбивать в выпускной день лицейский колокол, призывавший воспитанников на занятия. Каждый выпускник брал себе на память осколок. Пушкинскому курсу из осколков директор заказал чугунные кольца в виде рук, сомкнувшихся в пожатии. Потому первые выпускники назвались «чугунниками» и поклялись отмечать годовщину поступления в лицей. Обычай разбивать колокол сохранялся все последующие годы. Когда лицей из Царского Села переезжал в Петербург, лицеисты вывезли и колокол, и камень, о который его разбивают.

Энгельгардт всю последующую жизнь оставался предан своим первенцам и считал, что несет за них пожизненную ответственность.

В 1820 г. А.С. Пушкину грозила ссылка за поэтическое вольнодумство. Император был твердо настроен отправить поэта в Сибирь. Известно, что Пушкин просил Н.М. Карамзина защитить его перед Государем, и тот выполнил просьбу. Однако добивался отмены сибирской ссылки не только Карамзин, но и Энгельгардт, которого не просил об этом никто. Егор Антонович отстаивал Пушкина, оправдывая его перед Императором тем, что поэт является «красой современной литературы», а талант требует бережного отношения.

В действительности Егор Антонович не ценил поэзии Пушкина то ли в силу субъективных оснований, то ли оттого, что искренне не понимал. Не всем дано получать наслаждение от поэзии, тем более, если она новаторская, ломающая привычные представления о высокой литературе, а именно так воспринимались стихи Пушкина. Энгельгардт видел поверхностность там, где светилась легкость и изящество (Бог знает, какими трудами давшиеся). Но это только добавляет цены его заступничеству.

К слову, не так уж легко давался Александру Сергеевичу «воздушный» стиль емкого, живого, остроумного стиха, достаточно взглянуть на его черновики. Слова М.В. Юзефовича — также убедительная тому иллюстрация: «Стихи ему грезились во сне, так что он вскакивал с постели и записывал впотьмах. Когда голод его прихватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и там... Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им

*Юный Пушкин в Царском Селе. Художник А.З. Иткин, 1966 г.
Государственный музей А.С. Пушкина*

прозой. Но затем следовала отделка, при которой от набросков не оставалось и четвертой части. Я видел у него черновые листы: над зачеркнутыми строками было по несколько рядов зачеркнутых же строк, так что на бумаге не оставалось уже ни одного чистого места».

Пушкин и Энгельгардт — два во всем несхожих человека — с разными принципами, назначением, пониманием жизненных задач... Время их объединило: имя последнего мы всегда будем вспоминать рядом с первым. Правда, тогда они расстались, чтобы больше не встретиться. Поэта ждала мятежная жизнь, наполненная множеством открытий. Судьба директора свершала свои повороты.

В марте 1822 г. лицей и благородный пансион поступили под патронаж Великого князя Константина Павловича. Заведование лицеем было поручено генерал-адъютанту графу Коновницину. Стил и принципы руководства стали меняться в сторону «военизации» учебного заведения. Энгельгардт энергично противился этому, разъясняя свою позицию и защищая сложившиеся лицейские устои, что не могло расположить к нему новое начальство. Егор Антонович подал в отставку, и она была принята 23 октября 1823 года. Директорство Е.А. Энгельгардта длилось 7 лет и 9 месяцев.

Лицей зажил по-новому, вписав в свою историю немало замечательных страниц. Просуществовав с 1811 по 1844 г. в Царском Селе, лицей выпустил 286 человек. В этом числе 12 членов Государственного Совета, 19 сенаторов, 3 почетных опекуна, 5 дипломатов, 6 губернаторов, 7 директоров

департаментов и равных им по должности, 13 губернских и уездных предводителей. Вот числа, свидетельствующие о том, насколько воплотилась в жизнь цель учебного заведения — воспитать таких граждан общества, которые «соделаются вместе органами общего мнения и представителями народа пред лицом монарха».

Егор Антонович продолжал переписываться с воспитанниками, особенно первого курса, в судьбе которого принимал деятельное участие. Энгельгардт ходатайствовал перед В.М. Головинным за Фёдора Матюшкина, помогая осуществить мечту того о морской службе, позже хлопотал и о награде для своего питомца.

Из писем директора странствующий в морях Матюшкин узнает о своем однокурснике и друге И.В. Малиновском: «У меня на днях был мужичок тамошний и говорил про Ивана Васильевича (в ту пору — предводителя уездного дворянства); ну, душа радуется, как он там при рекрутчине стоял за бедных и грызся с богачами и с чиновниками...». Директор с гордостью сообщает Матюшкину и о том, что в Изюмском уезде по инициативе Малиновского в 1836 г. открыт курорт, Малиновский же отважился просить Николая I о смягчении участи декабристов.

Нелишне вспомнить, что стихотворение Пушкина к друзьям-декабристам «19 октября 1827 года» Пушкину в ссылку переслал тоже Энгельгардт.

У гроба А.С. Пушкина Егор Антонович произнес: «Восемнадцатый из моих умирает». В этих словах читается многое: преданность питомцам, принятие их достоинств и недостатков, неподдельное беспокойство об их судьбе, понимание того, что все они — часть и его судьбы тоже.

К тому времени Егор Антонович уже два года состоял в должности директора редакции «Земледельческой газеты» и в общей сложности издавал ее 19 лет. Как редактор, он поддерживал связи с крестьянами, сообщавшими ему результаты сельскохозяйственных опытов. В 1852 г. газету закрыли. Энгельгардта назначили членом-корреспондентом Ученого комитета Министерства государственных имуществ.

Умная, деятельная натура и добросовестное отношение к любому порученному делу снискали Е.А. Энгельгардту уважение и сделали членом многих обществ: Русского географического, Вольно-экономического, Императорского человеколюбивого, Минералогического, нескольких других...

Егор Антонович Энгельгардт скончался 15 января 1862 г. на 87-м году жизни и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Будучи связан с наставничеством, он всю жизнь оставался педагогом в полном значении этого слова, то есть честным, верным своим принципам человеком, добрым семьянином и преданным другом.

Лучшим завершением рассказа о директоре Царскосельского лицея будут его же слова, обращенные к первому, пушкинскому курсу: «Идите, друзья, на новом вашем поприще!.. Храните правду, жертвуйте всем за нее; не смерть страшна, а страшно бесчестие; не богатство, не чины, не ленты честят человека, а доброе имя, храните его, храните чистую совесть, вот честь ваша. Идите, друзья, поминайте нас...».

Поистине золотым будет время, когда эти слова станут жизненным руководством каждого человека. Вряд ли Е.А. Энгельгардт считал эту цель осуществимой в идеале, но своей судьбой он показал, что жизнь имеет высший смысл, когда освещена высокой целью.

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир ВОРОПАЕВ

ГОГОЛЬ И ЛЕРМОНТОВ: О ДУХОВНОЙ СВЯЗИ ГЕНИЕВ

Владимир Алексеевич Воропаев — родился в 1950 г. в Москве. Российский литературовед, специалист в области русской литературы XIX в., доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН «История мировой литературы», член Союза писателей России. Автор многочисленных трудов о жизни и творчестве Гоголя. Награжден орденом преподобного Нестора Летописца (2010, Киев) за подготовку полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя в 17 томах. **Живет в Москве.**

Существует предположение, что знакомство Гоголя с Лермонтовым произошло в ноябре-декабре 1839 г. в Санкт-Петербурге, однако документальных подтверждений этому нет. С уверенностью можно сказать, что их личная встреча состоялась в Москве 9 мая 1840 г. на именинном обеде в честь Николая Васильевича, устроенном историком Михаилом Погодиным, в доме которого Гоголь тогда жил. Сергей Тимофеевич Аксаков вспоминал: «Приблизился день именин Гоголя, 9-е мая, и он захотел угостить обедом всех своих приятелей и знакомых в саду у Погодина. Можно себе представить, как было мне досадно, что я не мог участвовать в этом обеде: у меня сделался жестокий флюс от зубной боли, с сильной опухолью. Несмотря на то, я приехал в карете, закутав совершенно свою голову, чтобы обнять и поздравить Гоголя; но обедать на открытом воздухе, в довольно прохладную погоду, не было никакой возможности».

И далее Аксаков рассказывает уже со слов сына: «Разумеется, Константин там обедал и упросил именинника позвать Самарина, с которым Гоголь был знаком еще мало. На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были А.И. Тургенев, князь П.А. Вяземский, М.Ю. Лермонтов, М.Ф. Орлов, М.А. Дмитриев, М.Н. Загоскин, профессора Армфельд и Редкин и многие другие. Обед был веселый и шумный, но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы “Мцыри” и читал, говорят, прекрасно. Константин не слышал

чтения, потому что в это время находился в другом конце обширного сада с кем-то из своих приятелей».

На именинном обеде у Гоголя Лермонтов оказался проездом на Кавказ. Об этом обеде оставил запись в дневнике Александр Иванович Тургенев: «Стол накрыт в саду: Лермонтов, князь Вяземский, Баратынский, Свербеевы, Хомяков, Самарин, актер Щепкин, Орлов, Попов <...> С Лермонтовым о Баранте...». Князь Пётр Андреевич Вяземский в письме дочери от 10 мая 1840 г. также упоминает о встрече с поэтом: «Вчера обедал я с Лермонтовым у Гоголя на Девичьем поле под открытым небом...».

О том, какой именно отрывок из «Мцыри» читал Лермонтов, можно судить по дневниковой записи Юрия Фёдоровича Самарина от 31 июля 1841 г.: «...я увидел его (Лермонтова. — В.В.) несколько лет спустя на обеде у Гоголя. Это было после его дуэли с Барантом. Лермонтов был очень весел. Он узнал меня, обрадовался <...> тут он читал свои стихи — “Бой мальчика с барсом”. <...> Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление».

На следующий день Гоголь встречался с Лермонтовым на вечере у Екатерины Александровны Свербеевой. Об этом свидетельствует запись в дневнике А.И. Тургенева от 10 мая 1840 г.: «Вечер у Свербеевой <...> Лермонтов и Гоголь (Тургенев в дневниках чаще пишет “Гоголь” вместо “Гоголь”. — В.В.). До 2-х часов». Из этой записи следует, что между Тургеневым, Лермонтовым и Гоголем шла продолжительная беседа — до двух часов ночи, — подробности которой неизвестны.

18 мая 1840 г. Гоголь выехал из Москвы за границу и больше с Лермонтовым не встречался. 28 августа (н. ст.) 1841 г. поэт Николай Огарёв, встретившийся с Гоголем во Франкфурте, писал жене из Кёльна: «Гоголь не верит смерти Лермонтова, ибо дуэль давно известна и известно, что никто в ней не погиб. Слава Богу, если так!».

Отголоском бесед о Лермонтове могут служить строки письма Сергея Тимофеевича Аксакова к Гоголю, написанные в июне 1840 г.: «Я прочел Лермонтова “Героя нашего времени” <...> и нахожу в нем большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца». Впоследствии Гоголь выразил ту же мысль в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», вошедшей в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), где он противопоставляет поэзию и прозу Лермонтова: «В его сочинениях прозаических гораздо больше достоинства. Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта...».

Гоголя роднит с Лермонтовым интерес к «внутреннему человеку» (одно из любимых выражений Гоголя, восходящее к словам святого апостола Павла: «...но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16)). В «Авторской исповеди» Гоголь писал о характере своего чтения: «Всё, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустыльника, меня занимало...». Высказано предположение, что под «исповедью светского человека» подразумевался роман Лермонтова.

Среди стихотворений разных авторов, переписанных рукою Гоголя и датированных 1845 г., имеются произведения Лермонтова: «Молитва»

(«В минуту жизни трудную...»), «Ангел» («По небу полуночи ангел летел...»), «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), «К современному поколению» («Печально я гляжу на наше поколение...»), «Спор» («Как-то раз перед толпою...»). Первые три стихотворения Гоголь относил к жанру «песни» и предполагал включить их в число «примеров» незавершенной «Учебной книги словесности для русского юношества» (эти стихотворения находятся в списке песен сохранившегося проспекта книги). Стихотворение «К современному поколению» (под названием «К XIX веку») отнесено Гоголем в «Учебной книге словесности...» к разделу «Оды, гимны и лирические воззвания», сюда же включен «Пророк» Лермонтова; стихотворение «Спор» — к жанру эклог. Среди бумаг Гоголя имелся также список «Демона» Лермонтова, заключающий несколько новых строф и стихов сравнительно с печатными текстами.

Н.В. Гоголь и М.Ю. Лермонтов

В статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь, имея, вероятно, в виду строки Лермонтова «И ненавидим мы, и любим мы случайно...» из стихотворения «Дума», писал о поэте: «Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, странные, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые, стали предметом стихов его и подали случай Жуковскому весьма верно определить существо этой поэзии словом “безочарование”». Говоря далее об изгнании нечистого духа посредством его художественного изображения, Гоголь добавлял в связи со стихотворением Лермонтова «Сказка для детей» (1840): «Может быть, с окончанием этой повести, которая есть лучшее его стихотворение, отделался бы он от самого духа и вместе с ним и от безотрадного своего состояния (приметы тому уже сияют в стихотворениях “Ангел”, “Молитва” и некоторых других), если бы только сохранилось в нем самом побольше уваженья и любви к своему таланту».

Определенное влияние на Гоголя при создании второй редакции «Тараса Бульбы» (1841, опублик. 1843) оказало стихотворение Лермонтова «Бородино».

Определенное влияние на Гоголя при создании второй редакции «Тараса Бульбы» (1841, опублик. 1843) оказало стихотворение Лермонтова «Бородино».

Еще одна черта, которая духовно сближает Гоголя и Лермонтова, — это интерес к славянскому «Добротолوبию» и Иисусовой молитве.

За последние три столетия едва ли можно найти книгу, которая оказала бы столь сильное влияние на православный мир, как «Добротолوبие». Следует, однако, иметь в виду, что «Добротолوبие» — не конкретное произведение, а антология, собрание святоотеческих творений, посвященных преимущественно молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни. Эта важнейшая аскетическая книга православия трудами двух преподобных отцов — грека Никодима Святогорца и выходца из Восточной Руси Паисия

Величковского — впервые была издана в Венеции в 1782 г. под греческим названием *φιλοκαλία* (буквальный перевод «любовь к благу или к прекрасному», то есть благолюбие), а на русский язык переведена как «Добротолюбие». Здесь имеется в виду прежде всего духовная красота, достигнутая святыми подвижниками и доступная хотя бы отчасти тем, кто стремится приобщиться к их опыту.

В 1793—1797 гг. в Москве издан славянский перевод книги преподобного Паисия Величковского (все последующие печатные издания являются воспроизведением первоначального текста и не имеют значительных изменений). Именно «Добротолюбие» на церковнославянском языке в переводе преподобного Паисия Величковского читал, например, Николай Гоголь. Иногда в исследовательской литературе ему неоправданно приписывают знакомство с «Добротолюбием» в переводе на русский язык святителя Феофана Затворника, получившим широкое распространение среди монашествующих и благочестивых мирян.

Именами преподобного Паисия Величковского и святителя Феофана Затворника намечена магистральная линия развития не просто русского монашества и даже не русской аскетики как таковой. На самом деле это был магистральный путь развития Русской Церкви, русской богословской мысли.

«Добротолюбие» преподобного Паисия и «Добротолюбие» святителя Феофана сильно различаются. Преподобный Паисий переводил для монахов и только для монахов. Он сознательно избрал «дословный» тип перевода, от которого редакторы славянского «Добротолюбия» впоследствии отказались.

Святитель Феофан, в отличие от преподобного Паисия, писал для широкого круга читателей и, более того, для светского читателя, не монаха. Его «Добротолюбие» рассчитано на современного ему светского русского православного читателя. Святитель вообще не переводил в обычном смысле слова. Он создавал свой святоотеческий текст. Вместе с тем и преподобный Паисий Величковский, и святитель Феофан Затворник — представители одной духовной традиции. Просто творили они в разное время и преследовали разные цели.

«Добротолюбие» в переводе преподобного Паисия Величковского стало первым «доступным» изданием святоотеческой мысли. Его труд является более близким к греческому оригиналу. Именно Паисиево «Добротолюбие» читали Гоголь и другие русские писатели первой половины XIX века. Книга включает в себя творения святых отцов Восточной Церкви: Антония Великого, Марка Подвижника, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, аввы Исаии Отшельника, Петра Дамаскина и других, в общей сложности 24 автора.

Гоголь получил «Добротолюбие» от Николая Языкова осенью 1844 г., о чем извещал его в письме от 1 октября (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта. Через некоторое время он вновь подтвердил, что «Добротолюбие» им получено вместе с другими книгами духовного содержания. Речь шла о следующем издании: Добротолюбие, или Слова, собранные от писателей св. отец. М., 1840. Ч. 1—4. Неизвестно, делал ли Гоголь выписки из книги, возможно, что и нет, поскольку она была в его личном распоряжении.

«Добротолюбие» было хорошо известно князю Владимиру Фёдоровичу Одоевскому, который усиленно рекомендовал его графине Евдокии Петров-

не Ростопчиной, поверенной его сердечных тайн. В 1838 г. он пишет ей исповедальное письмо, в котором говорит о своей духовной жизни, о самом важном, что было «за душою», о «высокой любви к Богу», призывает к внутренней, умно-сердечной молитве. В заключение Одоевский советует графине прочесть «Добротолюбие».

Осенью 1839 г. Одоевский подарил «Добротолюбие» Михаилу Лермонтову. На письменном столе поэта в его последней квартире в Пятигорске лежала эта книга. Возможно, с ней связан замысел лермонтовской «Молитвы» («В минуту жизни трудную...», 1839). Примечательно, что оптинский старец Варсонофий полагал, что речь в стихотворении идет об Иисусовой молитве.

Чтение «Добротолюбия» накануне роковой дуэли может свидетельствовать о духовном устроении Лермонтова в последние дни и, может быть, даже часы жизни. Можно догадываться, чем заняты были его ум и сердце. В этой связи трудно согласиться с мнением преподобного Варсонофия Оптинского о том, что Лермонтов «погиб безвозвратно». По учению святых отцов, Бог не оставляет того человека, который сам не оставляет Бога, несмотря на встречающиеся преткновения по немощи и повреждению естества грехом. Для спасения нужна живая вера во Христа. И такая вера у Лермонтова, без сомнения, была. Об этом, в частности, свидетельствует его «Молитва».

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты: народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи названы церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя. Более того, можно утверждать, что его концепция истории русской литературы строится на учении святых отцов об умном делании или трезвении. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он пишет: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций: именно — что-то близкое к библейскому, — то высшее состояние лиризма, которое чуждо увлечений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости (“О лиризме наших поэтов”»).

И далее, говоря о самородном ключе русской поэзии, он замечает: «Струи его пробиваются <...> в самом слове церковных пастырей — слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину, по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной (“В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность”»).

В этих словах с несомненностью угадываются отзвуки древнего учения исихастов («безмолвников»), известного также под названием «трезвения» или «умного делания». Оно восходит к истокам монашества, ко временам святых отцов Антония и Макария Великих, Иоанна Лествичника и других святых. В позднейшие века учителями «умного делания» были преподобный Григорий Синаит, Солунский архиепископ святитель Григорий Палама и другие подвижники Восточной Церкви, а затем преподобные Нил Сорский и Паисий Величковский. Эта традиция получила развитие у преподобных отцов и старцев Оптиной пустыни.

В основном в «Добролюбие» включены сочинения, относящиеся к созерцательно-аскетическому наследию отцов. В них описывается «умное делание» и его приемы, то есть наставления об очищении души от страстей, о средствах и способах к этому и, в особенности, о молитве Иисусовой.

В какой степени «Добролюбие» оказало влияние на внутренний, духовный мир Гоголя? Судить об этом трудно, поскольку сам писатель на этот счет не высказывался (что совершенно естественно для него). Внутренняя, сокровенная жизнь Гоголя была сокрыта от окружающих. «Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге», — писал он А.С. Данилевскому 20 июня (н. ст.) 1843 года. По некоторым дошедшим до нас свидетельствам современников можно, однако, предположить, что Гоголь творил (непрестанно читал) Иисусову молитву (внимательная и частая умно-сердечная молитва приравнивается святыми отцами к непрестанной).

Умирал Гоголь с четками в руках. Это значит, что он постоянно внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5, 17). В своей Библии Гоголь на полях повторил этот и предшествующий стих: «Всегда радуйтесь и непрестанно молитесь».

По всей видимости, Гоголь и раньше творил Иисусову молитву. Николай Тройницкий, редактор «Одесского Вестника», посетивший его вместе со Львом Сергеевичем Пушкиным (братом известного поэта) в апреле 1848 г. в здании Одесского карантина, вспоминал, что, приветствуя их, Гоголь имел в руках монашеские четки. Тройницкий написал стихотворение, посвященное Гоголю, в котором вспоминает эту встречу. Там есть такие строки: «Перебирая молча четки, / Ты нам привет послал рукой...».

Иисусову молитву называют «мечом духовным». При монашеском постриге вручаются четки в напоминание о непрестанном, деннонощном творении Иисусовой молитвы: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, ко всегдашней молитве Иисусове, всегда бо имя Господа Иисуса во уме, в сердце и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”». Упражнение в непрестанной молитве является обязанностью каждого инока, возложенной на него заповедью Божией и иноческими обетами. При этом Иисусова молитва обязательна не только для монаха, но и для любого христианина, исполняющего заповеди Господни. По слову преподобного Исаака Сирина, без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу.

Василий КИЛЯКОВ

«ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЙ МИРГОРОД»

Очерки

Василий Васильевич Кильяков — родился в 1960 г. в Кирове. Окончил Московский политехникум и Литературный институт им. А.М. Горького (мастерская М.П. Лобанова). Публиковался во многих ведущих журналах России и за рубежом. Лауреат многих российских и зарубежных премий, отмечен в Германии на Германском международном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года». Лауреат премии «Золотой Витязь», конкурса «Прощение через книгу» и многих других. Член Союза писателей России. **Живет в Электростали.**

...В день памятный, в круглую дату памяти С.А. Есенина, шел известным кладбищем в Москве к его могиле. Вспомнил, что даже место захоронения оспаривается. Ваганьково — да, но где? Тело было перезахоронено. Не было при жизни своего жилья, и место упокоения как будто неизвестно.

Каждого на кладбище встречает скованный и связанный, в смиренной рубашке, то ли в терновом венце, то ли с нимбом из гитары, «бард». Хорошо — не в цепях. Так ли уж связан, так ли уж мучим был и впрямь актер с Большого Каретного? Ведь и едва ли не весь мир объехал он с супругой Мариной, а она и до сих пор тоже не последний человек во Франции, состояла членом ЦК Компартии Франции и, кроме всего прочего, кроме сонма заслуженных наград, она еще и «Командор ордена Искусств и литературы». И когда читаешь их биографию, ясно становится, что и она тоже, как и он, нестерпимо утесняема была. Четыре раза замужем, едва ли не все вокруг ее имени уходило преждевременно.

«25 января, 25 июля...» — прочитались даты среди ярких по снегу живых цветов. Как много этой цифры в нашей памяти. Как часто и «опять 25».

...Памятник Есенину — вовсе не манерный, не вычурный. Даже вовсе свободен от претенциозности. Вот он-то явно напоминает о веригах, наложенных на русский архетип нерусской дланью. Между тем ничуть не бывало: гранит серого цвета; рядом с памятником уложена небольшая надгробная плита его матери. Скульптура выполнена «с портретной точностью». 25 декабря 2005 года. Дата совместила и 110 лет со дня рожде-

ния С.А. Есенина, и 80 лет со дня гибели. Вот уж и впрямь мученик. Не получилось умереть в русской рубашке и под иконами. Вспомнились слова Бориса Лавренёва о «казненном дегенератами поэте». Второй раз он был убит клеветами Троцкого: сосновскими, «бухарчиками», доносчиками вроде Вольфа Эрлиха и Галины Бениславской, с прочими обвинителями поэта за непокорность властям и «за национализм, за антисемитизм, шовинизм»... Убиение происходило с допросами, угрозами, нравственными и физическими истязаниями.

В 1991 г. эксперту высшей квалификации Э.И. Хомяковой в НИИ судебной медицины поручили еще раз исследовать посмертную маску поэта. Заключение: «Каких-либо морфологических признаков, характерных для действия острых рубящих, колото-режущих и огнестрельных орудий, на представленной гипсовой маске не выявлено. Обнаружено углубление — вдавливание, образовавшееся в результате контакта с твердым предметом цилиндрической формы. Данных за наличие повреждений в области лобной кости не имеется».

...В том, что Есенин был убит, нет у меня никаких сомнений. И не только потому, что написать в те годы о новой власти правду — о том, что суть ее, диктатуры Троцкого (по строкам Есенина), — «одни разговоры» и что «...пришли те же жулики, те же воры...». Или даже имеющееся в любом собрании его сочинений из «Зари Востока»: «Так грустно на земле, как будто бы в квартире, в которой год не мыли, не мели. Какую-то хреновину в сем мире большевики нарочно завели...» — даже и этого было достаточно, чтобы подвести под расстрел. В Питер он приехал явно не умирать. Готовил собрание сочинений, которое, по его эпистолярию и предположениям, он увидит сам, первым из поэтов. Мечтал основать именно в этом городе свой журнал. Есть домыслы, что хотел бежать от приспешников Троцкого через Финляндию опять за кордон, чтобы отсидеться: «Не поеду в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн...» — писал он из-за границы в пору выезда с А. Дункан. Удавка вокруг жизни его стягивалась намеренно и медленно. «Дело четырех поэтов», «Дело крестьянских поэтов», где Сергей Александрович уже будто бы раздавал посты министров Ганину, Приблудному, Клычкову, Орешину. Есть домыслы и по поводу авторства Есенина по стихотворению «Я часто думаю, за что Его убили» (в последней версии именно «убили», а не «казнили»). Вероятно и то, что приближенные Троцкого искали у него телеграмму с поздравлениями Михаилу Романову от некоего NN — подручного Троцкого, все перерыли слуги нового режима в номере «Англетер» именно в поисках этой телеграммы-компромата...

Кроме того, дружба Есенина с чекистом в кожаной куртке, Блюмкиным, вот что, похоже, решило судьбу его окончательно и безвозвратно, сыграло, как говорится, самую роковую и последнюю роль. Так и останется в истории авантюристом этот талмудист, местечковый мальчик Яша Блюмкин (по метрике Симха-Янкев Гершевич, псевдонимы: Исаев, Макс Астафуров, Сынок и проч.) — террорист, малопонятный интересант поэзии и губитель интеллигенции. Не «богема» даже (в переводе с фр. «цыганщины»), а искоренитель именно русского, враждебного «великоросского», чуждого местечковому, неглубокому, наносному, временному. Некий «мальчик из трущоб» выбрался прикровенно едва ли не в самые верхи, к Троцкому. Но самое главное — он так и остался неразвенчанным заказчиком или, быть может,

даже и исполнителем убийства Сергея Александровича Есенина. «Железный Миргород» — не что иное, как прямой спор с поклонником Америки, масоном, добравшимся до «Наркомвоенмора», осуществившим «децимации» и безжалостное истребление народов России (и в Красной армии). Ему принадлежит «изобретение» концлагерей. Что уж говорить о расстрелах его подручными, о трагических уходах видных людей России, когда военные коллегии от его имени судили по ложным доносам! И все же особый удар был нанесен именно по русским, крестьянским поэтам как по носителям духа, ибо они понимали, что происходит на деле, и могли это выразить: «...Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода». «Страну родную в край из края, огнем и саблями сверкая, междоусобный рвет раздор...». И, по Есенину, прежде всего смертельный удар был неминуем. Осуществил замыслы Лейбы Бронштейна, несомненно, его ближайший сподвижник, убийца, шарлатан. Да, у Блюмкина (официально) и впрямь было алиби, и он, как опытный интриган, позаботился об этом. Да, в день убийства он, Яша Симха-Янкев Блюмкин, «выбыл», будто бы, уже по заданию новой власти на очередную диверсию в Хабаровск, а оттуда должен был направиться в Харбин. Но этой поездке его предшествовала страшная ссора с Есениным в гостинице в Баку и «выговор Сергею» и угроза расстрелять его — за то, что тот открыто и явно склонял, будто бы, к близости очередную жену Блюмкина (Есенин, как предполагают, мстил за домогательства Блюмкина к Надежде Вольпин).

Сергей Александрович смеялся — по его пониманию, эти ухаживания в отместку были всего лишь розыгрышем Блюмкина, ерундой, забавой. Он не учитывал, что с ним, Блюмкиным, тогда уже руководившим тайной диверсионной организацией, не подотчетной даже и Ф. Дзержинскому, — они уже не друзья, и то, что «проделывать подобные шуточки» некий просто «сочинитель», пусть и известный, к тому же «просто русский», не волен. Это одно приводило Блюмкина в бешенство. Ярость Яша и не скрывал, осыпая Есенина угрозами под общий смех окружающих. «Блюмочка» (в ту пору псевдоним «Ильин») направлял и ранее револьвер на Есенина. В 1924 г. С.А.Е., опасаясь за свою жизнь и зная, кто такой «Ильин» на деле, вынужден был съехать из гостиницы «Новая Европа» (в Баку). Ссора возобновилась в Тифлисе, в гостинице «Ориант».

Блюмкин — убийца посла Мирбаха. Убивал он посла по подложной бумаге со штампом от Ф. Дзержинского, которую вместе с печатью выкрал без ведома самого «Железного Феликса» по указке и при подмоге Л.Д. Троцкого-Бронштейна. В бумаге значилось, что в Питере арестован брат посла. На командировочных предписаниях, тоже выкраденных подельником Блюмкина, были поставлены те же отписки, а вскрытый сейф аккуратно закрыт и опечатан, иначе Блюмкин с подельником не был бы принят послом. Добившись обманом встречи под предлогом возможного освобождения арестованного в Питере брата посла, Блюмкин с расстояния нескольких шагов трижды стрелял в Мирбаха, но был так взволнован и испуган возможными последствиями (было ему в ту пору 18 неполных лет, год он враньем добавил себе для значимости), и так тряслись его руки, что, выпустив всю обойму почти в упор в грудь посла, умудрился не попасть ни разу (впоследствии он утверждал, что было три осечки). Тогда они с подельником кинули бомбу и кинулись под стол. Уцелели, и оба были повяза-

ны кровью. Это было не первое их убийство: кинули бомбу, и после взрыва ползли в дыму к окну. Выбили фрамугу и были таковы.

Посла убил разрыв снаряда, сложенного по новому образцу, — так называемая «македонка», про которую Ленин писал: «Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста. Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения». Бомба была передана бомбисту «ленинской партии» Скосаревскому (подпольная кличка «Омега») в Женеве болгарским инженером Наумом Тюфекчиевым вместе с образцами и чертежами — и имела название: «бомба македонских партизан». В России она была усовершенствована и принята для употребления очень скоро, и ему, мальчику из местечка, на вид хилого сложения и «с масляными глазами», — палачу-террористу Блюмкину пришлось кстати. Бомба спасла от позора и провала.

Кинули бомбу, убили. Ленин, узнав о произошедшем, дал указание: «Тщательно искать и... не найти убийцу». Впоследствии Блюмкин стрелял точнее и даже в подпитии научился попадать в цель, и Сергей Есенин помнил и знал об этой привычке Яши хвататься за пистолет по каждому пустяку.

Прежде Есенин даже «козырял» знакомством с талмудистом-революционером, который «приводил в исполнение» многие решения «ревтрибунала». По свидетельству А. Толстого, поэт говорил в литературном кафе «Стойло Пегаса» новой понравившейся пассиве на ушко: «А хотите посмотреть, как убивают? Я вам это в два счета устрою через Блюмкина». Сам же Сергей, отлично ведая, что именно угрожало ему, был «сердцем чист», хранил от греха душу и прямо указывал на чекистов, говоря: «Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам. Я всего лишь уличный повеса, улыбающийся встречным лицам», — и все же «заигрался» в любовь с женщиной убийцы.

...Любил «Блюмочку» и В. Маяковский. Н. Гумилёв, по свидетельству очевидцев, протянув было руку Блюмкину в ответ на намерение к рукопожатию для знакомства, тут же убрал ее за спину, как только услышал, как отрекомендовался ему чекист: «Это я, тот самый Блюмкин, убийца Мирбаха». — «Я убийцам руки не подаю!» — ответил кавалер двух Георгиевских крестов. (Он и сам, Гумилев, в стихотворении «Мои читатели» сказал о том же.)

Мать С. Есенина, по свидетельству очевидцев, рассказывала, что поцеловала сына и поцелуем поняла, что у него был выбит глаз. Она всегда подавала поминание о сыне как «об убиенном». Ей ли было не знать, что в православии не отпевают самоубийц? Просто она усвоила от сына нечто, знала многое и поведала священнику. В селе Константиново тайно и заочно о. Иоанн совершил отпевание. С. Есенин незадолго до смерти, точно предчувствуя беду, побывал на родине в Константиново, поделился с матерью опасениями. И эта его, Есенина, боязнь одинокого сидения у окон, даже и в гостинице, и в клинике Ганнушкина, где он пытался укрыться от новой власти, — вовсе не блажь, не психическая болезнь, как преподносят и теперь широкому читателю, — будто бы «от последствий приема алкоголя». Сильно пьющий человек не оставит после себя столько шедевров, не напишет пять томов собрания сочинений, и прозы, и публицистики, и такой сокровищницы эпистолярной переписки — просто потому, что из всех смертных грехов пьянство более всего несовместимо с величием духа, а многие из шедевров были написаны поэтом именно в год смерти, в 1925 г., в самый «запойный», по мнению наветчиков Есенина, — а на деле — самый плодотворный год.

1924—1925 гг.: «Анна Снегина», «Черный человек», «Поэма о 36», «Баллада о 26», пьеса «Страна Негодяев», циклы «Москва кабацкая», «Персидские мотивы». А в клинике Ганнушкина — «Клен ты мой опавший» и другие стихотворения... Вот и Рюрик Ивнев, близко и долгое время знавший С. Есенина, вспоминал, что поэт намеренно сгустил краски, притворялся, «чтобы ярче гореть», устраивал скандалы для саморекламы, «пиарился». Не столько пил, сколько куражился. Скорее даже так: пил лишь в последнее время, и то от того только, что стал не на шутку бояться за собственную жизнь. Боялся того, что всё и всякое может произойти и с ним, и с его близкими (были угрозы) — и так тривиально, так просто, как это происходило нередко во дворах столицы и простых городов. И в подвалах Лубянки. Внезапный выстрел сквозь окно лечебницы, через стекло — и конец.

«Веслами отрубленных рук вы гребетесь в страну грядущего», как сказано им в «Кобыльях кораблях». Уже в 1919 г. он знал многое, а в Харькове весной 1920 г. ему и более того объяснили, в том числе и о подвалах ГПУ. Он, Есенин, слишком хорошо знал, а вернее — узнал тех «людей», с которыми ему пришлось общаться, — узнал глубоко и страшно. По-видимому, знал он и то, на что способен ревнивый Блюмкин: о его ревности, помноженной на ненависть к славе Есенина, было известно многим. Сам поэт, зная об отвращении многих к начальнику охраны Троцкого, сторонившихся комиссара-революционера и любимца Льва Бронштейна, — поначалу просто потешался над плохо скрытым страхом окружающих и тайным их презрением к убийце и палачу от ГПУ.

Есенин любил «уводить» женщин, дурачась или под рюмку: он считал это игрой. Игрючи увел невесту поэта Ганина — Зинаиду Райх, почти из-под венца, затем, женившись на ней, «увел» едва ли не из-под венца внучку Л. Толстого и тоже женился на ней... Так что опасения Блюмкина были небезосновательными, и профессионал-убийца нервничал. Кого же он опасался, к кому ревновал? К шутнику, почти мальчишке, признанному русскому гению...

Николай Леонтьев в газете «Московское время» № 10 за 1995 г. пишет, что видный ученый, патофизиолог, доктор медицинских наук, профессор Санкт-Петербургского университета Фёдор Морохов настаивает: «Есенина жестоко убили. В акте убийства не указана “вдавленная борозда на лбу”, кровь на рубахе и пиджаке. Пиджак с кровавыми пятнами, хранившийся как улика, бесследно пропал. “Не замечены” были следы борьбы и обыска в номере гостиницы “Англетер”, тяжелые травмы лба, глаз и верхних конечностей». Есенину был нанесен сильнейший удар в область переносицы (тем самым, видно, что обозначен в докладе Э.И. Хомяковой как неизвестный предмет цилиндрической формы и «контакт» с этим предметом. Он имел смелость яростно сопротивляться — не одному, а четверым, как минимум, убийцам).

Сложения С. Есенин, по воспоминаниям Н. Уткина, был отнюдь не слабым, — и тот страшный удар в область переносицы «твердым прямоугольным предметом», рукоятью пистолета (по всей видимости) — и решил все дело в пользу нападавших. Сегодня ясно, что только намеренно уводя следствие на ложный путь, можно говорить о том, что после такой травмы Есенин смог бы сам забраться под самый потолок (под четыре метра высота номера гостиницы) и самостоятельно привязаться к вертикальной трубе при

наступающем уже умирании и релаксации мышц, — да и как это мог сделать оглушенный, без сознания?

И приставленная к поэту для слежки за ним и застрелившаяся в дальнейшем на его могиле сотрудница ОГПУ Г. Бениславская, и Г. Успенский с женой, поселившиеся в то же время в той же гостинице, и «друг» поэта Эрлих — все они знали, несомненно, гораздо больше об убийстве поэта, чем позволено было им говорить и о чем можно лишь догадываться. Некоторые из них прожили совсем недолго после ухода Есенина. Врач скорой помощи К. Дубровский, вынимавший тело поэта из петли, кроме следов насилия, ссадин и побоев, разбросанных вещей и следов обыска, упоминает также, что «Есенин был весь в слезах». Не были ли это слезы обиды, боли? Ведь убивали его те, кому он доверял. С Блюмкиным он даже некоторое время жил в Москве в одной комнате, таскал его в поэтические кафе и на выступления. Эрлих (сотрудник в чине капитана ОГПУ, «ученик» Есенина) напишет впоследствии: «Пусть он простит мне наибольшую мою вину перед ним, ту, которую он не знал, а я знаю». (Вина эта... Скорее всего — похищение пистолета поэта в номере — и есть «тайна», о которой знали едва ли не все друзья Есенина; речь о том же, о чем А.С.Е. сам намекал в письме Чагину, имея в виду свою возможную эмиграцию: а вот, де, — куда тогда пистолет «утилизировать»? Кому подарить? Дарить оружие не пришлось, «друг», зная о предстоящем убийстве, по-видимому, тайно утащил из номера. Он за тем и приходил, точнее — был послан). Выстрел в сердце на могиле поэта влюбившейся в Есенина Галины Бениславской — был, скорее, тоже от чувства осознанной вины, а не только от несостоявшейся любви. Вряд ли любовь могла расцветать от таких признаний поэта (по его письмам): «Гая, я не люблю вас нисколько». Она выстрелила в сердце себе среди рассыпанных и поломанных папирос, после двух или трех осечек из «дамского» (от ГПУ?) револьвера, но и этот выстрел, и раскаяние — слишком запоздали. «Я не люблю вас...», «Что вы всё спрашиваете!..», «Гая, вы сущая дура...» — таков был «стиль» общения Есенина с Бениславской при его жизни. Скорее всего, он знал о ее сотрудничестве с ОГПУ, и все же сделал ее поверенной своих литературных дел (для того она и была приставлена: чтобы он не писал и не публиковал лишнего, неудобного власти, и чтобы власти знали, что он публикует). Вопрос еще и в том: не было ли наговора на Есенина и с ее стороны — и от ревности, мщения, вослед за упомянутым «другом»-учеником Есенина, безоглядно служившим ВЧК, Вольфом Эрлихом (ушедшим очень скоро вместе со свидетелями первого составления протокола)? Теперь можно только догадываться и о причинах крика З. Райх на краю могильной ямы: «Сережа, возьми и меня!..», «Закапилось солнце наше!» — той самой Зинаиды Райх, которая родила Есенину двоих детей, а затем вышла замуж за не снимавшего кожанку и напоказ носившего маузер Мейерхольда — тоже нештатного (но годами просившегося в штат ГПУ и готового «сделать для этого всё»). Какими правдами и кривдами удалось этому «режиссеру», выклянчившему собственный театр, театр себе, любимому, для воплощения смелых идей революции, до сих пор сокрыто. Крик З. Райх прозвучал в 1925 г. тоже как возглас раскаявшегося соучастника. (Мейерхольд знал об «отношениях» жены с поэтом, вернувшимся из-за границы, через домработницу Зинаиду Гейман, на похороны не пришел).

...И один из главных свидетелей по делу — Устинов, сосед по гостинице «Англетер», вместе с женой погиб через два года при странных обстоятельствах.

Эрлих, раскладывавший по местам разбитые и разваленные предметы в номере, наводя порядок с оглядкой на тело Есенина, обвисшее в петле, разгладил на трюмо последнее, кровью написанное стихотворение (посвященное будто бы ему, Эрлиху, а на самом деле — Н. Клюеву, которому и просил передать стихотворение Есенин, поссорившийся накануне с Клюевым). Клюева впоследствии тоже убрали: он подходил к гостинице, когда еще не были замечены следы преступления. Эта вырубка под корень «деревенских» поэтов вослед за Есениным — Клычкова, Клюева, П. Орешина и других — самая широкая «чистка» «от почвы» — была затеяна именно Троцким и по его же приказу исполнена.

Их было больше двенадцати, «апостолов» русского крестьянина-поэта. Но вокруг него, как вокруг всякого выдающегося человека, больше было иуд и завистников, чем друзей и помощников. «Шел Господь пытаться людей в любви...» — писал в юности Есенин, не зная еще того, что уйдет далеко «пытаться людей в любви» и сам, и не найдет любви (и никто не протянет ему «зачерствелую пышку»). Никто.

О Есенине очень много написано, что рвет и терзает сердце. Его после удара рукоятью револьвера душили удавкой, затем подушкой (весь номер, как в снегу, был в пуху разорванной подушки). Били мертвого, закатывали в ковер (в волосах осталось множество соринок от ковра), пытались инсценировать исчезновение — спустив тело с балкона, но балконная дверь так и не отворилась. Установлено было, что боковая дверь в номер Есенина была открыта отмычкой — и открыта внезапно: ключ, вставленный изнутри, был повернут в замке и выбит. Потайную дверь после убийства заделали и замуровали. Есенин был в одном халате, нараспашку. Письмо писал он или стихи, и о чем именно были последние его строки, теперь не узнает никто и никогда. Он редактировал собственное собрание сочинений в четырех томах.

...Святые отцы Православия говорят, что лишь по милости Божьей человеку не дано видеть мерзость бесов поднебесных. «Бесы в кожанке», увиденные воочию в последние минуты жизни поэтом, были ужасны. Они и после смерти добивали, донимали поэта, мстили Есенину за талант, за то, что русский. Не давали главного: публикаций, пытались затаскать и загадить его имя. Эти «бесы по найму» в образе человеческого, чтобы их не раскрыли, клеветали так усердно, что на десятилетия задержали славу его в полной, заслуженной им мере. Был состряпан наскоро фильм «Против есенинщины». Николай Бухарин накропал «Злые заметки» на убитого поэта. Их стиль: «наследственный алкоголик», «психически тяжелобольной» и т.д. В этих злых заметках — все то, в чем и сегодня обвиняют, по сути, любого русского, всех русских людей. Бухарин («Бухарчик», по Ленину) и сам кончил жизнь страшно, погубил и себя, и свою молодую жену беспринципностью, двурушничеством — главной чертой своего характера. Был он, этот «злой», слишком женолюбив и категоричен.

Троцкий, Блюмкин, Мейерхольд и Райх — все были убиты, кое-кто после пыток. Луначарский откровенничал: «Когда подходят к Есенину, стараются установить, что он сам хулиган, сам пессимист, сам упадочник. Это односторонняя и для нас маловыгодная позиция, мы замалчиваем кое-что,

что нужно для борьбы с есенинщиной». Что «замалчивают»? «Замалчивают» и до сего дня. А что такое «есенинщина»? Да все то же: русскость, русский дух, архетип. Любить безмерно мать, родину, мир Божий. Архетип этот ненавистен супротивнику: с ним, с таким «архетипом», не договоришься ни о предательстве, ни о лжи. Он (в большинстве) непокорный, самодостаточный. Победитель.

...По окончании этого темного деяния — остался в живых только художник Василий Сварог. Остальные свидетели были устранены ГПУ очень скоро, повторяю, — даже дальние свидетели, не причастные никаким образом напрямую, а уж тем более — и те, которым не повезло оказаться в числе первых на месте убийства. «Невидимой рукой» расстреляны: милиционер Горбов, судмедэксперт Гиляревский, управляющий гостиницей «Англетер»... А к октябрю 1937 г. — и близкий Есенину поэт Николай Клюев, который рассказывал накануне смерти Есенина художнику Архипову на Большой Морской: «Около гостиницы ходят какие-то люди, они не дали мне встретиться с Сергеем, грозились арестовать». Верно, так и было, потому и не было передано лично Есениным для Н. Клюева стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», написанное кровью в предчувствии непоправимой беды. Пришлось передать через Вольфа Эрлиха — такой силы был заслон. Потому-то и не дал Есенин осведомителю Эрлиху даже и прочитав письмо, остановил. И не один день слежки, а настоящий пресинг перед смертью. Вот она, настоящая трагедия: ни одного друга рядом. И «там» тоже, как и предсказано, задолго: «И снег ложится вроде пятаков. И нет за гробом ни жены, ни друга...».

Убит был и Блюмкин, в отчаянное положение поставленный И.В. Сталиным (карающей десницей за троцкизм), расстрелян тотчас после написания вороха биографических заметок этот «руководитель загранично-диверсионной группы ГПУ» (Яша «Ильин») — и именно «за тайную встречу с Троцким за границей». До самого расстрела изощренный убийца, выросший из обиженного на весь мир мальчика-талмудиста из Одессы по имени Симха-Янкев Гершевич Блюмкин, ставший террористом, не верил в возможность осуществления вынесенного ему приговора, не мог повлиять: столько «заслуг» было на его счету (по его мнению), столько пролитой крови по указке троцкистов... Но Сталин не оценивал пролитие крови в подвалах ЧК в особую заслугу. Вспомнили Блюмину и участие в январе 1918 г. в экспроприации ценностей Госбанка, часть средств которых он присвоил себе, и связь его с английским шпионом А. Эрдманом, который, собственно, и устраивал карьеру Блюмкина. Приговор: «расстрел». Но: «за что?» По вовсе «невинному» обвинению — за встречи с Троцким за границей по делам террористической группы при ОГПУ (всего-то навсего). И время уже не их, не троцких и не блюмкиных, хотя и не понималось еще ими и не принималось к сведению ими сие новое положение: нужны стране строители и герои, а не истязатели и не губители. Не мог поверить в очевидность перемен и «Блюмочка».

Время Радеков, Эрлихов, Урицких... проходило, прошло, кончилось. Сталин отслеживал их передвижение по службе, пристально наблюдал: кто и чем занят, кто и чего стоит. Блюмкина, тотчас же по его возвращении от Троцкого, без всяких объяснений бросили в казематы. Ему никто и ничто уже не могло помочь: ни колдовские выдумки Рериха-старшего, с которым он якшался и за которым следил в путешествии на Гималаи, ни связи. По-

сланник Л.Д. Бронштейна Блюмкин так и не смог реализовать ни старые его знакомства с «убежденными большевиками», ни внять И.В.С. и просьбам весьма влиятельных дам-«землячек», кровью заливших Крым, даже с их «заслугами» (сотнями расстрелянных и утопленных в пенном Чёрном море пленных белогвардейцев, сдавшихся на милость бесов в кожанках, уповая на честное слово «аггелов»). По-видимому, Сталин и тут особого геройства и преданности революционному делу не разглядел: топить с завязанными колючей проволокой за спиной руками безусых юнкеров, генералов, вахмистров и урядников, которые по большей части не участвовали в боях. И никакие сослуживцы-палачи не могли помочь уже Якову, даже и те, которые наловчились сталкивать трупы расстрелянных ногами в море, и те, которые пытались с пристрастием и кромсали на кожаные ремни спины дворян, юношей и девушек...

И было тогда, в ту пору «камерного» размышления над своей судьбой, полуграмотному террористу Блюмкину, окончившему начальные классы в одесской немецкой школе, всего-то 29 годков от рождения, как и великому русскому поэту Сергею Александровичу Есенину, им же, вероятно, убиенному: ничто на земле не проходит бесследно... Он, даже и сидя в тюрьме, все еще надеялся. Пытался даже бодриться, хотя тайком все чаще пускал слезу. Хватка Сталина оказалась неожиданно жесткой даже и для местечкового душегуба-радикала, «диверсанта»-революционера. До последнего не веря в приговор и думая, что его проверяют на излом, он запел перед расстрелом: «Вставай, проклятем заклеянный...». Выстрелы прозвучали без учета «геройской» выходки.

Наветы клеветников и убийц С.А. Есенина опровергает знаменитый московский психиатр Петр Ганнушкин. Обследовав поэта в декабре 1925 г., он поставил диагноз: «Астеническое состояние аффективно неустойчивой личности». Пушкин, Лермонтов, Ломоносов, Иван Павлов, Николай Рубцов — имели взрывной, бешеный темперамент. Теплохладны только бесы. И то, когда поднаatoreют в душегубстве.

...А и впрямь, сколько создано поэтом и прозаиком (повесть «Яр», рассказы), блистательным публицистом («Ключи Марии» и др.) С. Есениным за десяток с небольшим лет — от первого стихотворения-посвящения Грише Панфилову и до поэмы «Анна Снегина», чистота и простота которой может соперничать, быть может, даже и с пушкинским «Евгением Онегиным»...

И вот задача: может ли столько и такого качества произведений создать «сильно пьющий» человек, пусть даже и очень талантливый? Ответ очевиден. Но и того ответа мало. Судьба прототипа Анны Снегиной — Лидии Кашиной, в девичестве Кулаковой, дочери купца Кулакова, вышедшей впоследствии замуж за школьного учителя Николая Кашина, — тоже оказалась весьма непростой. Многие представители и этого рода похоронены тоже на Ваганьковском кладбище. По некоторым свидетельствам современников и по косвенным признаниям самого поэта, в том числе и в самой поэме, во многом автобиографической, Лидия («Анна») всегда тепло и сердечно относилась к поэту: «...Мы все в эти годы любили, но, значит, любили и нас», — трогательно окончит Есенин поэму.

...На могиле Есенина на Ваганьковском кладбище надгробный памятник поэту задуман так: навстречу пришедшему к захоронению, к могиле, он

Могила С.А. Есенина на Ваганьковском кладбище в Москве. Фото из открытых источников

сам, поэт, как бы вынимает из груди своей, отдает сердце. Он остановлен в этом порыве-движении — «отдать». Так (кажется) или задумано было в самом деле, или получилось случайно. Скрещенные на груди руки, одна из которых, правая, готова вынуть собственное сердце и подарить. Это — горьковский легендарный Данко.

Сердце поэта Есенина с нами. И вот думаю: а что бы было, если бы не ласковое «нет» девочки в белой накидке, которая не брала записок из ошейника пса, — а было бы: «да»? Ведь и такой исход был возможен, в этом сознавался и сам Есенин и вне поэмы. Может быть, он остался бы жить — в нашей рязанской глуши можно прожить тысячу лет никем не замеченным,

не найденным ни террористом Блюмкиным, ни Троцким... Что писал бы он тогда? Вероятно, писал бы, «коль этот зуд проснулся». А Лидия Кулакова (Кашина) — «Анна Снегина» — была бы его музой и другом. Блюмкин же — суть «Герострат», сам бес, восхищавшийся Савинковым и навязывавший написать Есенину поэму о Савинкове, поскольку сам был бесталанным, — прошел бы «как тень» стороной.

Эти двуполые (по некоторым свидетельствам) создания: Троцкий, Зиновьев, Блюмкин со товарищи — поразительно схожи, ведь двуполым был, как известно, и Дантес. Быть может, это одна из главных и тайных отличительных черт — именно бесов (в пику чистой и честной любви, когда женщину, и только женщину близкую, — предмет своей любви — (и дальнюю даже) поэт способен поднять до обожания, до небес). Убивающие великих мечтают о славе. Синдром Герострата. Они рвутся единственно к власти и к славе, даже ценой собственной жизни. И — усомнившиеся в главном: в том, что у Бога, как известно, времени нет, всё Ему открыто. Всё рано или поздно получит свою надлежащую оценку (и «нет такого тайного, что не стало бы явным»). «Энциклопедия С.А. Есенина» по А.А. Козловскому с 1992 г. ждет своего часа, несомненно, будет издана. Кто (кроме специалистов) знает и желает знать о Яше Блюмкине...

И вот наконец: Есенин, долго запретный, под предлогом того, что якобы боролись с «упадничеством», с «есенинщиной», дважды убитый, воскрес

в поэзии. (Со времени гибели поэта, с 1925 г., прижизненного издания его книг, вплоть до 1946 г. — ни одного). Есенин вышел к людям сам. У погибших воинов вместе с фотографиями семьи и письмами к матери на фронтах находили стихи Есенина...

1946 г., Победа над фашизмом, чувства самые искренние и горячие, — и вот люди потребовали нового явления, воскрешения имени Есенина. И сколько же было издано книг и собраний стихотворений с того далекого 1946-го по наше время, сколько написано исследований, монографий и статей! Не имевший «где голову преклонить» при жизни, «рязанский пиит» поселился в сердцах людей навсегда. Гонимый в пору наступления «железного Миргорода» (так определил сам Есенин Америку) — на крестьянство, он вошел в сердце едва ли не каждого русского и «обитель в нем сотворил».

«ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЙ МИРГОРОД»

С.А. Есенин в письме Мариенгофу назвал Нью-Йорк отвратительнейшим. И не ошибся, конечно. Язычество Европы и Америки подтвердили и шаржи на Самого Христа и на Магомета — и всё сошло им с рук. И вот, для того чтобы отстоять это странное «право» карикатуристам похабными рисунками оскорблять миллиарды людей, — за это «право» выходят с демаршами правители европейских государств и выводят тысячи ошалевших единомышленников в Париже... А всего-то и требуется: не задевать того, что свято для других. Зачем? Разве мало тем для шаржей и карикатур? Салману Рушди верные мусульмане не простили оскорблений, и здесь не простят.

...Какие странные рельсы «цивилизационной демократии», которую они, западные, а особенно американские, «демагоги», постоянно экспортируют всем, навязывают, внедряют по всему миру, в странах, которые их во все не просят об этом «экспорте» скучных атеистических и релятивистских идей. И вот доэкспортировались уже до того, что и у самих ничего не оста-

С.А. Есенин, 1918 г.

Прижизненное фото из открытых источников

Сергей Есенин и Айседора Дункан в Нью-Йорке, 1922 г. Фото из открытых источников

лось, никакой демократии в том виде, в котором ее понимали древние греки, сочинившие это государственное устройство.

«Лучше всего в этом мире — все-таки Москва. В чикагские “сто тысяч улиц” можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире. (...) Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном (потокном. — В.К.) искусстве... И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью и испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: “Застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки”» (С.А. Есенин. Письмо Мариенгофу

из Нью-Йорка. 12 ноября 1922 года). И еще: «Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки... Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой. Поэтому краткое описание моих скитаний начинаю с Америки. (...) Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение. Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: “Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурней страны, чем Америка”» («Железный Миргород», С.А. Есенин. 1923 год). Более ста лет назад сказано, а словно вчера.

Девиз «С нами Бог», надпись на долларе, американцам давно пора заменить терминами в духе «Астару» или «Одина» в качестве самоназвания. Даже не язычество уже, а сектантство, сатанизм — всё позволено там вослед за протестантизмом, лютеранством — все и вся там уравниваются в правах теперь, и даже узаконены. Так какого же «God» они имеют в виду? Как следствие — «демократия» «от неверия» победила в этой стране всё, включая даже и сам здравый рассудок. И вот это-то экспортируют и нам, в Россию. И нам терпеть это сумасшествие под спецтермином «толерантность»? Каковы же будут русские, если выдержат такую «толерантность» и не вымрут, что с нами станет тогда... Немыслимо. Есенин С.А. тотчас распознал и увидел весь ужас и дикарство «цивилизованных».

**Вечные темы
в поэзии Николая Рубцова**

Виктор БАРАКОВ

**«Я ЛЮБЛЮ
СУДЬБУ СВОЮ...»**

Виктор Николаевич Бараков — родился в 1961 г. в Великом Устюге Вологодской области. Российский литературовед, писатель, публицист, литературный критик, доктор филологических наук (1998), профессор (2000), член Союза писателей России (1999), лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Николая Рубцова (1998) и Всероссийской православной литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского (2007). **Живет в Вологде.**

«Поэту необходимо думать о смерти, и только памятуя о ней, поэт может особенно остро ощущать жизнь», — говорил Сергей Есенин. Смерть вошла в судьбу Николая Рубцова почти с самого ее начала: умерла его мать и две сестры, отец пропал на фронте, и Рубцов много лет считал, что «на войне отца убила пуля», пока не встретился с ним в Вологде в 50-х годах.

Романтическая «тема моря», о которой писал сам Рубцов, смыкается в его ранней лирике с темой смерти постоянно:

*Прямо в сердце врывалось силой
Красоты, бурлившей вокруг.
Но великой братской могилой
Мне представилось море вдруг.*

«Весна на море»

Даже в стихах, написанных на заказ и публиковавшихся во флотских газетах, она заявляет о себе со свойственной юному поэту категоричностью:

*Ничего нет врага ненавистней!
Тот, кто смело врагов истребляет,
Никогда не уходит из жизни,
Если даже в бою погибает!*

«Сердце героя»

Философские размышления о бренности мира («О земле подумаю, о небе, / И о том, что все это пройдет») резко отличались от бесшабашного матросского веселья в редкие часы отдыха. По воспоминаниям Валентина Сафонова, друга Рубцова, ставшего впоследствии писателем, «очень уж не вязалась печальная наполненность этих строк с

обликом автора — жизнерадостного моряка... Кто из нас, двадцатилетних, мог всерьез воспринять строки о памяти, что “отбивается от рук”, о молодости, что “уходит из-под ног”? Жизненные дали для нас, по сути, только начинались».

Может быть, сиротство и несчастная любовь сделали юношу философом, а может, нечто иное скрывалось в его поэтической натуре: «Всё проходит, проходит и жизнь» («Соловьи»).

Рядом с темами смерти, прощания, ухода в его пока еще ученической лирике стала крепнуть тема бессмертия, вечности:

*Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно — море,
А для уставших — свой причал.*

(«Я весь в мазуте, весь в тавоте...») — эта строфа из его ранней лирики воспринимается совсем иначе, если посмотреть на нее с этой точки зрения.

Самым загадочным стихотворением этого периода стали «Мачты»:

*Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской, —*

*Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто всё перейдет в забытье,*

*Будто всё начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.*

*Это кажется мне невозможным.
Всё мне кажется — нет забытья!
Всё я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.*

Подобное заявление в условиях государственного атеизма само по себе было вызовом, но для Рубцова, искавшего истину, не это было главным — еще до службы на флоте будущий поэт познакомился с Библией, читал труды Гегеля, Канта, Аристотеля, Платона...

Зрелая лирика Николая Рубцова буквально пронизана данной темой, превратившейся в настойчивый мотив. Его лирический герой чувствует «смертную связь» с Родиной, видит «неспокойные тени умерших», покойную мать («В горнице»), слышит «незримых певчих пенье хоровое» и воспринимает смерть как естественное продолжение жизни души:

*И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...*

«Над вечным покоем»

Здесь нет самолюбования, позы, искусственности чувства, — есть совершенное понимание бессмертной сущности любви. Поэт так рад этому пониманию, что готов поделиться им со всеми: «Поверьте мне: я чист душою», «Я клянусь: душа моя чиста».

Незримое присутствие Бога ощущается в зрелых стихах Рубцова постоянно, в стихотворении «Русский огонек» он говорит о Нем естественно и просто: «Дай Бог, дай Бог...». Лексика этого периода насыщена библеизмами и производными от них: «божество», «ангел», «молитвы», «крест», «светлая весть», «вечный покой», «дьявольская сила», «молитвенный обряд», «святая обитель», «небесный свет», «Божий храм», «свеча»... Его «скромный русский огонек» горит «как добрая душа» — в православной традиции горящая свеча — символ краткости земной жизни.

Размышления о связи смерти и бессмертия в стихотворении «В святой обители природы» завершаются так:

*И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там — полночные светила
Наводят много-много дум...*

О содержании этих дум можно только догадываться: цензура не позволяла раскрывать такие темы глубоко. Впрочем, для Рубцова она не стала таким уж серьезным препятствием: он использовал иносказание, подтекст, символику и не прогадал. «Кто мне сказал, что надежды потеряны? / Кто это выдумал, друг?» А вот и прямое его заявление:

*И думаю я — смейтесь иль
Не смейтесь —
Косьбой проворной на лугу
Согрет,
Что той, которой мы боимся, — смерти,
Как у цветов, у нас ведь тоже нет!*

«Ночь коротка. А жизнь, как ночь, длинна...»

В стихотворении «Видения на холме» поэт говорит о любви к России «навек, до вечного покоя» — это явное православное миропонимание бессмертия. Рубцов подтверждает и известную евангельскую мысль («У Бога все живы»): «Здесь каждый славен — мертвый и живой!» («Старая дорога»). Личный уход, считает поэт, — лишь часть общей нашей судьбы:

*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что выплыв на лодке, повсюду достану шестом...*

«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»

Характерное замечание лирического героя: «без грусти дойду до могилы», многократно повторенное в его поэзии, свидетельствует о силе веры, об убеждении в том, что и в жизни, и в смерти есть свой высший смысл. Николай Рубцов, полагаясь на волю Божью, не боялся смерти — это подтверждает не только его философская лирика, но и стихи бытовые, шуточные, ироничные:

*Слез не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч.
Вот умру — и стану я холодный.
Вот тогда, любимая, поплачь!*

«Слёз не лей»

Если бы цензоры по-настоящему вчитывались в некоторые «проходные» стихотворения Рубцова, то они пришли бы в ужас! Гомерический хохот вызывал у читателей стих о покорителях космоса:

*Люди! Славьте во все голоса
Новый подвиг советских героев!
Скоро все улетим в небеса
И узнаем, что это такое...*

Рубцовский шедевр «Философские стихи» полностью посвящен теме смерти и бессмертия. Начинается он с укора умирающему человеку, создавшему в жизни «ложный облик счастья», полный довольства и славы, а заканчивается отказом от осуждения: «Мы по одной дороге ходим все...», осознанием неизбежного собственного конца («Когда-нибудь ужасной будет ночь») и пониманием смерти как Божьей милости и даже счастья:

*Но я пойду! И знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!*

В сборниках «Душа хранит» (1969) и «Сосен шум» (1970) пронзительно зазвучала трагическая тема: Николай Рубцов словно прощался с этим миром. Посмертные книги, составленные самим поэтом, — «Зелёные цветы» (1971) и «Подорожники» (1976), — в которых впервые были опубликованы многие неизвестные ранее стихотворения, еще более усилили это впечатление.

Предчувствие ухода ощущается во многих юношеских стихах Рубцова:

*Неужели так сердце устало,
Что пора повернуть и уйти?
Мне ведь так еще мало, так мало,
Даже нету еще двадцати...*

«На душе соловьиною трелью...»

Впервые фразу о своей смерти он легкомысленно, полущутя-полусерьезно обронил еще в 1954 г. в Ташкенте, когда ему было всего 18 лет:

«Да, умру я! И что ж такого...». Десятилетие спустя у Рубцова вырвалось страшное предсказание: «Когда-нибудь ужасной будет ночь». Думы о собственном конце преследовали его постоянно:

*Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.*

1967 г.

*Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.*

1968 г.

В стихотворении «Зимняя ночь» (1969) то ли «черный человек», то ли сама смерть зовет поэта:

*Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне...*

Здесь всё серьезно. Всё дышит предвестьем небытия — не только упоминание о кладбище, не только классический символ смерти — ночь, но и указание на ее непознанность и невозможность познания: «Есть какая-то вечная тайна / В этом жалобном плаче ночном». В «Элегии» (1970) чувствуется уже обреченность: «Отложу свою скудную пищу / И отправлюсь на вечный покой». И, наконец, указана дата:

Я умру в крещенские морозы...

Стихотворения, посвященные поэтам, также поднимают тему гибели («Сергей Есенин», «О Пушкине», «Дуэль», «Памяти Анциферова», «Последняя ночь»), но, что удивительно, в понимании Рубцова преждевременная смерть — это тоже Божья милость:

*Уже давно,
Как в Божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.*

«Дуэль»

Пророческие видения, как уже говорилось, появлялись в стихах Рубцова неоднократно, даже с указанием места:

*Мое слово — верное,
Мои карты — козыри.
Моя смерть, наверное,
На Телецком озере.*

Но самым известным произведением из этого ряда стало стихотворение «Я умру в крещенские морозы...». На предсказание даты собственной гибели все обращают внимание — это действительно редчайший случай не только в русской, но и в мировой поэзии, — но содержание стихотворения на самом деле жизнеутверждающее: гроб разобьется, усопший встанет из могилы — совсем как в евангельском откровении! А концовка стихотворения и вовсе не оставляет никаких сомнений: «Я не верю вечности покоя!»

О духовных причинах гибели Николая Рубцова говорить сложно, да и вряд ли мы имеем на это право, но сам поэт оценивает свой жизненный путь весьма жестко:

*Почему мне так не повезло?
По ночам душе бывает страшно,
Оттого, что сам себе назло
Много лет провел я бесшабашно.*

Еще одно предсказание смерти, причем в деталях, поражает:

*Как жаль, что я умру совсем бесславно,
А может, я с достоинством умру?*

Так и случилось, обстоятельства смерти поэта всегда будут вызывать вопросы.

Тема смерти и бессмертия в поэзии Николая Рубцова возникла не по прихоти автора, а по воле Божьей: «О чем писать? / На то не наша воля!» И относиться к его ранней смерти надо смиренно, по примеру самого поэта. Дело ведь не в том, сколько ты протянешь на этой земле, а в том, как ты проживешь, что оставишь людям:

*Можно жить и лежа на полатях,
Бить баклуши хоть до сотни лет.
Жизнь моя, промчись же,
Как торпедный катер,
Оставляя за собою
Бурный след!*

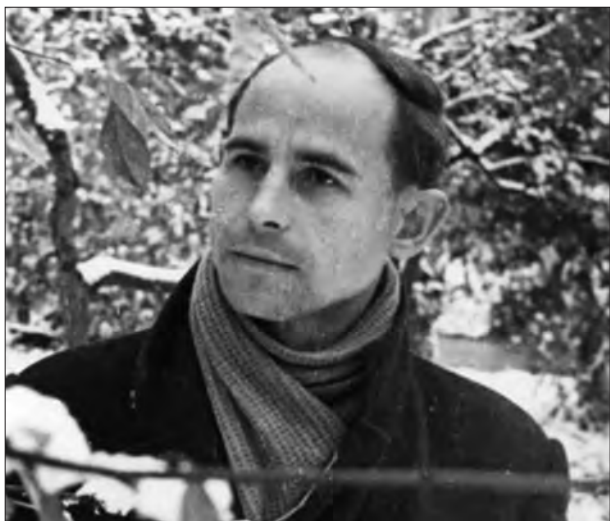
Н. Рубцов

Рубцов был убит в ночь на 19 января 1971 г. в возрасте 35 лет в своей квартире в результате бытового конфликта с начинающей поэтессой Людмилой Дербиной. Судебное расследование установило, что смерть была насильственной и наступила в результате удушения — механической асфиксии от сдавливания шеи руками.

О прижизненной «Безвестности» Николая Рубцова

В работах о Николае Рубцове общим местом стало рассуждение о том, что поэт страдал от непризнанности. Безвестность Рубцова — на самом

деле миф. Подборки его стихотворений регулярно появлялись в центральных журналах и газетах, не обделен он был и вниманием критиков, особенно после выхода его книги «Звезда полей» (1967), получившей свыше 50 (!) рецензий, среди которых совсем не было так называемых «организованных». В журнале «Вопросы литературы» (тогда ведущем литературоведческом издании) имя Николая Рубцова встречается довольно часто. В третьем номере журнала за 1966 г. Вадим Кожинов

*Николай Михайлович Рубцов.
Фото из открытых источников*

отметил подборку стихотворений поэта в «Октябре», в седьмом номере 1968 г. Владимир Гусев писал: «Поэт, по сути, не так уж прост: главное в жизни, сама жизнь и смерть, природа и ясный простор земли в их отношении к человеку — вот что его занимает». В седьмом номере за 1970 г. Кожинов заметил: «Сейчас нельзя уже говорить о современной русской литературе, не зная, что делается, скажем, в Вологде, — ибо там живут и работают Виктор Астафьев, Василий Белов, Николай Рубцов». В номере одиннадцатом за тот же год критик Александр Михайлов рассуждал: «Николаю Рубцову совершенно чужды получившие некоторое распространение плоское противопоставление деревни городу, кичливое любование своим крестьянским происхождением». Кстати, все отзывы о Рубцове в журнале были исключительно положительными.

Еще один факт: Николай Рубцов без проблем публиковался в чрезвычайно популярных тогда альманахах «День поэзии», за место в котором разворачивались целые подковерные битвы, многие поэты даже поссорились из-за этого «всерьез и надолго» (Владимир Цыбин с Николаем Старшиновым; Татьяна Глушкова и Юлия Друнина с Юрием Кузнецовым и др.).

Вот они, эти публикации Николая Рубцова: «День поэзии — 1963» — стихотворения «В океане», «Утро на море», «В кочегарке»; «День поэзии — 1966» — стихотворения «Загородил мою дорогу...», «Над вечным покоем...» (в этом номере, между прочим, дебютировал Юрий Кузнецов); «День поэзии — 1967» — стихотворение «Шумит Катунь»; «День поэзии — 1968» — стихотворения «У размытой дороги», «Последний путь». В «Дне поэзии — 1969» — целая подборка: «На ночлеге», «В жарком тумане дня...», «Посвящение другу», «Во время грозы», «Последняя ночь».

А еще были публикации в региональном «Дне поэзии Севера»: в 1966 г., в 1968 г. — в двух номерах, вышедших в Архангельске и Петрозаводске; в 1969, 1970 и 1971 годах! Как видим, список получился довольно впечатляющий.

С середины 1960-х гг. (времени вступления Рубцова в большую литературу) книги у него выходили одна за другой: четыре сборника за шесть

лет, еще один был сдан в набор («Зелёные цветы») и появился в книжных магазинах сразу после гибели Рубцова, а следующий («Подорожники») был подготовлен к печати. Мало кто из поэтов того времени мог похвастаться подобной «скорострельностью»: многие ожидали выхода книги подолгу, годами, а то и десятилетиями. Удивительный факт: первые две поэтические книги Рубцова были опубликованы еще до его членства в Союзе писателей! И гонорары за свои публикации Рубцов получал немаленькие. Говорит друг поэта, Сергей Багров: «Коля бедным никогда не был». Другое дело, что обращаться с деньгами Рубцов не умел — вырос в детдоме.

Слава его росла постепенно, но неуклонно. Рассуждение о том, что странная и загадочная гибель Рубцова стала одной из причин взлета его популярности, — непрофессионально и несправедливо к его поэзии в целом. Уже при жизни Рубцова многим было ясно, с какой величиной они имеют дело. Враги у Рубцова, конечно, были, но были и покровители, и истинные ценители его творчества: Александр Яшин, Егор Исаев, Вадим Кожинов, Станислав Куняев, Виктор Астафьев, Василий Белов... Незадолго до смерти Николаю Рубцову дали выступить на выездном пленуме Союза писателей, а что это означало в те времена, понимали все.

И посмертная судьба Николая Рубцова подтвердила неписаное правило: поэзия живет по собственным законам. «И не она от нас зависит, / А мы зависим от нее...» (Николай Рубцов).

ВЫШЛА КНИГА

Юшин Е.

Полынь и звезды: стихотворения. М.: Вест-Консалтинг, 2025. 219 с.

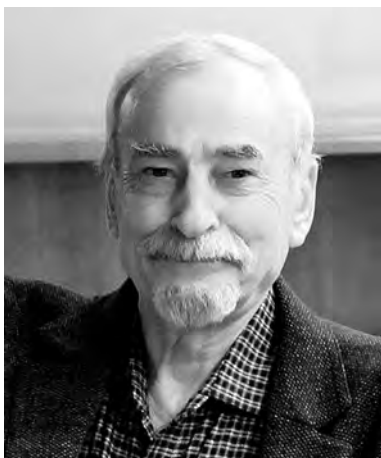
Свое поэтическое время Евгений Юшин назвал «Полынь и звезды». Полынная горечь грома русской культуры и затянувшейся гражданской войны и неизбывный свет степного звездного неба над нами.

Русскость поэтического мира Евгения Юшина не манифестируется «словами» и «заявлениями», он ничего не достает из широких штанин и ничем не размахивает перед оторопевшим собеседником.

Его слово напаявается родниками отчей и дедовой земли, проступает алыми ромбиками брусники в петлицах осенних болот, обдаёт горячим степным воздухом пропитанных тысячелетними битвами просторов. Всматривается голубыми материнскими глазами подступающей вечности.

Алексей Шорохов

Геннадий САЗОНОВ

СВЕТ НИКОЛЫ

*Об истоках поэзии
Н.М. Рубцова*

Геннадий Алексеевич Сазонов — родился в 1950 г. на станции Пожитово Торжокского района Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Более 40 лет отработал в местной и центральной печати, в том числе в Ярославле, Череповце, Вышнем Волочке, Твери, собкором «Правды», «Труда», журнала «Сельская новь» на Южном Урале (Оренбург) и Русском Севере (Вологда — Сыктывкар — Архангельск). Автор 38 книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в Москве, Архангельске, Вологде. Лауреат многих всесоюзных и всероссийских премий и конкурсов. **Живет в Вологде.**

Идешь по тропе, заросшей бурьяном, заваленной сухостойником. Дальше — по вязкой болотине, где укрыта мхом трясина. Не угодить бы в нее. Наконец, с радостью вступаешь на твердую дорогу. И вдруг слышишь переливы бегущего по камням родника. Припадаешь губами и пьешь. Пьешь ледяную влагу, от нее почему-то никогда не бывает простуды...

1.

Думаю, с таким лесным родником сравнима поэзия Николая Рубцова — негромкая, как ее именовали, неброская. «Тихая лирика», не увенчанная лаврами и наградами.

Современный человек устал от «музыки», ломающей ушные перепонки. Он изнемог от книжных или телевизионных сюжетов с обильными дозами примитива и секса, от ярлыков и оскорблений, раздаваемых направо и налево. Его мутит от подмены чести и достоинства чинопочтанием и холопством. Он уже готов спрятаться куда-нибудь от навязывания пагубной «цифровизации» и устрашающей «пандемии».

А куда спрятаться?

И вот с жадностью припадает он к строкам Рубцова как к истоку, который еще сохранился чистым, еще не замутненным временем.

В чем их притягательность?

Наверное, в доброте, в отсутствии фальши.

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!*

*Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,*

*Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!¹*

Задумываясь над истоками этой чистоты, невольно уносился я мыслями в Беломорье — край суровый, богатый сказками, легендами, преданиями.

Удивительные по красоте дни выпадают иногда ранней весной на севере — полные какой-то неизъяснимой загадки. На чистом, будто огромная голубая скатерть, небе — большое ярко-рыжее солнце. Рядом, в той же бездонной лазури, — стоит луна. Я любовался ими поочередно, отсчитывая километры по большаку. Тайга осталась позади. За поворотом замаячило село Емецк, основанное на сто с лишним лет раньше Москвы. По соседству, ближе к Северной Двине, пролегал в старину рыбный тракт. По нему, томимый жаждой познания, шел в столицу будущий великий помор — Михайло Васильевич Ломоносов. Материнская его деревенька сравнительно недалеко, в этом же районе, на Курострове. Русский Леонардо да Винчи, а может, и более итальянца. Во всем, что сотворили ум и руки гения, — будь то грамматика русского языка, научные открытия, исторические исследования, мозаики, — Ломоносов оставался поэтом.

Чуть ли не с рождения по складу психики был поэтом и Рубцов. Два поэта, два земляка. Солнце и Луна. Добрая символика виделась в их землячестве.

Въезжаю в Емецк. Среди села, по дороге на Вологду — отворотка, спускаюсь по ней, иду по улице. Останавливаюсь у деревянного двухэтажного здания.

«В этом доме, — читаю на мраморной доске, — 3 января 1936 г. родился поэт Рубцов Николай Михайлович».

Молча, с чувством отдаленной вины, оглядываю заурядное жилье. В подобных «хоромах» и поныне обитает едва ли не половина населения обширного северного края; в нем можно разместить пять государств, равных Франции. Вечно хлопающие двери, скрипучая лестница наверх...

Родина — она и есть Родина!

Она всегда остается с нами. До последнего дыхания согревает душу теплом. И чтобы понять натуру поэта, почувствовать первопричину твор-

¹ Разбивка строк сделана Николаем Рубцовым в книге «Зелёные цветы» (1971).

Памятник Николаю Рубцову в его родном селе Никольском

чества, надо прикоснуться к самому истоку. А исток — он здесь, на земле архангельской.

В Емецк семья Михаила Рубцова приехала из Вологды в 1935 году. В доме, у которого стою, и появился на свет Коля четвертым ребенком. Тогда дом принадлежал отделу рабочего снабжения местного леспромпхоза, в отделе и работал отец поэта. Семья занимала квартиру на втором этаже. Окна выходили на дорогу и во двор. А там, за огородами, привольно текла речка Емца. На ближнем берегу — малая пристань с лодками и катерками. Милый сердцу северный пейзаж. Не от него ли, подкрепленная срочной службой в Северном флоте, ворвалась в стихи Рубцова «морская тема»?

*Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан,
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан...*

Михаила Андриановича помнили простым и доверчивым, очень доброжелательным. «Отец Коли, — передавала учительница Татьяна Минина впечатления одной из жительниц Емецка, помнившей Рубцовых, — хорошо пел. Любимой у него была ария Сусанина». Мама моя говорила: «Опять завелась ария (у Рубцовых был патефон), значит, Михаил Андрианович пришел с работы...».

Я слышал предание о том, что музыку любила и Александра Михайловна, мать поэта. Она даже приходила петь на клиросе в Рождество-Богородицкий храм, когда позже семья вернулась в Вологду.

Не отсюда ли неизбывная музыкальность в творчестве поэта? Он сам под гитару или гармошку исполнял свои стихи, музыку к его стихам подби-

рали друзья. А ныне песни «Горница», «Букет» и еще многие поет уже вся страна. Причем часто люди и не знают, кто автор стихов.

Под музыку, песни, байки взрослых — у Рубцовых часто ночевали сослуживцы из дальних лесных пунктов — рос маленький Коля. Жители Емецка сохраняли традиции — проводили ярмарки, куда собирались ремесленники с разных мест, да и своих мастеров хватало. Церковная колокольня вошла в поговорку: «Шлю тебе привет с емецкой колокольни», то есть очень большой. Здесь Рубцовы особо не задержались. Летом 1937 г. Михаила Андриановича перевели в райцентр Няндомы, где была узловая железнодорожная станция. В отличие от Емецка, семью поселили в бараке. Вскоре отца исключили из партии и арестовали «за контрреволюционную деятельность». Больше года мать провела в нужде и разорении. Чтобы хоть как-то помочь ей, старшая дочь Надя, еще не достигнув шестнадцати лет, устроилась на работу. Где-то она простудилась, заболела и умерла. Вскоре с Михаила Андриановича сняли «обвинение» (редкий факт для того периода!), он вышел на свободу, вернулся на должность начальника Няндомского горпо.

Перед войной семья возвратилась в Вологду, поселилась в одном из домов на улице Первомайской. Здание сохранилось до нашей эпохи. Но лет десять назад «местные олигархи» начали его ломать, расчищая место под свои особняки. Интеллигенция Вологды выступила с публичным протестом, просила сохранить дом в память о поэте, но его уничтожили...

Незадолго до ухода в мир иной Николай Рубцов побывал на малой родине осенью 1970 года. Николай Голицын, известный архангельский журналист, зафиксировал то событие.

— Переехали через Двину в село Ломоносово, я все фотографировал Рубцова вместе с другими писателями, — говорил друг. — Я запомнил, что Николай был веселый, живой, энергичный. Думаю, радовался, что приехал в отчие места. Мужики холмогорские попотчевали гостей ухой из стерлядки; я попал в столовой за один стол с Рубцовым. Кто-то завел разговор на тему «поэт и власть». И вдруг Рубцов, сидевший тихо, резко переменял настроение, бросил что-то отрывисто, зло. Я почувствовал какую-то его душевную боль, будто нервы у него были на пределе. И еще я понял: Рубцов был очень ранимым, с ним требовалось быть осторожным, не обидеть случайно словом...

...В 2004 г. в Емецке открыли памятник Николаю Рубцову работы скульптора Николая Овчинникова.

2.

Не каждому поэту повезет с Ариной Родионовной! Но едва ли не у каждого есть вечная сказительница — природа.

Биограф еще одного знаменитого земляка поэта — святого праведного Иоанна Кронштадтского, родившегося на Пинеге в селе Сура, отмечал, что он с самых первых дней «любил природу, которая возбуждала в нем умиление и преклонение перед величием Творца всякой твари».

Красивые окрестности Емецка, все «материнское лоно», не сомневаюсь, оставили глубокий след в сознании будущего стихотворца.

*О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная синяя птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!*

*Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!*

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашне венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..*

...Война безжалостно ломала житейские планы. Трудное детство. Да и вообще трудная судьба выпала на долю будущего поэта. Но не только на его долю — на долю миллионов сверстников. Летом 1942 г. умерла Александра Михайловна, а Михаила Андриановича еще раньше призвали на фронт. Дети осиротели. Их распределили во временные приемники, а в итоге Николай попал в Никольский детдом в глубинном Тотемском районе.

Село старинное на берегу извилистой речки Толшмы, когда-то крупный торговый центр, сохранившее предание о том, явилось отправной точкой в жизни и творчестве Рубцова. Здесь изумительная окрестная природа и стала для него Ариной Родионовной, стала «божеством». Где бы и кем бы он ни был — абитуриентом в Риге, путешественником в Архангельске, рабочим в Ленинграде, студентом Литинститута в Москве, поэтом в Вологде, проезжим на Алтае — неизменно возвращался в Николу, как птица в родное гнездо.

Можно долго рассуждать о «феномене» поэзии Рубцова. Но достаточно в солнечный день оказаться в Николе, оглядеться вокруг, и многое станет понятно. Сельский вид напоминает окрестности пушкинского села Михайловское. Мой университетский товарищ из Пскова, когда я бывал в пенатах А.С. Пушкина, показывая сельцо, заметил: «Чем покоряют Сороть, эти дали? Ведь есть же у нас в стране места и более красивые! Я думаю, в псковском пейзаже, который любил Пушкин, сконцентрирован обобщенный образ России: вон лес, там поле, река, дальше деревня, дорога, по которой идет крестьянка — всё есть!».

Так и Никольское. В нем самом и вблизи присутствует все необходимое для полного выражения Русского Севера. Как на аллеях в Михайловском поставлены таблички с четверостишиями из «Евгения Онегина», в которых узнаешь окружающее, так и тут: выпиши строки на таблички — и тоже будет узнаваемо.

*С моста идет дорога в гору,
А на горе какая грусть —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь...*

Нет, не для воспевания окружающих красот (в стихах Рубцова это почти отсутствует!) манил поэта образ Николы. Он помогал понять, осмыслить и с предельной остротой выразить главную боль нынешнего человека — его взаимоотношения с природой. На мой взгляд, мало кому из русских поэтов второй половины XX в. удалось столь проникновенно, как Рубцову, сказать о том, что человек не может, не имеет права смотреть свысока на воды, травы и деревья, на всякую живность, ибо он сам — часть природы.

Природа у Рубцова — и хранительница истории народа. Напомню некоторые строки. В шуме сосен «мне будто слышен глас веков»; «пусть шепчет бор, серебряно-янтарный, что это здесь при звоне бубенцов расцвел душою Пушкин благодарный...»; «по следам давно усопших душ я пойду, чтоб думами до Устюга погружаться в сказочную глушь...».

Наиболее зримо это миропонимание выразилось в замечательном стихотворении «Шумит Катунь».

Вглядываясь в судьбу народа, Рубцов умел очертить несколькими «мазками» явление огромного социального значения. В «Добром Филе» всего 16 строк. Но за ними — миллионы «простых» людей, живущих, по ироничному признанию поэта, «без претензий и льгот».

*Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя, что молчаливый?
— А о чем говорить?*

Обманчивая простота героя вопиет: есть о чем! О социальной несправедливости! О достоинстве человека!

* * *

...Все-таки с трудом, но удалось уговорить Генриетту Шамахову побеседовать о Николае. Она заканчивала смену на маслозаводе. Минут через пять вышла на улицу, и мы отправились к ее дому с голубыми наличниками.

В избе над кроватью — выразительный портрет Рубцова. Генриетта — вдова поэта, бывшая гражданская жена.

Она села за стол. Начала неторопливо. Приведу ее рассказ без изменений.

— Я родилась здесь, в Николе, окончила семилетку. Работала на почте, на маслозаводе. Когда подружилась с Рубцовым, заведовала клубом. Пьесы ставили, в хоре пели. Весело жили. Приходил и Николай — в кино или в бильярд поиграть. Я знала его давно. По детдому. Матери моей, повару в интернате, подвели порчу пяти тонн картошки, ну, ее и посадили на пять лет в тюрьму. А меня определили в детдом, в младшую группу. Рубцов был в старшей. Учился он хорошо. Выступали вместе в самодеятельности, в Тотьму на олимпиаду ездили. Я показывала акробатический номер, а Коля играл на гармошке. Когда окончили семь классов, мы все провожали его в Ригу, в морское училище. Но он по каким-то причинам не попал туда, вернулся домой. Учился потом в лесном техникуме в Тотьме.

— С тех пор мы не виделись одиннадцать лет. Была у нас вечеринка, кого-то в армию провожали. Смотрю, заходит кто-то. Говорят — Рубцов. Мы как бы заново познакомились. Останавливался он в тот раз у старого

школьного учителя, Ивана Дмитриевича Аносова. Играли вместе в волейбол. Он меня провожал. Началась дружба.

— Вскоре я укатила в Ленинград — подружка сманила, — работала там почтальоном. Коля приезжал на мой день рождения... Потом опять мы жили в деревне. В 1963 г. тут у нас родилась дочь Лена. Жилось трудно — характер был у него неровный. Да и материально было туго. Печатали мало. Даже в районной газете. «Боятся меня печатать!» — говорил он. Как-то, я тогда уже заведовала клубом, попросила написать сатирические частушки. Наотрез отказался: «Не могу». Когда играл на гармошке и пел свою песню: «Я уеду из этой деревни...», то все, кто слушал — и женщины, и мужчины — плакали. И он действительно уехал.

— Осенью 1970 г. я была на семинаре в Тотьме. Выхожу из ДК, смотрю — Рубцов. Спросила: «Откуда взялся?» А он ответил, что пришел узнать, когда мы с Леной к нему приедем. Жил он в Вологде. «Лена в школу пошла, — отвечаю, — может, весной». «А я, может, и не доживу до весны», — говорит.

— Ну, ладно. Пошли к его другу Василию Ивановичу Баранову, он в газете работал. Вечеринка не получилась. Утром на пристани смотрю — снова он. Передал гостинец Лене. Сказал: «Хочу с тобой поехать». Спустились в каюту. Он немного выпил, уснул. А я сошла на пристани в Николе. Так мы безмолвно и расстались — то была наша последняя встреча.

— Накануне Нового года собралась с дочкой к нему. Выехали. А в поле разгулялась такая метель — все перемело. Вернулись обратно. В середине января сердце защемило — болит, болит, болит...

— Через два дня — хлоп, телеграмма! На похороны...

* * *

...Жизнь поэта в провинции, в отличие от столицы, имеет и преимущества, и недостатки. И поныне на талант тут смотрят как на чудачество, никому не нужное, кроме того, кто им наделен. Будь иначе, разве переносил бы Рубцов житейскую неустроенность? А это тоже отнимало силы.

И еще об одном.

При демократии в Центральной России отсутствуют литературные журналы, объединяющие русских писателей. Даже в пору глухого крепостничества в отдаленной глубинке Ярославщины выходил журнал «Уединенный пошехонец». Теперь дожили до того, что на родине Афанасия Никитина, Константина Батюшкова, Николая Некрасова не имеем писательской трибуны. Как же «взрыхлять почву»? Это я к тому, что и Николаю Рубцову пробиться к читателю было трудно. При жизни успел выпустить лишь четыре книжки малого объема.

Краткое его свидание с миром не заслонило сути. Можно не дать квартиру, обойти с изданием книги. Но невозможно отнять талант.

Свет Николы все равно светит!

Юрий ПАВЛОВ

ЮРИЙ СЕЛЕЗНЁВ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Юрий Михайлович Павлов — родился в 1957 г. в городе Кропоткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета, член Союза писателей России, критик, главный редактор журнала «Родная Кубань». Лауреат премии Вадима Кожина, газеты «Литературная Россия», премии им. Александра Невского «России верные сыны». **Живет в Краснодаре.**

Многие статьи и все книги Юрия Селезнёва были событием в критике 70–80-х гг. XX в., вызывали жаркие и долгие споры, эхо которых периодически звучит и в последние два десятилетия. Селезнёв, ссылаясь на традицию народного мировосприятия, писал: «Человек жив, пока жива память о нем». И сегодня у нас есть все основания утверждать, что через 24 года после физической смерти Юрий Селезнёв жив.

Уникальность критика проявляется уже в следующем. Последнюю прижизненную его книгу «Василий Белов» (М., 1983) отделяют от первой «Вечное движение» (М., 1976) всего семь лет. Да и весь творческий путь Селезнёва — от статьи «Зачем жеребенку колесики?»¹, принесшей первую известность, до ранней смерти 16 июня 1984 г. — составляет неполных 11 лет. И за такой короткий промежуток времени Юрий Иванович Селезнёв стал одним из лучших «правых» критиков, редакторов, одним из самых стойких и отважных бойцов за русское дело. В центре нашего внимания будут человеческие и творческие качества критика, которые обусловили и явили феномен Селезнёва. Начнем с эпизода, ставшего в судьбе критика ключевым.

В 1970 г. Юрий Селезнёв, преподаватель русского языка для иностранных студентов, мечтавший о научной работе, приезжает из Краснодара в Москву на «разведку». Приезжает наобум, ибо даже не знает, к кому можно обратиться за помощью. Случайный выбор пал на Льва Аннинского.

Сей факт, думаю, свидетельствует о неосведомленности Селезнёва в нюансах литературной борьбы, в том, какую позицию занимает конкретный автор. Это отнюдь не

¹ Молодая гвардия. 1973. № 8.

означает, что правы те, кто видел в Селезнёве невежественного провинциала, окультурившегося в Москве...

Во-первых, по воспоминаниям однокурсников и друзей Юрия Ивановича (Александра Федорченко, Бориса Солдатова, Михаила Эбзеева и других), он еще в годы обучения на историко-филологическом факультете выделялся среди студентов обширнейшими и разносторонними знаниями, полемическим даром, умением вести на равных литературный разговор с преподавателями факультета. Михаил Эбзеев, например, приводит эпизод, когда доцент Всеволод Альбертович Михельсон, специалист по русской литературе и критике XIX в., в споре с Селезнёвым о Белинском вынужден был признать правоту студента и свою фактическую ошибку, на которую тот указал¹.

Во-вторых, известные статьи и книги критика могли появиться только на почве, подготовленной всей предыдущей, краснодарской жизнью. И вообще, большое, если не решающее, значение в подобных случаях имеет то, чьими глазами увиден Селезнёв. О его завистливых недоброжелателях, врагах речь впереди. Из многочисленных свидетельств друзей, соратников, знакомых и просто объективных людей приведу высказывание Валерия Сергеева, автора книги «Андрей Рублев»: «Прекрасно знавший русскую, да и не только русскую литературу, серьезный специалист по Достоевскому, он чувствовал себя “дома” и во многих других областях культуры. Люди, близко с ним общавшиеся, помнят о его обширных, иногда неожиданных, познаниях в области русской истории, фольклора, о его интересе к старой и новой живописи, музыке, к отдельным проблемам археологии, лингвистики»².

И все же, несмотря на сказанное, трудно предположить, как бы сложилась судьба Юрия Селезнёва, если бы в свой первый приезд в Москву он не встретил Вадима Кожина. Будем благодарны Льву Аннинскому за то, что он правильно оценил ситуацию, безошибочно понял, кто нужен кубанскому филологу, и направил его к Кожину.

Об огромной — положительной — роли Вадима Валериановича в жизни Селезнёва сказано много и справедливо. Не буду повторять общеизвестное и сразу обращусь к первой книге Юрия Ивановича «Вечное движение». Она — своеобразная точка отсчета, дающая представление о том, с чего начинал Селезнёв-критик.

Не вызывает сомнений, что «Вечное движение» — именно первая книга автора. Очевидна разнокачественность глав ее: следы профессионального ученичества видны в некоторых из них. Однако глава о творчестве Василия Белова «Современность традиции» написана на уровне зрелых работ Селезнёва и лучшей критики 70-х годов.

Сразу бросается в глаза и то, что в данной книге отсутствуют ссылки на классиков марксизма-ленинизма, Леонида Брежнева, партийные документы и т.д. Это, несомненно, отличало ее от работ подавляющего числа критиков, литературоведов, публицистов разных направлений.

На идеологические «проколы» книги Ю. Селезнёва указал в статье «Полемические маргиналии» Юрий Суровцев, один из «неисто-

¹ Родная Кубань. 2007. № 2.

² Сергеев В. Сердечный поклон // Селезнёв Ю. Память созидаящая. Краснодар: Книжное издательство, 1987. 334 с.

вых ревнителей» марксистско-ленинской идеологии того периода. Он в разделе с говорящим названием «Жажду осознанной идеологичности» указывает, в частности, на такие уязвимые места в книге Юрия Селезнёва: «...Эта трактовка, столь бесспорная по первому впечатлению, “незаметно” лишается классовой, идеологической определенности. К тому же — что это за списки литературных героев, в которых опять-таки пропадает реальное духовно-идеологическое различие между ними? Внеисторичность, абстрактность подобных критических построений Ю. Селезнёва становится особенно очевидной»¹. С Юрием Суровцевым все давно понятно, и комментарии к его высказываниям излишни. Гораздо труднее разобраться в оценках книги уже постсоветского времени, в которых расстановка идеологических акцентов, на первый взгляд, не вызывает сомнений, но она — плод фантазии и произвола.

Через 23 года после выхода книги Юрия Селезнёва Вадим Кожин в статье «Судилище...» сообщает интересный факт, сопроводив его своим комментарием. Альберт Беляев, гонитель «русской партии» от ЦК КПСС, получил экземпляр книги Селезнёва, в котором, по словам Кожина, «были жирно подчеркнуты определения “советский” и “русский”, при этом становилось очевидным, что первый эпитет относился к чуждым автору писателям, а второй — к любезным ему... Нынче можно спорить о правомочности этого “разграничения”, но тогда, четверть века назад, оно было по-своему оправданно»².

Я, не раз читавший эту книгу Селезнёва, не обратил внимания на указанную закономерность употребления слов «русский» и «советский». К тому же подобное «разграничение» во многом созвучно моему видению вопроса...

Однако на самом деле в книге «Вечное движение» не только нет противопоставления понятий «русский» — «советский», но и «советский» (логическое определение, названное почему-то Кожинным эпитетом) встречается предельно редко, не более пяти раз на 236 страницах. Главное же — «советский» не несет у Селезнёва того отрицательного смысла, о котором говорит Кожин.

Например, в главе «Словом все делается» данное определение употребляется единственный раз в таком контексте: «идуший от истоков основоположника советской литературы — Максима Горького». В главе «В одно сердце с людьми», где творчество Виктора Лихоносова сравнивается с чуждыми Ю. Селезнёву авторами «исповедальной прозы», слово «советский» отсутствует вообще. Лишь в главе «Слово живое и мертвое» «советский», казалось бы, несет ту смысловую нагрузку, о которой писал Кожин. В этой главе Селезнёв приводит примеры необоснованного употребления иностранных слов в отрывках (авторы которых не называются) и делает вывод: «Все эти слова извлечены не из специально-научных сочинений, а из произведений советских писателей». Версия Кожина сработала бы в данном случае, если бы не контекст, не предыдущее предложение, из которого следует, что советская литература — «наша литература».

Итак, тех смысловых акцентов, о которых писал Вадим Валерианович, в книге Юрия Селезнёва нет. Но в ней есть все то, что позволило начинаю-

¹ Вопросы литературы. 1979. № 12.

² Москва. 1999. № 1.

щему автору в кратчайший срок стать одним из лучших «правых» критиков.

Независимость и смелость суждений — одно из главных качеств Юрия Селезнёва. В «Вечном движении» оно проявляется по-разному. Во-первых, по отношению к писателям — героям книги. Наиболее показательна глава «Грани народного характера». В ней на протяжении почти 30 страниц говорится о серьезных творческих неудачах таких разных авторов, как Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Борис Васильев, Анатолий Липатов, Иван Рыжов, Иван Зубенко. Протицирую лишь высказывание о «правом» прозаике, в то время почти классике, Владимире Солоухине: «К сожалению, именно элементы туристического взгляда на серьезные вопросы времени стали преобладать в “Букете хризантем”, “Бутылке старого вина”, “Обеде за границей” и, наконец, стали господствующими в повести “Прекрасная Адыгене”¹.

*Портрет писателя
Юрия Селезнёва. Художник
А.М. Шилов. Фото из открытых
источников*

Автор ее полагает почему-то, что его личные заботы о том, как бы убавить килограммы, продлить свою жизнь и т.п., должны вызывать по меньшей мере сочувствие и расположение читателей».

В других главах «тотальной» критике подвергается лишь Даниил Гранин («Словом все делается») и «исповедальная проза» («Жизнь на пороге»). Отдельные же неудачи, художественные просчеты Юрий Селезнёв находит у Валентина Распутина («Мужество добра»), Евгения Носова («Сомноу на земле...»), Василя Быкова («Быть человеком»), Андрея Битова («Жизнь на пороге»).

Итак, далеко не каждый критик, тем более начинающий, отваживался бы на такое отношение к известным писателям, преимущественно авторам первого ряда. Нетипичным выглядело и несоблюдение правил литературной борьбы. Это проявилось также в полемике с Аллой Марченко, Владимиром Кардиным, Мариэттой Чудаковой, Владимиром Камяновым, Владимиром Вороновым, Феликсом Кузнецовым, Анатолием Ланщиковым, Виктором Чалмаевым и другими критиками.

Подобная творческая и человеческая независимость была не только не в чести, но и по-разному порицалась, преследовалась большинством участников событий с обеих сторон. Например, 27 декабря 1977 г. Игорь Дедков (который в то время лавировал между «правыми» и «левыми», душой и идеями принадлежа к «левым») записывает в дневнике: «Кажется, восстанав-

¹ Наш современник. 1973. № 8, 9.

ливаются наши отношения с Оскоцким»¹. Поводов же к охлаждению, как сообщает Дедков, было два. Один из них — «несколько сочувственных слов о Селезнёве» в письме к Валентину Оскоцкому. Как видим, даже эпистолярное, никому не известное нарушение правил вело к таким серьезным последствиям. Что же говорить о статьях, книгах, публичных выступлениях?

Вновь подчеркну: суть в данном случае не в Валентине Оскоцком, одном из самых неистовых «левых» русофобов последней трети XX века. Реакция «справа», «своих», была, по сути, аналогичной. Поэтому закономерно, что позиция Юрия Селезнёва, его критика, невзирая на лица и принадлежность к литературным партиям, породили немало завистников, недоброжелателей, врагов. Они и люди просто недалекие выдумали разные нелепые мифы, один из которых (самый устойчивый) звучит так: Юрий Селезнёв — это плохая копия Вадима Кожинова и Петра Палиевского.

Что это совсем не так, легко убедиться на примере даже первой книги критика. Достаточно хотя бы сравнить статьи Селезнёва о Битове («Жизнь на пороге») и Белове («Современность традиции») со статьями Кожинова об этих авторах «Современность искусства и ответственность человека», «Голос автора и голоса персонажей. “Привычное дело” В. Белова»². Любой непредвзятый читатель увидит разное толкование одних и тех же произведений названных авторов. Для меня очевидно, что статья Кожинова о «Привычном деле» значительно слабее статьи Селезнёва о Белове, а работа Вадима Валериановича о Битове профессиональнее и содержательнее работы Юрия Ивановича об этом прозаике.

Что же касается Петра Палиевского, то книга «Вечное движение» дает возможность провести следующую параллель. В главе «Слово живое и мертвое» Юрий Селезнёв трижды ссылается на статью Палиевского «Мировое значение М. Шолохова». Она, вместе с работой «К понятию гения», была особенно популярна у «правых» в 70–80-е гг., а их автор виделся многим одним из главных теоретиков, идеологов «русской партии», серым кардиналом ее.

В названной статье Селезнёв в своих рассуждениях о гуманизме и народности, на первый взгляд, идет вслед за Палиевским. Но если прочитать обе работы внимательно, то станет очевидным, что Селезнёв вступает в скрытую полемику с признанным «правым» автором.

Думаю, не случайно Юрий Иванович опускает одну из центральных идей Петра Васильевича: Михаил Шолохов «прервал традицию» русской классической литературы. Эта идея дважды иллюстрируется на примере сравнения с Пушкиным. Чтобы избежать упреков в вольном пересказе, толковании принципиальнейших суждений Палиевского, процитирую их: «И наконец, у Шолохова впервые явилась сама масса, поднимающая других. Как будто литература, достигнув “дна”, качнулась и пошла наверх, увлекая за собой то, чего не видели и вседостигающие “пушкинские лучи”»; «Пушкин ее (трудно понять, то ли “меру беспощадности”, то ли “железную пургу”. — Ю.П.) предвидел, но видеть не хотел <...> С неоспоримым знанием народа он (Шолохов. — Ю.П.) увидел бунт самый беспощадный,

¹ Дедков И. Дневник. 1953–1994. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 789 с.

² Кожинов В. Статьи о современной литературе. М.: Современная Россия, 1980. 5442 с.

но не в бессмыслице, а в ясно различимом историческом мировом смысле. Это действительно нечто новое и беспрецедентное. Собственно, это единственная пока точка зрения — не заявленная, а предъявленная — вышедшая за пределы, очерченные в литературе Пушкиным, и ее можно принимать за начало нового художественного мировоззрения».

В этих рассуждениях литературоведа узнается хорошо знакомая идея о неполноценности русских классиков по сравнению с советскими авторами, вооруженными единственно верным учением, которое и позволяет им достичь невысказанных даже для Пушкина мировоззренческих и творческих высот.

Только у Петра Васильевича эта идея выражается не столь примитивно и грубо, как у многих его предшественников и современников; круг новаторов сужен до одного Михаила Шолохова; стиль статьи почти одический; и какая изящная игра слов... Только грустно, как грустно...

Итак, в главе «Слово живое и мертвое» Юрий Селезнёв, первоначально следуя за Петром Палиевским, на главном этапе своих размышлений вступает в незримую полемику с ним. В творчестве Шолохова критик увидел не разрыв с классической традицией, а продолжение ее. О месте Пушкина в данном контексте сказано принципиально иначе, чем у Палиевского, сказано предельно точно: «Итак, шолоховское начало — в Пушкине, там же, где начало Достоевского и всей русской литературы. А само это пушкинское — в началах народного мироотношения».

Так, размышляя о Пушкине, Шолохове, Пришвине, Юрий Селезнёв естественно выходит на проблему народности. Она — ключевая во всем его творчестве, и символично, что последняя книга критика, «Глазами народа» (М., 1986), полностью посвящена проблеме народности в русской литературе и национальной мысли. В первой же книге расставлены некоторые основные акценты в трактовке вопроса, а современная проза («традиционная школа» в первую очередь) и отечественная словесность разных веков оцениваются автором с позиций народности.

Показательно одно из ударных мест «Вечного движения», отмеченное авторским клеймом Селезнёва-критика. В первой главе, «Словом все делается», он приводит большую цитату из Максима Горького, которая заканчивается словами: «...Храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его». Далее Селезнёв, справедливо поправляя «буревестника революции», формулирует одну из своих заветных идей, которая, обретая различные смысловые обертоны, пройдет через его творчество: «Но народ был не только молчаливым вдохновителем храма русского искусства, он был истинным героем литературы, ее нравственным центром. Дело не в том, сколько представителей народа стало героем того или иного романа, а в том, что все без исключения герои времени оценивались писателями только по тому, как их жизнь соотносилась с жизнью народной, с народными идеалами и устремлениями. Именно идеалы народные были тем последним судом, которым судили русские писатели своих героев».

И эта постоянная приверженность народности сближает Селезнёва не с традиционно называемыми Вадимом Кожиновым и Петром Палиевским, а с Михаилом Лобановым. Он еще в 60-е гг. возвел народность в ранг главного критерия в оценке литературы и жизни (об этом я подробно говорю в

статье «Русский критик на передовой» — Наш современник. 2005. № 11.). Работы Михаила Петровича Юрий Иванович цитирует на протяжении всего творчества, и главное — мысли Лобанова созвучно живут и органично развиваются в мире Селезнёва.

Еще одна особенность, отличающая «Вечное движение» и последующие книги критика, — это частые параллели с русской и мировой классикой в разговоре о современной литературе. И всякий раз подобные сравнения к месту: они идейно и композиционно обусловлены и направлены прежде всего на то, чтобы определить, в какой системе идейно-эстетических координат работает тот или иной писатель. Вот только некоторые авторы, фигурирующие в этом контексте в первой книге: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Тютчев, Достоевский, Л. Толстой, Есенин, Пришвин, Шекспир, Сервантес, Гёте. Весьма заметно, что Пушкин, Достоевский, Пришвин чаще всего цитируются Юрием Селезнёвым; они — своеобразные маяки, с которыми сверяет правильность курса современной литературы критик.

В один год с «Вечным движением» была опубликована статья Селезнёва «Мифы и истины»¹ — отклик на книгу О. Сулейменова «АЗ и Я»². Уже на рубеже 90-х на страницах центральных изданий залпом появились интервью казахского писателя: «“АЗ и Я”. Судьба книги»³, «Возвращенная книга Олжаса Сулейменова»⁴, «Послесловие к опальной книге»⁵. В них писатель озвучил свою версию событий. Согласно ей, Сулейменов выступил «против лжеистории», против «крупных имен, руководителей школ по изучению и переводу текстов “Слова о полку Игореве”». И как результат — травля книги в печати, изъятие ее из библиотек, гибель под ножом части тиража.

Кому все эти строки адресованы? Доверчивому читателю, не владеющему информацией? Экзальтированным особам типа Новодворской, которые бьются в истерику от слов «Россия», «империя» (а Сулейменов употребляет последнее слово неоднократно и в разных контекстах, но с одинаковым устрашающе-негативным смыслом)?.. Не знаю.

Передо мной экземпляр «АЗ и Я», который я брал в библиотеке в конце 70-х гг., и взял его и сейчас. Версию про нож не комментирую. Что же касается травли в печати, то это была естественная полемика вокруг столь неординарной книги. И закономерно, что одним из первых на выход «АЗ и Я» отреагировал Юрий Селезнёв, чью статью Сулейменов назвал «оскорбительной».

«Мифы и истины», на мой взгляд, — одна из лучших работ критика, в которой он продемонстрировал всю свою интеллектуальную мощь, блистательный талант полемиста и здоровое национальное чувство. Юрий Иванович относит книгу Олжаса Сулейменова к мифотворчеству и указывает на ее отличительные черты: полуфакты вместо фактов, видимость аргументации, сознательная тенденциозность. Для критика основным было понять природу ошибок автора «АЗ и Я», главную идею книги, под которую подгоняется вся система доказательств.

¹ Москва. 1976. № 3.

² Алма-Ата. 1975.

³ Правда. 1989. № 285.

⁴ Юность. 1991. № 11.

⁵ Литературная газета. 1990. № 29.

В итоге Селезнёв пришел к следующему выводу: история развития человечества, по Сулейменову, — это «цепь последовательных заимствований различными народами достижений Главного (еврейского. — Ю.П.) народа». Критик обращает внимание, что только в этом единственном случае автор книги использует заглавную букву, а также именуется Главный народ «избранным» народом. Применительно же к истории создания «Слова...» данная концепция трансформируется так: древние русичи, характеризующиеся Сулейменовым как «дикие жители лесных чащоб», культурные и прочие достижения получили от кочевников, а те, в свою очередь, — от евреев.

В таком контексте вопрос, который, по версии Сулейменова, был задан ему в доверительной беседе в ЦК КПСС: «Это правда, что у тебя мама — бухарская еврейка?» — выглядел во многом ожидаемым. Объяснение подобным теориям в первую очередь ищут в происхождении либо в осознанном или неосознанном шабесгойстве...

Меня больше удивил ответ на прозвучавший вопрос (О. Сулейменов, по его словам, «не заглядывал в паспорт матери») и комментариев к нему, сделанный через годы: «Видите, как все просто — любое инакомыслие объясняется составом крови»¹. Удивил комментарий потому, что автор «АЗ и Я» постоянно применяет такой «кровавый» подход в своей книге. Юрий Селезнёв не раз говорит об этом в статье, например, так передает одну из ключевых идей Сулейменова: «Вы говорите “храбрые”, “мудрые”, “образованные” русские князья, — подбирается к главному автор книги “АЗ и Я”, — естественно, ведь в жилах... Игоря и Всеволода течет *добрая струя* (курсив мой. — Ю.С.) кипчакской крови». Именно она «придает особый вкус и смысл древнерусской народности».

Критик, комментируя такие изыскания, подчеркивает, что Олжас Сулейменов постоянно противопоставляет «славянское» «тюркскому» и почти не говорит о мирных, трудовых, культурных отношениях славян и тюрков, об их совместных военных успехах. Можно добавить, что и через 15 лет после выхода книги ничего не изменилось в этом «пункте» во взглядах казахского писателя. Он в интервью «Возвращенная книга Олжаса Сулейменова» так показательно, так либерально-примитивно, в высшей степени односторонне размышляет о нашей уже близкой истории: «Русский язык приходил на окраины с Пушкиным и с пушками, не как культурное явление в чистом виде, но вместе с имперской колониальной системой»².

Юрий Селезнёв указывает на многочисленные фактические ошибки разной направленности в книге Сулейменова — от этнологических до языковедческих. Например, критик напоминает автору «АЗ и Я», занятому подсчетами половецкой крови в славянах, что «сами половцы по своему происхождению — динлинский, то есть европеоидный, но значительно тюркизированный народ». В этом и в других случаях Юрий Селезнёв опирается и ссылается на работы Михаила Артамонова, Бориса Рыбакова, Льва Гумилёва и других историков. И, отталкиваясь от высказывания Льва Гумилёва о тюрках как понятии чисто лингвистическом, критик ставит под сомнение подход автора «АЗ и Я» к тюркам как к расовому единству.

¹ Юность. 1991. № 11.

² Там же.

Олжас Сулейменов якобы сокрушает имперские научные предрассудки и на уровне происхождения слов. Один из главных его посылов звучит так: «Семиты приносят знак, название и значение в славянские культуры. Но славянские общества к тому времени еще не готовы к восприятию столь отвлеченной идеи». Поэтому от слова Ра-иль (где Ра — Бог) «коллективные мышечные потуги бородатых мудрецов» смогли породить лишь слова роса, рябина, радуга, работа, раб и другие.

Юрий Селезнёв на уровне истории народов и языка доказывает абсурдность версии Олжаса Сулейменова. Критик, в частности, утверждает: «Интересно, изменилось бы что-нибудь в многозначительной концепции Сулейменова, если бы он знал хотя бы то, что, скажем, древнерусское “раб” (работа и т.д.) никакого отношения ни к израильскому, ни к египетскому Ра не имеет даже и по форме, ибо произошло от древнеславянского, более того — индоевропейского корня *orǵ* (орбота — работа, орб — раб)? Думаю, что нет».

Книга Сулейменова была переиздана, статья Селезнёва не вошла ни в один сборник критика и при нынешней системе хранения журналов в библиотеках практически недоступна читателю.

1976 г. стал знаменательным в судьбе Юрия Ивановича Селезнёва и тем, что он после долгих мытарств нашел-таки работу по душе. Именно в редакции «ЖЗЛ» Селезнёв реализовал себя как русский подвижник, несгибаемый боец, деятель.

Друзья, коллеги, состоявшиеся и несостоявшиеся авторы «ЖЗЛ» (Юрий Лоциц, Вадим Кожин, Сергей Лыкошин, Игорь Золотусский, Олег Коротаев, Валерий Сергеев, Виктор Калугин, Виктор Лихоносов, Александр Федорченко, Владислав Попов и др.) оставили воспоминания, по которым легко можно воссоздать жизнь Юрия Селезнёва в «молодогвардейское» почти пятилетие. Оно отмечено прежде всего титаническим трудом и, по словам Вадима Кожина, «непрерывным горением», «жизнью на пределе»¹.

Сам Юрий Селезнёв в сентябре 1980 г. в письме к Виктору Лихоносову откровенно и относительно подробно повествует об этом периоде своей жизни. В целях экономии печатной площади приведу лишь отдельные отрывки из письма: «...Было, наверное, и что-то дельное: не случайно же книжки жезэловские сейчас до пены доводят кое-кого и расправы требуют, и не медленной — значит, работают. А ведь в этих книгах и я есть, невидимо, но есть, я-то знаю: некоторые мною же задуманы, и авторов нашел, и убедил их написать (и не побояться написать). Тратил время не рабочее: на работе — встречи, мелочи, бумажки, и главное — бумажки, в день отвечаешь на двадцать-тридцать писем, на кучу жалоб, доносов, а дома, после работы, читал уже рукописи, редактировал, писал письма с советами и просьбами, чтобы еще доработали <...> А ведь хотелось еще и самому что-то написать, но больше писал не оттого, что хотелось, а потому, что это было кому-то нужно: то ли судьба чьей-то книги решалась, а то и просто судьба — знаешь, часто от одной несчастной рецензии, от одного упоминания имени судьба решается и так, и эдак. А для себя оставались вечера и ночи, свободные от работы, и спал по четыре-пять часов в сутки, а то и вовсе не

¹ Кожин В. Первая встреча // Селезнёв Ю. Память созидаящая. Краснодар: Книжное издательство, 1987. 334 с.

ложился, пока силы были, и шел на работу, снова в то же колесо: пробивал рукописи в издательстве, цензуре, ЦК и так далее — как никогда не бился ни за одну свою вещь»¹.

В этой связи удивляют и, мягко говоря, возмущают облыжные оценки Юрия Селезнёва, встречающиеся у некоторых авторов. Всеволод Сахаров, например, в статье «О том, как я не написал книгу “Владимир Одоевский” для серии “ЖЗЛ”» так характеризует Селезнёва: «Иногда мне казалось, что у этого просчитывающего каждый свой шаг человека вообще не могло быть истинных друзей, а тот способ, которым он спокойно избавился от мешавшей его карьере “старой” краснодарской семьи и передал ее (семью, конечно, а не карьеру) своему подчиненному, и по сей день удивляет меня какой-то бальзаковской бессердечностью»; «ему (аспиранту Литинститута. — Ю.П.) надо было выбиться в люди номенклатуры и остаться в Москве, а это всегда стоило дорого»².

Всеволод Сахаров, называющий себя критиком и не забывающий при этом упомянуть о своих «докторской степени и академических званиях», казалось бы, просто обязан руководствоваться хотя бы элементарной логикой и минимальными знаниями. Его злобные фантазии, в высшей степени несправедливые характеристики не выдерживают даже легкого дуновения критики.

Приведу факты, которые Всеволодом Сахаровым игнорируются и которые говорят сами за себя. После окончания аспирантуры в 1975 г. у Селезнёва истек срок временной московской прописки, а в нее, как известно, упиралось решение многих проблем, начиная с работы. Юрию Ивановичу, набравшему известность критику, предложили написать статью «на заказ» для издательства. И Селезнёв, который одной этой статьей мог сразу решить вопросы прописки и работы (такова была цена предложения), Селезнёв, по Сахарову, человек сверхпрактичный, отказался. Писать и поступать против совести Юрий Иванович не мог, не хотел и не научился в дальнейшем.

Непонятно, в чем проявились расчет и бессердечность Селезнёва в «истории» с «краснодарской семьей». Юрий Иванович развелся с Людмилой Власовой в сентябре 1977 года. Кооперативную квартиру, свою первую квартиру, он купил в конце предыдущего года. Прожив в ней несколько месяцев, Селезнёв оставил квартиру бывшей жене и дочери, а сам вновь оказался бездомным. О каком карьерном росте говорит Сахаров, если Юрий Иванович с момента развода и до своего ухода из «ЖЗЛ» в феврале 1981 г. оставался на прежней должности? И главное — не Селезнёв «избавился» от семьи, а его жена «нашла себе другого»... О том, как он переживал этот неожиданный удар, смотрите, например, письмо Селезнёва к Олегу Коротаеву от 13 сентября 1977 г.³ и дневниковую запись Владимира Крупина от 31 августа того же года (*Крупин В.* Выбранные места из дневников 70-х годов // Наш современник. 2004. № 5.).

И наконец, сахаровский миф о Селезнёве, просчитывающем каждый свой шаг, опровергается деятельностью Юрия Ивановича на посту главного

¹ Родная Кубань. 1999. № 3.

² http://archives.narod.ru/jzl_shrv.htm

³ *Коротаев О.* Когда душа с душою говорит... // *Селезнев Ю.* Память созидаящая. Краснодар: Книжное издательство, 1987. 334 с.

редактора «ЖЗЛ». Самохарактеристики Селезнёва из письма к Виктору Лихоносову подтверждаются его поступками и свидетельствами разных людей. Напомню лишь очевидное: то, что «Островский» Михаила Лобанова, «Гончаров» Юрия Лощица, «Гоголь» Игоря Золотусского были опубликованы в СССР, — заслуга, в первую очередь, Юрия Селезнёва. Я процитирую показательное высказывание именно Игоря Золотусского, человека и критика нейтрального, чья порядочность, если не ошибаюсь, не ставится под сомнение «правыми» и «левыми».

Уже после смерти Юрия Ивановича Игорь Петрович вспоминал: «Против издания книги (“Гоголь”. — Ю.П.) были многие — начиная от редактора и кончая директором издательства. И если книга вышла, то это во многом заслуга Юрия Селезнёва. Ему грозило снятие с работы — не только из-за моей книги, но из-за той твердой позиции, которую он занимал, — но он стоял насмерть. Дело было не в его личных симпатиях к тому или иному автору (в данном случае ко мне), а в том, что он придерживался с автором одних и тех же взглядов. Он был человек идейный, человек убежденный.

<...> Как чист был взгляд его глаз, так чист он был в отношении своих пристрастий. И если он верил в какую-то идею или в какую-то книгу, он имел смелость сказать о своей вере на любом суде»¹.

Одно из самых известных, цитируемых и вспоминаемых высказываний Юрия Селезнёва — ставшая крылатой фраза о Третьей мировой войне. 21 декабря 1977 г. состоялась дискуссия «Классика и мы», в которой принимал участие и Селезнёв. В своем выступлении Юрий Иванович, в частности, сказал: «Но Третья мировая война идет давно <...> Третья мировая война идет при помощи гораздо более страшного оружия, чем атомная, или водородная, или даже нейтронная бомба. <...> И эти микробы, которые проникают к нам, те микробы, которые разрушают наше сознание, эти микробы гораздо более опасны, чем те, которые... против которых мы боремся в открытую.

<...> Классическая, в том числе и русская классическая литература, сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта Третья мировая идеологическая война. И здесь мира не может быть, его никогда не было в этой борьбе <...> эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной — за наши души, за нашу совесть, за наше будущее...»².

Конечно, осознание сущности этой «войны» пришло к Селезнёву не перед выступлением... Конечно, он понимал, что «Третья мировая началась до Первой мировой» (Ю. Кузнецов). Вообще, «Третья мировая» — это вечная война Бога и дьявола, добра и зла... Применительно же к теме нашего разговора — это война денационализированной интеллигенции с русской государственностью, Церковью, традиционной системой ценностей, национальной культурой, литературой. Поэтому и не только поэтому вызывает улыбку нелепый комментарий Наталии Ивановой к выступлению Юрия Селезнёва, сделанный через много лет после дискуссии в статье «Возвращение к настоящему»: «Против кого же была объявлена эта “война”, с кем

¹ Золотусский И. О Юрии Селезнёве // Селезнёв Ю. Память созидаящая. Краснодар: Книжное издательство, 1987. 334 с.

² Москва. 1990. № 3.

призывали еще тринадцать лет тому назад, да и сегодня призывают воевать насмерть?»¹

Уточню еще раз: война русской литературе была объявлена Белинским и Добролюбовым, Лениным и Луначарским, Маяковским и Бриками и их многочисленными сторонниками, последователями. «Правые» же были вынуждены отвечать на удары «левой опричнины», которая не просто захватила страну, но полонила умы и души миллионов наших соотечественников. И книги «ЖЗЛ»: «Гончаров», «Островский», «Гоголь», «Державин», «Андрей Рублёв» и другие были важной составляющей в этой борьбе против космополитического ига.

Юрий Лощиц, Михаил Лобанов, Игорь Золотусский (называю тех, чьи работы чаще всего ставили в вину Юрию Селезнёву как главному редактору «ЖЗЛ») утверждали последовательный и непоследовательный православный взгляд на историю России, Церковь, отдельные сословия (духовенство, дворянство, купечество), вели открытую и скрытую полемику со взглядами Белинского, Добролюбова, Писарева, Ленина и т.д., утверждали принципиально новый подход к творчеству Гончарова, Островского, Гоголя... Понятно, что эти книги вызвали шок и многочисленные, длительные, свержрезкие нападки со стороны официальной и либеральной критики. Напомню лишь возмущенное название статьи профессора МГУ, автора вузовских учебников по русской литературе и критике Василия Кулешова: «А было ли “темное царство”?»²

Всех этих Кулешовых, Суровцевых, Дементьевых, Николаевых и прочих Канторов можно понять. В то время, когда Анатолий Гладилин, Василий Аксёнов, Владимир Войнович, Булат Окуджава в своих книгах в серии «Пламенные революционеры» воспевали Робеспьера, Пестеля, Красина, Фигнер, — Лощиц, Лобанов, Золотусский изображали человека и время, оценивали литературных героев с позиций православной духовности. Естественно, что и идея революционного переустройства жизни ставилась под сомнение или открыто отвергалась, как, например, в книге Юрия Лощица.

Уже в самом начале с иронией говорится о Великой французской революции, которая, как идея переустройства жизни, не принимается людьми, крестившими младенца Ваню Гончарова, людьми «патриархально-консервативно-традиционного» склада. Об их мире, который русскими вырожденцами был назван «темным царством», Юрий Лощиц пишет любовно и поэтично: «Им не казалось это (крестины ребенка. — Ю.П.) скучным, потому что они любили все, что повторяется в жизни, что придает ей величавое достоинство, аромат устойчивости и неизменности. Этими повторениями жизнь как бы благословлялась для новой череды крестин и венчаний, отпеваний и поминок и опять крестин.

Их радовало, что так же поступали их отцы, и деды, и деды их дедов, и они были уверены, что так будет повторяться и всегда, до скончания веков. Жизнь цвела для них обрядами, и даже в самом грустном из обрядов была доля радости. Обряды были не только внутри церкви, но и за ее оградой, на улице, в любом доме, в том, как здороваются друг с другом и как прощаются, как входят в жилье, как садятся за стол и встают из-за стола, какие

¹ Знамя. 1990. № 8.

² Литературная газета. 1980. 19 марта.

кушанья готовят к определенному дню, к большим и малым праздникам... Обряд понимался как образ поведения. В конце концов, вся их жизнь была бесконечным обрядом, от которого они никогда не уставали».

Кульминацией в нападках на Михаила Лобанова, Юрия Лощица, Игоря Золотусского стало обсуждение книг, выпущенных в «ЖЗЛ», устроенное в стенах журнала «Вопросы литературы» и опубликованное в девятом номере за 1980 год. Многочисленные идеологические выводы В. Жданова, А. Дементьева, А. Анастасьева, П. Мовчана, И. Дзеверина звучали как политические обвинения, после которых следовало сделать соответствующие выводы.

Для тех, кто не читал, или подзабыл, или попал в плен многочисленных либеральных фантазеров, приведу в качестве иллюстрации высказывание Александра Дементьева. Его потому, чтобы в очередной раз продемонстрировать идейно-эстетический уровень новомировского заместителя Александра Твардовского, из которого до сих пор некоторые авторы пытаются делать «литературоведа, ценимого в научной среде»¹. Итак, сотрудник ИМЛИ РАН им. М. Горького (куда Юрий Селезнёв, лучший специалист страны по Ф.М. Достоевскому, не прошел по конкурсу) в своем выступлении «Когда надо защищать хрестоматийные истины», в частности, изрек: «В.И. Ленин говорил, что статья Добролюбова о романе Гончарова “ударила как молния”, что из разбора “Обломова” Добролюбов “сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе”. <...> Однако Лощиц не обратился и к ленинским суждениям об обломовщине, хотя они, конечно, заслуживали его внимания»; «Лощиц и Лобанов предпочитают женщин старого домостроевского склада (каюсь, я тоже. — Ю.П.). Как же не подивиться этому?»; «Совершенно неверно и утверждение Золотусского, что после возвращения из-за границы в конце своей жизни Белинский якобы “отходит от заключений своего “зальцбургского письма”. Несомненно, более правы были Герцен, назвавший письмо Белинского “завещанием”, и Ленин, увидевший в письме Белинского итог его литературной деятельности».

Конечно, при чтении материалов «круглого стола» в «Вопросах литературы» нужно учитывать «ленту», которую внесла в выступления редакция журнала, учитывать то, о чем сообщал в письме к Александру Федорченко Юрий Селезнёв: «Мою статью порезали до неузнаваемости под предлогом, — это, де, не они, а цензура, но я узнал, что цензура ни слова не тронула <...> Цензура, напротив, убрала из других статей такие обвинения, которые на нас полетели, после которых — “в Сибирь, в кандалы!” <...> И антисоветизм, и антисемитизм, и “против Ленина”, и против революционных демократов (это-то осталось), и “нововеховцы” мы, и “диссиденты солженицынского толка” — в иных, более утонченных формах, конечно»².

Но даже в том виде, в котором опубликована статья Селезнёва, она производит очень сильное впечатление, прежде всего, умением критика стоять до конца, умением ответить ударом на удар. Например, тому же Александру Дементьеву не понравилась фраза из книги Олега Михайлова «Державин» о «довольно сладеньких стихах» Гейне, в ней он увидел проявление нацио-

¹ Твардовская В. А.Г. Дементьев против «Молодой гвардии» // Вопросы литературы. 2005. № 1.

² Цит. по: Федорченко А. Подвижник и плоды беспамятства // Родная Кубань. 2007. № 2.

нализма. Селезнёв в этой связи замечает: «Ну а вот, скажем, Белинский куда хуже — называл Гейне пигмеем по сравнению с Гёте. Заметьте: не в двух-трех стихах (как в случае О. Михайлова. — Ю.П.), но весь Гейне... Представьте, какие грехи можно приписать Белинскому, следуя той же логике! Подобные методы способны далеко завести».

Юрий Селезнёв убедительно оспаривает многие обвинения в адрес авторов «ЖЗЛ», проверяя на прочность, анализируя факты и «фактики», приводимые Дементьевым и компанией. Критик демонстрирует блестящее знание творчества И. Гончарова, А. Островского, Н. Гоголя и «сопутствующей» литературы и критики. Признанные авторитеты-исследователи не выдерживают, трещат, рушатся под доводами селезневской критики.

Так, В. Жданову, который всю жизнь занимался изучением творчества А.Н. Островского, Юрий Иванович отвечает убедительно, подробно, по пунктам, и сомнений в его правоте не возникает. По понятным причинам приведу лишь один контраргумент Селезнёва: «В. Жданов, например, знает жизнь Островского до таких тонкостей, что может себе позволить упрекнуть Лобанова, описавшего вечер 1847 г., на котором драматург читал свою пьесу в присутствии Грановского: "...Источниками все это не подтверждается". Однако вполне *хрестоматийный* источник (он приводится в сноске. — Ю.П.) на с. 527 не подтверждает отнюдь не М. Лобанова, а самого В. Жданова». И далее приводится цитата из воспоминаний М. Садовского.

Конечно, следует сказать и о другом. Стремясь спасти «ЖЗЛ», авторов, спасти такое нужное, уникальное дело, Юрий Селезнёв местами пытается сгладить углы, противоречия, соглашается с критикой Феликса Кузнецова, один раз цитирует Ленина... Но, как показало близкое будущее, это не помогло. Вопрос по Селезнёву как главному редактору «ЖЗЛ» был, видимо, решен еще до «круглого стола» в «Вопросах литературы». Не случайно подборка материалов завершается статьей И. Дзеверина «Несколько соображений общего характера», направленной в первую очередь против Юрия Селезнёва и выдержанной в лучших погромных традициях рапповской и либеральной критики. Да и в заключительном слове от редакции говорилось о «позиции, занятой руководителем "ЖЗЛ" Ю. Селезнёвым», позиции, «достойной сожаления».

Но самые страшные удары судьбы и главные книги были у Юрия Ивановича Селезнёва еще впереди.

Русские СУДЬБЫ

Валерий ХАЙРЮЗОВ

МЫ ПЛЫЛИ НА ОДНОМ КОРАБЛЕ

В нашу жизнь люди приходят по-разному. Бывает, придут, посидят, как в автобусе, и выйдут на очередной остановке. С Олегом Пашенко мы вместе проехали столько остановок, дай Бог вспомнить. По-знакомились, уже будучи взрослыми людьми, на вступительных экзаменах в Иркутский государственный университет на факультет журналистики. К тому времени я уже был командиром корабля — самолета Ан-26, Олег — ответственным секретарем Козульской районной газеты «Авангард». Кстати, многие из абитуриентов уже работали корреспондентами в газетах Якутии, Забайкалья, Новосибирска, Бурятии, Омска и Кузбасса. Особняком держались вчерашние школьники, которые с некоторым удивлением поглядывали на солидных, знающих себе цену «газетных волков». Один из таких — Олег Пашенко. Он приехал из Красноярского края, худощавый, одет в темный костюм и красную рубашку, на подбородке ямочка, взгляд из-под

Валерий Николаевич Хайрюзов — родился в 1944 г. в Иркутске. Прозаик, публицист, драматург, журналист. Окончил Бугурусланское летное училище, летчик гражданской авиации. В небе Восточной Сибири и Якутии налетал 15 тыс. часов. Окончил факультет журналистики Иркутского государственного университета. За книги «Опекун» и «Непредвиденная посадка» решением ЦК ВЛКСМ и СП СССР ему была присуждена премия Ленинского комсомола. Член Союза писателей СССР с 1982 г. Герои его пьес — св. Иннокентий (Вениаминов), космонавт Юрий Гагарин, легендарный генерал Лев Рохлин. Написал воспоминания о своих современниках: В. Распутине, А. Вампилове, С. Куняеве и др. Дважды награжден главным призом Международного кинофестиваля «Золотой витязь», лауреат Патриаршей Премии, Большой литературной премии России, премии им. В. Распутина. **Живет в Москве и в Иркутске.**

бровей быстрый, оценивающий. Внешне всегда отличался спокойствием, неторопливостью, не навязывался другим, заходил в аудиторию как к себе домой, и было видно, что парень знает себе цену.

Во время сдачи экзаменов приехавший поступать в университет фотокорреспондент из Норильска (по фамилии Карасев), не стесняясь, пытался сдавать экзамены с помощью фотовспышки. К сожалению, на сочинении этот прием дал сбой. Узнав, что ему поставили «неуд», Карасев с досады покряхтел, почесал репу и, забрав документы, поехал в иркутский аэропорт, чтобы улететь обратно в Норильск. Но судьба была благосклонна к абитуриенту. К нам, поблескивая очками, подошел преподаватель Виталий Зоркин и спросил, где тот парень с фотоаппаратом, у потерпевшего есть возможность подать апелляцию и пересдать экзамен.

— Ребята, надо как-то сообщить ему, — сказал Пащенко.

— Да он уже, наверное, улетел, — предположил кто-то из девчонок.

У меня был телефон информационной службы иркутского аэропорта. Я тут же позвонил из автомата и, узнав, что рейс задерживается, попросил дикторшу, чтобы она пригласила Валерия Карасёва к справочной, и, выскочив на улицу, поймал такси и помчался в аэропорт.

Через полчаса мы с беглецом уже ехали обратно в университет. Экзамен Карасёв сдал и стал нашим другом и сокурсником. Многими фотоснимками того времени мы обязаны ему.

А с Пащенко наши отношения не заладились. Мы встречались в аудитории, даже иногда кивали друг другу и, рассаживаясь по своим местам, после, даже не разговаривая, расходились, каждый по своим делам. У меня, тогда уже привыкшего к авиационному товариществу, такая подчеркнутая отстраненность вызывала некоторую оторопь: чего на пустом месте огород городить? Немного позже я понял, что здесь каждый как бы сам по себе, и ждать, что тебе во время экзамена или при подготовке к нему бросятся на помощь, не приходится. Что ж, все, должно быть, привыкли, что под статьей или очерком стоит его фамилия, значит, и отвечать за все написанное придется самому.

Первым моим товарищем на курсе стал Сергей Кузнецов, невысокий, белобрысый авиатехник из Абакана. Он решил попробовать себя в журналистике, но, получив через шесть лет диплом, пошел по проторенной дорожке: стал бортмехаником на вертолете и большую часть жизни провел в полярной авиации, так и не написав ни строчки.

Приезжая на сессию, Кузнецов останавливался в одном номере с Анатолием Статейновым. Если с Кузнецовым нас связывало небо, самолеты и вертолеты, то Статейнов, закончив ветеринарный техникум, должно быть,

*Писатель Олег Пащенко.
Источник фото: domiskusstv24.ru*

про себя решил, что с коровами он еще разберется, а как разобраться и понять тех, кто делает жизнь, и потом рассказать о них, — вот для этого он и приехал учиться на журналиста. Первое, что бросилось в глаза, — усы Анатолия и большой нос, да, пожалуй, еще глаза, казалось, они сторожат не только тебя, но и окружающее пространство. В них время от времени мелькал хитроватый огонек, мол, вы здесь все городские, считаете себя умными, но и мы, деревенские, не лыком шиты. И позже, слушая его деревенские байки, я думал, что такой не поморщится и всадит шприц не только корове или бычку. Сидит, слушает нас, ерзает на месте, как на сковородке, затем не вытерпит, вскочит: «А вот у нас был такой случай!..» Еще я подметил, чем Толя подкупал слушателей: рассказывая ярко, образно, он не жалел ни себя, ни отца родного. Особенно забавляли его байки о своем родном селе Татьянаовка, что находилось в Красноярском крае.

— У нас все, кто имеет такой же, как у меня, нос, обязаны моему папе, — поблескивая глазами, с редким простодушием, но не без умысла, признавался он. — После войны мужиков в нашей Татьянаовке — раз-два и обчелся. Вот и пришлось ему исправлять демографическую ситуацию. И даже, говорят, перевыполнял план! За что не раз был нещадно бит, но татьяновские бабы все равно питали к нему какую-то непонятную приязнь. Росту отец был невысокого, но как начнет говорить — заслушаешься! Умел себя преподнести. В деревне прозвище у него было Чурка. Думаю, шло это от конкурентов. Ну, естественно, часто пил горькую, ею гасил вину за свое непотребство, а напившись, чуть ли не на коленях просил прощения у тех, перед кем считал себя виноватым. А вот к старости что-то стукнуло ему в голову — занялся мой папана философией. Завел книжную полочку, на которой у него стояли Гегель, Фейхтвангер, Дидро, работы Карла Маркса. Но особенно он почитал русского мыслителя Николая Фёдорова, которого нередко называли московским Сократом. Он даже над полкой вывесил его высказывание: «Сущность православия заключается в долге воскрешения!»

«Мы еще вернемся на грешную землю! — подняв палец, с серьезным лицом говорил родитель. — Возможно, в наших детях». Хотел воскреснуть и посмотреть, что стало после него, — делал вывод Толя. Деревенские, видимо, поняв, что мужик просто так не станет читать мудреные книги и заводить разговоры о бытии и вечности, перестали обзывать его обидным прозвищем, оно само собой и отвалилось за ненадобностью. А местные бабенки и вовсе махнули на него рукой — кому нужен философ? Это все равно что двигатель без коленвала.

Вскоре Толя показал рукопись своей повести. В ней он описывал, как по тайге из лагеря бегут заключенные — матерые убийцы и грабители. Мне она понравилась колоритными диалогами героев и динамизмом происходящих событий. Много позже Статейнов откроет в Красноярске свое издательство и будет выпускать книги, которые разойдутся по всему миру. И сам напишет самобытные повести и рассказы и выпустит несколько своих книг. В центре повествования будет его родное село Татьянаовка, где основными читателями станут его родные и близкие ему люди.

А вот первый раз по-дружески с Олегом Пашенко мы поговорили уже на втором курсе, когда нас пригласила к себе в гости наша методистка Лидия Владимировна Носанова. Она была немного старше нас, умна, по-девичьи стройна, держалась с нами просто, но строго, и мы ее обожали. Именно

она сделала многое, чтобы мы стали на курсе одной командой. За столом мы оказались рядом с Пашенко, разговорились и быстро выяснили, что в футболе болеем за одну и ту же команду, любим прозу Василия Шукшина, его деревенских чудиков, и у нас много общего: почти один возраст и схожие оценки того, что происходит в стране и мире. И дальше мы уже сошлись настолько, что, прилетая в Красноярск, я звонил Олегу, он приезжал в аэропорт, передавал Лидии Владимировне контрольные работы, и мы, все так же на ходу переговорив, прощались до очередной сессии.

Олег приезжал в Иркутск, останавливался в гостинице «Сибирь», я заходил к нему в номер, он доставал кипяtilьник и заваривал чай — с улицы, с холода и для разговора самое то. Засиживались у него подолгу, он рассказывал о себе, о своей большой семье, о родителях.

— Моя мама, Александра Фроловна (девичья фамилия — Богатина), была сержантом-радишкой, участницей Сталинградской битвы, — торопливо, как бы боясь что-то пропустить, рассказывал Олег. — А батя, Анатолий Иванович Пашенко, был выпускником Черкасского педагогического техникума, затем, после начала войны, окончил ускоренные офицерские курсы и стал зенитчиком. С моей мамой они познакомились в Кёнигсберге, там у них закрутилась любовь. После войны отец каким-то чудом разыскал свою фронтовую подругу и уже вместе с ней начал колесить по всей стране.

Олегу запомнились хмельные выходки отца, ссоры и театральные примирения. И постоянные нехватки в семье, где бы они ни находились — в Краснодарском крае, на Украине, в Татарстане или в Сибири. Особый случай произошел где-то в Новой Письмянке: отца будто бы проиграли в карты, и среди ночи к ним в комнату начали ломиться (как бы сейчас сказали, «коллекторы»), пытались выбить дверь топором. Соседи, услышав крики малышей, вызвали милицию. Вскоре отец завербовался, и они уехали в Красноярский край. В чем-то рассказ Олега напоминал мне рассказы Толи Статейнова, который живописал деревенскую жизнь крупными мазками, все как есть. Отсюда, из иркутской гостиницы, Олег оглядывал своих близких, себя — с понятной и снисходительной иронией и любовью, и даже его детские слабости напоминали мои собственные.

Помнится, как после очередных наших воспоминаний, я прочитал Олегу стихи Анны Ахматовой:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

От журналистики до писательства шаг непростой, а на деле — огромный. Во-первых, на это надо решиться. Во-вторых, чувствовать в себе силы и, я бы сказал, наглость заявить о себе своим видением мира и прийти к читателю со своим словом. К тому времени, упавший с небес в журналистику, я мог похвастаться знакомством и даже общением с Распутиным, Шугаевым и Машкиным, которые на конференции «Молодость. Творчество. Современность» с серьезными лицами, споря друг с другом, долбили мой опус, который я самонадеянно назвал повестью и которую впоследствии переделывал и переписывал одиннадцать раз. Это был хороший урок и уче-

ба. Сжав зубы, я переделывал ее раз за разом, попутно писал зарисовки и очерки о своих летних встречах и впечатлениях, приносил их в «Восточку», которые заведующий отделом спорта и информации Володя Ивашковский тут же ставил в номер. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Спасибо Володе! Кроме того, в «Уральском следопыте» и «Полярной звезде» уже были опубликованы мои первые рассказы. Но и шишек иркутские писатели уже набили мне предостаточно.

Однажды прихожу в номер к Статейнову, смотрю — на кровати лежит свежий номер журнала «Литературная учеба», в котором псковский критик Валентин Курбатов разбирает мою повесть, отмечает промахи и недостатки. Не скажу, что прочитанное меня порадовало, но я понял главное: учился не только я, но на этих промахах учились и мои сокурсники. Тогда, во времена учебы в Иркутском университете, мы еще не знали, что будет с каждым из нас, но в общении много говорили о тех, кто был на слуху, кого знала вся читающая Россия: Николай Рубцов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Евгений Носов. Почти на бегу, чаще всего чтобы сдать экзамены, читали и зарубежную литературу: Фолкнера, Кафку, Пруста, Ремарка, Томаса Манна, «Золотого осла» Апулея. Старались не пропускать лекции наших преподавателей: Леонида Степановича Любимова, Леонида Леонтьевича Ермолинского, Павла Викторовича Забелина...

Приезжих студентов в первую очередь интересовал живущий в Иркутске Валентин Распутин. Как-то в Союзе писателей я познакомил Олега с Валентином Григорьевичем, и позже между ними завязалась дружеская переписка. Был и такой случай: Распутин на поезде ехал из Москвы, я сообщил Олегу номер поезда, и они вместе с женой Галей во время краткой остановки, к большому удивлению Валентина, принесли ему горячих пирогов.

К тому времени, уже привыкнув оценивать и определять людей мерками кабины самолета, я понял, что журналисты и писатели не укладываются в привычные моему глазу шаблоны. И мой тогдашний взгляд не всегда был зорким для понимания окружающего мира. Много позже пришел к выводу, что я сам, да и сидящие рядом в пилотской кабине, по сути своей, были теми же пахарями, которые приставлены к плугу, чтобы бороздить воздушные поля. И даже набор слов, которыми пользовались мы в своей работе, был строго регламентирован: это можно, а другое — упаси Господь! Такова специфика работы. Все остальное, что было за рамками нашего понимания, что происходило, когда мы, покинув кабину, окунались в обыденную жизнь, казалось нам мелким и ненужным: лошадь, вернее мотор, тянет вперед, лемех переворачивает землю, а кто будет собирать созревший урожай — не наше дело. Уже осознанно прикоснувшись к литературе, я начал делать для себя маленькие открытия, ведь Анна Ахматова самолетов не водила, бычков и коров обходила стороной, но стихи писала — заслушаешься:

*Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей...*

Журналист, да и вообще пишущий человек, должен раскрываться, обнажать себя. Подглядывать и кричать на прохожих через форточку или

из-за забора — не его удел. Журналистика — дело индивидуальное, но именно пишущие и рассказывающие о происходящих в стране новостях, как говорят, держат руку на пульсе. Это те самые работники «почты» и «телеграфа», которые замешивают бетон под фундамент существующей власти. Разглядывая и стараясь понять журналистскую и писательскую братию, я открывал для себя, что есть простодушные, открытые люди. Но есть и притаившиеся, которые до поры до времени сидят как бы в засаде, не раскрывая и не выдавая свои симпатии и предпочтения, наблюдают, раздумывают, взвешивают, а уж потом, как мистер Икс, сняв маску, выходят на сцену. Сначала Олег для меня был одним из таких: сидит, молчит, наблюдает, а потом встает и начинает говорить — горячо и убежденно. В такой момент он напоминал мне тот самый Засадный полк. Ну а уж когда дело доходило до драки, я знал: на него можно положиться.

Но так происходило до той поры, пока на горизонте не появлялась симпатичная девушка. Здесь Олега точно подключали к току высокой частоты, он начинал говорить, говорить, уделяя все внимание невесте откуда взявшейся особе.

— Да он на них действует, как удав, — бормотал Валера Карасёв, понимая, что даже с фотоаппаратом соперничать с Пашенко в женском вопросе — пустое дело. Действительно, это было так. Многие наши студентки с курса, да и наша методистка Лидия Владимировна Носанова, были влюблены в Олега. При этом, начитавшись классиков, ссылались на Бунина, считая, что тот в «Тёмных аллеях» сделал женщину самым ярким и привлекательным объектом природы, которая существует не сама по себе, а только в одном предназначенном ей качестве. И сходились, вернее, соглашались с поэтом Василием Фёдоровым, который точно определил, что «по главной сути жизнь проста: ее уста, его уста...».

— Не умею я просить женщин, — как-то в особо доверительные минуты признался Виктор Астафьев Олегу.

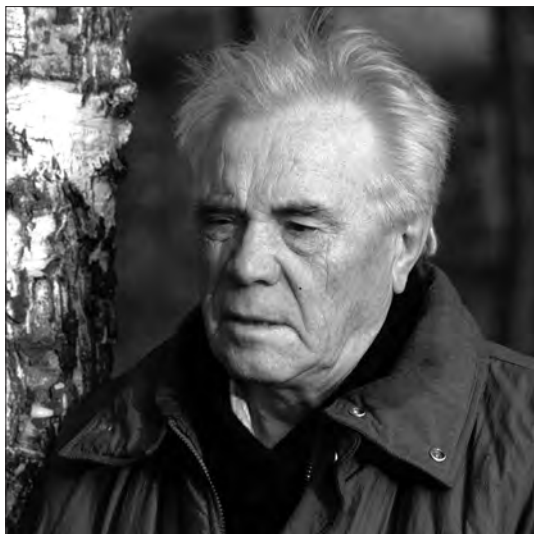
— Так женщины первыми и не просят, — говорил Пашенко. — Если пришла, говорит и улыбается, желая понравиться, то, уверяю, она пришла к вам не в шахматы играть. Никогда не пытайтесь понять женщин, пользуясь своими мужскими мерками, обязательно ошибетесь. На то они и женщины! У них своя логика, вернее, полное ее отсутствие. И мы их именно за это и любим...

Его слова были спорны и, я бы даже сказал, обыденны в своей простоте о причинах нелогичного поведения женщин, которые, говоря «нет», подразумевают «да». А бывает, пытаются казаться слабыми и беззащитными, когда им это надо.

— Да, в жизни нам иногда приходится грешить, а потом каяться, — признавался Олег.

— А ты не хитри и не говори себе: «Сегодня согрешу, а завтра покаюсь», — останавливал его Астафьев. — Давай лучше сегодня покаемся, ибо не знаем, доживем ли до завтра. А уж если и согрешим, все равно ответ за сделанное будет одним. И надолго замолкал...

Ну чего тут скажешь! Виктор Петрович грешил, может быть, больше, чем другие, и частенько сам себе отпускал грехи, считая, что, став писателем, он тем самым как бы обрел право обличать грешников, при этом все знали: от собственных прегрешений он убивать себя не станет.

*Виктор Астафьев.
Фото из открытых источников*

Слушая его, я начинал понимать, почему в книге «Зрячий посох», посвященной критику Александру Макарову, Виктор Петрович усадил себя за стол, который располагался не на берегах Чусовой, а, как он образно выразился, посреди России. С такой высоты было удобно и даже вполне безопасно громить и клеймить скопом (кстати, без фамилий и имен) всех чиновников и казнокрадов.

«Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi» — «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку», — бывало, говорил нам на лекциях Леонид Ермолинский. И хотя мы были студен-

тами, в голову нет-нет да и приходила крамольная мысль: а можно ли всему верить, что написано и нацарапано пером, ведь, как утверждал Фёдор Тютчев, мысль изреченная есть ложь. Осмысливая прочитанное, я начинал сомневаться в том, что мне казалось основой всего, а тут выходило, что любовь и грех фактически одно есть продолжение другого, они что родные сестры, которым заткнули уши, усадили за один стол, мол, сидите и помалкивайте.

* * *

К 1980 г. у Олега вышло несколько рассказов, а повесть «Родичи» готовилась к печати в издательстве «Современник». Желая поддержать своего младшего товарища, Виктор Петрович написал ему рекомендацию в Союз писателей России. В том же году я познакомил Пащенко с ответственным секретарем по работе с молодыми авторами Союза писателей СССР Юрием Лопусовым, и тот пригласил нас в Свердловск на совещание молодых авторов. Там мы впервые увидели рослого, с ржаной шевелюрой, секретаря Свердловского обкома Бориса Ельцина. Собрали молодых писателей со всего Советского Союза. Приехали поэт из Чернигова Дмитро Иванов, прозаик из Курска Миша Еськов, поэт Михаил Зайцев из Волгограда и прозаик и драматург Юрий Поляков, ставший впоследствии главным редактором «Литературной газеты». Там обратила на себя внимание красивая и яркая блондинка, сотрудница «Литературной газеты» Слава Торощина. Она мертвой хваткой вцепилась в секретаря обкома, стараясь завоевать доверие у первого лица области. И Ельцину она понравилась. В своем приветственном слове к участникам совещания, вручая нам книгу «Каслинское литье», Борис Николаевич отметил ее шелковистые, пшеничного цвета волосы и собственноручно вручил Славе книгу. Потом мы прочтем отчет Торощиной о поездке, о встречах на Уральской земле, где она высказала свой либеральный критический взгляд на молодую отечественную литературу.

— Посмотри, как ловко и расчетливо она всех нас поделила на «наших» и «не наших»! — поразился Олег, прочитав размышления Торощиной.

— Зато вся читающая Россия теперь узнает о первом секретаре.

— Ты имеешь в виду Бориса Николаевича?

— Леонид Ильич уже порядком надоел. Всем нужен новый и молодой, но и его они быстро приберут к рукам. Поглядывающему на Запад московскому люду нужен свой человек. А еще нынешняя молодежь мечтает пить кока-колу, жевать бургеры и ходить в «Макдоналдс».

* * *

После Свердловска мы через Москву поехали в Углич, Суздаль и Владимир, чтобы посмотреть, чем живет Нечерноземье. Любовались храмом Покрова на Нерли, затем экскурсовод показала нам Золотые ворота во Владимире и место, где был убит Андрей Боголюбский. Подивились непредсказуемости и жестокости нравов русской истории (мы тогда еще не знали, что она пишется каждый день, и нам придется это увидеть и на своей шкуре прочувствовать). В русской истории еще не написана последняя глава...

Вечером в саду за чаем с комсомольскими работниками и разговорами о всемирной отзывчивости русского человека мы слушали, как где-то неподалеку вечернюю тишину разрезают пулеметные очереди. Хозяева сообщили, что это на полигоне пристреливают оружие в Коврове. Тогда я еще и не предполагал, что в девяносто третьем такие же очереди услышу в Москве у стен Белого дома...

Наши очерки и впечатления о поездке были напечатаны в книге «Мы молодые», которая, как и предполагалось, была выпущена в издательстве «Молодая гвардия».

Из поездки по старорусским местам мы вернулись в Москву, где с утра слышали о неожиданной смерти Высоцкого. Все говорили о нем: в метро, на улицах, в магазинах. Олимпийская столица была немногочисленна, чиста и опрятна. Не было обычных очередей, и можно было спокойно купить невиданный ранее финский сервелат и коробки конфет, и даже редкое по тем временам «Птичье молоко». Позже москвичи с иронией скажут: «Нам не надо коммунизма, оставьте нам на всю оставшуюся жизнь Олимпийские игры и заполненные товарами прилавки магазинов».

— Все в жизни имеет свое начало и свой конец, — изрек я, поглядывая на принаряженных в белые рубашки московских милиционеров. — Завтра вся Россия бросится в Москву скупать колбасу.

— А некоторые приедут, чтобы побывать на могиле Высоцкого. Всё проходит. Только об одних забудут на другой день, а о писателях и поэтах, я имею в виду настоящих, будут говорить и помнить еще долго, — задумчиво ответил Олег.

К вечеру мы с большим трудом (по звонку Юрия Лопусова) устроились в гостинице Литинститута. Разворачивая простыни, Олег обнаружил на одной из них зажеванную стиральной машинкой огромную дыру:

— Давай на секунду представим, что в Москву приехали Астафьев с Распутиным и их бы уложили спать на драные простыни!

— Ну, если честно, то и они не всегда спали на простынях, — посмеялся я.

— Вот я иногда смотрю на Виктора Петровича... детдомовец, не один раз битый и перебитый, фактически выросший без отца и без матери. А вот везде становился душой компании, — улыбнулся Олег.

— Сегодняшний Виктор Петрович уже привык быть посреди России, — пошутил я. — А мы вот сидим посреди Москвы, и слава богу, что не на вокзале. Жить можно! Вон, в соседнем номере пьет пятизвездочный кумыс Давид Кугультинов.

— А-а-а! Это тот, который считает, что именно его имел в виду Александр Сергеевич Пушкин, когда писал: «Слух обо мне пойдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий / Тунгус, и друг степей калмык».

— А что там Пушкин сказал про нас? — поинтересовался я.

— Что мы ленивы и не любопытны, — пошутил Олег.

— Мы еще ничего не сделали, но уже ворчим: подавайте и нам глаженные простыни и коньяк...

— Ничего, обойдемся, — ответил Олег и тихо стал напевать:

*Спите, братцы, спите,
Всё вернется вновь,
Всё в природе нашей повторится.
И слова, и пули,
И любовь, и кровь,
Времени не будет помириться...*

Сегодня, оглядываясь на те безмятежные дни, когда жизнь можно было планировать на годы вперед, я думаю, что поэтические строчки Булата Окуджавы оказались пророческими. Так и произошло между Распутиным и Астафьевым. Уже когда не стало Виктора Петровича, Распутин с Валентином Курбатовым и Геннадием Сапроновым, после поездки по мертвой и все еще живой Ангаре, заехали в Овсянку и постояли на могиле своего старшего товарища. Вот уж действительно времени не нашлось, чтобы помириться при жизни...

* * *

В 1983 г. состоялась наша поездка с Олегом на семинар в Пицунду, куда нас из сибирского холода и хляби вытащили заведующий аппаратом ЦК комсомола Михаил Кизилев и все тот же Юрий Лопусов.

Вел семинар главный редактор «Роман-газеты», историк и писатель Валерий Николаевич Ганичев. Во время второй поездки в Пицунду, уже без меня, Олег Пашенко предложил его дочери Марине Ганичевой собрать молодых авторов на Енисее. Марина, работавшая в ту пору редактором в издательстве «Молодая гвардия», поддержала его и порекомендовала Олегу стать составителем сборника. И он со свойственной ему расторопностью приступил к делу, разослал по стране письма с предложением и просьбами присылать ему в Красноярск рукописи.

Сегодня, вспоминая те дни, мы иногда с грустью шутим, что пришли к Ганичевым кучей, сегодня же остались единицы. До сих пор я смотрю на Марину с восхищением, удивляюсь ее умению ставить задачи, которые мно-

гим кажутся сложными и неподъемными, и добиваться их выполнения. Но она каким-то чутьем и наработанным опытом знает, кто может справиться. Добавлю, что после развала издательского дела она вместе с Сергеем Ивановичем Котьяло сумела наладить выпуск книг, журналов, сборников поэзии и вот уже почти пятнадцать лет проводит Международные Ушаковские сборы, московский конкурс «Гренадеры, вперед!», которые проходят в разных странах и городах, фактически не имея стабильного государственного финансирования, помещения и положенного в таких случаях штата работников. Вот и пойми этих женщин! Марина, как и Анна Ахматова, сена не косила, воду на коромысле не носила, а скольким молодым и талантливым ребятам со всей России, и не только России, но и родной ей Украины и Белоруссии, открыла великие тайны русской истории и силу русского слова...

— Все делается с помощью Божьей, — отвечает она, когда разговор заходит о ее нынешней работе.

— Вот мы все пишем, пишем, перевели тонны бумаги, вырублены целые леса, но в человеческом стаде больных меньше не стало, — молвил как-то ставший умелым книгоиздателем Толя Статейнов. — А вот давайте на минуту представим, что нас не станет. И куда пойдут наши книги?

— Но давайте тогда будем молчать, — ответил Олег. — А кто восстанавливает картину того, что происходило в России, да и во всем мире в наше время?

Я вспомнил, что в его первой повести «Родичи» есть картинка: поезд протягивает себя сквозь темень, снег и ветер. Прочитав, я подумал, что все мы, пишущие, как бы протягиваем себя сквозь ветер, снег, житейские неурядицы, непонимание, а порой и клевету тех людей, с которыми долгое время шли бок о бок по жизни.

— Подмечено, что радеющие за народ писатели, добившись признания, славы, авторитета, не прочь использовать свой талант, как стало модно говорить ныне, конвертировать в рубли, — не унимался Статейнов. — Еще никто из великих не отказался от премий. Даже Распутин взял премию лагерного сидельца Солженицына.

И с чувством продекламировал:

*На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир — телец златой!*

— Есть такое... — согласился я. — Книгоиздатели, в том числе и твои, сегодня с удовольствием печатают того же Астафьева и Распутина.

— Потому что у читателей есть на них спрос, — ответил Анатолий. — Мы и тебя издаем. Недавно вышел «Черный Иркут».

— Был у нас один известный журналист, который с иронией говорил: «Вдохновение ко мне приходит каждый раз, когда в шелесте пера я слышу шелест ассигнаций», — засмеялся я и добавил: — Человеческую природу не обманешь. Вспомните, как Иисус обратился к толпе, желающей разорвать грешницу, сказав им: «Тот, кто без греха, пусть первым бросит в нее камень». И толпа разошлась... Есть резон спросить: а кто там судьи и чего они хотят, показывая на тебя пальцем?

Мне запомнилась одна из самых грустных встреч с Распутиным в Иркутске. Был поздний осенний вечер. Свернув под арку, я заметил впереди идущего пожилого человека. Обгоняя его, я неожиданно для себя увидел, что это, тяжело шаркая подошвами, бредет Валентин Григорьевич. Я осторожно дотронулся до его плеча.

— А, это ты, Валера, — узнал он меня. И, помолчав немного, добавил: — Помнишь, ты мне рассказывал, как тяжело давались Василию Ивановичу Белову госдумовские ступеньки? Теперь вот и я запинаюсь о бордюры.

Проводив его до подъезда, я пообещал, что через пять минут заскочу, и побежал в ближайший магазин за тортом. Дверь в квартиру мне открыла невестка и, оглянувшись, крикнула:

— Валентин Григорьевич, это к вам! — И быстро упорхнула в соседнюю комнату. Обычно Валентин встречал меня и сразу же шел на кухню заваривать чай. Здесь же я застал его одиноко сидящим на стуле в большой, заставленной книгами комнате. Кивнув в сторону, где слышался смех молодой невестки, он с горечью изрек:

— Жениться надо один раз! Все остальное — от лукавого.

Я удивленно глянул на него. Мне показалось, что он сказал это даже не себе и не мне, а кому-то невидимому, сказал — и сам себе не поверил. Как будто хотел остановить самого себя, отгородиться от своего холодного одиночества, от того, чего уже нет и не будет... И тотчас же вспомнилось, как однажды я приезжал к Валентину Григорьевичу на дачу. Хотя было солнечно и тепло, на нем были измазанные глиной кирзовые сапоги и старенькая, выдавшая виды фуфайка. Видимо, с самого утра копал грядки на огороде. Угостив меня чаем, он сказал, чтобы я отдыхал с дороги, а он закончит работу на огороде. Я пошел за ним следом. Углядев, что в двери

Валентин Распутин и Василий Белов. Фото из открытых источников

хлябает ручка, я решил поменять шарниры. И тут приехала его прежняя невестка, занесла в дом сумку, затем вышла во двор, глянула на стоящее над крышей солнце, расстелила на лужайке одеяло, достала книжку, разделась, прилепила на нос листок, чтоб не обгорел, и улеглась загорать.

Распутин глянул в ее сторону и с еле заметной улыбкой пошутил:

— Ну вот, кажется, все при деле.

Здесь же, в заставленной книгами, но пустой и полутемной комнате, глядя на одиноко сидящего Распутина, мне на ум пришли строки Михаила Юрьевича Лермонтова: «Я б хотел забыться и заснуть!» Но как тут заснешь или отгородишься от мира? Телефон звонит, просят прийти, поприсутствовать, сказать слово... Звонят уже не человеку — приглашают имя, чтобы поднять повыше планку предполагаемого мероприятия. Собственно, то, к чему он сознательно шел долгое время. И что в итоге? Казенные радости, даже не радости, а повинность: иди, сиди, слушай, когда и сидеть невмочь. Слушать чужое, пустое и ненужное, когда не только сознание, но и сердце уже не откликается — молчит, точно его нет вовсе, немое, готовое к неизбежному. Вообще-то литература, как птичка: ловишь ее, кажется, вот она у тебя в руках! Схватил крепко и придушил, а если чуть-чуть приотпустил — выпорхнет, только ее и видели!

Я понимал, что в эту позднюю минуту ему хотелось бы немножечко тепла, участия, душевного, ни к чему не обязывающего разговора — то, что раньше могла дать жена. Но Светлана Ивановна уже смотрела на него с той недостижимой высоты, а он сидел посреди комнаты на стуле, один на один с тишиной и самим собой. На что решиться, где и в каком месте найти приют?..

Перед развалом страны Распутин написал две повести: «Прощание с Матёрой» и следом «Пожар». В центре повествования была все та же ангарская деревня и те впечатления, которые подпитывали писателя всю жизнь. Тему жителей города он затронул разве что в своем последнем большом произведении «Дочь Ивана, мать Ивана». Как сказала мне однажды учительница литературы: «Прочтешь такое — и тошно станет от нашей безысходности и человеческой злобы».

Много позже, став депутатом Верховного Совета, я перееду жить и работать в Москву. Там мы с Распутиным будем встречаться часто, поскольку Валентин Григорьевич был депутатом СССР и даже некоторое время — советником самого Горбачева. После расстрела Белого дома мы неожиданно окажемся в похожей ситуации, в тех служебных московских квартирах, в которых проживали. И он, и я, и другие депутаты, которые не побежали к Ельцину, попали в черные списки. Месть существующей власти была мелкой и жесткой: у нас в квартирах отключили свет и телефон. Мало того, был ночной визит омоновцев, которые сопровождали человека в черном плаще с требованием в трехдневный срок освободить квартиру. Мы с женой собрали вещи, но для переезда обратно в Иркутск нужны были деньги, а их взять было неоткуда. В те же дни я узнал, что смогу вновь сесть за штурвал самолета — и там, в Иркутске, подло, по-мелкому решили отомстить мне, сказав, что уж больно высоко взлетел. И я попал в черный список. Теперь это твои проблемы! Мир, конечно, не без добрых людей, деньги мне предлагали Василий Иванович Белов, Валерий Николаевич Ганичев, Валера Исаев. Но жить на подаяния — последнее дело. Я узнал, что

Никита Михалков позвонил мэру Москвы Лужкову и сказал, что такого позора, когда у всемирно известного Распутина отключают свет и телефон, он не встречал. И к нам в квартиру начали наведываться корреспонденты западных газет, снимая собранные в узлы вещи и сидящих на них моих сыновей. Ночные визиты незваных гостей прекратились, но от этого денег дома не прибавилось.

Узнав, что неподалеку, в парке, начали выпиливать порченные, подгнившие деревья, и вспомнив, что у себя в Добролёте для топки печек мне не раз приходилось пилить на чурки бревна из сосны и листвяка, я пошел в парк, посмотрел, поговорил с рабочими и напросился на работу. Меня проверили: попросили отпилить пару чурок — и о чудо! Взяли! Конечно, ручки «Дружбы» хоть и напоминали самолетный штурвал, однако работа была, прямо скажу, тяжелой, как на лесоповале. Помню, как после первых заработанных рублей я пришел домой, пропахший бензиновой гарью, и протянул деньги — платили исправно, в конце рабочего дня. Полмесяца я резал на чурки подгнившие вековые дубы и клены — все, на что укажет бригадир. Некоторые чурки были по метру в диаметре. Присев на одну из них отдохнуть, я насчитал более сотни годовых колец. Значит, некоторые из деревьев были посажены еще во времена Российской Империи. И вот сгнили.

Распиленные чурки отвозили на машине в строящийся здесь же, в густом дубовом парке, «Грузинский дворик», а чуть подальше, в глубине, за высоким забором, ударными темпами, без пыли и шума, было отстроено еще одно гнездышко: охрана в камуфляже, автоматический шлагбаум, пароль, сладкий запах шашлыков и дымок от высокой трубы. Позже я узнал, что туда для улады на ночь привозили элитных проституток. Удобно, в центре Москвы, почти в лесу — ни шума тебе, ни внезапных проверок, за все уплачено.

Я сидел на чурке, смотрел на красноватый, будто подмоченный кровью, дубовый срез, на котором отчетливо были видны годовые кольца, и думал: хорошо еще, что нахожусь не в зоне.

* * *

Тогда, в те непростые для меня дни, я знал, что где-то рядом есть Валентин Распутин, есть Василий Белов. 3 октября на ступеньках Белого дома я встретил Василия Ивановича, который, коротко обняв меня, на первой же машине помчался «штурмовать» телецентр в Останкино. А два года спустя мы уже вместе с ним и с Валентином Григорьевичем Распутиным по приглашению президента Сербской Республики Радована Караджича улетим в Югославию, где под пулями и снарядами проедем тысячи километров, побываем в окопах наших братьев-сербов, где Распутин, сидя на ящике из-под снарядов, скажет: «Никогда не думал, что побываю на войне — писатель должен видеть и знать то, о чем он должен рассказать своему читателю...».

Сейчас, оглядываясь назад, я продолжаю ощущать, что они были и остаются рядом, их поддержка и участие тогда и сейчас много значили и значат для меня...

В те роковые для России годы диссидент Александр Зиновьев с горечью скажет: «Мы целились в коммунизм, а стреляли в Россию».

Спустя много лет я начинаю понимать, что выбор мишени для Астафьева не был случайным. Своих — впрочем, я не уверен, что мы были для него своими — «мыслящий тростник», говоря строкой Фёдора Тютчева, он видел нас хворостом, который при случае можно бросить в топку. И вот такой случай представился. А ведь на высоту поднимали его в том числе и мы, когда, сидя у теплой печки в Добролётё, с почтением внимали его рассказам и размышлениям...

Спустя годы от Олега Пащенко я узнал, что Виктор Петрович после расстрела Белого дома предложил красноярским писателям исключить Олега из писательской организации, говорил, что было его большой ошибкой дать рекомендацию Пащенко в Союз. И что бы вы думали? Исключили!

Одной рукой миловать близких, давая им рекомендацию, а потом той же рукой изгонять! Сегодня все это кажется смешным — чего только не сделаешь, когда в тебе поселилось старческое недержание. Ельцин однажды на большом совещании, оглядывая большой круглый стол, через губу сказал: «Не так сели! Здесь же вроде похоже: не того приняли!».

Незадолго до своего ухода Виктор Петрович признался, что, несмотря на все разногласия и ссоры, Олег был для него настоящим другом. Ну что тут скажешь!

В последние годы жизни Астафьев со всех экранов принялся ругаться и кричать, что руководители страны были сплошь негодяями, маршалы и генералы — бездарями, да и вообще у нас не народ — народец. Недаром говорят: доброе слово в тенечке лежит, а злобное, как пес, по дороге с лаем бежит. Спрос на злобу всегда найдется. «Он же детдомовец, шпана, а в их среде жестокости много, — как бы оправдывая его, говорил Распутин. — Они слабого, как правило, добивают. Как только советская власть почил в Бозе, Астафьев, обидевшийся на нее за то, что она ему больше ничего дать не может, бросился добивать ее по законам детдомовской стаи...».

В 1989 г., после поездки на дачу к Буйлову, в последний день нашего пребывания в Красноярске, нас посадили на теплоход, и мы поплыли по Енисею. Понаехавшие со всей страны молодые, да и не очень, писатели толпились на палубе, все старались протиснуться и сфотографироваться рядом с Виктором Петровичем, многие не отходили от него, совали свои книги. Олег, с театрально повязанным на шее длинным красным шарфом, был в окружении молодых, красивых и талантливых женщин. Виктор Петрович по-отечески, одним глазом хитровато поглядывал в его сторону, и мне тогда показалось, что и самому Астафьеву был по душе веселый, праздничный галдеж, и ему нравилось находиться здесь, как он любил говорить, на верхней палубе, посреди России.

Мыплыли на одном корабле, но еще не знали, что каждый из нас плывет в свою сторону...

Северная СТОЛИЦА

Владимир МАЛЫШЕВ

ЛЕНИНГРАД ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Владимир Викторович Малышев — окончил итальянское отделение филологического факультета ЛГУ. Работал корреспондентом и зав. отделением ТАСС и ИТАР-ТАСС в Италии и Греции, а также в центральном аппарате ТАСС в Москве. Во время работы в Греции создал русскоязычные газеты. Автор многих книг, сценариев художественных фильмов. Был директором санкт-петербургского Дома писателя. Председатель Правления АНО «Книжная Лавка писателей», гл. редактор газеты «Книжная лавка писателей». Член СП России и СП Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

*Я словно заново открывал его, хоть
он был мне до галлюцинаций памятен*

Илья Глазунов

Хотя большую часть жизни этот знаменитый художник провел в Москве, без упоминания о нем история Санкт-Петербурга выглядела бы неполной. В 1930 г. в городе на Неве родился Илья Глазунов. Он пережил в нем блокаду, в которой погибли все его родственники, здесь же будущий великий живописец окончил Академию художеств. В июне Илье Сергеевичу исполнилось бы 95 лет...

В 1955 г. Илья Глазунов написал картину «Ленинградская весна». На полотне — типичный питерский дворик. Брандмауэр старого жилого дома, на фоне которого тонкое деревце тянется к солнечным лучам. На скамейке — пожилая женщина со скорбным лицом, а рядом с ней — маленькая девочка, как эстафета поколений...

«Я был влюблен в живописную фактуру стены старого дома, в голубую легкость небес, золотистый свет дрожащего воздуха, в холодные рефлексы теней...» — вспоминал он о работе над этим произведением.

«Художником меня сделал Ленинград — с его громадами строений домов, его Дворцовая площадь, его Нева, мосты, ветер...» — рассказывал Глазунов в одном из интервью. Ленинград — его родной, любимый город, но с ним у живописца, как уже было упомянуто, связана трагедия блокады. Юный Илья выжил только благодаря тому, что его отправили по Дороге жизни через Ладожское озеро.

«Вспоминая довоенное детство, оглядываясь вокруг себя сегодня, мне порой кажется, что все это было не со мной и в другом мире, в другой, еще живой, хотя и полуразрушенной России... — вспоминал Глазунов в

Илья Сергеевич Глазунов (1930–2017)

своей биографической книге “Россия распятая”. — Какие одухотворенные, добрые, словно сошедшие со страниц журнала “Нива” лица окружали меня тогда! <...> В памяти живет и наш петербургский двор, а неподалеку — Ботанический сад, шумящий высокими кронами деревьев, среди которых высился дуб-великан, посаженный, по преданию, самим Петром I... В густой и таинственной зелени парка мерцали черные пруды, в одном из которых, как в зеркале, отражалась беседка, где любил в задумчивости сидеть Александр Блок. В Ботаническом саду я бывал до войны каждый день...».

Пронзительно горькие строки посвящены в его воспоминаниях ужасам блокады Ленинграда: «Моя память хранит многое. Страшные годы войны предстают передо мной как огромная апокалипсическая туча, сметающая всё на своем пути. <...> Мне и сейчас по ночам слышатся завывания сирен и зловещее тиканье метронома по радио, глухие взрывы, от которых шатаются погасшие люстры на потолке. И в лютом морозе комнат, в неверном и тусклом свете мигающей коптилки видятся уже окоченевшие тела моего отца, родных и близких. Помню сквозь слезы лицо умирающей матери, благословившей меня на спасение медной фамильной иконкой. “Я поправлюсь, сынок”, — шептала она. Но чуда не произошло...».

Глазунов вернулся в Ленинград в 1944 г., после снятия блокады, поступил в художественную школу, потом продолжил обучение в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина — в мастерской Бориса Иогансона. А потом появилось его полотно «Ленинградская весна». Это не просто городской пейзаж. Это дань памяти художника погибшим родным.

После окончания академии по распределению он был направлен в Ижевск учителем рисования, оттуда перевелся в Иваново, затем — в Москву, где и прославился как знаменитый живописец. Но жизнь в осажденном городе оставила в его памяти неизгладимые воспоминания.

«Я навсегда запомню Новый год 1942 г., — вспоминал Илья Сергеевич. — Моя бедная мама решила устроить мне елку, как всегда, до войны. Она воткнула ветку в пустую бутылку из-под молока, завернутую в белую ткань... Повесила несколько елочных игрушек... Нашла свечку. Разрезала ее на несколько частей, прикрепила к ветви... Из соседних комнат медленно шли родственники, опираясь на палки, закутанные, с неузнаваемыми от истощения лицами. Глядя на пламя угасающих свечей, все вдруг заплакали...

Первым в январе 1942 г. не стало дяди, брата моей матери. Константин Константинович Флуг — знаменитый китаист, работал в Академии наук, специалист по древним рукописям Китая XV в., в прошлом офицер Добровольческой белой армии. Потом умер мой отец. Он страшно, протяжно кричал: «А-а-а!» — в комнате, освещенной тусклым пламенем коптилки. Как сказал врач, вследствие «психоза от голода». Отцовский крик долго потом стоял у меня в ушах и вызывал ужас...

В начале февраля 1942 г. умерла моя бабушка, Елизавета Дмитриевна Флуг — внучка знаменитого русского историка и статистика Константина Ивановича Арсеньева, воспитателя государя-освободителя Александра II. Я зашел к ней в комнату. «Бабушка! Бабушка! Ты спишь?» В темноте подошел ближе. Глаза ее были словно полукоткрыты... Я положил бабушке руку на лоб. Он был холоден, как гранит на морозе... Не помня себя от ужаса, вернулся к маме и сказал: «Она умерла!» В ответ — едва слышный шепот: «Ей теперь лучше. Не бойся, мой маленький, мы все умрем».

Как-то мама пришла из магазина напротив дома, где нам выдавали по 125 граммов хлеба на человека. С трудом дыша, легла на кровать и тихо сказала: «У меня больше нет сил, кажется, что это так далеко». С тех пор она не вставала...

В доме четыре трупа... Запаха нет, потому что вся квартира была огромным холодильником... Первой решили хоронить бабушку. За деньги не хоронили, только за хлеб. Но мама и тетя Ася с трудом уговорили дворничиху, тетю Шуру, взять два дневных пайка хлеба — 250 граммов и 100 рублей. Тело замотали в простыню и зашили. На углу были вышиты инициалы бабушки: «Е.Ф.». Дворничиха обвила бабушку веревкой и привязала к моим детским санкам. Она обещала отвезти и похоронить на Серафимовском кладбище.

...За нами пришли, чтобы на машине перевезти на Большую землю. Дядя Миша был на Северо-Западном фронте. По его просьбе машина, которая привезла в военный госпиталь медикаменты, возвращаясь на фронт, должна была взять нас. Дядя не знал, что мой отец, его брат, уже умер. Из нашей семьи осталось двое: мама и я. Мама не могла даже пошевелиться, глазами следила за чужими людьми, пришедшими за ее единственным сыном.

«Я поправлюсь и приеду к тебе», — тихо говорила она. Глаза ее были полны слез, которые она пыталась скрыть. «Я плачу потому, что мы расстаемся... На месяц. Не больше, только на месяц», — говорила она, как будто убеждая себя. Мама попросила меня принести из шкафа маленькую коробочку. Там, как я знал, была медная иконка, о которую ударились пуля турецкого солдата. Если б не она, то пуля пробила бы грудь моего деда на Балканах во время сербско-турецкой войны.

«На, возьми на счастье. Эта маленькая медная позолоченная икона Матери Божией всегда, по сей день, со мной... Я всегда с тобой. Мы скоро увидимся...».

Мама умерла, когда мне было 11 лет. Тогда и поселилось в моей душе чувство одиночества, и пропала воля к жизни...

Наконец блокада была прорвана, и я вернулся в родной город, на пустынные набережные и проспекты столь любимого мною, загадочного в дивной красоте своей Ленинграда — Санкт-Петербурга. Я словно заново открывал его, хоть он был мне до галлюцинаций памятен. Летний сад; заколоченный досками Медный всадник; раскрашенные, будто плащ-палатки, величавые дворцовые ансамбли; крики чаек и брызги волн, стекающие словно слезы по граниту набережных; бывшее великолепие имперских парков, вскопанных под чахлые огороды, — пустынный и ветреный город, населенный скульптурами и отраженными в величавых невских волнах творениями его великих зодчих...

Я шел по безлюдной набережной у Летнего сада, и иногда мне казалось, словно мама окликает меня. Я оглядывался, но видел могучие воды Невы и кружащиеся над ней стаи чаек. В 1944 г. (почти сразу после приезда) мне посчастливилось поступить в среднюю художественную школу при Институте им. Репина Академии художеств СССР. Искусство и упорный труд художника спасали меня от одиночества...

Илья Глазунов написал свои воспоминания в 1996 г., когда после распада СССР Россия переживала нелегкие времена, но художник верил в ее возрождение. «В 1945 г. Иосиф Джугашвили поднял бокал за великий русский народ, — писал он. — Я видел, как по Садовому кольцу в Москве вели пленных немцев. Стоя в толпе, я со жгучим интересом рассматривал тех, кто недавно бомбил мой великий город Петроград, презирая “низшую славянскую расу”. Я смотрел на них с брезгливостью победителей и ненавистью. Мне было уже 14 лет».

«Сегодня мы должны в новом поколении вырастить элиту нашего государства — мужественную, энергичную, преданную своему великому Отечеству, которая будет достойна памяти победителей в Великой Отечественной войне», — завещал нам выдающийся живописец в своей книге.

*Илья Глазунов.
Автопортрет, 1999 г. (фрагмент).
Источник фото: <http://ilya.glazunov.ru>*

ТРАДИЦИЯ

Николай БУРЛЯЕВ ПОДЛИННЫЙ ПОРТРЕТ ПОДВИЖНИКА И ТРУЖЕНИКА

*К 80-летию Народного
артиста России, Героя Труда
Российской Федерации
Никиты Сергеевича
Михалкова*

Отрывок из документаль-
ного очерка «Никита».

В Кремле грянул исторический, перестроечный, V съезд кинематографистов СССР, на котором Никита — единственный — встал на защиту чести и достоинства С.Ф. Бондарчука, обрекая себя на многолетнюю «нерукопожатость» серой кинематографической стаи, пока, наконец, не одержал, причем там же, в Кремле, убедительную победу, будучи почти единогласно избран на пост председателя Союза кинематографистов России. «Нерукопожатым» после V съезда стал и я за свой первый авторский фильм «Лермонтов». Та же стая коллег и советские СМИ рвали меня на части, выпустив 22 разгромные статьи за 10 месяцев до выхода «Лермонтова» на экран. Слово по команде, газеты и журналы давали только негатив, блокируя положительные рецензии, написанные Валентином Распутиным, Арсением Тарковским, Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Юрием Бондаревым, профессорами МГУ и лермонтоведами... Я был для стаи как красная тряпка для разъяренного быка. С центральных телеканалов увольнялись журналисты, посмеявшие взять у меня интервью и показать вполне вменяемого Бурляева. Мне была

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б.В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преп. Сергия Радонежского III степени, ордена Св. Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Депутат ГД РФ VIII созыва. **Живет в Москве.**

нужна защита. Позвонил Никите, попросил посмотреть фильм и высказать свое мнение. Он ответил, что готов, но сейчас улетает за границу и не скоро появится. В эти же дни подруга Натальи Петровны Кончаловской сказала мне, что та сетовала: «Что-то Коленька меня совсем забыл... Давно не таскала его за вихры...» Услышав это, позвонил Наталье Петровне, и она пригласила меня на Николину гору. Спустя многие годы я снова приехал в сердечные места своего детства. Со мною был 10-летний сын Иван, который находился почти в том же возрасте, что и я, впервые вошедший в семью Михалковых. Иван, ученик Центральной музыкальной школы, сыграл Наталье Петровне на рояле Баха, Моцарта, Гайдна...

— Как хорошо, что ты учишь своих детей музыке, это пригодится. Я тоже учила Андрона и Никиту...

Я рассказал Наталье Петровне о травле, которой подвергаюсь со своим фильмом, о предательстве тех, кого я считал своими друзьями. После просмотра «Лермонтова» она взяла мои руки, гладила их, гладила голову и как-то особенно нежно промолвила:

— Вот какой ты стал, Коленька... Так ведь они тебе завидуют... И Никите завидуют, многие предают... — Она горестно, но светло спросила: — Зачем же С... ка так поступил с Никитой?..

Она назвала имя нашего общего с Никитой приятеля.

В 1993 г., готовя III кинофорум «Золотой Витязь», я увидел документальный фильм Никиты «Анна. От 6 до 18». Картина поразила меня исповедальной искренностью. Мощный, пронзительный фильм Мастера о времени, о себе, о России, переживающей историческую ломку. Я решил показать этот фильм на «Золотом Витязе». Приехав к Никите на Николину, застал его лежащим на полу, делающим зарядку. Мы провели вместе часа три. Я показал видеофильм о прошедшем в Югославии втором кинофестивале «Золотой Витязь». Он смотрел внимательно, молча. Увидев кадр из фильма — призера фестиваля «После войны — мир», в котором паровоз неожиданно объезжает бегущего ему навстречу по рельсам веселого человека, Никита искренне, эмоционально воскликнул: «Класс! Гениально! Прекрасно! Класс!» Так открыто радоваться творчеству коллег может только талантливый человек.

— Следующий «Витязь» я провожу в Приднестровье.

*Портрет Никиты Сергеевича Михалкова.
Заслуженный художник РФ
Ф.А. Москвитин, 2025 г.*

— А почему в Приднестровье? — спросил присутствовавший при нашей встрече украинский оператор Вилен Калюта.

— Правильно, что в Приднестровье, — поддержал Никита.

— Ты представишь на конкурс свою картину? — спросил я.

— Конечно. Какую?

— «Анну».

— Хорошо.

— А сам приедешь?

— А когда фестиваль?

— Открытие 4 сентября.

Никита задумался.

— В конце августа — начале сентября я во Франции. Придется прерывать поездку на два дня раньше. Я приеду.

— С этого года я решил не возглавлять жюри, — сказал я Никите. — Но я знаю всю программу и думаю, что «Золотой Витязь» — твой.

— Дай расписку! — сходу сострил Никита.

Потом мы говорили о кино, о политике и политиках, о безверии, о необходимости спокойного, неустанного труда...

— Я должен перед тобой покаяться, — сказал я, прощаясь с Никитой. — Наблюдая за тобой эти годы издали, я, хотя мы и друзья, грешным делом думал, как и многие: «Удачник, благополучен, барин...». А то, как ты все эти годы жил и страдал, увидел лишь в «Анне».

Пролетели три месяца. Наступило 4 сентября — открытие в Приднестровье кинофорума «Золотой Витязь». Двенадцатый час дня — Никиты нет. Ну, думаю, конечно, не приедет. Да это и понятно: зачем прерывать триумфальную поездку по Франции, где его «Утомленного солнцем» носят на руках, и мчаться через три границы в Тирасполь... Спускаюсь в гостиничном лифте вниз. Двери раскрываются, передо мною — Никита с костюмом на вешалке за плечами.

— Приехал?! — изумился я.

— А что, — улыбнулся Никита. — Я ж обещал.

— Через два часа участники фестиваля пойдут по главной улице с оркестром. Ты пойдешь?

— А открытие во сколько?

— В 18:00.

— Я у тебя гвоздь программы?

— Гвоздь.

— Так вот, я выйду в 18:00 на открытие.

Вечером зрители кинофорума приветствовали появление Никиты с возгласом и благодарностью. Завершая свое выступление, он сказал:

— Я бы хотел пожелать фестивалю «Золотой Витязь» плавного поступательного движения. Покоя и мудрости — когда внутренней молитвы нам достаточно, чтобы бороться с теми, кто нас не любит.

В 1996 г., после того как мне удалось провести неслыханную операцию в Госдуме по пробиванию отдельной строки в госбюджете для кинофорума «Золотой Витязь», одолев даже сопротивление председателя думского комитета по культуре, я спросил Никиту:

— А у твоего Фонда культуры есть строка в бюджете?

— Нет, — ответил он.

- Как нет? Ведь Фонд культуры делает так много важнейших проектов...
- Я не знаю, как это делается.
- А я знаю. Я уже прошел этот путь. Давай попробуем.

Начали действовать. Я привел заместителя Никиты в Думу, познакомил с руководителями фракций, с Г.А. Зюгановым, который в те годы имел о Никите неверные представления, навеянные его недругами. Я убедил Геннадия Андреевича в том, что Никита такой же патриот России, как и он сам, нарисовал подлинный портрет подвижника и труженика Никиты Михалкова. Поддержка была обещана. Я предложил прописать для Фонда культуры в строке госбюджета 200 миллионов рублей — такую же сумму, как и на весь российский кинематограф, чтобы Никита мог спокойно воплощать позитивные проекты. Но вновь на нашем пути встал наш коллега, председатель комитета по культуре, который не любил Никиту и добился уменьшения суммы до 6 миллионов. Но строку мы все-таки пробили.

В 1998 г. Никита стал участником открытия «Золотого Витязя» в подарок для каждого русского сердца в Киеве. И хотя новое украинское руководство, идя по пути укоренения русофобии и бандеризации, не желало видеть нас в Киеве, мы, не завися от средств Украины, прибыли с Никитой и 100 участниками кинофорума в Киев и во время многодневного похода по приднепровским городам всюду встречали радушие и сердечность простых людей. После открытия в Театре Франко за дружеской трапезой на зафрахтованном нами теплоходе «Маршал Кошевой» далеко за полночь Никита вдруг спросил:

- А супчика нет?

Супчика не оказалось. Сели по машинам, помчались по ночному Киеву в поисках желанного супчика. Все рестораны закрыты. Остановились у подвальной корчмы: свет погашен, двери заперты. Постучались — открыла официантка. Увидев Никиту, ахнула, и мы всей гурьбой ввалились внутрь. За столом началось представление всенародно любимого Никиты Михалкова. Словно исполняя соло на контрабасе, который он нежно обхватил, он расспрашивал порозовевшую, млевшую от соприкосновения с кумиром барышню о возможных блюдах, и она подтверждала готовность принести все, что его душе угодно. Ах, зачем эта ночь была так коротка?..

В 1999 г. 19 «цивилизованных» стран начали бомбардировку Югославии. Узнав об этом, Никита, находившийся в то время на кинофестивале в Каннах, выступил на пресс-конференции с жесткой оценкой натовского злодеяния, обрекая себя на «нерукопожатость» в Европе и Америке, сразу же заблокировавшей прокат «Сибирского цирюльника» на экранах США.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл благословил провести очередной «Золотой Витязь» в поддержку Югославии в Смоленске. Рискуя жизнью, невзирая на тотальную блокаду, угрозу попасть под бомбы НАТО, сербские кинематографисты добрались до Смоленска. На открытии кинофорума митрополит Кирилл и Никита Михалков открыто высказали жизненно важные для славянских братьев слова духовной поддержки. Слово правды и видеoinформация, распространенные участниками форума в 20 странах мира, и сердечные проводы наших сербских братьев на их распинаемую Родину были нашим посильным вкладом в их борьбу с дьявольским «новым мировым порядком».

Вскоре министр культуры Сербии пригласил меня и Никиту в Белград: Никиту — для представления его ретроспективы, меня — для вручения государственной премии Югославии.

13 февраля 1999 г., едва наш самолет начал выруливать на взлетную полосу, на весь салон раздался голос выдающейся сербской актрисы, нашей с Никитой подруги Иваны Жигон: «Дорогие Никита Сергеевич и Николай Петрович, дорогая Инга...». Трепетные слова признательности за труды Никиты, за то, что он направляется в распираемую Сербию, растрогали нас. Когда ее голос стих, я обернулся к Никите, сидящему за спиной, и он ответил мне таким же потрясенным взглядом. Много приходится Никите летать по миру, но вряд ли его прежние перелеты начинались таким сердечным образом. И в моей жизни подобного не было. В белградском аэропорту нас встречало множество знакомых и незнакомых лиц: министр Желько Симич, наш посол Я.Ф. Герасимов, вице-президент «Золотого Витязя» Йован Маркович, Ивана Жигон... В этот же вечер нас ожидали около 5000 человек в Русском центре и на улице возле него, куда из-за несогласованности действий организаторов нам не суждено было попасть.

Нас провезли по улицам Белграда, показали последствия бомбардировок НАТО. «Экскурсия» была почти молчаливой. То, что видели наши глаза, говорило само за себя. Министр культуры, Ивана Жигон и Йован Маркович рассказывали о своей жизни под градом ракет, начиненных ураном. Последствия облучения уже начали сказываться на сербах. Удар по иммунной системе людей был настолько велик, что было зарегистрировано невиданное доселе количество онкологических заболеваний. Мы брели с Никитой и Ингой по вечернему Белграду, смотрели на следы варварства, молчали, и каждый думал о своем. Мы не могли говорить — настолько ошеломили нас виды современной Герники, сознательно устроенной «цивилизованным» миром на территории, избранной ими для публичного распятия маленького гордого народа. Наконец, нас привезли в самый высокий храм Европы — недостроенный собор Святого Саввы. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принес переносную лампу, свет которой вырывал из темноты сосредоточенное лицо Никиты, земляной пол и величественные своды собора...

В этот же вечер мы побывали в Народном театре на «Пигмалионе», где зал горячо приветствовал Никиту, чья популярность в Югославии была невероятной велика, ведь незадолго до этого «Сибирский цирюльник» завершил свое триумфальное шествие по экранам страны, став абсолютным лидером проката 1999 года. Сербам была хорошо известна позиция Никиты в отношении агрессии НАТО в Югославии. Принципиальный, мужской характер моего друга, всегда говорящего прямо, часто в ущерб себе, идущего наперекор толпе, но не предающего друзей и своей чести, достоин уважения.

Утро 14 февраля началось с посещения первой репетиции выдающегося режиссера Югославии Стево Жигона, приступившего к постановке «Чайки» на сцене Народного театра. Актеры с большим интересом слушали выдающегося русского режиссера Никиту Михалкова, делившегося с ними своим пониманием «Чайки» и Чехова, с которым его связывали давние творческие отношения.

В этот же день Никиту, меня и Ингу принял президент Югославии Слободан Милошевич. При встрече и рукопожатии Никита, нарушая протокол, задержал руку президента в своей руке и сказал:

— Крепкая рука мужика.

После приветственной речи президента Никита сказал то, что было и у меня на сердце. Он рассказал о нашем посещении собора Святого Саввы и тактично, но решительно высказал пожелание завершить строительство этого собора, который явится великим духовным православным магнитом в центре Европы. Встреча была очень сердечной и неформальной. Никита умеет нарушать протокол и расслаблять официоз президентов, очаровывая своей простотой и остроумием. Президент трижды подавал сигнал помощникам вносить традиционный сербский напиток и лично проводил нас до парадного выхода и ожидавших нас в парке резиденции машин.

Вечером в переполненном зале Белградской кинотеки, самом мощном кинохранилище Европы, которое своим обращением пытался защитить от ракет НАТО председатель Союза кинематографистов России Никита Михалков, состоялась встреча с ведущими кинематографистами Белграда. 600-местный зал был переполнен, люди стояли в проходах. Никите вручили диплом почетного профессора Сербской киноакадемии, а мне — Государственную премию Югославии. Помню щедрые аплодисменты Никиты, адресованные другу.

Апофеозом этого дня стало открытие ретроспективы Никиты показом «Утомленных солнцем» в «Сава-центре», одном из самых больших залов Белграда и Европы. Все пять тысяч мест были заполнены. Зрители встречали Никиту стоя продолжительными овациями. И хотя этот популярный в Югославии фильм каждый зритель видел не менее двух раз, никто не покинул зал.

Резонанс в югославских СМИ по поводу нашего визита был невероятный. Сербь говорили, что о приезде Марлона Брандо и Элизабет Тейлор к Иосипу Броз Тито не было написано и показано столько, сколько о нашем визите.

В 2000 г. «Золотой Витязь» проводили в Москве. Никита решил представить на конкурсе свой новый фильм «Сибирский цирюльник». На одной из пресс-конференций журналисты задали ему вопрос, почему он представил свой фильм только на «Золотом Витязе». Никита ответил: «Есть кинофестивали, где показывают фильмы про уродов, а есть — где про людей. Вот я и отдал туда, где показывают про людей».

И этот фестиваль мы проводили в режиме уже привычного для нас чиновничьего удушения «Золотого Витязя». На третий день после открытия стало понятно, что завтра нам не на что будет кормить участников форума. Что делать? Где занять деньги? Позвонил Никите. Он отреагировал мгновенно, без долгих объяснений понял, что «Витязя» надо спасать. Распорядился немедленно выделить со счета «ТриТэ» заем, необходимый для продолжения нашего стояния. Узнав о решении жюри вручить Гран-при Никите за «Сибирского цирюльника», позвонил и поздравил своего друга с победой. По моим расчетам, момент вручения Гран-при в Кремлевском дворце должен был наступить около 20:00.

Никита обещал приехать в Кремль к этому моменту. В 19:30, чувствуя неотвратимое приближение кульминационного момента, я из зрительного зала позвонил Никите:

— Ты где?

— В Фонде культуры, — прошептал Никита, — вручаю награды детям.

— Ты помнишь, что через полчаса ты должен быть в Кремле?

— Помню.

— Если будешь опаздывать, я потяну время оркестром...

Перегнулся через барьер оркестровой ямы, сообщил дирижеру А.И. Полетаеву, что придется играть, пока не появится Никита. Анатолий Иванович с улыбкой успокоил, что музыки хватит до утра.

В 19:55 я в тревоге снова набрал Никиту.

— Ты где?

— Вхожу в зрительный зал.

Я оглянулся. По проходу стремительно приближался Никита.

К В Ш Л А К Н И Г А

Камкин А.К., Сигачёв М.И., Харин А.Н., Скакун П.П.

Цивилизационный интегрализм и мировое развитие. М.: Весь Мир, 2025. 608 с.

В настоящей монографии рассматривается генезис концепций циклического развития мировой истории в форме цепочки замкнутых культурно-исторических типов / высоких культур. Первая часть книги посвящена анализу концепции циклического подхода к мировой истории, которая была впервые разработана российским ученым Н.Я. Данилевским и позднее получила продолжение в работе немецкого исследователя Освальда Шпенглера. Обе концепции при различной методологии объединяет видение мировой истории как череды развивающихся по определенным законам высоких культур. Данный подход, получивший в современной науке название цивилизационного, не теряет своей актуальности и в наше время. Особое внимание уделяется прозрениям двух философов о развитии Европы и России, а также делается попытка разбора недоработок их концепции. В исследовании также дается оценка значимости данной теории в наше время в условиях полного изменения мировой архитектуры и системы международных взаимоотношений. Во второй части проводится детальный анализ идей российского мыслителя XX в. А.С. Панарина. Авторы делают подробный анализ его концепций цивилизационного интегрализма, византийского глобализма и православного цивилизационизма, рассматривая истоки и нынешнее состояние изучения концепции ученого. Третья часть книги посвящена разбору теоретических положений классической и альтернативных моделей государства в контексте мирового развития. Авторы проводят сравнительный анализ государства Вестфальского типа, корпорации-государства, империи-государства, цивилизации-государства и пр. На основе данного анализа авторы книги строят социально-политические и культурно-идеологические модели государства на современном этапе социально-политического развития.

ПОЭЗИЯ

Ирина БАБИЧ

ПРЕНЕБРЕГАЯ ЗЕМНОЙ СУЕТОЙ

Ирина Бабич — поэт, прозаик, член Союза писателей Донецкой Народной Республики. Финалист Национальных литературных премий «Народный писатель — 2015», «Поэт года — 2023». Обладательница ордена «Литературное единство», бронзовых медалей «Михаил Лермонтов 210», «Александр Пушкин 225», медали им. Великой княгини Ольги «За сохранение русских литературных традиций», медали «За вклад в пополнение библиотечных фондов». Деятельность Ирины Бабич отмечена благодарственным письмом депутата Государственной Думы России А.Г. Аксёнова «За многолетнюю работу по культурному развитию Российской Федерации, достижения в сфере просветительской деятельности и патриотического воспитания подрастающего поколения». **Живет в Донецке.**

РАДУГА

Сшитый наспех портным-неумехой,
Небосвод в полдень треснул по швам
И зияет огромной проехой.
Облака, что сродни островам

В океане бескрайней лазури,
Кроит молния твердой рукой,
Ей привычны и распри, и бури,
И небесные слезы рекой.

Вдоволь ливню сегодня работы:
Расчехлил спешно ткацкий станок,
Треплет нити без сна и дремоты,
Ловко держит промокший челнок.

Из фиалковой нежной кудели
Сообща смастерили наряд
Щеголихе-природе, надели —
Стал и светел, и радостен взгляд.

Опоясано радугой платье,
Бахрома из листвы и цветов.
Русь моя, я горжусь твоей статью!
Ты достойна прекрасных стихов.

СИМФОНИЯ НОЧИ

Полночь. Снежный хруст постели.
Мерный ход часов.
Стук в окошко лапы ели.
Всхлип двери, засов —
Заржавелый страж ворчливый,
Вздохи половиц.
Кроткий зев свечи сонливой.
В ризах — тени лиц.
Шелест снежной манки с крыши.
Треск в огне сучка.
Писк и шорох робкой мыши.
Партия сверчка.
Над продрогшей черепицей —
Бархатный отрез
Неба, звезды-озорницы.
Сон — юдоль чудес.

БЛЮДО ДНЯ

Пенка варенья из сочной малины
Томно вздыхает в тазу-озерке.
Небо, передник надев из сатина,
Стряпает день с поварешкой в руке.

Зрелые ягоды сыплет горстями
В омут посуды у хуторка,
Берег ржаной режет к блюду ломтями
И наливает в кувшин молока.

Избам спросонья не до разносолов,
Но с любопытством не сладить никак,
Скрытым под бронзовым пологом кленов,
Больше не спится домам натошак.

Завтрак накрыт на пастельной скатёрке.
В палевых чашках — вскипевший рассвет.
Бдительным взглядом следит повар зорко,
Чтоб не пустел без закусок буфет.

ДУША ПРИРОДЫ

Плед из шотландки ее нежит плечи,
Скромница-речка встречает рассвет.
Слушает берег душевные речи
Тихого плёса, шлет утру привет.

Смотрится в зеркало в медной оправе
Стайка чуть бледных спросонья берез,
Модниц кокетливых, первых в дубраве,
Ставших предметом восторженных грез.

Лето, стилист-самородок, их кроны
Прятало по вечерам в бигуди.
Венчаны яблочно-сочной короной,
Кудри струились по белой груди.

Осень завистлива — мастер уволен,
Локоны в прошлом, взамен — нагота.
Кажется, мир сокрушен, обездолен.
Нет, тем ценнее его красота.

Поздняя осень — скупая модистка.
Стильный наряд из белёного льна
С летом сносили березы-артистки,
Мысль об обновлениях наивна, смешна.

Только старьёвщик-октябрь лоскутами
Щедро ссужает былых щеголих —
Медными и золотыми листьями —
На одеяло для горе-портних.

Но, поведя горделиво плечами,
Пренебрегая земной суетой,
Льнут они к небу седыми свечами,
Восковым телом, но твердой душой.

ГЛАВНОЕ В ПРОСТОМ

Спрятав платье в прибрежном кустарнике,
Словно в теплом, парном молоке,
В васильковом изящном купальнике
Небо плещется в сонной реке.

Нипочем ему взгляды нескромные
Кленов-сплетников на берегу,
Ни к чему ему место укромное
На чернеющем ночью лугу.

То нырнет, то плывет по течению,
То коснется рукой челнока,
То, бледнея сильнее от смущения,
Смотрит пристально на рыбака.

Ни единой поклевки мечтателю,
И садок остается пустым.
Нечем хвастаться будет приятелю.
Что ж, довольствуйся в жизни простым:

Шелком плеса речного застенчивым
И кудрями кокетливых ив,
Небом, нежной пастелью расцвеченным,
Пока ночь не сдала всё в архив.

ВЫШЛА КНИГА

Минаков С.

Русский Киев. М.: Вече, 2024. 400 с.
(Битва за Новороссию).

Писатель Станислав Минаков продолжает настаивать на исторической правде и правоте и вести свою битву за Новороссию и весь юго-запад Руси. Своей задачей автор как просветитель и трибун видит воссоздание общерусского ментального кода.

В книге собраны статьи автора, посвященные святыням, подвижникам, выдающимся творческим и общественным деятелям, а также событиям древней, имперской и советской истории города Киева. Автор также уделит внимание актуальным проблемам общественной жизни, новой и новейшей истории Киева, свидетелем и непосредственным участником событий которой он был, проживая до 2014 г. в Харькове.

Александр УЖАНКОВ

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Александр Николаевич Ужанков — профессор, доктор филологических наук, кандидат культурологии; советник ректора Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского; руководитель Центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева; профессор Дипломатической академии МИД РФ; профессор Сретенской духовной академии; сопредседатель Научного совета по искусствоведению и культурологии Российского профессорского собрания; действительный член Академии Российской словесности; член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

В юности меня сильно удивил рассказ моей бабушки Пелагеи, попросту Поли, об их пеших походах в Чернигов.

Жила она до войны в селе, где была церковь во имя святителя Николая Чудотворца, но ее закрыли в 1938 г., и ближайший храм оказался за 62 км в Чернигове. Вот бабушка и рассказывала, как они хотя бы раз в месяц, на двенадцатые праздники, отправлялись в областной центр.

До войны в той местности было довольно много волков, которые зимой сбивались в большие стаи и нередко нападали на людей. Поэтому собирались по 10–15 человек и отправлялись в путь. Выходили очень рано, после третьих петухов. Брали с собой и подростков. Шли не торопясь, тихо. И как-то так получалось, что приходили они в черниговский храм аккуратно к началу службы.

Вот этого я никак понять не мог. Если средняя скорость идущего человека составляет 5 км/ч, то им понадобилось бы как минимум 12 часов на путь в одну сторону. Они же тратили не более 7!

После службы (а это еще 3 часа), перекусив тем, что брали с собой в котомке, и немного отдохнув (еще 1–2 часа), отправлялись обратно. Летом возвращались к заходу солнца, зимой — когда куры уже давно сидели на насесте (еще 12 часов).

Если сложить все мои расчетные часы, то получается $12+3+1$ (или 2) $+12 = 28$ – 29 часов. А в сутках всего 24 часа! Но даже эти часы они полностью не использовали, а не больше 18...

Для меня это было необъяснимой загадкой.

Будучи студентом, молодым и здоровым, увлекающимся спортом,

*К Троице. Художник С.А. Коровин, 1902 г.
Государственная Третьяковская галерея*

я оказался в той местности. У меня был отличный велосипед, точно проложенный маршрут, по которому когда-то ходила бабушка, хороший день и хорошее настроение.

Поскольку средняя скорость велосипедиста, как утверждал мой школьный учебник, составляет 12 км/ч, то на дорогу туда и обратно я отводил для себя 10–11 часов, ну, еще 1–2 часа на обед и отдых в Чернигове. Выехав в 9 утра, я планировал вернуться в 9–10 вечера, то есть к заходу солнца.

С тем и отправился в путь, полагая, что у меня все равно скорость передвижения куда быстрее, чем у довоенных путников.

Дорога — асфальт, только кое-где приходилось съезжать на грунтовку. Ехать — одно удовольствие.

Я вертел головой по сторонам, наблюдал за меняющимися пейзажами, мелькающими птицами, уступал дорогу машинам и считал ворон.

В движении я уже был почти 4 часа, но не проехал и половины пути. Быстро подсчитав, что до Чернигова мне понадобится еще не менее 3 часов, я так же быстро сообразил, что и к полуночи вернуться обратно не успею. В Чернигове остановиться у меня было негде, и я решил воротиться.

Ехал и недоумевал: как же так получилось, что я, имея большую скорость передвижения, молодой и здоровый, не обогнал во времени медленно ходивших молитвенников — стариков и детей?

Бабушки уже не было в живых, и нельзя было еще раз все переспросить, но жива была моя тетюшка Евдокия, которая подростком ходила вместе с бабушкой в Чернигов.

Я и спросил у нее, как же так получилось, что они успевали проделать путь туда и обратно менее чем за сутки, а я — нет?!

— Не знаю, — искренне ответила мне она. — Мы шли, не думая о времени. Да и часов тогда ни у кого не было. Ориентировались на звезды, солнце или на петухов... Шли и молились.

Загадка так и осталась на долгое время для меня неразгаданной.

Шли годы. Я узнал, что есть сакральное пространство в храме и что церковная служба неслучайно ведется в настоящем времени, которое дает нам возможность «здесь и сейчас» пережить евангельские события двухтысячелетней давности и стать сопричастными им. И что молитва — это беседа человека с Богом, то есть сопричастность с Вечностью.

* * *

Летом 1990 г. я должен был ехать во Львов на нашу первую встречу выпускников филологического факультета Львовского госуниверситета им. Ивана Франко. После работы я заехал домой, переоделся, взял портфель и налегке отправился на вокзал за полчаса до отправления поезда.

Маршрут был хорошо мне известен: до метро пешком — 10 минут, в метро до Киевского вокзала — 10 минут, от метро до поезда — 10 минут. Так я ездил уже много-много раз.

Предвкушая встречу со своими однокурсниками, я совершенно забыл о билете! Вместе с паспортом он остался лежать на письменном столе в кабинете! А я уже прошел половину пути до метро и потратил 5 минут! Нужно было возвращаться, а это потеря еще 5 минут.

Положение — безвыходное. Я вернулся. До отправления поезда оставалось 20 минут. Конечно, теоретически можно и за это время добраться, но практически — это нереально. Даже если я буду бежать бегом до метро (а это уже неприлично в моем возрасте!), а из метро — до состава, все равно поезд в метро быстрее не поедет!

Так я размышлял, стоя в кабинете перед большой иконой Христа Спасителя на стене.

И вдруг я вспомнил бабушку, которая ходила пешком в Чернигов и всегда успевала на службу в храм. И меня осенило открытие: они шли с молитвой, в единении с Богом, и время для них замедляло свой ход! Каждый ведь замечал: когда торопишься, то время бежит быстро, а в ожидании оно тянется медленно...

— Нужно идти с молитвой! — понял я. — И не смотреть на время, то есть на часы.

Я, не торопясь, прочитал «Отче наш», взял билет с паспортом, портфель и, не спеша, с постоянной молитвой, вышел из квартиры.

Понятно было, что я уже опоздал и торопиться некуда. Однако цель оставалась — успеть на поезд. Я не прекращал читать мысленно молитвы — и когда шел по бульвару к метро, и когда садился в метро (важно было удержаться и не посмотреть на часы), и в поезде, и когда поднимался на эскалаторе, и когда, сокращая путь к перрону, шел по подземному переходу. И обращался к святителю Николаю, покровителю путешественников:

— Святителю отче Николае, помоги мне успеть!

И вдруг в подземном переходе я услышал:

— До отправления поезда «Москва — Львов» осталось 5 минут!

Тут уж нервы мои не выдержали. Одним махом я взлетел по ступеням вверх, увидел стоящий под парами состав и сел в ближайший ко мне вагон.

Успел! Дорога заняла у меня всего 17 минут!

Еще сотни раз я пробовал сократить время пути к Киевскому вокзалу, когда ездил на рынок за сухофруктами, но никогда у меня меньше 30 минут не получалось.

И все эти сотни раз я ездил без молитвы...

* * *

Об этом случае я как-то рассказал своим студентам на спецкурсе по категориям русской средневековой культуры в Государственной академии славянской культуры. Разговор как раз шел о времени и пространстве. Рассказ их удивил, но не знаю, поверили ли они мне.

Однажды я шел к метро «Парк культуры» по Остоженке из Московского лингвистического университета, где тоже читал лекции. Вдруг слышу:

— Александр Николаевич! Александр Николаевич! И у нас было!

Смотрю: ко мне бегут студентки из ГАСКа.

— Что было? — не понял я.

— Ну как же! Помните, вы нам рассказывали, как ваша бабушка ходила пешком в Чернигов, а потом и вы сами с молитвой успели на поезд? Так вот, мы тоже опаздывали на поезд, уже точно не успевали, и вспомнили ваш рассказ. И кто-то сказал: «Давайте вместе молиться!» Мы стали молиться — и успели!

Велика сила молитвы, подумалось мне, если она управляет временем!

Только еще один раз в жизни я чуть было не опоздал на поезд. И опоздал бы, если бы не помощь преподобного Нестора, но это уже совсем другая история.

КТО ЖЕ ЗАДЕРЖАЛ ПОЕЗД?

Чудо преподобного Нестора Летописца

Эта история случилась двенадцать лет назад. В 2013 г. в Харькове организовали конференцию, посвященную 1000-летию преподобного Нестора Летописца. Пригласили и меня с докладом, попросили провести пленарное заседание.

Чтобы не опоздать, на Киевский вокзал я приехал загодя. Посмотрел на табло, но там еще харьковского поезда не было. Вышел к путям, но и там состава не обнаружил. Стала закрадываться смутная тревога: а я ничего не перепутал? До отправления поезда осталось полчаса, а состава так еще и не подали. Я заглянул в билет и с ужасом обнаружил, что поезд отправляется не с Киевского вокзала, а с Курского! От растерянности я даже позабыл, в какой стороне находится вход в метро! Спросил у милиционера, он указал.

С тяжеленным чемоданом (вез для украинских коллег наши книги) я направился туда. Прикинув маршрут, я от волнения выбрал более длинный путь — с пересадкой. Обнаружил это уже в вагоне метро, но менять дорогу

было поздно. Подсчитав время в пути, понял, что на харьковский поезд я не успеваю.

И, как это уже было однажды, стал молиться, стараясь успокоить себя. «Покой — отсутствие движения. Время — символ движения. Нет движения — останавливается время», — думал я. Но время предательски бежало быстро. Как назло, двери на остановках подолгу не закрывались. И уж совсем выглядело издевательством, когда поезд метро прибыл на станцию «Курская» ровно ко времени отхода моего харьковского состава.

Можно было уже и не торопиться, но я решил идти до конца. Стал молиться преподобному Нестору — устройтелю конференции и покровителю пишущих, просить о помощи. Стыдно было бы признаться своим украинским коллегам, что по своей невнимательности перепутал вокзалы, опоздал на поезд и не приехал на конференцию. И как-то обидно стало, что так нелепо все получилось.

Думая так, не переставал молиться преподобному Нестору и тащил тяжеленный чемодан вверх по эскалатору. На последних ступенях уже не было сил, а еще нужно было пройти по длинному тоннелю и найти для очистки совести перрон, от которого уже давно, наверное, отправился поезд...

В тоннеле на ходу читал высеченные табло — и вдруг на одном из них увидел надпись: поезд «Москва — Харьков».

«Наверное, не успели переключить», — подумал я, с трудом поднимаясь по ступеням вверх.

К моему удивлению, по обеим сторонам платформы пыхтели два состава, а возле них стояли и спокойно разговаривали проводники.

— Какой из них на Харьков? — спросил я.

Один из проводников указал мне на свой вагон.

— А можно, я сяду в ваш вагон, а потом доберусь до своего?

— Да вы не торопитесь, успеете, — ответил он. — Кто-то задержал отправление поезда еще на пять минут.

Я не стал рисковать и сел в ближайший вагон. Через пару минут поезд тронулся, а я еще долго не мог отдышаться и приходил в себя.

На завершавшем конференцию заседании воздали хвалу преподобному Нестору Летописцу, собравшему всех нас вместе в Харькове.

— А я мог бы и не попасть на конференцию, даже имея билет в кармане, — признался я и рассказал о случившемся со мною.

После воспроизведенных мною слов проводника, что *кто-то* задержал отправление поезда, я серьезно спросил:

— И кто бы это, интересно, мог быть?!

Все присутствовавшие посмотрели на икону преподобного Нестора Летописца и дружно рассмеялись...

Сергей ЩЕРБАКОВ

ОГОНЬ ЖИЗНИ

Сергей Антонович Щербаков — родился в 1951 г. в забайкальском селе Мухор-шибирь. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Будущий прозаик служил на корабле на Камчатке. После демобилизации строил Вильейскую ГЭС в 1991 году. Автор многих книг прозы. Лауреат премии им. А. Платонова «Умное сердце» и премии им. Е. Носова. На Светлой седмице окрещен православным священником Димитрием Дудко. **Живет в Москве и в ярославской деревеньке Старово-Смолино.**

Я не против умных и всяких машин, я не против прогресса. Я так рассуждаю: нож — он не плох и не хорош, не добр и не зол, он — мертвая сталь, но он остр. Им можно резать хлеб, чистить картошку, мастерить дудочки, на которых играют пастушеские элегии; можно прививать деревья, а можно ножом живот человеку вспороть и самому сильно порезаться. Нож не плох и не хорош, но он остр. Надо уметь им пользоваться. Самое главное — в чьих он руках. В руках доброго, культурного, а еще лучше — верующего человека, он служит добрым делам, а в руках неразвитого животного вспарывает...

А сегодня у нас такие острые «ножи»: атом, лазер, ракеты... И еще страшнее «ножи», которые не только тело, но душу человеческую могут так поранить, так изуродовать, не привести Бог. «Цифра», искусственный интеллект, всякие новые технологии, генетика, не только клонирующая животных, но уже и к человеку подбирающаяся...

Чего далеко за примерами ходить. Компьютеры, мобильники, айфоны — эти передовые изобретения прогресса уже угробили у нас два-три поколения и продолжают гробить...

Что же нам делать? Как защититься от этого страшно острого прогресса? Кажется, ответ очевиден: надо, чтобы им управляли люди, могущие обернуть эти чудовищно острые «ножи» во благо человеку. Но что для человека благо? Цифровики, айтишники этого не знают, не думают об этом. Им, как несмышленым детям, интересно играть со спичками рядом с цистерной бензина. Они восторженно, свысока заявляют, что прогресс несет человеку одно полезное, а всех, кто в этом сомневается, думает по-другому, они объявляют отсталыми. Их главная

беда в том, что они не обладают Божественной культурой. Они, в большинстве своем, не верят в Бога, а верят в науку...

Божественная культура зиждется на трех столпах: вере православной христианской, жизни на земле и русской культуре. Почему на вере христианской? Думаю, это даже обсуждать не нужно. Почитайте десять заповедей христианских. Или хотя бы две заповеди о любви: любви к Богу и любви к людям. Если человек их не знает — он не совсем человек.

А вот о русской культуре надо хотя бы немного поговорить, о ее великом значении, особенно в наше время. В замечательном фильме «Позывной "Пассажир"», снятому по роману Александра Проханова (недавно президент присвоил ему звание «Герой Труда»), офицер с позывным «Курок» никак не откликается на просьбу мальчишки Митьки взять его в окопы. Дело происходит в 2014 г. на Донбассе. Митька пытается уговорить «Курка», дескать, он знает пулеметы, автоматы... «Курок» неожиданно спрашивает: «Ты "Евгения Онегина" читал?» Митька потупляет глаза: «Нет, не читал». «Курок» уже решительно ставит точку в их разговоре: «Вот когда выучишь его наизусть, тогда я тебя в окопы возьму». Что русский офицер сказал Митьке и всем нам, зрителям фильма? Для того чтобы стать настоящим русским воином, мало знать автоматы и беспилотники. Прежде всего надо знать русскую Божественную культуру, Россию-Матушку надо знать. «Евгения Онегина» мудрые люди называют энциклопедией русской жизни. Главного Митька, да и многие наши сограждане, пока не знают. Некоторые наши руководители, прельщенные прогрессом, утверждают, что у нас молодежь замечательная. К сожалению, это не так. Кто у нас сегодня диверсии, теракты, пожары устраивает? В основном люди, угрожденные мобильниками и компьютерами. «Курок» прав: главного наши дети, наша молодежь не знают. А вот руководители, прельщенные прогрессом, неправы. Надо бы им на всяких молодежных форумах, беря пример с мудрого русского офицера, героя фильма «Позывной "Пассажир"», внушать ребятам, что хотя они и побеждают на международных олимпиадах по математике и физике, но главного, что делает русского человека человеком, Божественной культуры, они не знают; что пока они еще неграмотные, пока еще маленькие... Вот когда выучат наизусть «Евгения Онегина», тогда с ними можно будет разговаривать по-взрослому. Но, боюсь, нескоро это произойдет — эти руководители сами не знают «Евгения Онегина», сами не обладают Божественной культурой.

* * *

Талантливых людей много, а настоящих, больших художников — мало. Почему так? Кроме таланта, надо еще иметь в душе, в сердце огонь.

Недавно у нас гостили друзья из Абхазии. За столом академик Владимир Константинович Зантария поднял тост за огонь. Рассказал, что у абхазов до последнего времени огонь в очаге никогда не гас. Кто ложился спать последним (кто-нибудь из старших), тот засыпал угли золой, а утром он же раздувал огонь. Это действо происходило у абхазов много-много веков. Этот негаснущий, вечный огонь передавался из рук в руки следующим поколениям. Владимир Константинович заключил: «Очень важно не по новой каждый день зажигать огонь, а поддерживать, хранить вечный огонь твоих предков, а иначе станет у нас все однодневным...».

Наша русская победа в Великой Отечественной войне, наш «Бессмертный полк» — тоже наш вечный огонь. Путин это прекрасно понимает. Поэтому мы празднуем Победу уже 80 лет и будем праздновать, пока стоит Россия. Будем передавать ее от поколения к поколению, как абхазы — огонь очага. Тогда никто нас не победит! Наши враги это понимают и стараются переписать историю, дескать, это они победили фашистов. Хотят отнять нашу Победу, погасить наш Вечный огонь, чтобы тьма нас объяла. Без огня всегда темно...

Главными хранителями наших русских огней много-много веков были крестьяне. Крестьяне и христиане — синонимы. Это почти одно и то же. Они пронесли сквозь пожары и войны, сквозь тысячелетия, веру нашу православную, христианскую, традиции народные и наш великий русский язык. Моя бабушка Нина говорила сплошь пословицами и поговорками, и сама их на ходу сочиняла. К примеру, добавила к известной веселой пословице «В сорок пять — баба ягодка опять» свою суровую концовку: «Которую птицы и в голодный год зимой не клюют». Она имела право так сказать: одна вырастила восьмерых детей и к сорока пяти годам выработалась до невозможности. Какая тут ягодка?! Какие тут мужики?! Моя мама в старости вспомнила почти пятьсот пословиц и поговорок, которые знала баба Нина. Моя жена Марина перепечатала их и повесила на многих листочках на стене возле моего стола. Много лет, прежде чем начать заниматься, я, переходя от листочка к листочку, прочитывал их — поднимался по ступеням бабушкиной мудрости...

Почему же крестьяне, а не рабочие городские, не более образованные, более культурные дворяне, разночинцы всяческие, были главными хранителями русских огней? На мой взгляд, потому что крестьяне общались с живым: с Богом, который живет всех живых (не Ленин, а Бог), с другими людьми, с животными, птицами, с деревьями, с цветами... Даже морковка на грядке — она живая. Более того, крестьяне своим трудом давали жизнь другим. У крестьян ко всему сущему было родное, любовное отношение. Моя двоюродная бабушка Василиса всегда выпускала из дома пчел, ос, бабочек, шмелей. Прихватив их полотенцем на окне, приговаривала: «Мы тебя обижать не будем, мы тебя на волю выпустим». Я тоже, увидев залетевшую в дом крылатую гостью, прошу, как Василиса просила: «Иди, голубушка, на окно, чтобы я смог тебя поймать». Не поверите, почти все меня слушаются, как слушались Василису — садятся на окно. Закутав гостью в полотенце, я непременно вспоминаю Василису. Крылатые как будто затем и залетают ко мне, чтобы я ее вспомнил. Она много чему меня научила. Не только любви ко всякой Божьей твари. Однажды, в конце восьмидесятых, устав от своего бессмысленного разгульного существования, я собрался покинуть этот свет, свести счеты с жизнью. Направился к Москве-реке. Проходя мимо храма, вдруг вспомнил, как Василиса ночью затепливала лампадку на Божнице, становилась на колени. Молилась она шепотом, но мне почему-то становилось так хорошо, так светло на душе. Глядя на храм, я вспомнил благодать Василисиних молитв, она проснулась в сердце, и вместо реки, в которой собирался утонуть, я вошел в ладью спасительную — в храм...

С экраном, с машиной не поговоришь, не погладишь их, не выпустишь на волю. Разве что, сойдя с ума. Я не просто летучих гостей выпускаю на волю — я поддерживаю огонь Василисиной любви к Богу, ко всему сущему.

*Русские крестьяне, 1909 г. Фотография С.М. Прокудина-Горского.
Взято из открытых источников*

Рабочие, инженеры на заводах и фабриках общались с машинами, со станками — с неживым. Да не общались, а, выражаясь точнее, обслуживали их, имели с ними дело. Наш мудрый русский народ говорит: «С кем поведешься, от того и наберешься». Крестьяне водились с живым и набирались жизни, и сами жизнь другим дарили; а рабочие, инженеры водились с мертвыми машинами, с неживым и набирались неживого, мертвого.

На мой взгляд, именно поэтому рабочие стали главной движущей силой революции в 1917 году. В наше время не раз подтвердилось: те, кто с неживым делом водятся, те становятся бунтовщиками. Уж как Лукашенко лелеял и холил своих айтишников, а они вместе с зарубежной сволочью чуть не совершили в Белоруссии цветную революцию. А кто сотнями тысяч убежал из России, когда началась Специальная военная операция на Украине?

Зато наши бойцы на войне, как когда-то крестьяне, все с живым водятся: с Богом (на войне, как известно, атеистов не бывает); с природой. Из репортажей военкоров очевидно, что почти к каждому подразделению прибились в поисках спасения от голодной смерти кошки и собаки. Один фронтовик рассказал, что ночью на его груди, на спальнике, мыши спали. В блиндаже воды много было, вот они и спасались у него на груди. Он не только страну грудью защищает, но даже мышей. Конечно, боец их не сбросил. На войне русский язык хорошо вспоминается. Не только мат. Хотя там и мат простителен. Там мат не от распущенности, там — от невыносимости. В окопах, в госпиталях воины книги читать начали в свободную минуту.

Наш Святейший Патриарх Кирилл уже не раз после Литургии, даря свою книжечку пастве, пояснял: «Я теперь маленькие книги пишу. Большие теперь никто не читает. Маленькие можно в карман положить, можно везде с собой взять». Очень он меня этим словом про маленькие книжки порадовал, перекликнулся он со мной... Наш многоуважаемый Никита Сергеевич Михалков подхватил мое «перекликнулся», но ввел в оборот вместо «перекликнулся» свое «аукнулось». В начале 90-х гг. я в дороге не раз рассказывал очень хорошему человеку Мише Лузгину, из уважения и благодарности к моему писательскому призванию много раз возившему меня на своем стареньком «жигуленке» из Москвы в деревню, что я вопреки всему никогда не брошу свое писательство — буду издавать маленькие книжечки и продавать их, выступая в школах, институтах, на заводах, в воинских частях... Миша слушал меня молча, но я чувствовал — он не верит, считает меня мечтателем, фантазером. Он хорошо видел, куда катится наша страна, что русская культура, русские писатели нынче никому не нужны. Но вопреки всему я осуществил свою мечту: написал и издал больше десяти книжечек, которые можно в карман положить, везде с собой взять. Тиражи последних двух «крохоток» я отослал на войну на Украине. Надеюсь, они лежат в карманах у многих защитников Родины. Не знаю, читал или не читал Святейший Патриарх Кирилл мои махонькие книжечки. Скорее всего, не читал — дел у него неупрочен. Но я, фантазер, мечтаю, что он хотя бы подержал их в руках, и они навели его на мысль, что сегодня лучше всего писать и издавать «карманные» книжечки. Вольно или невольно, Святейший перекликнулся со мной... Поддержал меня... По-михалковски сказать: «аукнулось».

* * *

Нужно нам срочно — промедление смерти подобно — с детского сада прививать детям веру в Бога, прививать любовь к работе на земле, учить их прежде всего не с роботами и айфонами обращаться, а с книгой, с культурой русской. С начальной школы наряду с азбукой и арифметикой на первом месте должен быть «Закон Божий» или для начала хотя бы «Основы православной культуры».

* * *

Мы, православные христиане, — самый радостный народ на земле. Мы все время радуемся. Неверующие даже попрекают нас: «У вас сплошные праздники». А как же нам не радоваться, как же не праздновать — у нас «Христос Воскресе». У других вероучений Бог не воскресал. Нечего им каждый день, каждый миг праздновать. У других вероучений Господь наш Иисус Христос, Бог, не страдал за нас, жизнь за людей не отдавал! Они не знают, что такое Любовь Божья! А мы, христиане, познали Любовь Божью! Никого не хочу обидеть, Боже упаси, но из любви ко всем людям просто говорю правду. Жажду, чтобы все на земле тоже познали Любовь Божью во всей ее полноте...

Все люди могут войти в нашу радость христианскую. Мы не просто восклицаем «Христос воскрес», но хотим донести до каждого сердца глав-

ную истину жизни, что Христос, Сын Божий, отдал за нас жизнь и воскрес. Кто отвечает нам возгласом «Воистину воскрес», тот подтверждает: Бог так нас любит, что отдал за нас жизнь и воскрес для нашей вечной радости. Мы ведь не только сами радуемся «Христос воскрес», но мы всех призываем войти в нашу радость «Воистину воскрес». Мы не навязываем, мы призываем на наш праздник. Хотим всем передать огонь Божественной Любви.

* * *

Нынче многие патриоты ратуют за то, чтобы ввести в школах уроки начальной военной подготовки, НВП. Согласен, но считаю не менее важным ввести уроки труда. Чтобы наши дети с малолетства не на машинах, принтерах и компьютерах, а именно своими руками — топором, пилой, лопатой — что-нибудь строили, мастерили; чтобы сажали деревья, репку, морковку живую — чтобы учились давать жизнь другим... Наша старовская мудрая женщина — баба Настя (она была верующая — поэтому царство ей небесное, а не земля пухом) частенько говаривала: «Главное — пропотеть». Мы, сидя за ее щедрым столом, выпивая не первую чашку чая, посмеивались: мол, какая ты, однако, шутница. А недавно ученые открыли, что человеку, чтобы быть здоровым, надо пропотеть в день не менее восьми раз. А как ты у компьютера, у айфона пропотеешь? У них ты обречен на болезни телесные и душевные. Опять наши крестьяне мудры...

Все мы, русские люди, вышли из деревни. В 60–70-е гг. прошлого столетия многие горожане вдруг рванули на дачи. Теперь понимаю: они не только ради огурчика да помидорчика, а просто душе человеческой уже невольно стало жить в тесном муравейнике среди машин и станков. На даче не только можно было пропотеть восемь раз, но и душу согреть. Здесь душа не только с живой морковкой, с птичками, с деревьями водилась, но и с другими людьми. Город людей разобщает. Здесь не надо здороваться, как в деревне, со всеми встречными — с ума сойдешь; здесь не знают соседей по подъезду, а то и по лестничной площадке. Чуть не написал по «лестничной клетке». Оговорка промыслительная — город — «клетка». А на даче обычно сдруживаются. Знаю многих москвичей, которые не знакомы с жильцами своего подъезда, а на даче настолько сблизились с соседями, что потом в Москве встречаются по праздникам. На шести дачных сотках советские люди пытались не только пропотеть, но и согреть душу, замерзшую от городской мертвечины. Надо, чтобы наши дети, да и все мы, водились не только с машинами, компьютерами и мобилами, а с живым. С кем поведешься, от того и наберешься. В школах надо снова посадить сады, завести живой уголок с какими-то зверьками, птицами. Может, открыть приют для бездомных собак и кошек? У нас в Мухоршиберской школе был конь Ванька. Все его любили — угощали хлебом, сахаром. Однажды завхоз по пьянке забыл распрячь Ваньку на ночь, и мой любимый учитель Михаил Кондратьевич Оленников назвал завхоза фашистом и не разговаривал с ним, пока тот не попросил прощения.

Сегодня мы уже потеряли два-три поколения молодых. Не обладая русской Божественной культурой, они утонули в виртуальном море, запутались во всемирной паутине интернета...

Только на трех столпах может устоять наша русская держава: на вере православной христианской, на русской культуре и работе на земле. Сегодня мы — блудные сыны, убежавшие от Отца с Матерью. Отец наш — Бог на Небесах, мать наша — это Земля. Земля-Матушка, как у нас говорят. Мы и от Бога, и от Земли убежали, но во многом благодаря нашему путеводителю Владимиру Владимировичу Путину возвращаемся к Отцу с Матерью, к Божественной Культуре. Президент в этом показывает личный пример. Правда, этого мало. Он не может заменить всех чиновников, всех учителей в школах, воспитателей в детсадах, преподавателей в университетах. Надо нам всем капитально заняться перестройкой во всех сферах жизни. Прежде всего в образовании, воспитании. Одной постройкой новых школ, одними «Сириусами» и Олимпиадами дело не исправишь. Это всё косметика, это глянец. До сих пор почему-то не можем убрать это ЕГЭ, отучающее школьников мыслить, говорить, излагать все по-русски.

А время летит с ужасающей скоростью. Надо нам становиться на три столпа решительно и бесповоротно. Для этого нужно стряхнуть с себя сонную лень и начать «шевелиться». У нас в деревне Старово-Смолино, когда я жаловался, что у меня что-то болит, мне всегда говорили: «Шевелиться надо». Мудры наши крестьяне...

Человек чуть ли не на 90% состоит из воды. Стоячая вода тухнет, портится, мертвеет. Потому человек должен «шевелиться», должен «течь», как река течет к морю, а он — к Богу, к другим людям, к природе. В истории человечества это лучше всего получалось у русских крестьян. В таком суровом климате они умудрялись не только свою страну кормить, но и другие народы. А как крестьяне в Бога веровали! В наших селах часто не одна, а две церкви стояли. Очень точно, очень глубоко и прекрасно о Святой Руси сказал на последней своей картине «Озеро» русский художник Исаак Левитан. На полотне у него на трех верстах земли — три белых храма! На холсте у Левитана — одно небо! В озере отражаются белые облака и белые храмы. Какое это озеро?! Какая это вода?! Это небо. Какая это земля, если на трех верстах три белых храма! Это не земля, это небо! Картина потрясающе просторна, как просторно небо. Гениально Левитан написал, но с названием ошибся. Вернее, не ошибся, а поскромничал, нужно прямо сказать, что он не «Озеро», а «Святую Русь» или же «Русское небо» написал...

Мне старики рассказывали: многие разбогатевшие на стороне люди приезжали в родное село и спрашивали земляков: «Что вам построить? Дорогу или храм?». Потому у нас так мало дорог и так много церквей. Храмы наши предки выбирали! На Западе все дороги по земле строили и, посмотрите, куда они по ним приехали — в Содом и Гоморру! Ужас. А русские крестьяне выбирали дорогу к Небу. Они знали: шевелиться надо не только телом, но и душой. Душой прежде всего. Потому у нас мало дорог и много храмов. А не только потому, что у нас земля самая просторная...

Еще пришла мне на ум пословица бабы Нины: «Простота, которая хуже воровства». Думая о нашем времени, о прогрессе, я ее часто вспоминаю. Прогресс все навязывает нам: комфорт, удобства и простоту их употребления. Не предлагает, а именно навязывает. Очень назойливо и неотступно. Недавно столкнулся в банкомате с новой программой, где надо еще улыбаться. Думаю, не один я, а многие пожившие на белом свете люди ругнулись: «Может, вы еще сплясать прикажете?» Хотя у нас и так почти вся

страна под их нудную волынку пляшет. Я же вспомнил русскую поговорку: «Когда коту нечего делать, он я... лижет». Простите за грубость, но это правда.

Со всеми этими удобствами прогресс, по сути, зовет, приучает нас, по-русски сказать, «сиднем сидеть», не шевелиться. То есть стать большим и телом, и душой. Вот это и есть простота, которая хуже воровства. Обыкновенные воры материальное у нас похищают — вещи, деньги, а прогресс — здоровье телесное и душевное, саму жизнь у нас ворует. Вся эта простота употребления услуг хороша для больных. А зачем же здоровых людей в больных превращать? Чтобы врачей и фармацевтов без работы не оставить?!

Однажды баба Нина, когда мы по недомыслию освободили ее даже от мытья посуды и подметания полов (мол, ты наработалась — отдохни), стала на подоконнике в мокрой тряпке проращивать яблочные семечки. Попросила меня весной посадить их в садике под окном. Я попытался ей втолковать, что не надо возиться с этими семечками — гораздо проще купить саженцы. Баба Нина не согласилась: «Может, и проще, но не лучше. Посадишь их, вырастут яблони, и ты в жару будешь сидеть под ними в тенечке. Глядишь, и вспомнишь меня, вредную старуху». Я не стал спорить, но всем своим видом показал, мол, конечно, это блажь старческая, но из любви я исполню твое желание. Весной посадил семечки в садике, а баба Нина смотрела из окна и радостно улыбалась. Тем летом она умерла...

Через годы, приехав в родное село, я вспомнил про семечки, пришел к нашему дому, посмотрел. Нет, не выросли. И так мне до слез стало больно. Стоя у нашего садика, я наконец понял: баба Нина хотела яблоню, именно ее руками из семян выращенную. Хотела нас соединить навечно через эту яблоню. Хотела мне свой огонь жизни передать...

Горько мне стало, что я никогда не посижу под бабы Нининой яблоней, не вспомню под ее сенью благодатной, как она глядела на меня из окна и радовалась. Как говорила: «Может, и проще, но не лучше». Запомнил я все очень хорошо. Значит, семечки бабы Нины проросли во мне. Еще я запомнил: однажды ночью, незадолго до смерти она села на пол и заплакала: «Сдвинулось, всё сдвинулось». Она так хотела передать мне свой огонь жизни, а я ей все про простоту... Теперь часто вижу душевными очами: баба Нина глядит на меня из окна, а я сажаю ее, наши, семечки... Значит, передавала она мне свой огонь, без которого нет жизни! Глядя на сегодняшнюю суету сует, мне тоже иногда хочется заплакать: «Сдвинулось, всё сдвинулось».

* * *

У меня есть такое правило: если можешь пройти куда-то пешком — пройди, а не на машине прокатись. В дальние края я всегда предпочитаю добираться на поезде, а не на самолете. На самолете вроде бы легче и проще, но я хорошо помню семечки бабы Нины, помню, что есть простота, которая хуже воровства. Поэтому предпочитаю ходить пешком, а не ездить на машине. Пешком я встречаюсь с другими людьми, с птицами, с деревьями, с цветами. В поезде я даже книги не читаю — все время гляжу в окно. На нашей сибирской дороге от Москвы до Улан-Удэ хорошо помню реки, озера, полустанки, некоторые дома даже помню. Мне кажется, что я и людей там

узнаю. Много раз здесь ездил. На самолете всё мимо, мимо. Жизнь — это встречи: с Богом, с людьми, с природой. Народ сказал: «Тише едешь — дальше будешь». Конечно, тише ехать безопаснее, но почему «дальше»? Всё просто: когда тише едешь, то больше увидишь, со многим встретишься, а не сквозняком мимо всего пролетишь. В нашем Борисоглебском раю я стараюсь ездить не быстрее сорока километров в час. В раю есть на что полюбоваться, есть с кем встретиться.

Иногда встречаю на наших сельских дорогах идущих по обочине пожилых одиноких мужчин и женщин, которые не то что руку не поднимают, мол, подвезите, но даже не оглядываются с надеждой. Идут себе под снегом и дождем. Гляжу я на них, и на душе становится бодро и светло. Еще не перевелись у нас люди, идущие твердо своей дорогой. Есть еще люди с крестьянским огоньком в душе. Они хотят встречаться с жизнью, а не скользить мимо нее. Конечно, и снегом их заметает, и дождем мочит, и со страданием они нередко встречаются, но дома их ждет любящий родной человек, который напоит с дороги чаем, а может, и рюмку водочки поднесет. Так ее сладко выпить с устатку. С устатку водочка самая сладкая. Да всё с устатку слаще. Эти люди знают, что такое счастье встреч в дороге, в доме родном. Идут они по земле своими ногами, своей душой... Счастливы!

В детстве я ходил из школы через луг. Садился на траву зеленую на бережку речки и подолгу смотрел на текущую прозрачную воду. В книге Иова многострадального сказано, что о горе и страдании (если они во славу Божию) «как о воде протекшей будешь вспоминать о них. И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро». Прожив на земле 74 года, я согласен: страдания прекрасны, как прекрасна текущая вода. Бесконечно можно смотреть на нее. Великий абхазский поэт Мушни Ласуриа сказал: «Без страданий — жизнь пуста».

* * *

С наших воинов надо брать пример, а стать настоящими крестьянами у нас навряд ли получится. Слишком далеко мы оторвались. Хотя в России столько земли! Каждая семья может жить в своем отдельном доме посреди цветущего сада, может водиться с живым и другому жизнь давать... Во всяком случае, иммунитет, защиту от бездушного мертвого, наглого прогресса мы сможем обрести, если встанем на три столпа: Веру православную христианскую, жизнь на земле и Божественную культуру. В нашей русской Божественной культуре все говорит о Боге, о душе человеческой, о чувствах высоких и прекрасных, а не о похотях и наслаждениях, не о развлечениях и эмоциях, как на гнилом Западе.

У нас Божественна не только культура до 1917 г., но и почти вся советская. Она тоже о душе человеческой. А где душа, там и Бог! Особенно это заметно у «писателей-деревенщиков». В конце 60-х, в 70-е гг. прошлого столетия, когда прогресс уж начал набирать свою страшную, уничтожающую силу, именно они не дали повернуть вспять русские реки. Безбожные ученые и всякие либералы-прогрессисты предложили тогда чудовищный «проект» поворота русских рек с севера на юг. «Писатели-деревенщики» Василий Белов, Василий Шукшин, Фёдор Абрамов, Валентин Распутин и многие другие русские деятели культуры решительно выступили против

этого безумного движения вспять. И, слава Богу, они победили. Что бы было сегодня с Россией, потерявшей одно из своих главных природных богатств — реки?! Воду, без которой нет жизни. Страшно представить все последствия: не только природные, геополитические, но и моральные, нравственные. Об этом Валентин Распутин написал гениальную повесть «Прощание с Матёрой». Конечно же, это прощание с матерью, с нашей Россией.

Либералы-западники, создававшие тогда элитарную литературу и искусство, подсмеивались над отсталыми деревенщиками. Называли их произведения «бабушкиной прозой». Тогда очень много бабушек появилось в нашей литературе. Я хорошо помню, как редакторы в толстых столичных журналах, когда я предлагал им рассказ «Скоро по ягоду» о Василисе, морщились: «Опять про бабушку?» Глупо морщились. Именно русские, «белые платочки» (так их точно и любовно назвал в одном своем произведении Владимир Крупин — они ходили в храм в белых платочках), в страшные безбожные годы советской власти сохранили нашу веру православную, сохранили русские традиции, наш великий русский язык. Сохранили бабушки русский огонь. Бабушки и «писатели-деревенщики» не дали «утопить» нашу русскую Матерь, нашу Родину-Мать. Спасли великую русскую реку жизни! «Писатели-деревенщики» — это все сыны крестьянские, внуки этих бабушек, этих «белых платочков». Я тоже их внук...

Очень точно сказал о наших крестьянах мой друг, поэт Евгений Юшин:

*Василий мерит синим взглядом,
По стенам, на исходе дня,
Где чинно, со святыми рядом,
Расселась вся его родня.*

По чину крестьяне русские сидят. Рядом со святыми их место!

* * *

Сегодня Апокалипсис (конец света) громко стучится в нашу дверь. Стучится ядерной войной, биохимическим оружием, искусственным интеллектом, стучится всеми этими мобильниками с маленькими, мертво мерцающими экранами. Шум, стук победный, грохот всех этих плодов прогресса мешает услышать вечный призыв Бога на духовный пир (иудеи и Запад в свое время не слышали этот призыв); мешает этот шум прогресса услышать чеховского человека с молоточком, напоминающего каждому о любви к другим людям, к несчастным...

Но все же я верю: мы, русские, опять отодвинем Конец Света. Мы же не с французами, не с немцами воевали, мы отодвигали Апокалипсис, Конец Света. Мы безбожную западную, человеконенавистническую тьму отодвигали. Сегодня на полях сражений на Украине это происходит, наверное, в последний раз. Мы все время воюем с сатанинским Западом. Если нас, русских, победят, тогда Господь Иисус Христос второй раз явится на Землю, и будет Конец Света. Потому Западу надо бы не воевать с нами, не стараться нас уничтожить, а надо молиться, чтобы мы их победили... Тогда они еще поживут и, может быть, очистятся от скверны. Но я верю, что и сегодня мы отодвинем Апокалипсис. Люди Божьи у нас еще не перевелись.

Недавно наша добрая подруга Лидия Дмитриевна (в девичестве Кугушева), потомок славной фамилии князей Кугушевых, но главное, она — потомок духовных чад святителя Феофана Затворника Вышенского. У ее бабушки и дедушки путеводем был этот великий русский святой. Он написал к Кугушевым несколько писем. Благодаря его водительству три поколения князей Кугушевых сумели переплыть без духовных потерь бурное житейское море России в XX веке. Моя жена Марина, филолог-текстолог, подготовила эти письма и издала книгу. Смею сказать, одну из лучших для семейного чтения — «Письма с Выши». Святитель Феофан подвизался в Вышенском монастыре. На слух название книги воспринимается как «Письма свыше». Да так оно и есть.

Чувствую, что и нас с женой святой взял под свое крыло. Под влиянием его писательских трудов я написал эссе «Поучение жене». Я многому у него научился на литературной ниве, и, надеюсь, не только на ней.

И потомков князей Кугушевых святитель Феофан не оставил своим попечением. Недавно внук Лидии Дмитриевны, Никита, спросил: «Что такое Апокалипсис?» Она была потрясена — далеко не все взрослые могут выговорить это слово, а тут четырехлетний мальчишка. Как такое ребенку объяснить?! Но быстро собралась с мыслями — она ведь потомок духовных чад святителя Феофана, одного из лучших духовных писателей и мыслителей. Он умел проще, чем кто-либо на всем белом свете, объяснить самое сложное. Так умел объяснить, что всем становилось понятно. Спросила внука: «Ты видел в храме большую книгу?» Он кивнул. Конечно, мальчик видел главную книгу жизни — Священное Писание, — он часто с бабушкой в храме бывает. Лидия Дмитриевна продолжила: «Там написано, что первые люди на земле жили в райском саду, но согрешили, и Бог отнял у них земной рай. С тех пор людям надо много постараться, чтобы попасть в рай небесный». Не по годам умный внук спросил: «А теперь к делу. Как туда попасть?» Конечно, это сказались, не пропали даром, уроки святителя Феофана, преподанные в письмах предкам Никиты. Не сомневаюсь, Лидия Дмитриевна сумела рассказать внуку, как попасть в Царство Небесное. Когда она заходит в комнату или даже в большой зал, я, не видя ее, спиной, сердцем чувствую — это вошла Лидия Дмитриевна. Она приносит с собой смиренную тишину. Все вокруг сразу примолкают. Не только я проникаюсь ее тишиной. Пусть Лидия Дмитриевна не обижается на меня за добрые слова о ней — я ведь не ее превозношу, а отдаю дань уважения святителю Феофану и его духовным чадам, ее славным предкам, князьям Кугушевым.

* * *

Мой любимый двоюродный дядя Митя, Дмитрий Андреевич Батулин, фронтовик Великой Отечественной, кавалер ордена Славы и медали «За отвагу», прекрасно проживший почти всю жизнь в лесу безо всяких удобств цивилизации, когда ему кто-нибудь говорил, мол, ты при твоих талантах, при такой голове, мог бы далеко пойти, в ответ отшучивался: «Лишь бы был хороший человек». Моя мама, Мария Георгиевна Жиракова, одна, без рано умершего мужа, растила четверых детей, и дядя Митя бесплатно снабжал нас дровами. У нас в суровом Забайкалье дрова называют «вторым хлебом». На родственных застольях мама, очень благодарная своему братанчи-

ку (так она его ласково называла), старалась усадить его на почетное место в центре стола, но он отказывался и притулялся где-нибудь с краю, чтобы в случае нужды помочь маме принести какое-нибудь блюдо, подбросить в печку поленьев, открыть бутылку вина, да мало ли дел у хозяйки на празднике. Ей самой и присесть-то некогда.

Думаю, дядя Митя не только нас снабжал дровами. Когда его долго не видели в нашем селе Мухоршибирь, то люди не просто говорили, что он на лесозаготовках, а с уважением восклицали: «Батура дает кубатуру».

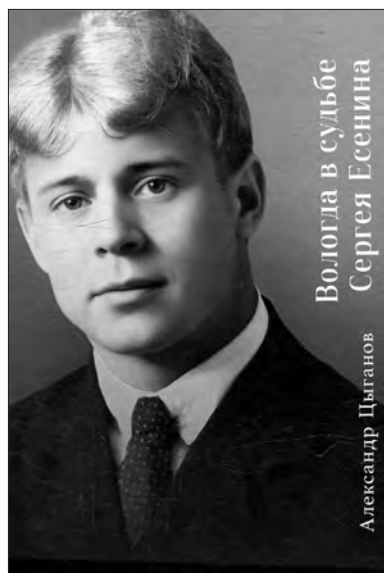
Надо нам раздуть огонь наших дорогих предков-крестьян, пока он совсем не погас под золой. Надо нам держать равнение на дядю Митю, на бабу Нину, на Василису, держать равнение на наших воинов с передовой, и все у нас будет ладно и красиво. Всё будет, слава Богу! Тогда никакой искусственный интеллект, никакая «цифра» нам не страшны. Не смогут они стереть из нашей памяти, из нашего сердца чудесные крестьянско-христианские мотивы... Не смогут!

ВЫШЛА КНИГА

Цыганов А.

Вологда в судьбе Сергея Есенина. Вологда: Родники, 2025. 92 с.

Книга лауреата Государственной премии Вологодской области по литературе Александра Цыганова «Вологда в судьбе Сергея Есенина» — это глубокое исследование, раскрывающее малоизвестные страницы жизни великого русского поэта. На основе архивных документов, воспоминаний современников и редких свидетельств автор воссоздает события июля 1917 года, когда Сергей Есенин обвенчался с Зинаидой Райх в вологодской церкви святых Кирика и Иулитты. Читатель узнает о дружбе Есенина с поэтами Алексеем Ганиным и Николаем Клюевым, а также о трагических судьбах других вологодских спутников поэта. Отдельное внимание уделено исторической инициативе — проекту создания Есенинского парка в Осановской роще областной столицы. Издание, приуроченное к 130-летию со дня рождения С.А. Есенина, сочетает документальную строгость с лирическим повествованием. Это не только дань памяти великому национальному поэту, но и призыв о сохранении культурного наследия Русского Севера. Книга будет интересна как поклонникам творчества Сергея Есенина, так и всем, кто ценит историю русской литературы.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

ПРЕКРАСНЕЙ ВСЕХ РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. Живет в п. Борисоглебский, Ярославской обл.

Х

Он не сердился, когда я заходил к нему в борисоглебский дом без приглашения, да не один, а с друзьями. Наоборот, радовался возможности пообщаться, обсудить текущие дела и события за чашкой чая.

Единственное, что ему было не по душе, — это расспросы: а почему Бог посылает беды хорошим людям? Какие различия у души атеиста и православного? Если вся власть от Бога, то отчего Он не спас Россию от Ельцина, Чубайса, Абрамовича?

Наседавшего на него со своими острыми вопросами местного гармониста-виртуоза Виталия Королёва философ Тростников останавливал тем, что предлагал ему сыграть на гармошке. И так как у того инструмент был с собой, то он выполнял просьбу хозяина дома. Первый наш приход с Королёвым к Тростникову вышел поучительным: хозяин, улышавший ранее игру гармониста в местном Доме культуры на моем творческом вечере, настоятельно попросил приходить в следующий раз с музыкальным инструментом. Зачем, мол, зря тратить время на пустые разговоры, лучше заполнять его искрометной народной музыкой. Саму игру на гармонии он называл врачующей.

К творчеству Королёва Виктор Николаевич относился с почтением. Кажется, что может объединить московского ученого, закончившего физико-технический факультет МГУ, бывшего доцента кафедры высшей математики, а ныне религиозного философа, профессора православного университета, и провинциального гармониста? Может,

Окончание. Начало см.: Родная Ладога. 2025. № 1. С. 251–268, № 2. С. 97–113, № 3. С. 232–248.

Гармонист-виртуоз Виталий Королёв

музыка? Но утонченный вкус профессора выбрал бы для скрашивания свободного времени и преклонения симфонии Чайковского или Рахманинова. А тут игра на обычной гармошке, пусть и оцененная выдающимся музыкантом, руководителем авторской передачи на всероссийском телевидении «Играй, гармонь!» Геннадием Заволокиным. Тростникова, конечно, интересовало мнение Заволокина об исполнительском таланте Королёва, или зачем тот приезжал в Борисоглеб в гости к

гармонисту. Но все-таки ценил Виктор Николаевич местного музыканта за редкую самобытность, оригинальность и за душевное отражение тех мелодий советского времени, которые любил и он сам.

— Ох, как точно ты, Виталий Анатольевич, попал в живую плоть мелодии «Подмосковные вечера»! — восклицал он, прослушав в тишине игру гостя. — А как волнительно звучит твой «Осенний сон»! Сегодня не услышишь ни на телевидении, ни на столичных концертах ни одной песни, берущей за душу, ни мелодии, отражающей русскую народную традицию.

— Наша власть больше беспокоится о себе, о том, как спрятать за границей свои миллиарды, пристроить детей в английские школы, — охотно подхватывал разговор Королёв, пытаясь придать ему остроту и злободневность. — Ладно бы они не понимали народной музыки, но ведь они ее боятся, вдруг народ проснется, начнет возрождать свои корни, традиции? Я видел, как травили Заволокина, боясь, что его движение гармонистов разбудит в людях национальную гордость; вижу, как мне не дают развернуться с моим детским ансамблем «Слухачи-репейники». Почему Бог их не вразумит, не накажет? За что страдает русский человек, лишенный собственной народной культуры?

Тростников вначале горячо разделял мысли гармониста, а затем, замечая уход в бесполезный разговор о политике, прекращал их, объясняя это тем, что постоянное выслушивание упреков разной степени обоснованности — прямая обязанность любого правительственного чиновника, но только не его.

— С неугодными политиками народ разбирается на выборах. Правильно, Анатолий Николаевич?! — обращался ко мне Тростников. — А мы давайте лучше послушаем гармонь. Сыграй, пожалуйста, Виталий Анатольевич, «Огней так много золотых» или «Ночь коротка».

Я соглашался, не собираясь также заводить дискуссии о скрытом уничтожении русской народной культуры теми, кто как раз является властителями дум и чаяний народа.

Королёв беспрекословно замолкал, играл на заказ. Он показывал мелодии знакомых песен только в своей творческой манере, в собственном колорите и при этом выказывал, высветлял особенку.

— Народные песни — лучшие жемчужины в нашей культуре, отшлифованные временем, — хлопал, не стесняясь, в ладоши Тростников. — Песня выражает чувства людей, духовно поддерживает в трудные минуты, объединяет их чувства и волю. Музыка Виталия Анатольевича несет веру в будущее своего народа.

В отсутствие Королёва Виктор Николаевич находил еще больше восторженных слов, адресуя их прежде всего неповторимому дарованию гармониста, его умению продолжать традиции композиторов-народников, привнесению в лирические мелодии то удали, то разухабистости, а то и раздумчивости.

Но если такие встречи позволяли Тростникову открыть в сельских жителях неожиданные таланты, то мне доставляло удовольствие наблюдать в эти минуты за самим Виктором Николаевичем, удивляться его широте души. Он открывался не только талантливым философом, но и удивительным человеком — светлым, благородным, жизнерадостным, отзывчивым и общительным.

И все-таки представление о личности Тростникова складывалось разное. Да, он был человеком открытым и в то же время непостижимым. С одними собеседниками он почему-то считал нужным поддерживать разговор на религиозные темы, отвечать на вопросы о путях спасения души, а с другими отмалчивался, уходил в сторону.

После творческого вечера известного кинооператора Анатолия Заболоцкого, который я организовал в Борисоглебской библиотеке в связи с выходом его замечательного фотоальбома «Лики православия», мы зашли в гости к Тростникову. Ожидания от беседы оказались другими. Казалось, представленный в библиотеке альбом с фотоснимками русских деятелей культуры, которых в народе называют совестью нации, — Владимира Солоухина, Олега Волкова, Дмитрия Балашова, Валентина Распутина, Василия Белова, Татьяны Петровой, Сергея Залыгина, Вячеслава Клыкова, — окажется в центре их внимания. Автор оставил нам целостную и связную серию портретов не только национальных мыслителей и священников, но и живописные образы России с ее храмами и монастырями. Я полагал, что разговор уйдет в воспоминания о том, как Заболоцкий вместе со своим другом, великим Шукшиным, снимал фильмы «Калина красная», «Печки-лапочки», или о том, как была встречена широким читателем новая книга Тростникова «Раздумья в пути». Но старые приятели стали обмениваться мнениями о том, почему на Россию обрушилось столько бед и несчастий, ведь Бог должен уберечь ее от них, тем более сегодня, когда многие русские возвращаются в лоно церкви. Куда исчезли любовь к ближнему, доброта, благотворительность?! В чем разница между понятиями «терпение» и «самопожертвование»? Допустима ли ложь во имя спасения?! Почему в среде писателей все больше тех, кто ставит на себе крест, не находит в себе силы бороться, как Белов и Распутин, за нравственное оздоровление страны, не может даже обрести душевный мир?! По каждому вопросу разворачивалась дискуссия. Она завораживала, и я порой сам втягивался в нее.

Безусловно, на коне, то есть на вершине словесных баталий, был Тростников. Иногда я пытался переключиться на разговор о шикарном фотоальбоме Заболоцкого, который был подарен мною во многие библиотеки и школы области, а в Борисоглебе и Рыбинске даже был презентован ши-

рокому кругу читателей, но Виктор Николаевич был непреклонен. Его невозможно было свернуть с пути. Закаленный еще во времена гонений на церковь и не скрывавший тогда своих убеждений, он и сейчас продолжал их проповедовать. Нет, его, конечно, порадовал альбом Заболоцкого; он его высоко оценил и даже сказал, что рассказ автора о нем для пришедших на презентацию прошел увлекательно и очень полезно. Но подробности коснулись лишь вопросов Заболоцкого: почему Бог не уберегает Россию от несчастий, как спасти страну от лживых западных ценностей... Тростников видел причины в том, что современный человек отчужден от традиционной православной веры, поэтому его стремление найти собственный путь к жизнеустройству и самореализации оказалось без поддержки Бога. Говорил он и о том, что в мире нет идеального или совершенного общества, но люди этого не понимают, а из непонимания того, как устроен человек и общество, как устроена наша нравственность, рождаются непонимание, упреки, революции. Не только в России, но и во всем мире существует множество проблем, решение которых невозможно найти, используя лишь экономические рычаги, — это проблема цинизма, пустоты повседневной жизни, насилия. Нужно воспитывать культурно и духовно крепких людей, а порой нужно думать о собственном спасении, а не о спасении других.

Точно в таком же доброжелательном, основательном и ненавязчивом ключе шел у Тростникова разговор с местным поэтом Константином Васильевым, талант которого он очень ценил. Приняв участие в одной из содержательных их дискуссий о спасении человеческой души, я удивился, что в ней активнее всего принимал участие не богослов Тростников, а поэт, хотя сам был некрещеным. Его волновало, насколько существенно влияние веры на творческое вдохновение поэта. Избегая менторского тона, Виктор Николаевич говорил, что подлинную ценность обретает поэзия того поэта, который обладает внутренним духовным видением. И отклик находят стихи, написанные на том творческом языке, где достижима ясность — та ясность, которая возникает в душах людей.

Многие из этих бесед с жителями поселка Борисоглебский наверняка подвигли Виктора Тростникова к написанию книги «Раздумья в пути». Она была задумана как отклик на разные события, происходящие в многоотрадальной России, ищущей собственный путь развития. Назвав тот путь, что начался с перестройки, головокружительным, автор искал вместе с читателями ответы на самые животрепещущие вопросы, начиная с того, кто такие русские, и заканчивая критикой американского беззакония и бесперспективности навязывания России безумного материализма.

Виктор Николаевич подписал мне свою книгу: «Дорогому Анатолию Николаевичу — близкому единомышленнику и другу».

Я был горд от того, что он назвал меня единомышленником. Даже на миг задумался, чем же я заслужил его признание. Не тем ли, что показал ему исторически значимые и святые для каждого истинно русского человека места на борисоглебской земле, а он в них влюбился?! Скорее всего, правда заключалась в том, что мы часто обсуждали одни и те же острые и весьма спорные события и факты действительности и вместо разночтений и разномыслия сходились в понимании друг друга, разделяя позиции. О том, что Тростников тоже был для меня другом и единомышленником, я написал ему в телеграмме, посланной к его юбилею: «Дорогой Виктор Николаевич! Ваш

жизненный путь отмечен большой и плодотворной работой, глубокими размышлениями о судьбе России и русского народа, и в Ваши юбилейные дни множество Ваших читателей, слушателей, соратников и учеников с особым вниманием всматриваются в строки Ваших книг и с особой силой понимают своеобразие, энциклопедичность Ваших трудов... Всматриваюсь и я, испытываю при этом радость и гордость и за то, что близко знаком с Вами, и за то, что нас с Вами объединяет не только любовь к России, но и любовь к Борисоглебской земле, к Борисоглебскому монастырю, к Борисоглебским слободам, к нашему замечательному поэту Константину Васильеву. И потому я ощущаю Вас совершенно родным себе человеком! Ваше слово писателя, философа, истинного патриота необходимо русским людям в Москве, Борисоглебе и на дальней окраине России!».

В подаренной книге «Раздумья в пути» я нашел мысль, которая часто посещала меня и о которой приходилось говорить с Виктором Николаевичем, а он изложил ее в близком моему духу варианте. Она отражала и его взгляд на судьбу России: «Господь не дал нам умереть только потому, что мы еще не совершили того, что Он от нас ожидает. Поскольку Россия — великая страна, свершение, ради которого ей отсрочен уход с исторической сцены, тоже должно быть великим».

Я знал, что придет время, и Виктор Николаевич напишет или статью, или, может быть, целую книгу, отвечая на те вопросы, которые задавали ему мои земляки Виталий Королёв и Константин Васильев, а также наши общие друзья Анатолий Заболоцкий и Игорь Дьяков.

Мои ожидания не прошли даром. Пусть с запозданием, но он высказал свою позицию по ним, отвечая на вопросы журналистки из «Литературной газеты». Она была обуреваема точно такими же вопросами, а он почти слово в слово повторял то, что я уже давно слышал.

«... — Виктор Николаевич, а что такое душа? — интересовалась грамотная журналистка.

— Это та часть нашего “я”, которая не умрет со смертью тела, останется существовать вечно, — отвечал он. — Это “я” вечный, а тело бренное... Тело — это не “я”, это оболочка, которая нам дается временно. “Я” — это мои чувства, мои мысли, мои желания, мое сознание.

— Но человек — это целое. Душа не может без тела, а тело не может без души.

— Тело дано нашей душе для вспомоществования. Тело помогает душе развиваться, познавать истину. Отслужив свое — отбрасывается.

— Тогда получается, что мы неправильно мыслим, получая беды: мы думаем, что Господь нас наказывает, а Он делает благо.

— Конечно. А кто “мы” так думаем? Святые так не думали. Святые знают, что это во благо. Да хотя бы элементарная логика должна быть... Давайте так: великие святые были любимцами Бога?

— Думаю, да, но при этом они страдали и болели, и это удивляет.

— Вот! Ты сама ответила на свой вопрос. Если Бог, любя святых, усиленно посылает им болезни, больше, чем нам, — значит, они полезны для их души. А самое ценное — это душа.

— Всем кажется, если человек любим Богом, то Господь должен посылать благодать, гармонию.

— Да какая разница, что считает большинство людей? Мы что, голосованием ищем истину? В IV в. после принятия официального христианства

в Римской империи в течение 60 лет господствовала ересь Ария. В середине IV в. — внимание! — все правящие епископы Римской империи, а их было несколько тысяч, все были арианами, кроме одного — Афанасия Великого. А прав оказался он, а не они. Какое голосование в вопросах истины?! Ты все время напоминаешь людей, которые не могут понять истину. Не могут понять — пусть гибнут вне истины. Их ничем не спасешь.

Надо самому утверждаться в истине, тогда ты привлечешь к себе Святой Дух, а привлечешь к себе Святой Дух — спасешь тысячи вокруг себя, если ты уж так заботаешься о других.

У меня никогда не возникает мысли спасти других. Кто я такой? Кто меня назначил спасителем? Мне назначено самому спастись. Вот задача моей жизни. А тогда, опосредованно, спасутся и многие другие. Вот в чем пропаганда христианства, вот в чем миссионерство — стать самому святым, стяжать Святой Дух».

Произошла еще одна встреча на борисоглебской земле с Виктором Николаевичем, которая нас сблизила и в какой-то степени дала понять, почему он назвал меня единомышленником и другом. Вернее, всему виной была не сама встреча как факт, а характер и смысл той беседы, что подарила встречу. Ко мне в гости зашел давний друг, московский журналист Игорь Дьяков. Именно зашел, а не приехал, потому что ему и нашему общему другу Владимиру Мартышину я помог приобрести дом в моем родном районе, в деревне Старово-Смолино. То была громадная бревенчатая изба, пятистенник, разделенная на две половины, в которых поселились две семьи. Несмотря на то что Дьяков и Мартышин работали в близких по духу журналах с ярко выраженной патриотической идеологией — «Молодая гвардия» и «Москва» — и были друзьями и единомышленниками, ужиться в одном доме они не смогли. Ссора на бытовой почве развела их в разные стороны. Для Мартышина, который уволился из журнала «Москва» и переехал работать ко мне помощником, пришлось подыскать другой дом. Дьяков остался, выкупив вторую половину, единственным хозяином дома в Старово-Смолино. Так сложилась судьба, что в этой же деревне я сосватал купить дом еще одному московскому литератору — Сергею Щербакову. Первоначальные добрые взаимоотношения всех четверых москвичей-дачников закончились тем, что Тростников избегал общения с Мартышиным и Щербаковым и охотно шел на встречу с Дьяковым, хотя вряд ли знал, что все они игнорируют друг друга.

И вот мы сидим с Игорем Дьяковым у меня дома и пьем чай. Раздается телефонный звонок... Оказывается, у Тростникова день рождения, и он зовет нас отметить его в узком кругу. Дьяков берет гитару, и мы спешим в гости.

Тростников, увидев гитару в руках Игоря, сразу изменил цель застолья: мы меньше пили и закусывали, больше пели песни, и основным солистом выступил сам хозяин. Никогда бы я не подумал, что ученый-математик, да еще и серьезный богослов, знает столько народных песен и так увлеченно их исполняет. Игорь был в ударе, играл мастерски, без устали, с юношеским задором. Некоторые мелодии подбирал с трудом, но гитара в его руках все равно звучала красиво, ярко, и фальшь была незаметна. Я хоть и подпевал Виктору Николаевичу, но, к сожалению, не все слова песен знал. Хотя репертуар был самый что ни на есть популярный у на-

ших отцов и дедов: «Коробейники», «По муромской дорожке», «Надежда», «Гляжу в озера синие».

Большим подарком для меня стало ощущение причастности к великой русской песенной культуре. Порой морозец мурашками пробегал по спине. А голос Тростникова уверенно и непринужденно продолжал литься по комнате и волновать сердце. В такие минуты люди становятся ближе друг другу, в них раскрываются разные таланты. Я давно почитал могучий дар философа Тростникова, а теперь высоко оценил его замечательный голос, вобравший от родной природы силу и красоту.

Самодетельный концерт закончился неожиданным разговором о местных борисоглебских делах. Я лестно отозвался об очередной газетной статье Виктора Николаевича. Дьяков подхватил, назвав его великим философом... Сказано это было то ли в шутку, то ли всерьез, но хозяин дома не промолчал.

— Великий у нас только твой, Игорь, сосед — Сергей Щербаков, — сказал он.

— Что, он более велик, чем Мартышин?

— А при чем здесь Мартышин? Щербаков сам нарек себя великим.

— Из Мартышина так и прет величие. Раньше он Анатолия просто поучал жить, а теперь ругает на каждом шагу — его не устраивает, что он депутат Госдумы, хотя сам был его помощником, потому сюда и приехал жить. Критикует его главу района, его местных депутатов, состоящих, как и Анатолий, в партии «Справедливая Россия». Все у него некудышные люди, лишь он один правильный. Дело дошло до маразма, когда он, защищая памятники Церетели, выступил против писателей Белова и Распутина. Потом настроил московских писателей и руководство Союза писателей против Анатолия, и те хотели исключить его из Союза писателей, да против их гонений восстали те же Белов и Распутин.

Тростников давно знал, какие религиозные разногласия развели меня и Мартышина по разные стороны баррикад, однако решил зачем-то продолжить этот разговор.

— А что меж вами произошло, Толя? — спросил он. — Ты же меня с ним знакомил как с другом, вместе восстанавливали святой источник Иринарха, выходили на субботники, организовывали Иринарховские чтения. Я тебе говорил, что на него очень обижен священник из села Павлово, отец Николай. Мартышин забрал у него редкие церковные книги и записи и не отдает, грубит, оскорбляет. Мы хотели обратиться в полицию, а ты меня тогда отговаривал, сказал, что Мартышин пишет книгу о родословных, и лишний скандал нанесет его замечательной школе моральный урон.

Я хорошо помнил ту скандальную историю. Отец Николай ко мне приезжал жаловаться на Мартышина, в его глазах стояли и слезы, и недоумение. Он полагал, что книги были украдены... Попытка образумить Мартышина через обращение к церковным иерархам обернулась чуть ли не выговором ему. В ту пору Мартышин и новый настоятель монастыря, игумен Иоанн, проводили совместную агрессивную политику по навязыванию себя в качестве духовных лидеров, забывая, что назначать и выбирать — не одно и то же. Но если Мартышин был известен в районе как помощник депутата, активный журналист, то молодого отца Иоанна, не имеющего ни высшего образования, ни духовного опыта, мало кто знал. И чтобы придать авторитет, возвысить в глазах борисоглебцев настоятеля монастыря, Мар-

тышин избрал безнравственную тактику, не устраивающую меня в корне, о чем я ему не раз говорил. Он не только приписывал ему организаторские способности, что именно отец Иоанн возродил колодец Иринарха, решил проводить Иринарховские чтения, но и задумал писать некие религиозные статьи за него. На мой вопрос: «Зачем тебе это надо?» — получил ответ, что это надо не ему, а отцу Иоанну для повышения статуса. В объявленной ими войне сотрудникам местного краеведческого музея и реставраторам я встал на сторону последних. А Тростников тогда поддержал мою позицию. Но в отличие от меня, ставшего ездить на службу в церковные праздники в Троице-Сергиев Варницкий монастырь к игумену Силуану, Виктор Николаевич ездил на службу к отцу Николаю в Павлово село. Борисоглебский монастырь он не игнорировал, службы посещал, но хождение туда было скорее будничным делом, чем душевным и радостным событием. После некоторых критических высказываний Виктора Николаевича на нестрогое каноническое проведение служб в храме отцом Иоанном, на неухоженность монастыря в зимнее время, Тростников предложил мне поехать к владыке Иосифу в Ярославль или к самому Патриарху РПЦ в Москву и просить о замене настоятеля. Вмешиваться в кадровую церковную политику я отказался, но по просьбе отца Николая вел переговоры с владыкой Иосифом, а потом и с владыкой Кириллом. Из всех бесед меня расстроило лишь одно их признание, что влиять на игумена Иоанна — дело опасное, так как за ним стоит важный чекист, а он друг Мартышина. Я знал про телефонные звонки и угрозы бывшего сотрудника КГБ Макарова, потому оберегал Тростникова от конфликтов и защищал себя и друзей самостоятельно.

— Наши расхождения тебе известны, — ответил я на заданный вопрос. — Мне не по душе менторство, вождизм, фарисейство и меркантилизм. Духовника выбирают самостоятельно, его не назначают. И как можно брать власть над человеком в свои руки путем принуждения, страха? Нет, Бог — это любовь, а не страх. Тут Мартышин заблуждается. Любовь дает власть над человеком. Если Мартышин хочет, чтобы за него принимали решения, то это его убеждение. Тут мы вновь разнимся. Когда за тебя принимают ответственность, значит, ты не столько усредненный человек, не имеющий убеждений, сколько равнодушный и пустой. Я тебя приму в лидеры, но прежде ты стань таким, каким мы хотим тебя видеть.

— Многие православные принимают такие его слова как проявление гордыни, — заключил Тростников. — Гордыня взяла над ним власть, иначе бы он так не поступал.

— Да он просто фарисей, — добавил Дьяков. — Я ему обязательно письмо напишу, причем открытое, ведь мы тоже были друзьями, и я имею право высказать ему свою правду в лицо.

— Давайте я тоже выскажу свое мнение о том, кто прав, а кто нет, — предложил Тростников.

— Не надо, ребята, ничего писать, — возразил я. — И так много всего уже написано. Из-за этого конфликта мы потеряли власть в районе. Сегодня я уже не могу ни картинную галерею построить, ни школу экологов, ни музей летописца Авраамия Палицына. Слава Богу, школу искусств успел отстроить. Мартышин увлекся педагогикой, ему удалось создать уникальную школу с русской системой обучения, и мешать ему не стоит — это не патриотично.

Спустя время писатель Игорь Дьяков все же решил опубликовать открытое письмо под названием «Фарисеи предают и гордятся этим». Он не выдержал молчания, так как конфликт на борисоглебской земле продолжался, и написал сурово, но по-дружески:

«Дорогой Володя!

Прошло — страшно подумать! — почти четверть века с того осеннего дня 1988 г., когда мы с тобой после настойчивых уговоров нашего общего друга Толи Грешневикова остановились, зачарованные, перед красавцем-домом в деревне Старово, что под Борисоглебским. Охнули вместе и вместе решили его купить. Потом кинули монетку, чтобы определить, какая половина чья, и дружно в течение нескольких сезонов жили семьями, пока ты не нашел свой нынешний дом в Кучерах.

...Когда же приходили испытания, мы всегда чувствовали плечо друг друга. И Грешневикова как “коренник” был всегда рядом, был всегда безупречен. Помнишь, как в полугодное начало 90-х мы даже хранили в его подвале наш урожай? Как уже много позднее, будучи депутатом, Толя выручал твоего сына Лёшку, и тот вместо кутузки отправился служить на корабль “Ярославец”?

Как только он, что называется, вошел в силу, он добился предоставления тебе, как многодетному отцу, четырех комнатной квартиры в Москве. Ты занялся фермерским хозяйством (всегда восхищался твоей созидательной энергией) — и Грешневикова “выбивает” для тебя машину и трактор. Ты стал директором Ивановской школы — и сразу почувствовал помощь от Грешневикова. Газета “Новое время”, в которой главным редактором наша добрая подруга, жена нашего друга Галина Грешневикова, все годы печатала об Ивановской школе достойные материалы, заслуженные во многом твоим подвижничеством. В ходе недавних предвыборных баталий ты открыто и печатно, в грубой форме нападаешь на Грешневикова, фактически называя его лжецом и клеветником.

Это повергло меня в шок.

Именно сейчас, когда Анатолий Грешневикова, семь раз избиравшийся в федеральный парламент от Ярославской области, повел масштабную и решительную борьбу за будущее родного края, когда ему как никогда важна поддержка, ты всаживаешь ему нож в спину?

...Охолонь, Владимир Сергеевич!

Ведь тебе глядеть в глаза людям, тем же школьникам твоей великолепной Ивановской школы. Как бы не вышло конфуза, как бы авторитет директора и церковно-общественного деятеля не разрушен был бесом откровенного фарисейства».

Тростников прочтет эту статью с запозданием. Поругает мягко за мягкотелость, выраженную в толстовском «непротивлении злу насилием», и удивится, почему я не предпринял никаких шагов, чтобы дать отповедь фарисействующим.

— Плохо, когда заблуждения продолжают жить, — пришел он к выводу. — Странно не то, что человек на тебя обижен или завидует чему-то, а гораздо еще страннее тот факт, что он, умный и свободномыслящий, стоит под знаменами фарисейских заблуждений. Меня по жизни преследовали клевета и подозрительность. Спасала любовь. Православие поставляет миру душу, любовь. У современного общества есть потребность в душе и любви.

Но может ли фарисей нести людям любовь, если он не осознает ее значение, ее важность?! Тут должно помочь личное самосознание. Но гордыня не дает это сделать, человек продолжает верить в то, чему настроил себя заранее. А как известно, любой обман начинается с самообмана.

Уже после кончины Тростникова я понял, какими пророческими оказались его слова. Особенно это прочувствовал на вечере его памяти, состоявшемся в конференц-зале Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, куда я пришел вместе с главным редактором православного журнала «Русский дом» Александром Крутовым. Среди выступающих был директор школы Владимир Мартышин. Когда-то на литературном вечере в Борисоглебе Виктор Тростников прочел доклад, в котором проследил религиозность поэзии некрещеного поэта Константина Васильева и высказал надежду, что «Господь за его страдания, его стремление и за его прекрасную поэзию, возвышающую души людей, смилостивился над ним и взял его в Свои светлые обители». Теперь Мартышин, не будучи на том вечере, припомнил Тростникову те слова и осуждающе сказал, что «многие, наверное, не соглашались с ним и категорически не соглашались».

Конечно, Мартышин не понял того промыслительного доклада и той светлой надежды, что выражены были в докладе философа и богослова. Я даже некоторое время переживал, что не возразил ему на том памятном вечере, не объяснил, отчего и зачем были сказаны слова о смилостивившемся Боге. А потом подумал: у Тростникова есть книга «Мы — третий Рим». Она написана не в публицистическом стиле, а в виде поэмы. Выходит, когда Тростников размышлял в докладе о значении поэзии Васильева, то думал не только как богослов, но и как поэт. И если Мартышин внимательно прочтет книгу, в которой говорится без загадок о значении «великого пророчества», то, может, и прояснит для себя суть высказанных Виктором Тростниковым надежд. Мне они очевидны. Виктор Николаевич подарил эту книгу мне с надписью: «Дорогому Анатолию с любовью от автора». Я ее часто перечитываю и вижу, как в каждом четверостишии сквозит не только любовь к России как к последней хранительнице спасительной Христовой Истины, но и к каждому русскому человеку. Он умел любить...

Последняя встреча с Виктором Николаевичем состоялась в родном Борисоглебе, в доме моей помощницы Натальи Матюхиной. То был незабываемый песенный вечер. Именно песенный, потому что таким его задумал и провел Тростников. На нем и песен прозвучало больше, чем под гитару Игоря Дьякова. И исполнителей было гораздо больше — кроме семьи Матюхиных и меня с женой, гостями были художники Вячеслав Стекольников и Млада Финогенова. Сам Виктор Николаевич был со своей верной спутницей жизни Галиной Ивановной. У меня было небольшое тревожное ощущение, что Тростников, узнав о приглашении на вечер семьи художников Стекольниковых, может передумать приходить. На одной из их выставок он назвал их обычными художниками, каких много, и я месяц с ним сухо разговаривал и бранился. Но, к счастью, он про тот инцидент забыл.

Заслуга Натальи Матюхиной была не только в ее инициативности, в желании собрать за одним столом интересных людей с родственными душами, но и в том, что она записала тот потрясающий вечер на телефон. Можно смело сказать — сохранила его для истории.

В самой встрече тоже ничего не было случайного. Виктор Николаевич тепло и благодарственно относился к Наташе и потому, что она душевный человек, и потому, что многократно помогала перепечатывать его статьи, написанные от руки. К тому же часто посылала эти материалы то факсом, то электронной почтой в редакции журналов и газет. Но еще одна загадочная черта характера проявилась в Тростникове в ту пору — он стал напрашиваться в гости, пусть стеснительно, но говорил: «Что-то мы давно не виделись, приглашайте в гости, пообщаемся...».

И надо отдать ему должное, он никогда никому не отказывал в приезде, в желании помочь. Одно

дело, когда его звали в Москве выступить на радио «Радонеж», и он ехал и выступал, — то его призвание, и к тому же все происходило в городе, где он жил и трудился. Совсем другое дело — прибыть на отдых в Борисоглеб и оттуда мчаться в Переславль-Залесский и помогать в возрождении Никольского монастыря. Причем ехал не один, а вызывал из столицы своих друзей — архитектора Дмитрия Соколова и иконописца Евгения Ключарева. Он выступал в монастыре на чтениях с докладом, посвященным святому князю Александру Невскому. По признанию настоятельницы монастыря, игуменьи Евстолии, Тростников вдохновил ее и насельниц на создание книги «Беседы в Годеново», в которой рассказывалось о значении знаковой для истории России святыни — Годеновского креста. Более того, по их приглашению он выезжал в село Годеново и неоднократно присутствовал там на службах.

Неоднократно по первому зову хранительницы храма во имя святителя Николая Ирины Дмитриевны Зайцевой, выезжал Виктор Николаевич в село Никола-Бой. В тех краях, где произошла знаменитая битва князей Юрия Шемяки и Василия Тёмного, я бродил с ним, пересказывая истории из своей книги «Копье Пересвета». Особо уважая князя Василия Второго Тёмного, он расспрашивал, где проходило сражение, почему дружина Василия проиграла... В ту пору храм, хоть и возвышался на пригорке, будто русский богатырь, но из-за разрухи и поругания вызывал горькие чувства. Мы смотрели на его величественные своды и молчали. Но прошло немного лет, как к религии резко изменилось отношение, и храм стал восстанавли-

Годеновский крест

ваться. Тростников приезжал сюда уже с другим настроением. Он помогал здесь организовывать православный фестиваль, установить копию Годеновского креста и даже написал гимн Николаю-Бою.

На приглашение Натальи Матюхиной прийти вечером в гости и попить чайку он тоже откликнулся сразу. И только мы все успели расположиться за столом, как он взял бразды правления в свои руки и ненавязчиво, но вполне уверенно предложил спеть несколько известных песен. Рассчитывать на отказ не приходилось, так как наша сплоченная команда всегда горела энтузиазмом, дирижер выглядел жизнерадостно, а главное, среди нас был большой любитель русских народных песен и романсов Вячеслав Константинович Стеколыщиков. Где бы мы ни находились и какой бы праздник ни отмечали, он находил возможность порадовать нас своим пением, своей приверженностью к народной культуре.

Наш разношерстный и неумело подготовленный хор все же справился с задачей и исполнил первые песни: «По муромской дорожке», «Всё стало вокруг голубым и зеленым...», «Надежду».

Каждая песня давала возможность обсудить ее, вспомнить историю ее создания. Виктор Николаевич с радостью пускался в рассуждения, восторженно отзывался о тех поэтических словах, что брали за душу, например, «Без расставаний не было бы встреч». Мы втягивались в беседу и говорили о божественном даровании Пахмутовой, о забвении ее великого творчества в годы либеральных русофобских времен... Негодовали по поводу того, что нынешнее время не рождает талантливых возвышенных песен.

— Я плакать хочу, когда слышу «Стою на полустаночке...», — говорит Тростников. — Это почти молитва. Народ был поющим.

— Отцы и дети пели одни песни, — поддерживаю разговор я.

— Мы из той жизни — задушевной, тонкой, — включается в разговор Стеколыщиков. — А сегодня в Москве день города открывал концертом Григорий Лепс с ужасной песней «Рюмка водки на столе».

— Мне, Слава, особенно нравится песня со словами «Край сосновый, солнце встает, у крыльца родного мать сыночка ждет...».

— Не зря говорят: все гениальное — в простоте, — высказываю я свое удивление красивым стихотворным строкам. — Край сосновый... Сразу наш Борисоглеб вспоминается.

Наш репертуар расширяется. Мы вдохновенно поем «Эх, дороги», затем «С берез неслышен, невесом, слетает желтый лист...».

— Был бы Виталий Королёв, он бы сыграл «Осенний лист», — неожиданно Тростников вспомнил нашего знаменитого гармониста. — Что замечательно, так это то, что сам собой возник предмет разговора, который я бы хотел поднять. Значит, он актуален. А предмет вот какой — советский период в русской истории.

В эту минуту я понял, что Тростников заранее определил, собираясь в гости, о чем ему хотелось бы поговорить в кругу друзей. Его никто не перебивал, не мешал, а наоборот, слушали внимательно, давая понять, что готовы к дискуссии. Он продолжил:

— Очень интересный, очень противоречивый период, и самое время его сейчас осознать. Когда только закончилась эпоха, то за деревьями не видно леса, много эмоций, и, как писал Есенин, «Лицом к лицу — лица не увидать». Если эпоха отодвинется далеко, тоже плохо. Я думал, какой оп-

тимальный срок для осознания ее? Думаю, что пятьдесят лет. Роман «Война и мир» написан ровно через пятьдесят лет после наполеоновских войн, эпопея Фолкнера о гражданской войне в Америке — тоже через пятьдесят лет. Через сто лет будет вранье. Сейчас как раз возникает интерес к советскому периоду. Мнения самые разные. Одни говорят, что революция — это несчастье, что это случайность. И если бы Николай II на станции Дно расстрелял эту делегацию, которая предлагала ему отречься, подавил бы хлебный бунт, мы жили бы сейчас великолепно. Абсолютно неверно — революция была неизбежна. Россия так, как она жила в XIX в., жить дальше не могла. Правильно говорили большевики: низы не хотят, верхи не могут так жить дальше. Это так и есть. Потому что кризис с крестьянством охватил весь крестьянский мир. Потому что было отнято у людей то основание, на котором основывалась вся жизнь, — это стремление к высокому, если хотите, — религиозный инстинкт. Человек стремится приобщиться к чему-то, что превосходит его личное, индивидуальное существование. По-разному понимается высокое — боги, идеи. Но человек по своей природе тянется к высшему в себе. Этим он отличается от животных. И получается интересная вещь. Когда человек стремится к высокому, неземному, идеальному, у него в практической жизни все получается очень ладно, потому что это единение с идеалом, во-первых, вливает в него жизненную силу, и он приобщается к этой высокой силе. Во-вторых, это стремление к высокому организует (почитание святыни) внутренний мир человека. Вносит иерархический порядок, он получает удовлетворение от своей жизни, он становится выносливым, радостным, терпеливым, доброжелательным. И таким идеалом для европейских цивилизаций было христианское учение. Но христианство породило такую силу, которая его же и убила, — науку. Наука достигла таких фантастических успехов в использовании материи, в организации материальной жизни, что люди перестали искать высшее, идеальное, сосредоточились на земном. И все пошло наперекосяк. В Евангелии есть очень хорошая фраза: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, и все остальное приложится вам». Надо стремиться к высшему, и тогда земное само устроится. И это подтверждается исторически. Откуда возникла великая европейская цивилизация? Из христианства, из стремления к неземному. И все земное тогда получается потрясающим — и искусство, и живопись, и архитектура. Наука возникла — она же из богословия возникла. Богословие научило абстрактному мышлению, а отсюда один шаг до математики, которая — в основе любой науки.

— Потрясающе! — воскликнула Млада Финогенова, проникшись речью Тростникова. — Я в восторге!

— В XIX в. уже нельзя было верить в существование какого-то надземного мира, все стали материалистами, — продолжил Виктор Николаевич. — И, конечно, империи, которые еще сохранялись, христианские империи, были обречены. Возьмем нашу Российскую империю. Наместник Бога — миропомазанный царь. Он имеет непосредственную связь с Богом, и он управляет народом. Народ видит в нем высшую фигуру. В XIX в. кто в это верил? А сам Николай верил в свое миропомазание?

— Раз отрекся, значит, не верил, — предположила Финогенова.

— Ну, это не совсем так. Он отрекся не от миропомазания, а от политической власти. Я хочу обратить ваше внимание на один момент: Александр III

умер в 1894 г., и на престол вступил Николай, а миропомазание Николай II совершил только в 1896 году. А чем он тогда отличается от президента? Так, значит, вера самого Николая II под вопросом. Он был верующим в бесовском смысле. Если бы он был верующим, он в тот же день совершил бы обряд миропомазания. Рухнули почти одновременно, кроме Российской, еще три империи: Австро-Венгерская — Габсбурги, Германская — Гогенцоллерны и даже Османская. Осталась только Британия. Но она особая, у нее колонии. Россия не была обречена, но была неизбежна смена бытия. Никто не уважал царя. Революция предложила новые идеалы, и, заметьте, весьма высокие. Взяли за основу марксизм. Но если взглянуть в наш научный коммунизм, он весьма далек от марксизма. Смотрите: марксизм выступает за уничтожение семьи и государства. Советская власть укрепляла семью и усиливала государство. Я хочу сказать: то, что предложил Маркс, было взято за основу, но переработано национальным сознанием...

— Русский народ, как сказал писатель Валентин Распутин, переварил коммунизм и перестроил его на свой лад, — добавил я.

— Да, переварил, — согласился Тростников и продолжил свою мысль: — И было создано как бы христианство без Христа. И Сталин это понял, он пошел навстречу народному чаянию и сказал: «Возможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране». Это абсурд с точки зрения марксизма! Маркс говорил: «Только мировая революция!». Никакого коммунизма в отдельно взятой стране быть не может. В 1941 г. Сталин выступил с поразительной речью, он начал ее: «Братья и сестры!». Прямо как в церкви. «К вам обращаюсь я, друзья мои!». И после этого он назвал в качестве примеров, которым следует подражать, шесть князей, классовых врагов: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина (хотя он не князь), Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Кроме того, Сталин задолго до войны заказал фильм «Александр Невский», причем контролировал его съемку, ему постоянно показывали то, что сняли, практически он был соавтором.

— И не только «Александр Невский», еще был снят фильм «Александр Суворов», — подчеркнул я. — А сразу после войны, в 1946 г., — «Адмирал Нахимов».

— Согласен, до войны были сняты патриотические фильмы. Я хочу теперь сказать не как аналитик, историк и философ, а как очевидец. Никто из вас не застал довоенное время, а я застал. О советской эпохе надо судить не по описаниям историков. Они описывают ящик, в котором находятся люди, а каково было наполнение — чувствами, мыслями, желаниями? Как жил народ в это время? Я был участником этой жизни, жил этой жизнью до войны, я вам скажу: это было замечательное время, время величественных надежд и упований. В коммунизм верили. Мой дядя, не сумасшедший, молодой человек, довольно умный, как-то мне сказал: «Витя, через десять лет мы будем заходить в магазин и брать все бесплатно».

— Мне кажется, и мы верили, — согласилась с мужем Галина Ивановна.

— У меня очень простая формула, описывающая советскую эпоху. Революция привела к ленинизму, оставляя другую святыню своим идеалом, в отличие от Запада, который вообще отказался от всех святынь. Вот здесь развилка между Россией и Западом. Запад стал целиком материалистическим. Там все внимание сосредоточилось на материальной жизни. Я, когда

был студентом, слушал «Голос Америки». Там говорят: «Америка — самая религиозная страна». Потом я дважды побывал в Америке. У них божество — это доллар. У всех доллар на первом месте, на втором — семья и прочее. В этом смысле советская власть спасла наш идеализм, мы не стали потребителями. Моральный кодекс строительства коммунизма был списан с Евангелия. Вот смотрите — самоотверженность, то есть самоотдача. Блаженны нищие духом — там смирение, а здесь скромность, это важный момент в воспитании. Дальше — служение, и есть служение — христианское служение. Дальше — прочность семьи, выгоняли из партии за измену. Советский период в русской истории — неотъемлемая часть нашей истории, закономерная и спасительная. Эти ложные, но высокие идеалы идиотского коммунизма спасли наше религиозное чувство. Есть еще одна вещь, которую я знаю больше пятидесяти лет. Мы все мечтали куда-нибудь выехать. Разговорился как-то с Шафаревичем. Он знаменитый математик, и он рассказал, что к нему как-то приехал математик из Америки, они пообщались несколько дней, и вдруг он ему говорит: «Слышите, какая у вас свобода!». Шафаревич изумился: «Какая же у нас свобода?». «У вас можно ругать евреев!». «А что у вас — нельзя? Что же — в полицию сразу?». «Какая полиция? Сразу выгонят с работы». Так вот о советской эпохе... Почему она была высоких идеалов? Доказательство этому — изумительные песни, которые практически молитвы, и изумительный кинематограф — такого кино не было и не будет. Песни — чудо. Давайте споем.

В кармане Тростникова зазвонил телефон. Он вынул его и быстро переговорил. Потом пояснил:

— Звонила Фатима. Мусульманка прочитала мою книгу и приняла православие.

— Сколько ей лет? — спросил Стекольников.

— Лет тридцать, — ответил Тростников. — Пройдемся хронологически по советскому периоду. Это все песни советских лет. Когда только начался социализм, был большой подъем душевный, вера. И люди шли на подвиг. Знаете «Марш энтузиастов» Дунаевского, слова из него: «Нам нет преград ни в море, ни на суше...».

Он поет про «энтузиастов». Мы подпеваем. Потом без паузы вместе с ним начинаем петь: «Лейся, песня, на просторе...».

— Обратите внимание, мы спели песню 30-х годов, — говорит Тростников. — Музыка В. Пушкина, слова А. Апсалона. А теперь споем...

— «Путану», — весело шутит Стекольников.

Комната наполняется смехом.

— «Надежду» Пахмутовой.

После задорного хорового исполнения Тростников продолжает свою тему:

— А теперь сравним песни. Обе песни на одну тему. Люди покидают дом, расстаются с близкими и уезжают. В первом случае — понятно, зачем. Чтобы принести родине новые завоевания, чтобы утвердить свою родину, стояние на арктических просторах и т.д. Во втором случае — конец советского периода. Непонятно, чего они там делают, на фига они сюда приехали... Это внутренняя эмиграция. А я еду, а я еду за туманом. Были люди, которые ехали завоевывать для отчизны нелюдимый берег, а теперь эти бездельники — за туманом, за запахом тайги... Начинается великим Дунаевским и кончается великой Пахмутовой...

Так весь вечер и прошел в песнях да в разговорах о канувшем в историю советском периоде жизни. Тростников делился воспоминаниями о встрече с Высоцким, рассказывал, как чекисты хотели посадить в тюрьму Окуджаву, да не знали, за что уцепиться. Меня до глубины души тронуло упоминание песни «Услышь меня, хорошая...», любимой песни писателя Василия Белова, с которым я дружил долгие годы. Находясь у него в родной деревне Тимониha в гостях, я записал эту песню в исполнении самого Василия Ивановича, играющего на гармошке. По признанию Тростникова, ему посчастливилось не раз встречаться с писателем, а один раз даже ехать в поезде в одном купе — разговоров тогда было переговорено много. Через два года я вспомню про рассказ Тростникова о Белове и попрошу его написать для книги воспоминаний о писателе очерк про то, о чем они говорили в ту далекую поездку и какое влияние на него оказало творчество вологодского самородка-гения. И Тростников меня вновь удивил тогда: он первым откликнулся и написал свой очерк для книги, составителем которой довелось быть мне.

Еще с того вечера в доме Матюхиных у меня осталось доброе впечатление об этом удивительно стойком и честном человеке — он пострадал от советской власти, лишился работы, был гоним и презираем, но испорченная молодость не позволила замкнуться и держать обиду на страну. Наоборот, Виктор Тростников нашел в том периоде гонений на церковь и верующих нечто высокое и заслуживающее уважения, что позволило ему, состоявшемуся писателю, философу и богослову с крепким духом и убеждениями, не только выстоять, но и послужить родине и вере предков.

Спасение России он, безусловно, видел только в одном — в возвращении к православной вере. Это смущало хозяйку дома, Наталью Матюхину. В написанной ею статье, посвященной тому песенному вечеру, она посетовала на себя, что не задала Тростникову вопрос: а что делать с ними, с атеистами? Не будут же их загонять силком в церковь? Упомянув, что в России уже были гонения и на язычников, и на старообрядцев, она не сказала о другом: что хваленый атеистами коммунизм гораздо больше уничтожил русских людей, и палачами выступили как раз атеисты-космополиты. Нет и вопроса самой себе: почему так скоро рухнул советский коммунизм с его учением «религия — опиум для народа»? Оказывается, этот продукт советского воспитания имел хрупкую идеологию. Сегодня никто не загоняет людей в церковь, у нас свободное вероисповедание. Но те, кто хочет достичь научных, творческих и духовных высот, которые покорились Виктору Тростникову, тот должен хотя бы задуматься о корнях его побед и взять у него посильный, поучительный урок. А оставленные в тот вечер в доме Натальи Матюхиной листочки с текстами песен, исписанные почерком Тростникова и которыми мы почти не воспользовались, подскажут нам всем, какими прилежными и патриотичными должны быть ученики.

Обретение веры предков не может быть ни плановым, ни насильным. Из бесед с Тростниковым я вынес главный урок: именно такие люди, как он, приводят к вере заблудших, космополитов и либералов не через насилие, а посредством примера и убеждения. А чтобы понять таких подвижников и философов, как Тростников, необходим личный контакт — с историей, с православной культурой, с землей и небесным сводом. Но

если либерал-атеист остается при своем убеждении и продолжает считать, что все высокое — это сплошное притворство и лицемерие, и лучше жить по их правилам «Все дозволено, раз Бога нет», то мне остается только одно: выразить сочувствие обездоленным нигилистам.

— Виктор Николаевич, чем так привязала вас к себе борисоглебская земля? — задал я вопрос Тростникову, когда он попросил меня помочь ему с выбором места на нашем кладбище. — Почему она для вас особая, более святая, чем для других?

— Почему твои родные места столь благодатны? — задумался на миг Тростников и с радостью в голосе ответил: — Видишь ли, третьим уделом Богородицы стала после Грузии и Афона наша с тобой крещеная Русь. Царица Небесная покровительствовала русской земле. Она помогла со строительством Софийского собора в Киеве, в свой день рождения подарила нам победу на Куликовом поле, избавив нас от Тамерлана в Москве и Ахмата на Угре. Она являлась нашим преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому. Но чтобы Ее ходатайство за Русь перед Богом было более вещественным, Она явила нам свою Владимирскую икону, освящающую Центральную Россию, и Тихвинскую икону, освящающую Северную Русь. Так что, дорогой мой Толя, наш Борисоглеб защищен с двух сторон покровом Владимирской и Тихвинской икон Божией Матери. Здесь эти дуги совмещаются.

— Какое грандиозное открытие! — воскликнул я. — Самое удивительное, я душой и сердцем чувствовал, что родная борисоглебская земля — святая, ведь здесь бывал сам преподобный Сергей Радонежский, объединитель русских земель, выбирая место под строительство монастыря, а в этом здешнем монастыре желал остаться, приняв постриг, сам Иван Грозный, здесь родился и вырос святой Иринарх, благословлявший Минина и Пожарского, в деревне Протасьево вырос будущий летописец и келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын. Да я тебе уже пересказывал свою книгу «Копье Пересвета». Не зря сюда рвался и приезжал работать в деревню Опальнево великий русский писатель Фёдор Абрамов. Жаль, что не все борисоглебцы отдают себе отчет, каким историческим и духовным богатством обладает наша родная земля. Вам нужно незамедлительно поделиться своим открытием с земляками, написать статью об этом в местную газету.

Не прошло и двух недель, как в газете «Новое время» появилась статья Виктора Тростникова «Под двойным покрывалом». В ней он повторил сказанное мне, лишь в более откровенном и подробном варианте. Я бы пожелал борисоглебцам иметь ее в каждом доме, вложив в рамочку и поставив на полку, чтобы дети и внуки вырастали, зная ее суть хотя бы вкратце:

«Когда на большие праздники составляют длинный стол и одной скатерти на него не хватает, берут две. Но кладут их не впритык, а так, что одна находит на другую, и какой-то участок стола оказывается под двойным покрытием. С таким участком можно сравнить нашу ростовско-борисоглебскую землю. Она является северной оконечностью Центральной России и потому освящается Владимирской иконой, но в то же время это южная оконечность Северной Руси, освящаемая Тихвинской иконой. Это двойное покровительство проявляется и явно: вблизи Борисоглеба, на расстоянии 15 верст друг от друга, находятся храм Владимирской иконы в Давыдове и храм Тихвинской иконы в Павловом селе. Наше продолжение на юг — Мо-

сква, Рязань, Воронеж; наше продолжение на север — Ярославль, Вологда, Архангельск; а мы — и там, и там.

Двойное покровительство Пречистой Девы сказалось на том, что именно на этой земле воздвиглись великие личности и произошли великие события, определившие ход всей русской истории. В 19 верстах от Борисоглеба родился и вырос преподобный Сергей Радонежский, благословивший Дмитрия Донского на битву с Мамаем, а в 25 верстах — родился и вырос Иринарх Затворник, благословивший князя Пожарского на изгнание поляков из Москвы. На этой дважды благодатной земле вспыхнула и угаšla последняя княжеская междоусобица, сначала в Николо-Бое, а потом под Семибратовом, и победивший Шемяка Василий II стал первым всероссийским правителем. Неоценим духовный вклад преподобного Сергея в дело объединения Руси и создания великого Российского государства. Основанный им монастырь не случайно посвящен Пресвятой Троице, ведь воззрением на Нее “побеждается ненавистная рознь мира сего”. Этот монастырь он выдвинул ближе к Москве, так как именно ей было предназначено собирать русские земли. Но в самом Борисоглебе он благословил своих учеников Фёдора и Павла основать монастырь в честь Бориса и Глеба — тех самых князей-страстотерпцев, память о которых оставалась в течение столетий немим укором для враждующих князей и толкала к примирению».

Тростников остался верен себе, своим жизненным убеждениям, выстраданной любви как к России, так и к ее малой частичке земли в святом укромном местечке под названием Борисоглеб. И эта земля, и ее великая история, и местные люди стали для него настолько родными, близкими по душе и притягательными, что он завещал похоронить себя на ней.

Его неожиданное открытие двойного покровительства Богородицей своему родному Борисоглебу позволило мне понять, почему он выбрал местом своего захоронения святую борисоглебскую землю. Проявляя живой интерес к культурной жизни и судьбе Борисоглеба, Виктор Тростников решил укорениться в нем и духовно связать себя с ним и с его святостью навечно.

Есть в дне его ухода из жизни мирской определенный знак свыше, и провидение, и благодарение... Виктор Николаевич скончался в день памяти мученика Виктора и удивительной иконы Богородицы «Призри на смирение».

Михаил ЗАРУБИН

МОИ НОВЫЕ ПУТИ

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н.С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Я возвращался в Иркутск из Приозерска с инструкцией от моего нового управляющего: уволиться и паковать вещи. И тут начались проблемы, такие, которых я прежде не знал, как не знал и того, что они не раз еще будут повторяться в моей жизни. Меня с моим заявлением об увольнении начали водить по всем инстанциям, в том числе в партком, хотя я не был членом партии, уговаривали и одновременно просили понять ситуацию в тресте и остаться. Вспомнили о семье и жилищных условиях: «Как, вас четверо в двухкомнатной квартире?!» Тут же предлагали квартиру из четырех комнат. Шел в ход и такой железный аргумент: «не для вас Европа, вы проиграете во всем, вас там не ждет ничего, кроме разочарований». Словом, не отпускали.

Поняв, что я стоял и буду стоять на своем, переключились на мою жену. Нина Андреевна, к тому времени уже депутат Иркутского горсовета, работала в дирекции строительства Академгородка, была в городе человеком известным и уважаемым. Ее лично приглашал и беседовал с ней заместитель председателя Президиума Восточно-Сибирского филиала, просил, чтобы она повлияла на меня и отговорила «от глупостей», как называли в верхах идею нашего переезда. Естественно, тоже были обещания всевозможной поддержки — уровень зампреда позволял решать любые вопросы.

Меня эти постоянные «не делать глупостей», как сказали бы мои внуки, доставали. Но они же открыли и другое: вот когда я себя увидел уже как бы со стороны. До меня начало доходить, что я чего-то стою! Вспомнилось, как незадолго до этого я был награжден медалью к 100-летию со

дня рождения Ленина. Я всегда относился к этому с искренним уважением и считал большой для себя наградой, вне зависимости от того, какое на дворе политическое время, что нас, награжденных медалью, на целое строительное управление было всего трое. Награда эта, безусловно, многое значила как оценка.

Хорошо это или нет, только я не слушал предостережений и посулов. Желание двигаться к новому засело во мне настолько глубоко, что, казалось, пригрози мне всеми муками, прошел бы и через них. Впрочем, продолжая эту дантовскую метафорическую линию и постигая, что такое ад и не ад после того, что пришлось пройти уже на новом месте, я понял, что попал точно не в рай.

Вот к этому, то есть к первым впечатлениям от Сосново, я и хочу перейти. О том, что предшествовало, — кратко: я приехал сначала один, потом семья, потом багаж, потом устройство — это у всех происходит примерно одинаково.

А вот на рабочем месте сразу началось то, что в устах начальника управления выглядело вполне благонравным и заманчивым пожеланием: «Приезжайте — определимся». Как и положено, стал я принимать объекты. Начальник участка, тот, который должен передавать мне стройки, подводит меня к зданию, доведенному до второго этажа. Достая блокнот и начинаю делать записи, как меня учили и как я до этого проделывал много раз. Мой провожатый без особого любопытства, скорее для поддержания разговора, спрашивает, что это такое я делаю. Я, конечно, удивляюсь — думал, что так принято везде. Говорю:

— Нужны же цифры, объемы, чтобы посчитать, сколько выполнено работ, сколько осталось до полной готовности.

Теперь удивляется он:

— А чего считать, акты на пятый этаж уже подписаны, готовность под крышу есть.

— Так, — с сомнением думаю про себя, — а что же ждать на другом объекте?

Подходим — фундамент не выше лопухов.

— А здесь, — спрашиваю, — какой этаж готов по отчетам?

— Дай вспомнить, — говорит мой коллега, — точно, этот дом еще в позапрошлом квартале сдали.

В общем, прикинул я — итог плачевный, нет ни одного объекта, где бы не было завышения объемов. На бумаге по моему участку работ перевыполнено не меньше чем на 400 тысяч рублей, если не на полмиллиона. К сегодняшней действительности привязать это непросто, даже если вспомнить, что доллар в те годы официально стоил около 60 копеек. Понятней, возможно, будет через рабочий эквивалент этих завышений: не менее полугода мой участок должен делать только то, за что уже отчитались. А что в отчетах подписано, то уже оплачено. Но ведь участку надо еще на что-то жить. То есть надо не только старое доделывать или, как принято говорить, отрабатывать за «чужого дядю», а что-то и самим зарабатывать и строить какие-то новые объекты, уже собственные. Ведь за тем я и приехал, чтобы строить от собственного имени, которым я дорожил, чтобы строить и проявлять себя.

Можно сказать — руки опустили, а можно сказать и покрепче. Но как ни скажи — обижаться, по большому счету, не на кого. Никто тебя, как при-

нято говорить в нынешних парламентских кругах, не подставлял, значит — сам виноват. Конечно, виноват, что в первый приезд не осмотрел объекты, не сосчитал объемы. Возможно, второго бы и не было. А теперь что?..

Первое и вроде разумное желание — дать в Иркутск телеграмму, что буду возвращаться. Но понимаю: вещи упакованы, контейнеры заказаны, семья на чемоданах, ключи от квартиры, скорее всего, уже сданы в жилконтору. Как все это можно повернуть назад? К тому же я не очень-то был уверен, что смогу найти в себе силы вернуться в свое старое управление и начинать все заново.

После пары бессонных и мучительных ночей я пришел к начальнику Сосновского управления. При всей безысходности я почему-то увидел в моем положении не внешнюю и очевидную его сторону, не одну только обреченность, но вызов, толчок к действию, к тому, чтобы побороться, и решил принять вызов.

Начальник, который не мог не понимать ситуации, только спросил:

— Ну как?

Отвечаю:

— Решил остаться.

— И правильно, — сказал он.

Потом добавил:

— У тебя, Михаил Константинович, один такой участок, а у меня — все три.

И началась работа. Из всего, о чем я получил представление в первый свой приезд, оказалось реальным только то, что от моего Сосново действительно до Питера было рукой подать. Но города, как некогда мечталось, я не видел долго. Основная площадка у моего участка была в Мичуринском — в 25 километрах от Сосново. Там мы построили профтехучилище, дома для мелиораторов, общежитие, спортивную базу для «Трудовых резервов».

Личная жизнь тоже кипела — я не о том, что приехала семья, это понятно. Но ко всему прочему меня — неожиданно для меня самого — избрали председателем профсоюзного комитета Сосновского строительного управления. Попутно избрали еще и депутатом сельского совета в Сосново. Оказалось, так было принято. Я долго допытывался, кто за меня голосовал, какие дома, пока секретарь сельского совета, не сумев толком ответить, не сказал мне:

— Миша, отстань...

Так я и оставался народным избранником в моем Сосново, пока не уехал в Выборг. А ведь точно так же было во всей стране, скажут тысячи, если не сотни тысяч людей. Ну а поскольку вся страна так жила, то и мое отношение к депутатству было простое. Сказать, что я жутко спорил по поводу избрания, — нет, не было такого. Сказать, что мне это было неприятно, тоже нет — придавало статус.

Разнообразие в производственную жизнь вносила манера нашего управляющего решать кадровые вопросы. Если что-то ему не нравилось, он сразу брал крайность:

— Я тебя увольняю!

Был у нас начальник участка, который вел большой объект по линии Сельхозтехники, — его уволили. Другой строил школу — тоже был уволен.

Тут хорошо бы задать вопрос: «Что же получилось в конечном итоге? Не был ли следующим я?» Совсем наоборот: мне поручили руководство всеми «освободившимися» участками, соответственно, и ответственность возложили. Так я стал в одном лице начальником трех участков, пусть и не на очень продолжительное время, мне даже выделили персональную машину.

Потом было еще одно повышение — как особого рода заменитель стандартной формулы: «Я тебя увольняю». Но о нем скажу чуть позже. А вот что касается моего «совместительства», то не думаю, чтобы три участка разом кто-то мог долго выдержать. И все же польза от этого, если смотреть с позиций будущего, была наверняка. Сказать, когда пригодились мне основские уроки работы на пределе человеческих возможностей — через пять лет или десять, и при каких точно обстоятельствах, — трудно. Может быть, когда меня самого избрали управляющим трестом? Или позднее, когда плановая экономика рухнула, а рынок еще не пришел, когда на наших глазах гибли солидные строительные организации, и мы боролись за наш 47-й трест? Впрочем, так ли уж важно прояснять вопросы «когда?» и «где?». Может быть, достаточно того, что это было, и это пригодилось, в чем я абсолютно уверен.

НА ПУТИ В ВЫБОРГ

Когда я ходил в начальниках участка, конечно, бывало всякое. Не всё следует помнить. Но одно могу сказать наверняка: как производитель работ, самостоятельно ведущий конкретный объект, я не был удобен для трестовского начальства.

Еще с первого моего замера, с тех первых строк в моем блокноте должно было стать ясно: строить этажи на бумаге я не буду и обхаживать представителя заказчика, чтобы тот подписал липу, я тоже не намерен. Это не могло не дойти до управляющего трестом. И такое явно не могло нравиться. То, что мне не пришлось услышать пусть даже в виде предупреждения «Я тебя увольняю», — не показатель. Со мной поступили по-другому. В трестовских кабинетах решили, что со мною будет меньше хлопот, если перевести меня на другую должность. В результате меня, сохранив как работника, вежливо попросили в начальники производственного отдела. Это, надо заметить, было повышение! Но когда знаешь мотивы, то получается забавный парадокс — наказание с повышением или наказание через повышение.

Наступили достаточно трудные для меня времена. Во-первых, я никогда не работал у кого-то в заместителях. В данном случае — все равно, как это называть: заместитель или начальник отдела. Мне с первых шагов в профессии, еще со студенческой практики, давали самостоятельный или, скажем так, обособленный объект, и я сам организовывал все дело.

Самостоятельный объект — личная ответственность. Вот к чему я привык и, смею надеяться, имел навык. Во-вторых, работа в отделе, пусть его начальником, или, как мы называем, камеральная работа — это совсем не то, что живое дело на стройплощадке. Я понимал камеральную работу, разбирался в ней, но все время ловил себя на мысли, что приходится постоянно напрягаться, делать через силу. Но возникли новые обстоятельства. Появляется некая альтернатива: на место начальника управления приходит мой давний, еще по Сибири, приятель, которого я же сам и «выманил» из

Иркутска, а при этом должность главного инженера управления оказывается незанятой.

И надо заметить, что не только я — все понимали: это как бы моя должность. Хотя мне ее не предлагают, но и никого другого главным инженером не берут. Начальник мой, поскольку сам решить этот вопрос не мог — не его уровень, ходил к управляющему, ходил, как рассказывали, и повыше, в райком партии. И будто бы оттуда, из райкома, было разъяснение: «Зарубин — не член партии, потому и не назначают его».

В рядах КПСС, как тогда выражались, я не состоял не оттого, что у меня были какие-то особые взгляды или я испытывал к членству в партии негативное отношение. Еще в иркутскую бытность старшие товарищи меня подталкивали или, говоря в терминах тех лет, агитировали вступить в партию. Но также мне популярно тогда объяснили, что наша партия — это партия рабочих и крестьян. Дескать, дорогой товарищ, мы тебя примем с большой охотой, но ты должен уговорить и привлечь еще трех рабочих. То есть рабочие тоже должны написать заявление в партию. Уговаривать кого бы то ни было мне, честно говоря, не захотелось, и тема вступления как-то незаметно закрылась.

Поэтому слышать вновь о вступлении в партию мне было, по меньшей мере, странно. До тридцати с лишним лет дожил и как-то без этого обходился. И потом, были у меня сомнения: начальнику, первому лицу, — тому требовалось, я точно это знал, но чтобы обязательно быть партийцем главному инженеру — такого порядка не слышал. Главному — достаточно своей головы. Мой сибирский приятель, Анатолий Фёдорович Ивайловский, со мной спорил, уговаривал вступить, доказывал, что должность главного нам нужна обоим. Сказать, что я шибко долго ломался, — не скажу. Но при этом предупредил, что рекомендацию возьму у начальника соседнего управления. Тут недовольство начали выражать наши трестовские партийные руководители, доводы были примерно такие:

— Рекомендации должны быть от рабочих, и в вашем стройуправлении имеется пять членов партии, вот у них и берите, Михаил Константинович, рекомендации. И нечего выдумывать свои правила.

А для меня это было принципиально — чтобы писал рекомендацию человек, которого я хорошо знаю и которого уважаю. И поехал я в горком партии в Приозерск. В горкоме мне сначала начали тоже втолковывать про тот порядок, когда рекомендовать могут лишь те, кто вместе работает и состоит в одной первичной организации.

— Хорошо, — говорю, — давайте о порядке. Что из того, что одно управление у нас в Сосново, а другое — в Приозерске? У нас в тресте одна первичная организация?

Специально для молодежи поясню: первичная — это низовое звено или подразделение, или ячейка в партии, которое обладает правом приема новых членов, хотя их решения утверждают потом стоящие выше.

— А если первичная — это трест, то я, как и любой человек из треста, к одной партиячке отношусь. Так — по уставу партии или не так?

Инструктор горкома на меня задумчиво посмотрел, подумал и говорит:

— Да, правильно!

В общем, как и было задумано, и в том же порядке, который мне удалось отстоять, меня приняли в партию. Теперь следовало ожидать, что дол-

жен определиться вопрос с моей работой. Но время идет, а никакого движения не видно.

И тут мне сообщают из Выборга: предлагается должность главного инженера управления. Это было примерно такое же управление, как наше, только базировалось оно в Выборге, а объекты у него находились одновременно в Выборгском и Приозерском районах. Предложение это меня заинтересовало и устраивало по всем статьям! В Сосново мы обжились, но это хорошее и очень популярное у питерцев сугубо дачное, летнее место. А зимой? Зимой здесь совсем другая погода-природа: пасмурно, малоллюдно, кругом одни сугробы и густой вечнозеленый лес. Детей выпускать на улицу — хоть страховочный шнур, как у альпинистов, привязывай. В общем, мы всей семьей съездили в Выборг, до этого никто из нас там не был, и провели семейный совет. Городок нам понравился, будущая наша квартира — тоже. Заявление о переводе в Выборг писалось с легким сердцем и надеждой.

Но этим дело не кончилось! Бумага и весть о ней дошли до Приозерска, и началась настоящая драма. Меня вызывает управляющий:

— Почему главным инженером не идешь? Иди занимай кабинет...

— Не могу занимать, — отвечаю, — в Выборг надо, слово уже дал.

Тут обо мне вспомнила партия. Вызывают меня в горком, и лично первый секретарь горкома, и сейчас помню его фамилию — Отставнов, начинает мне рассказывать про партийную дисциплину. Если бы не партия, подал бы в трест заявление об увольнении или переводе, и дело с концом. А тут:

— Мы тебя обяжем остаться!

Но слабину во мне не почувствовали, хотя надеялись, действовали спокойно, используя только убеждения. Наверное, помогло мне время: шел 1979 г., оно внесло свои коррективы, и в партии тоже начали понимать, что одними приказами политику не укрепишь.

Поскольку партия не хотела понять, что первая обязанность коммуниста — приносить больше пользы стране, и если ему, коммунисту, доверяют более высокую работу, а это и есть повышение его отдачи, то я решил уходить из треста без снятия с партийного учета. Поэтому дальше начинаются переговоры между Выборгским и Приозерским горкома КПСС. Приозерск требует наказания за неподчинение партийной дисциплине. Выборг возражает что-то по линии трудового законодательства. Фабулу подогревает то, что я еще не член партии, а только кандидат: взыскание может означать одно — не прошел кандидатский стаж. Поэтому не исключаю, что не в законодательстве дело, а все проще: Выборгу не нужен был кандидат в члены партии с взысканием, не хотели портить отчетность.

Примерно полгода продолжалась эта тяжба: быть Зарубину коммунистом или не быть. Потом кто-то дал команду: «Быть!» Может, сами договорились или кто-то сверху помирил горкомы, только вдруг вежливо приглашают меня в Приозерск. Принял меня уважительно знакомый Отставнов, поблагодарил за работу. Что-то сказал про мою настойчивость. Дескать: «Похвально».

Это было своеобразной формой извинения. Хотя я вообще ничего и ни от кого не ждал и не хотел, в том числе извинений. Пишу это без мемуарного лукавства: гарантия, что «монета чиста», уже в том, что я приехал в Ленинград без связей, мне некого было просить. Ситуация разрешилась сама в мою пользу: я хотел работать — мне дали работать. Для меня этого было достаточно.

НА ПУТИ В ЛЕНИНГРАД

Так я сменил Байкальское море на Балтийское. Управление, где я стал главным инженером, занималось сантехническими работами: а это вся разводка труб в домах, тепловые сети, газ, водопровод. Оно входило в трест № 45 Главзапстроя, одного из двух крупнейших главков Ленинграда. В большинстве квартиры построены трестами Главленинградстроя, а все строительство на Северо-Западе — жилое и большие промышленные объекты, в том числе в Ленинграде, — это все Главзапстрой.

Я говорю о Главзапстрое, чтобы показать географию. Хотя мой дом теперь был в Выборге, но там я только ночевал, да и это не часто удавалось. Все объекты по части сантехники, вплоть до финской границы, были в ведении нашего управления, а значит, и на моей ответственности. Все уголки Выборгского района помню до сих пор. Кроме этого, я работал как субподрядчик с трестом № 67, с которым только что расстался, работал в том же Приозерске. Поныне непонятно, почему нужно было меня делить, когда я остался строить для того же Приозерска и никуда, по сути, из района не убегал, и партийной дисциплины — в том виде, в котором ее подавал горком, никак нарушить не мог.

За четыре года работы главным инженером в Выборге я изучил район, лучше освоил дело, прибавил как организатор. Можно, конечно, спросить: «А так ли все было?». Если бы что-то было не так, то не случилось бы того, что случилось дальше.

Прежде чем перейти к этому «дальше», хочу сказать, что мои планы, если говорить о высокой перспективе, были связаны с тем, что жить мне в Выборге нравилось, и работа была по душе. Словом, оставался бы в Выборге до пенсии, если б однажды утром меня не позвали к телефону. Междугородный звонок:

— Вы Зарубин?

— Да, я Зарубин.

— С вами хотел бы переговорить управляющий трестом № 47 Кучма Григорий Никифорович.

Берет трубку управляющий:

— Здравствуйте, Михаил Константинович. О вас, как о выдающемся профессионале, уважительно отзывался главный инженер вашего 45-го треста. Мне это известно от его жены, Раисы Васильевны, она у нас работает главным бухгалтером, и я хотел бы узнать о ваших планах и возможности перевода в Ленинград.

Ленинград свалился на меня совершенно неожиданно, и я что-то, помнится, согласно и радостно отвечал, что, в принципе, такая возможность для меня — честь. Так оно и было.

Завершился разговор приглашением Кучмы:

— Если это окончательное решение, Михаил Константинович, приходите и поговорим более детально.

На другой день приезжаю в Ленинград, в назначенное время захожу в приемную управляющего 47-м трестом. Мне говорят:

— Григорий Никифорович ждет вас.

Вдохновленный таким многообещающим началом, я с удовольствием отвечал на вопросы управляющего. А слушая его, узнавал о том, что его

начальник, в прошлом председатель профкома, не очень этой должности соответствовал, но теперь об этом и говорить не стоит, поскольку он ушел — и нужен новый начальник.

Концовка беседы с Кучмой была такой:

— Мне вы принципиально подходите, переговорите в парткоме и оформляйтесь.

Прихожу в партком. Секретарем в это время был Виктор Семёнович Епишин, он и теперь с нами в фирме работает, и то ли сказав «наконец-то», то ли — «милости просим», звонит он в Кировский райком партии и договаривается о встрече. А мне объясняет:

— У нас с вами разговор окончательный, но надо для порядка согласовать в райкоме.

В Кировском райкоме вопросы были такие:

— Судимы были?

— Нет.

— Где работали?

— Строил то-то и то-то...

— Вы знаете, что такое объединение «Кировский завод» и какая ответственность там работать?

— Знаю.

За этим следует эффектный финальный аппаратный аккорд:

— Ну, тогда я согласовываю.

Звоню Григорию Никифоровичу:

— Все согласования пройдены.

И тут снова вспоминает обо мне партия: по тому же сценарию, только теперь роль Приозерска взял на себя Выборг. Начинается известная карусель. Вызывают меня — нетрудно догадаться — в Выборгский горком партии.

— Вы, — говорят, — из должности главного инженера давно выросли.

— Интересно, — думаю, — что будет дальше?

— Мы давно хотели вам, Михаил Константинович, предложить должность начальника Ремстроя — Управления Выборгского жилищного хозяйства.

Надо сказать, что место это просто восхитительное, поскольку далее ведет только два пути: либо спиться от подношений, либо провороваться — вся поступающая в район сантехника, все дефицитные ванны и зарубежные унитазы находятся в руках этого начальника. Работая в Выборге, я не мог не видеть, как там начальников меняли регулярно: или вовремя, пока еще не за что сажать, или с опозданием. Очередной начальник, видимо, сделал свой выбор с достаточной откровенностью, и настало время его заменить, а тут как раз я подвернулся.

— Спасибо, — отвечаю, — за приглашение, но не могу.

— А партийная дисциплина?

— С партией, — говорю, — все согласовано: Кировский РК Ленинграда дал добро.

— А при чем тут Кировский РК, ты куда уходишь? — спрашивают меня.

— В трест 47, строить Кировский завод...

— Быть того не может! — это они мне говорят, а на лицах читается другое: «Да кто тебя, провинциала, туда возьмет?». По их представлениям, Кировский завод — это так высоко, что без связей попасть туда нереально.

Ну, думаю, тут нужно что-то поубедительнее моих слов. И тогда по моей просьбе снабдили меня приказом по Главзапстрою, которым Зарубин М.К. из треста № 42 переводится в трест № 47 «Кировстрой». Подписи начальника Главка на том приказе, правда, не было, но никто ее особенно не искал — главное, что была бумага на бланке. Тут горкому говорить уже нечего, поэтому карусель завершилась достаточно быстро. Секретарь Выборгского горкома лично поблагодарил меня за работу и по-отечески напутствовал, дескать:

— Ты там нас, выборжан, не подводи!

И я отправился на Кировский завод не подводить выборжан и лично первого секретаря Выборгского ГК КПСС. А если всерьез — здесь вроде бы мне положено воскликнуть восторженно:

— Здравствуй, Ленинград — Петербург!

Но когда я начал принимать управление, то восторги забылись, а первое, о чем я вспомнил, оказавшись в Питере, — это «приезжайте — определимся», то есть самые первые шаги на ленинградской земле и самые первые свои профессиональные впечатления.

ВЫШЛА КНИГА

Фёдоров М.И.

Они тоже воевали... Солдаты СВО и герои нашего времени. М.: Вече, 2025. 480 с. (Битва за Новороссию).

В новой книге Михаила Фёдорова рассказано об участниках Спецоперации — летчиках, десантниках, операторах беспилотников, мотострелках, штурмовиках, ветеранах милиции, чьи сыновья на СВО, а они заняты гуманитарной помощью бойцам. Автор приводит волнующий рассказ командира батальона «Барс» о добровольцах, захвативших Дорожнянку, штурмовавших Червоное, дравшихся на линии Площанка-Кременная.

В книге повествуется о трех смельчаках, кто спасал людей в «Крокус-Сити-Холе».

О летчиках, ставших на пути движения колонн мятежных вагнеровцев на Москву.

В книгу включена документальная повесть «Выстрелы у деревни Оськино» о драме, разыгравшейся в одном из отрядов ЧВК «Вагнер».

Автор рисует картину недавних событий, взволновавших нашу страну.

Яков ШАФРАН

«И СТИХ В ПОЛЕ ВОИН»

Яков Наумович Шафран — родился в 1950 г. в поселке Брагин Гомельской области Белорусской ССР. Поэт. Имеет два высших образования. Автор 8 книг прозы и поэзии. Лауреат многих всероссийских литературных премий. Публикуется во многих периодических изданиях. Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Член Тульского областного общества «Знание». Живет в г. Туле.

* * *

Зима чередуется с летом,
А пашня опять в ковылях,
И, клубами дыма одета,
Стенает от взрывов земля.
На фронте сейчас всё в накале —
За артой продолжится бой.
Вот с неба, безжалостно жаля,
Летит управляемый рой.
Траншеей распорото поле.
Здесь осенью холод и грязь.
Дурманом бесчувственна к боли,
Всё ломит нацистская мразь.
Но шквальным огнем остановлен,
Отброшен противник назад.
В атаку с мужским предисловьем
Поднялся российский солдат.
Поднялся за мать, и за дом свой,
И за не рожденных детей,
На бой против жизни содомской
И против вторженья зверей.
Поднялся, как встарь, за Россию,
Как прадеды, дед и отец,
Поднялся, свой страх пересилив, —
Хоть бьет смертоносный свинец.
И с ним, не скрываясь за спины
И трусостью не запятив,
Шагнули России мужчины,
Ведь честь на все время одна!

* * *

Плачут соседки-березы.
Холод, и вот уж зима.
Только на западе грозы,
Движет на Родину тьма.
Темная сила клокочет,
Тянет в кровавый нас бой.
Нет, и не будет жесточе,
Злобы, корысти слепой.
Бросился Запад в атаку,
Чтоб захватить нашу Русь
И превратить все в клоаку,
Где будет царствовать гнусь.
Жарко на линии фронта.
Жесткая эта война.
Русская битва не фронда,
Сердцем ведется она.
Сердцем восстав против ада,
Против позора ярма,

Русский в защиту собрата
Западу планы сломал.
Встал он не с теми, кто в неге,
В непротивлении злу,
Встал он не с теми, кто в беге
Предал родную страну.
С равнодушными встал он,

С теми, кто верен Руси,
С теми, кто прочен, как Сталин,
Знает — Победа вблизи.
И потому наши дети
Могут спокойно играть.
Жизнь защитив на планете,
Жить будет Родина-Мать!

* * *

Навалились беды времена.
Та беда пострашней урагана, —
Налетела коварно, неожиданно
Беспощадная, злая война.
Отовсюду рыданья земли.
То лютует звериная злоба
Вновь теснящего нас русофоба.
Замаячило рабство вдали...
Но не дрогнули силы страны —
Не забыты отцовы победы,

И в сердцах их святые заветы, —
Поднялись за Россию сыны!
Зазвучал над землею набат,
На молитву к Отцу призывая,
На Победу нас всех подымая,
Чтоб сберечь жизни наших ребят.
Тот набат пусть нарушит покой
Всех пассивных и всех равнодушных,
Лишь достатку, уюту послушных!
Пусть народ встанет мощной стеной!

* * *

Смерч пролетел над землею.
Вздыбилась почва стеною.
Хочется так тишины.
Миг между жизнью и смертью,
Миг между небом и твердью —
Адова чаша войны.
Враг в окуляре прицела —
Всё, как мишень, его тело.
Можно нажать на курок.
Как же ты сдал нашу дружбу,
Встал на враждебную службу,
Как же ты лад не сберег?!
Ты отказался от братства,
Смог ты нацизма набраться —
Вот и звериным стал взгляд.

Кто же тебя так подставил,
Кто твоей волею правил,
Кровный мой, исконный брат?!
Стал ты вмиг «пушечным мясом».
Вдруг ты ответишь отказом, —
Где-то надеется мать.
В сердце останешься братом.
Только я призван солдатом,
Чтобы врага убивать.
Вот ты в моем окуляре,
В том же привычном угаре, —
Что воспретил нам Бог.
Душу твою уважая,
Гибели ей не желая,
С болью я жму на курок!

* * *

Вот уж годы как длится бой.
Окровождена жизнь — доколь?!
Новороссия в высь с мольбой.
Новороссии дети — боль.
За их слезы вершится месть,
За их гибель фашистам — ад,
Наши земли топтать не смей! —
Наш по-прежнему остр булат!

И российская мать не спит, —
Проводила сынов на брань,
Чтоб воздвигнуть для русских щит,
Не ползла бы войною дрянь.
Нам победа нужна, как вдох,
Поражение для нас — конец.
Против зла нам поможет Бог,
И героям Он даст венец!

Пылает земля и дымится.
 Порой нескончаемый ад.
 По русским полям «колесницы»,
 Враждебно нацелены, мчат.
 То Запад в смертельную битву,
 В последнюю двинул на нас.
 Не ждал он, что быть ему битву,
 И пыл до сих пор не угас.
 Для русских же это сражение —
 С нацизмом, с фашизмом война,
 К Отечеству Света движенье,
 Испив все страдания до дна.

Для русских-то Брестская крепость,
 То снова Креста времена,
 Проверка нас снова на зрелость —
 Отечественная война!
 Ведется она и на Небе:
 Небесной России полки
 С земными находятся в скрепе,
 Духовные крепки клинки.
 Господь в той Небесной Отчизне
 Служенье Свое совершит
 Во имя спасения Жизни,
 Спасения каждой души.

ВЫШЛА КНИГА

Головкин Н.А.

Десантный батюшка. Герой Российской Федерации Михаил Васильев (1971—2022). М.: ИД Академии Жуковского, 2024. 192 с.

Книга рассказывает о жизни, служении и подвиге Героя России протоиерея Михаила Васильева (1971—2022), павшего 6 ноября 2022 года в Херсонской области при выполнении своего пастырского долга. Он стал легендой еще при жизни, окормляя военнослужащих в горячих точках, разделяя с ними все тяготы солдатской жизни. Автор собрал воспоминания самых близких и родных людей «Десантного батюшки», а также уникальные фотографии, которые порой говорят больше всяких слов.

Открывает настоящее издание слово Святейшего Кирилла, Патриарха Московского и всея Руси, которое он сказал при отпевании батюшки-воина Михаила в храме Христа Спасителя.

Русские СУДЬБЫ

*Она была одним из благодетельных
существ для души моей,
она русская женщина: умна
и любезна необыкновенно.*

Н.М. Карамзин

Марина ГАНИЧЕВА

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА (1788–1819)

Марина Валерьевна Ганичева — писатель, журналист, историк по образованию. Специалист по русской консервативной журналистике, сопредседатель Центра духовно-патриотического служения Отечеству имени святого праведного воина Феодора Ушакова, адмирала флота, главный редактор детского журнала «О Русская земля!» и «Роман-журнала XXI век». Удостоена Ордена Русской Православной Церкви преподобной Евфросинии, Великой княгини Московской III степени. **Живет в Москве.**

Куда только судьба ни забрасывала наших красавиц! Недалеко от Штутгарта вы можете найти захоронение в склепе королевы Вюртембергской и короля Вюртембергского Вильгельма. Внимательно присмотревшись к могильной плите, вы увидите имя королевы, столь похожее на русское — Екатерина. Великая княжна Екатерина Павловна была дважды замужем за королевскими особами европейских домов. И не могло быть иначе, ибо она, сестра Императора Александра Благословенного, не принадлежала себе, но императорскому дому Российскому.

А ведь ее воля могла вполне изменить карту европейских событий в начале XIX в., будь она менее решительна и менее самостоятельна, как это и подобает особе императорского дома. Но великолепная Катиш все-таки настояла на своем, не желая породнить российскую корону с безродным императором Франции.

Европа начала XIX в. жила в ожидании войны, правда, еще не понятно, кого с кем. Составлялись коалиции, менялись направления политики, на дипломатическом Олимпе царил уродливый и хромой карлик Талейран, по мановению взгляда которого менялось всё в европейском концерте. Всем было ясно, что кровавый аппетит французской республики, обретшей совсем недавно своего незаконного императора, должен непременно насладиться добычей на европейской кухне. Этому маленькому Бонапарте было недостаточно Италии и побед в Альпах. А его Талейран был озабочен, чтобы европейская дипломатия признала

*Великая княжна
Екатерина Павловна Романова.
Художник А.-Ф. Ризенер, 1813 г.*

за императором законные права и допустила его в европейские императорские дома.

На Эрфуртской встрече двух Императоров, Александра и Наполеона, в 1808 г. Талейран придумал отличный план: как задобрить северного медведя и одновременно расколоть австро-прусско-русскую коалицию. Это была его козырная карта. Он предложил Александру подумать о брачных узах его любимой сестры Катиш с Бонапартом. Идея со всех сторон казалась недурной. Екатерина Павловна была хороша собой, имела огромное влияние на брата-императора и могла способствовать установлению добрых отношений между двумя державами. Бонапарт тоже остался бы доволен: столь воздушное и вме-

сте с тем страстно-живое создание было в его вкусе, а кроме того, ему бы льстило называть себя братом русского Голиафа.

Кто же эта столь привлекательная особа, которая была возможной партией для самого Наполеона?

Екатерина Павловна родилась 10 (21) мая 1788 г. в Царском Селе в семье цесаревича, Великого князя Павла Петровича, и его второй жены, Великой княгини Марии Федоровны. Она была шестым ребенком и четвертой дочерью будущего Императора Павла I. В этот раз мать Павла, Императрица Екатерина II, присутствовавшая, как обычно, при рождении царских детей, надеялась на внука. Но родилась девочка, и в утешение невестке, которая находилась в тяжелейшем состоянии и едва не умерла, грозная бабушка дала внучке свое имя. Говорят, что с именем передаются и черты характера человека. Наверное, так было и с Екатериной Павловной. Из всех девочек, родившихся в этой семье, лишь одна она унаследовала деятельный характер бабки, принимала участие во многих политических событиях, была живой, властной, умной и широко образованной, да к тому же еще питала слабость к мужам ученым и литераторам.

Екатерину Павловну обучали в соответствии с требованиями того времени множеству европейских языков, она хорошо рисовала, и говорили, что, «не будь она дочерью Императора, она в Италии была бы величайшей художницей». Она любила музицировать, увлекалась политической экономией, историей, географией, которые ей преподавал известный академик Генрих Шторх.

Современники оставили несколько свидетельств о ее внешности: «Великая княжна Екатерина Павловна — красавица необыкновенная; такого ангельского и вместе умного лица я не встречал в моей жизни, оно мерещится

мне и до сих пор...»; «...робость совершенно ей несвойственна; смелость и совершенство, с которым она ездит верхом, способны возбудить зависть даже в мужчинах»; «...в ней нет нисколько женской пустоты, религиозной сентиментальности, она обладает... особенною силой мышления; в ее взоре светятся чистые мысли, высшие интересы»; «она была совершенная красавица с темными каштановыми волосами и необыкновенно приятными добрыми карими глазами. Когда она входила, делалось как будто светлее и радостнее».

Но вот Великой княжне исполняется 19 лет. Она — живая, деятельная и необыкновенно хороша собой, как и все отпрыски Павла I. Ее брат Александр, наперсник детских ее игр, стал Императором, но по-прежнему был самым близким ей человеком; он писал ей письма, советовался не только по семейным вопросам, но и по государственным, находя ее большой умницей и постоянно пользуясь ее тонкими наблюдениями.

Однако Екатерине Павловне пора было подумать о будущем.

Заметим, что Александр вовсе не спешил выдать замуж свою сестру. Три старшие сестры Катиш вышли замуж рано: Александра шестнадцати лет — за эрцгерцога Австрийского Иосифа, Елена пятнадцати лет — за Карла Фридриха, герцога Мекленбург-Шверинского, а Мария восемнадцати лет — за Карла Фридриха, великого герцога Саксен-Веймарского. Но две великие княжны, Елена и Александра, умерли совсем юными, вскоре после замужества, что даже послужило поводом для слухов о возможном их отравлении ввиду мести за отца, убиенного Императора Павла. Императрица-мать Мария Федоровна оттого так долго и не хотела расставаться с любимой дочерью, не желая дурной судьбы Катиш; к тому же она ненавидела этого французика. Справедливости ради надо сказать, что в какой-то момент мать заволновалась: дочь слишком много проводила времени в обществе бравого сорокалетнего генерала Багратиона, несчастного в браке. Он в качестве шефа лейб-гвардии Егерского полка состоял в охране при царской семье, когда она уезжала на лето из Петербурга. Всякое могло быть, никаких свидетельств возможного романа не осталось — только то, что после смерти генерала в его вещах нашли портрет Катиш. И все же со свадьбой стоило поспешить.

За год до Эрфуртского предложения императрица-мать поручила русскому посланнику в Париже князю А.Б. Куракину, совершавшему путешествие по Европе, навести справки среди зарубежных дворов касательно возможных претендентов на руку девятнадцатилетней княжны. Екатерина Павловна была выгодной партией для любого европейского монарха. Как раз к этому времени вторично овдовел австрийский император Франц. Но любимый брат Император Александр не дал состояться этому браку; он слишком хорошо знал своего политического союзника. Александр в письме к своей сестре пылко обрисовал ее возможного супруга, считая, что даже остаться в его обществе 24 часа было бы пыткой. «...Никто в мире не уверит меня, что этот брак мог принести Вам счастье», — писал царь, и не приходилось сомневаться в его искренних чувствах, ибо с политической точки зрения такой альянс был вполне ему выгоден.

И вот последовало Эрфуртское предложение... В это время в России Бонапартом пугали детей, и в высшем свете не принято было восхищаться французским тираном, разве что те, кто фрондерствовал, позволяли себе

быть франкоманами. У императрицы-матери было свое особое отношение к французам, и юная княжна поддерживала мать. Оттого и брак этот казался весьма сомнительным. Но что скажет брат Александр?

Предложение было сделано, и зондирование шло по всем дипломатическим каналам.

Посол Франции в Петербурге доносил своему Императору в секретных депешах, что Великая княжна Екатерина Павловна будто бы сказала, что она выйдет замуж за младшего принца Ольденбургского, чтобы не иметь мужа, который был бы под влиянием Франции. Вполне политически выверенное высказывание, предназначенное для передачи как брату, так и всем другим. Она открыто не отказала французам — все же это дело самого Императора, но в то же время твердо дала понять, что у нее есть веские основания для отказа как личного, так и политического характера.

Фрейлина императорского двора С. Шуазель-Гуфье писала по этому поводу в своих мемуарах: «Императрица Мария и сама юная княжна — женщина с сильным характером, всегда относившаяся отрицательно к континентальной системе, которую Александр принял против собственного желания, выказали в этом случае такую твердость, такое сопротивление, что Император должен был уступить; и Наполеон, быть может, впервые после своего возвышения, получил отказ».

Кто знает, не будь этого отказа, как бы сложилась судьба Европы в начале XIX века? Мы привыкли к тому, что лишь серьезные политические причины раскручивают маховик судеб стран и континентов, но на самом деле малое, кажущееся нам незначительным, особенно по прошествии веков, событие — будь то неосторожный взгляд, либо грубый жест, или знак свыше — способно неожиданно перевернуть мир, как карта, неудачно вставшая не на свое место в карточном домике, неожиданно рушит все великолешие почти заверщенного.

Можно себе представить, в какое бешенство впал Наполеон, узнав о нежелании русского Императорского дома породниться с ним.

Фрейлина Мария Муханова вспоминала: «Император Наполеон сватался за великую княжну Екатерину Павловну. Тогда нашим послом в Париже был граф Петр Алексеевич Толстой. Не помню, кто из приближенных Наполеона (кажется, Коленкур) стал об этом говорить графу. Тот отвечал, по велению государя, что это зависит не от него, а от матушки, которая располагает судьбою своих дочерей, а она не соглашается на этот брак». Когда спрашивали, почему, он отвечал: «Не заставляйте меня говорить то, что неприятно сказать, а вам неприятно слышать». А Великая княжна сказала моему отцу: «Я скорее пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца».

Итак, выбор был сделан. Но против Франции — это государственная задача, а вот с кем разделить свое брачное ложе?

В Петербург прибыли два претендента на руку Великой княжны: будущий король Бельгии принц Леопольд Кобургский и принц Георг Ольденбургский.

Ольденбургский двор и его представители уже в 1808 г. приехали в Россию и служили в русской армии в связи с тем, что Наполеон аннексировал их земли, и они вошли в состав Рейнского союза, образованного под протекторатом Наполеона. Отпрыски Ольденбургского дома люто ненави-

дели проклятого корсиканца и потому имели поддержку при малом дворе императрицы-матери. К тому же принц Георг был хорош собой, высок и строен, и, главное, чем-то похож на любимого старшего брата Катиш, и сам приходился ей двоюродным братом. Так же, как ее родной старший брат, Георг был в восхищении от молодой Великой княжны: и от ее грации и порывистой живости, и от звонкого льющегося смеха, и от острого ума юной красавицы.

Екатерина Павловна вместе с матушкой решили дело в пользу принца Георга и тем самым не отказали себе в удовольствии дать оплеуху французскому коротышке-императору.

Свадьба, не уступавшая великолепием императорской, а Катиш любила роскошные балы, состоялась, и принц получил от Императора должность главноуправляющего путями сообщения и генерал-губернатора Твери, Новгорода и Ярославля. Резиденцией двора Великой княгини стала Тверь, где они поселились с принцем. Отныне тверской двор стал играть значительную роль в политике: здесь обсуждались все государственные дела, сюда приглашали и литераторов, и поэтов, сюда часто приезжал брат-император. Душою общества, и прежде всего интеллектуальным его светочем, была сама Великая княгиня. Всё вокруг приобретало смысл, если она была в гостинной, задавая вопросы, тонко плетя нить беседы, порой изысканно острела, порой давала меткие, нелицеприятные характеристики.

«...Всего же обворожительнее было то, что великая княгиня редкий день не входила в кабинет к принцу при мне и не удостаивала меня разговора. Богатый, возвышенный и быстрый, блистательный и резкий ум изливался из уст Ее высочества с волшебною силою приятности в речи. С большим любопытством она расспрашивала и желала иметь подробнейшие сведения о лицах, но не прошедшего века, а современных; не жаловала скромных и почтительных моих отзывов; не верила им; любила сама говорить о всем; из бывших тогда на сцене лиц, начиная с самой высшей ступени, никого не помню, мимо кого Ее высочество изволили бы молча пройти, а заключения ее всегда были кратки, полны, решительны, часто нещадны», — писал секретарь принца Ольденбургского. А если уж Великая княгиня невзлюбила кого-то, кто был не согласен с ее взглядами, то трудно было изменить ее мнение. Причем относилось это в первую очередь ко взглядам человека, к его линии поведения и тому, как он расценивал пользу Отечества и царствующего дома. Так, Екатерина Павловна подвергла резкой критике политические проекты М.М. Сперанского, сделав всё, чтобы отвратить от них Государя. В ответ Сперанский не поддержал предложения одной из придворных партий Швеции, которая прочила на шведский престол супруга Екатерины Павловны, принца Ольденбургского. Конечно, Сперанского, которого Государь выслал в Нижний Новгород в марте 1812 г., сместили не только за противоборство с Великой княгиней, однако и ее лыко было вставлено в строку этой отставки.

Своих корреспондентов Екатерина Павловна просила знакомить ее со всем интересным и достойным внимания в интеллектуальной сфере российской жизни. Так, Ф.В. Ростопчин, состоявший в переписке с Екатериной Павловной и сообщавший ей последние новости из столиц, представил ей Николая Михайловича Карамзина. И она сразу необычайно заинтересовалась этим незаурядным, талантливым человеком. За представлением

последовало приглашение посетить Тверь, и Карамзин приехал погостить. Во дворце принца и Великой княгини он в течение нескольких вечеров читал ей и ее брату, Великому князю Константину Павловичу, главы из своей «Истории...». Он был поражен внимательным и заинтересованным слушанием. Чувствовалось, что все прочитанное находит отклик в сердце княгини. За чаем они вели долгие разговоры, так что историограф уехал из Твери в совершеннейшем восторге и писал брату: «Недавно я был в Твери и осыпан новыми знаками милости со стороны Великой княгини. Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней в Твери и всякий день были у нее. Она хотела даже, чтобы в другой раз мы приезжали туда с детьми».

Екатерина Павловна надолго и всерьез подружилась с Карамзиным и его семейством. Именно под ее влиянием великий историограф приступил к новой своей работе — «Записке о старой и новой России». Наблюдая «тверской двор», Карамзин уверился, что его готовы выслушать и понять в кругу высочайших особ. Ее высочество с огромным вниманием прочла новое сочинение историка и загорелась желанием передать «Записку» брату-императору и лично свести их для беседы. Екатерина Павловна устроила эту встречу Александра I и Н.М. Карамзина в Тверском дворце. Она была настойчива в просьбе к Императору обратить внимание на это выдающееся сочинение о современном состоянии России и самодержавной власти. 4 ноября 1810 г. Екатерина Павловна пишет Карамзину: «Николай Михайлович! Сегодня получила письмо Ваше и спешу за оное благодарить Вас; не только с удовольствием желаю Вас видеть, но и с нетерпением буду ждать приезда Вашего; минуты, когда беседуешь с мужем достойным, посвятившим дни свои единственно для пользы Отечества своего, суть такие, которые не забываются и которых повторение есть наиприятнейшее; чем скорее буду Вас видеть у себя, тем более принцу и мне сделаю удовольствия; тогда познакомлю Вас с сыном моим, для которого сильнейшее мое желание есть, чтоб некогда и его имя могло быть помещено со славою в Истории, Вас теперь занимающей». Сколь много в этом письме сходства великой княгини с ее бабкой — Екатериной! Так же, как и она, Екатерина Павловна понимала, как много значат для Отечества ученые мужи, прославляющие Россию в своих трудах.

В 1811 г. Император Александр опять должен был приехать в Тверь, и Екатерина пригласила Николая Михайловича посетить ее для встреч с Государем. Она, видимо, считала исключительно благотворным для монарха общение со столь достойным ученым. Н.М. Карамзин так вспоминает эту встречу: «Сверх четырех обедов, я с женою был два раза у него во внутренних комнатах, а в третий, при Великой княгине и принце, читал ему свою Историю долее двух часов, после чего говорил с ним немало, о чем же? О самодержавии! Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренне удивлялся его разуму и скромному красноречию». Видимо, не без влияния любимой Катиш, Император был особенно любезен и расположен к историку в этот раз, он даже предложил ему жить в Петербурге, в Аничковом дворце, который отдал Великой княгине. Но Карамзин, наученный быть осторожным с царской милостью, пишет в ответ на это предложение своему брату: «Милость велика; однако ж, любезнейший братец, я совсем не думаю ехать в Петербург. Привязанность моя к императорской

Фамилии должна быть бескорыстна: не хочу ни чинов, ни денег от Государя. Молодость моя прошла, а с нею и любовь к мирской суетности».

Но к Великой княгине Карамзин привязался навсегда. Он бывал у нее в Твери раз в несколько месяцев, состоял с ней в переписке, следил за семейными событиями в доме Екатерины Павловны. После одной из таких поездок сообщал своему другу: «Полубогиня Тверская все так же любезна. Герцог Ольденбургский есть умный и весьма приятный человек: я рад его знакомству. Они живут здесь в совершенном счастье семейственном». Великая княгиня так всю жизнь ценила его достоинства, что много позже предлагала Карамзину даже занять место губернатора Твери, но он отказался, считая, что тогда «или буду худым губернатором, или худым историком». В переписке с Карамзиным Екатерина Павловна состояла до самой своей смерти, никогда не изменив своего восхищенного мнения о нем и расположения к его семейству.

1812 г. стал для России не только годом сурового испытания, но и дал мощный импульс для сплочения всего российского общества, от самого бедного однодворца до высших царских кругов, соединив несоединимое. Как всегда в трагические моменты, только любовь к родному Отечеству творит в России чудеса, этим и жива Русская земля. Семья принца Ольденбургского деятельно отдается помощи армии. Великая княгиня активно принимает участие в формировании Егерского батальона, носившего ее имя, а принц организует ополченцев в Тверской, Новгородской и Ярославской губерниях.

Сестра царя возмущена растерянностью брата — это не по ее характеру, она не может простить того, что власть все-таки застали врасплох. «Куда же нас вели, когда все разгромлено и осквернено из-за глупости наших вождей?» — обращается она в письме к брату, пытаясь растормошить обидным, позволяя сказать даже, что его подданные «презирают своего вождя». И решительно: «Вам не следует указывать на то, что все это не по моей части, — лучше спасайте вашу честь, подвергающуюся нападкам».

Екатерина Павловна всецело захвачена мыслью о необходимости создания ополчения во всех губерниях, и она настойчиво требует этого в письмах к московскому генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину. Ей кажется, что всё делается медленно, что надо быть активнее, а потому, не удовлетвовавшись одними письмами, она отправляет к московскому генерал-губернатору князя В.П. Оболенского и дает ему специальную «памятную записку». В ней всё расписано до мельчайших подробностей, как действовать в разговоре с Ростопчиным: «Передайте ему, что на нем лежит обязанность воспламенить патриотизм московского дворянства, первого в государстве как по своим материальным средствам, так и по тому уважению, каким оно пользуется в Москве. Графу стоит только явиться в собрание дворянства или на какой-нибудь его съезд, стоит только выяснить, какая опасность грозит Отечеству и в какой мере начатая война есть война народная, чтобы воодушевить московское дворянство, а из Москвы, где так много дворян из всех губерний, это патриотическое движение охватит всю Россию. Скажите графу, что Вы, так же как и я, уверены, что не найдется русского, которому было бы не стыдно не принести все свое усердие и всего себя в жертву Отечеству; что Вы, как дворянин, считаете для каждой губернии возможным выставить по одному полку в тысячу человек и что Вы вместе со мною думаете, что дворянство должно взять на себя обязанность продовольствовать

и содержать эти военные части в течение всей войны, а война тем скорее кончится, чем с большим усердием ее поведут».

Екатерине Павловне хотелось бы быть русской Жанной д'Арк, вести за собой свой Егерский батальон, но она уже почтенная мать семейства. Хотя по ее характеру можно предположить, сколь томительно ей было ждать известий с театра военных действий, к тому же она была беременна: в день Бородинской битвы у нее родился сын, которого назовут Петром, может быть, в честь Багратиона.

«Егерский Великой Княгини Екатерины Павловны батальон» участвовал во всех главных сражениях войны с французами. Она устроила в своей губернии много госпиталей, которые посещала вместе с мужем. Ее благотворительная забота о раненых, уход и попечение за ними — это продолжение традиций ее матери, Императрицы Марии Федоровны, которая явилась первой в России попечительницей и устроительницей богоугодных заведений и странноприимных домов, после чего они с этих пор получили в России ее имя.

Во время посещения одного из госпиталей принц Ольденбургский заразился от раненых лихорадкой и скоропостижно скончался 15 декабря 1812 года. Горе постигло Великую княгиню, жившую в любви и согласии со своим мужем. Она осталась с двумя маленькими сыновьями. Карамзин, узнавший о ее несчастье, писал другу: «Устоит ли ее молодость и здоровье в этой буре? <...> Слышно, что она никого не хочет видеть в своем горьком отчаянии: так и быть должно. Одно время бывает утешителем. Хотелось бы мне писать к ней, да не смею. Бог знает, когда увижу ее, и в каком положении!»

Екатерина Павловна в уединении переживала свое горе, ей так не хватало теперь доброго, чуткого и мягкого Георга. Ничто, казалось, не могло ей заменить этой внезапной потери. Слухи о ее тяжелом состоянии тревожили друзей. Карамзин писал другу: «Более, нежели благодарность, вызывает меня к великой княгине. Люблю ее всею душою; но ей не до меня. Слышно, что она не хочет никого видеть и живет только горестью, изнуряя свое здоровье. Это очень тревожит нас. Мы богаты прискорбиями».

Но долго Великая княгиня не могла выдержать этого затворничества, и в 1813 г. она отправилась в заграничное путешествие, которое, как считала, поможет ее здоровью больше, нежели лечение врачей. Она побывала в Австрии, Веймаре, Вюртембергских землях, Швейцарии, Ольденбурге, Голландии, Англии и всюду окружала себя людьми, занимавшими ее пытливым ум и воображение. Во время путешествия она познакомилась с профессором Домбровским, занимавшимся славянскими языками, с братом знаменитого историка и археографа, члена Петербургской академии наук, прославившегося своей «Историей Сибири» Мюллером.

Ей, по-видимому, Государь поручал многие деликатные миссии. Так, приехав за три месяца до Императора в Лондон, она вникает во все тонкости взаимоотношений с английским двором, чем вызывает неудовольствие посла в Англии князя Ливена и тем самым заслуживает нелিপцеприятную характеристику его жены: «Великая княгиня отличалась непомерным властолюбием и самомнением, которое, быть может, превосходило ее заслуги. Мне никогда не приходилось видеть женщины, которая бы до такой степени была одержима потребностью передвигаться, действовать, появляться и затмевать других. Она отличалась обворожительностью манер и взгляда,

*Августейшая семья Императора Павла I.
Художник Ф.Г. фон Кюгельген, 1800 г.
Государственный музей-заповедник «Павловск»*

твердой поступью, гордым и при этом милостивым видом. В чертах ее лица было мало классического, но зато цвет ее лица был ослепительным, глаза блестели, а волосы были превосходны. Во всей ее фигуре было что-то поразительное и вместе с тем очаровательное. Воспитанная в самых высоких сферах, она прекрасно умела соблюдать приличия и обладала возвышенными чувствами. Выражалась она красиво, не меняя никогда своего повелительного тона. То был смелый и блестящий ум, твердый и повелительный характер. Она поразила англичан... даже больше, чем понравилась им».

Именно к ее мнению об английском регенте, с которым она не нашла общего языка, прислушался Император, прибывший в Лондон, и взаимоотношения русского и английского дворов были с тех пор несколько натянутыми.

Брат Александр приглашает ее на Венский конгресс, и здесь она оказывается при деле, общается с высшим светом европейских домов и дипломатии, блистает в своих воздушных туалетах с роскошной алой лентой с серебристой каймой екатерининского ордена, переброшенной через правое плечо, на балах. Наконец-то к Великой княгине вернулся всегда украшавший ее щеки румянец, и глаза, как и прежде, искрились. Всю войну она проходила в трауре и только после входа русских войск в Париж сняла его. Император Александр рад таким переменам в сестре и неизменно приглашает ее на первый тур вальса.

В это же время она деятельно занимается устройством брака своей младшей сестры Анны с принцем Оранским, впоследствии королем Нидер-

ландов. Ее дочь от второго брака, принцесса София, впоследствии выйдет замуж за наследного принца нидерландского, сына ее сестры.

Во время этого длительного путешествия Екатерина Павловна познакомилась с тем, кто изменил ее дальнейшую судьбу — с принцем Вильгельмом Вюртембергским. Принц Вильгельм-Фридрих-Карл был сыном короля Вюртембергского Фридриха I и принцессы Брауншвейгской Августы-Каролины-Фридрики-Луизы. Он был несчастлив в первом браке с баварской принцессой Шарлоттой-Августой и расторг этот брак в 1815 г., видимо, после встречи с прекрасной Катиш. Он участвовал в боях против Наполеона, чем, скорее всего, заслужил особое ее уважение. Получив разрешение у брата на брак с ней, они обвенчались в Петербурге 12 января 1816 г. и через несколько месяцев уехали в Штутгарт. Так как отец принца, король Фридрих, умер в том же году, то Вильгельм вззошел на престол, а неутомимая, желавшая всегда действовать, теперь уже королева Екатерина Павловна, наконец, нашла применение своим силам. Королевство досталось принцу не в лучшем состоянии; после военных действий в Европе все мелкие княжества и карликовые королевства были на грани разорения. В это время в Вюртембергском королевстве начался страшный голод. Екатерина Павловна начала создавать «Благотворительное общество»; она хорошо знала, как организовать это дело, ведь благотворительностью занималась в России ее мать, Императрица Мария Федоровна. Она учредила также дома трудолюбия, где многим предоставлялась работа, и «Училище для бедных». Она по-прежнему оставалась заботливой матерью двух сыновей от принца Георга и двух дочерей от короля Вильгельма.

Она поддерживала переписку со всеми своими корреспондентами в России. По-прежнему Карамзин и его «История» занимали ее мысли и чувства.

Незадолго до ее ранней кончины, Карамзин прислал ей в Штутгарт восемь томов вышедшей в свет «Истории государства Российского». И королева с благодарностью отозвалась на этот подарок: «Николай Михайлович! Последняя почта доставила мне Российскую Вашу Историю; старый мой знакомый мною был с большим удовольствием принят; каждый день я читаю, учусь и мысленно благодарю автора за его труды, — приятеля благодарю за то, что он обо мне вспомнил. Милой Вашей супруге прошу сказать, что она должна материнским сердцем принять сих восьмерых новых отроков, которые имеют преимущество бессмертия. Король поручил мне вам сказать, что он с нетерпением ожидает перевода, дабы познакомиться с моими предками. Живите счастливо, трудитесь для потомства, но не забывайте старых своих друзей, в числе которых всегда прошу считать Вам преданную Екатерину».

После рождения дочерей красота королевы расцвела, черты ее приобрели мягкость и успокоенность. Она по-прежнему много читала, писала письма брату, высказывая свои соображения по всем серьезным вопросам, вступая в полемику с адресатом. Флигель-адъютант Александра I отмечал в своих записках: «Она принадлежала к весьма немногочисленному числу тех особ, которые, будучи вознесены саном и рождением над прочими смертными, пренебрегают разговорами о мелочных и вседневных предметах и охотнее склоняют речь к предметам возвышенным. Подобно истинным государственным людям, уверенным в силе и основательности своих суждений, она даже

любила, чтобы те, кто имел честь с нею беседовать, делали ей возражение и предлагали собственные мысли».

Казалось, Великая княгиня обрела душевное спокойствие. У нее гостили мать и два брата, которые нашли сестру удовлетворенной, занятой приятными ей заботами о благотворительных заведениях. Император Александр проводил вечера в беседах со своей любимой Катиш; она, как всегда, интересовалась европейской политикой, давала советы, высмеивала многих, была остроумна и мила. В день ее именин Император послал ей поздравительное письмо: «Я пишу Вам эти строки, дорогой мой друг, чтобы принести Вам поздравления и мои пожелания по поводу сегодняшнего дня. Желаю Вам счастья в полном смысле этого слова, и тогда у Вас будет все, что Вы пожелаете. Я очень сожалею, что в этот день не мог быть с Вами, но, хотя и вдали от Вас, мои мысли неразлучны с Вами. Я очень тронут Вашей любезностью, которую в Штутгарте Вы и король проявили ко мне; передайте ему мои самые искренние приветы и скажите, что я очень тронут его вниманием.

Прощайте, дорогой друг, думайте иногда о брате, который относится к Вам с глубочайшей нежностью. Полностью Ваш, сердцем и душой на всю жизнь».

Слова прощания оказались пророческими. Менее чем через месяц после именин Екатерина Павловна заболела лихорадкой, которая казалась неопасной, однако воспаление перешло на лицо, затем поразило мозг; в страшных мучениях накануне нового, 1819 г., Великая княгиня скончалась. Впрочем, по другим данным, кончина ее была «весьма загадочной»: «Едва императрица-матушка оставила ее цветущей здоровьем, как она, садясь в ванну, почувствовала себя дурно и кончила жизнь без всякой предшествовавшей болезни. Этого обстоятельства никогда не могли объяснить врачи».

Ее смерть в России была воспринята как величайшая утрата: Государь и императрица-мать были в жесточайшем горе. В Петербурге по высочайшему указанию были отменены все балы. В.А. Жуковский написал элегию, опубликованную отдельной брошюрой, «На кончину Ее Величества Королевы Вюртембергской», в которой были слова: «Ты улетел, небесный посетитель». Карамзин оплакивал в письмах кончину близкого ему человека и даже вначале хотел написать ее биографию, но раздумал, сославшись на то, что пришлось бы говорить о ней и о себе, «а это покажется самохвальством». Он пишет другу: «Мы плачем о нашей милой Королеве <...> Мы любили ее искренне и грустим сердечно... Сохраню память Незабвенной. Она была одним из благодетельных существ для души моей».

Многие ее современники сохранили воспоминание об этой красивой и сильной женщине в своих дневниках и мемуарах. Спустя сто лет после ее смерти Великий князь Николай Михайлович, изучавший ее переписку, так сказал о ней: «В ту эпоху, где как-то особенно легко могли выделяться личности по их дарованиям и талантам, великая княгиня Екатерина Павловна, несмотря на молодость, сумела занять выдающееся и достойное положение как в России, так и в бытность за границей».

Русские СУДЬБЫ

Неонилла ПАСИЧНИК
ВОИН-МУЧЕНИК
БОЛЯРИН
ФЕОДОР КЕЛЛЕР:
ВСЛЕД
ЗА ЦАРСТВЕННЫМИ
СТРАСТОТЕРПЦАМИ

*По материалам рукописи
жизни генерала
графа Ф.А. Келлера*

Неонилла Пасичник — кинорежиссер (член союза кинематографистов Украины), участница международных кинофестивалей; журналист, автор публикаций в литературных журналах и на радио России; награждена медалью им. А.С. Пушкина Московской организации союза писателей России. **Живет в Киеве.**

Как известно, 20 августа 2000 г. Царственные мученики были причислены Русской Православной Церковью к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских, явленных и неявленных. При этом ранее канонизация Императорской Семьи была осуществлена Сербской Православной Церковью в 1938 г. и Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 году. Показательно, что Государь Николай Александрович вместе с семьей были канонизированы в чине святых Царственных страстотерпцев, как и первые русские святые благоверные князья Борис и Глеб. В юбилейном 2018 г. основные торжества прошли в Екатеринбурге, Алапаевске, Перми, Костроме и сербском Белграде. Отраднo, что в эти дни весь православный люд некогда единой Святой Руси с особым трепетом и помыслами своими сердцами находится в Екатеринбурге.

Весь XX в. на светлую память о последнем русском самодержце системно изливали потоки лжи. Прискорбно, что это до сих пор неизгладимо сказывается на памяти об Императоре в глазах некоторых обывателей. Тем не менее, в наше время даже при поверхностном исследовании вопроса тому самому обывателю становится ясно (для этого необходимо простое желание узнать и умение комплексно проанализировать), что вся жизнь Его Императорского Величества была явственным примером благочестивого служения своему народу (при этом никто не идеализирует земную жизнь Николая II, имевшего, вероятно, какие-то собственные грехи, как и любой другой смертный). Убийство Царской Семьи в значительной степени — квинтэссенция цивилизационной катастрофы, разразившейся вслед за Великой войной и кровавой Револю-

цией 1917 года. Выстрелы в Помазанника Божьего оказались выстрелами в свою собственную традицию и цивилизационную сущность, а ночь с 16 на 17 июля 1918 г. и вправду стала самой постыдной страницей отечественной истории XX века. Крайне лукаво это отрицать людям мыслящим, крайне невежественно не замечать остальным. Родившись в день святого праведного Иова Многострадального, Государь Николай Александрович в час мученической кончины принял свой тяжкий крест, так же как библейский праведник, перенес все ниспосланные ему испытания твердо,

*Граф Фёдор Артурович Келлер
(1857–1918).*

Фото из открытых источников

кротко и без тени ропота. Выстрелы в Царскую Семью, разумеется, были кощунственным деянием — выстрелами, собственно, в тысячелетнюю историю нашей государственности. Но для самих Царственных мучеников и для Церкви это день славы, потому что день кончины человека, который умирает в Боге, — это день его прославления, день вознесения его на Небеса.

Эти ступени, которыми прошел Государь со своей семьей вниз в подвал Ипатьевского дома той страшной ночью, стали для них ступенями вверх — на Небо. Последние месяцы жизни царственной четы и членов их августейшей семьи были венцом их мученичества, венцом их христианского подвига. Государь Николай Александрович, Государыня Александра Феодоровна, Цесаревич Алексей Николаевич, Великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна были причислены к лику святых прежде всего за свое по-христиански воспринятое страдание и насильственную смерть, причиненную гонителями православной веры с неимоверной, истинно сатанинской жестокостью.

Наряду с ними среди представителей Дома Романовых к лику святых причислена Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, устроительница Марфо-Мариинской обители в Москве, живьем сброшенная в шахту Алапаевска в ночь на 18 июля 1918 г. вместе с Великим князем Сергеем Михайловичем, князьями крови императорской Иоанном Константиновичем, Константином Константиновичем (младшим), Игорем Константиновичем, князем Владимиром Павловичем Палеем, Фёдором Семёновичем Ремезом и келейницей Великой княгини инокиней Варварой. За месяц до этой трагедии в Перми был похищен большевиками и убит Великий князь Михаил Александрович, родной брат Императора. Через полгода в Петропавловской крепости Петербурга были расстреляны Великие князья Павел Александрович, Дми-

трий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович. Так трагически оборвался период правления династии, выступившей правопреемницей Рюриковичей и 300 лет ревностно служившей интересам Малой, Великой и Белой Руси (современная Украина, в частности, являла собой образ наиболее динамично развивающейся части Империи). Мы должны понять, что Романовы — в равной степени наше общее наследие и история, ведь сам имперский проект был, исходя из идеологической доктрины Империи, результатом совместного коллективного творчества государствообразующего триединого мегаэтноса (малороссы-украинцы были частью правящего имперского этноса). Такова история нашей обезображенной до неузнаваемости и обезличенной Святой Руси.

Не стоит недооценивать значения той страшной трагедии, открывшей путь ужасам внутренней смуты и общенациональной Голгофы XX века.

Генерал граф Фёдор Артурович Келлер... Эта великая историческая фигура, одним своим видом воплощавшая дух былинных богатырей Святой Руси, неотделима от истории Матери городов русских, нашего родного и славного града Киева.

Всегда страшны годы смуты... Наблюдать теперешний театр абсурда с постыдными попытками правящей власти противопоставить себя Православной Церкви в 100-летнюю годовщину начала беспрецедентных репрессий против православного духовенства и верующих, да и весь этот фарс с последовательным предательством основ собственной национальной идентичности со стороны недалеких людей, чей рейтинг равен статистической погрешности, просто невыносимо... К сожалению, немногие из сограждан осознают, что и нынешний печальный процесс на Украине почти полностью повторяет события 100-летней давности.

19–20 декабря (ночь по истечении празднования памяти Святителя Николая — Небесного покровителя Государя) 2018 г. — печальная годовщина — 100-летие убийства графа Келлера, одного из героев Первой мировой войны, генерала от кавалерии — «первой шашки» Русской императорской армии, волею судьбы ставшего главнокомандующим Украинской и Северной армиями в годы Гражданской войны. Во всем — от внешности до убеждений — это был образец истинного патриота и доблестного воина. Всё мировоззрение генерала Келлера замечательно выражается в его собственных словах: *«Мне казалось всегда отвратительным и достойным презрения, когда люди для личного блага, наживы или личной безопасности готовы менять свои убеждения...»*. Поведение многих ли сограждан соответствует этому замечательному изречению в наше время?!

Подобно генералу Гусейну Хану Нахичеванскому, командовавшему знаменитой Кавказской туземной конной дивизией 2-го кавалерийского корпуса, так называемой Дикой дивизией (убит, предположительно, в 1919 г. в Петрограде большевиками), генерал граф Келлер подал две телеграммы Государю, предлагая себя и свои войска для подавления февральского мятежа.

Символично и то, что один из величайших ратных витязей своей эпохи был предательски убит в 4 часа утра выстрелом в спину на Софийской площади, у памятника великому гетману Богдану Хмельницкому (этой площади и спустя столетия приходится многое выдерживать!). Эталон офицера, он до последнего вздоха сохранял верность своим идеалам и был убит невежественными дикарями. В 1930-х гг. его могила на кладбище Покровского

монастыря, особенно дорогого сердцу коренных киевлян, была вскрыта и разграблена богоборцами...

«В начале 1930-х гг., — свидетельствует известный киевский археолог Александр Возницкий, — большевики, в надежде поживиться драгметаллами, украшениями и наградами царского времени, вскрывали могилы на старых кладбищах. В безымянной могиле на кладбище бывшего Покровского монастыря нашли останки русского кавалерийского генерала в полуистлевших шароварах с синими лампасами... Могилу ограбили. В наши дни на месте бывшего монастырского кладбища монахини вновь открытой Покровской обители разбили небольшой сад с молоденькими деревцами...».

Сохранилось предание о перенесении праха генерала графа Феодора Келлера, в иночестве Николая (принявшего постриг за несколько дней до смерти), его вдовой монахиней Херувимой (Николаевой), в миру Марией Александровной, урожденной княжной Мурузи, сразу после разграбления могилы в Покровском монастыре. Согласно преданию, останки монаха Николая были перезахоронены в деревне на Слобожанщине, бывшей Курской губернии, ныне в Сумской области Украины, близ Бунякино, в поместье князей Барятинских, скорее всего, в 1934 году.

Следуя присяге Государю, принесенной генералом графом Фёдором Артуровичем Келлером перед Лицом Всевышнего, воин-мученик проделал свой путь на Голгофу в Киеве, на Софийской площади, в ночь с 6/19 на 7/20 декабря 1918 г. — через 5 месяцев после убийства Царской Семьи. Святейший Патриарх Тихон благословил генерала Келлера нательной иконой Пресвятой Богородицы «Державная», которая была обретена в день отречения Государя Николая Александровича. Очевидно, нательная иконка «Державная» была изготовлена специально для графа Фёдора Артуровича Келлера. Не исключено, что подобную иконочку носил духовник генерала, епископ Камчатский Нестор (Анисимов).

2/15 марта 1917 г. по новому стилю в село Коломенское пришла крестьянка и направилась напрямиком к Вознесенскому храму, где разыскала настоятеля, священника Николая Лихачева. Назвалась Евдокией Адриановой из подмосковной слободы Перерва и поведала батюшке о своих снах, виденных незадолго до этого, в феврале. В тех сновидениях был голос: *«Есть в селе Коломенском большая черная икона. Ее нужно взять, сделать красной, и пусть молятся».* В другом сне Евдокия увидела белый храм (точь-в-точь как этот Вознесенский), а в нем величественную Жену, в которой крестьянка узнала Божию Матерь. Отец Николай пригласил Евдокию в храм, где она осмотрела все находящиеся там иконы, но явленный ей во сне образ не признала ни в одной из них. Сторож подсказал поискать на колокольне, на лестнице, заглянуть в чуланы. И вот в церковном подвале среди старых досок была найдена большая черная узкая икона, стоявшая в гнилой воде. Когда ее промыли от многолетней пыли, то увидели изображение Богородицы, восседающей на царском престоле в порфире, с венцом на голове, со скипетром и державой в руках. У Нее на коленях — благословляющий Богомладенец Иисус Христос. Именно в этой иконе крестьянка узнала явившийся ей во сне Образ, ранее никому не известный.

В этот же день Россия осталась без Царя...

В 9 часов 40 минут вечера к станции Псков подошел поезд, украшенный красными флагами. В нем находились представители Временного комитета Гучков и Шульгин, прибывшие на встречу к Государю Николаю II. К ним в вагон поднялся флигель-адъютант Мордвинов и пригласил депутатов на аудиенцию к Императору. Их провели в салон, где уже находился министр Двора граф Фредерикс. Вошел Государь. Он был в пластунской черкеске, спокойный, но бледный. По знаку Государя начал говорить Гучков, завершив свою речь словами: *«Всякая борьба для Вас, Государь, бесполезна»*, и далее советовал последовать решению (!) Временного комитета и отречься от престола. Он также подчеркнул, что большинство из них стоит за конституционную монархию. Гучков предлагал отречься в пользу наследника Цесаревича Алексея при регентстве Великого князя Михаила Александровича. В это время в вагон вошел генерал Рузский. Он прошептал Шульгину, что это «дело» уже решенное. Тогда Гучков предложил Государю, помолившись Богу, исполнить пожелание Государственной Думы и отречься от престола Российской Империи в пользу Цесаревича. При словах о молитве Император как-то странно взглянул на Гучкова... Возможно, Государь был удивлен, услышав от Гучкова «поучительные» слова о молитве и о Боге... Гучков передал Императору проект манифеста. Государь взял его, аккуратно сложил и стал говорить твердым и спокойным голосом. Он сказал, что принял решение не отречься в пользу сына: он не может расстаться с больным ребенком, и поэтому отрывается за него в пользу своего брата Михаила. *«Надеюсь, что вы поймете чувства отца»*, — тихим голосом закончил Император. Взяв со стола сложенную бумагу — проект манифеста, который привез Гучков, — Государь удалился в свой вагон.

Депутаты растерялись. Они не были готовы к такому решению Императора. Они не знали, имеет ли право Государь отречься от престола от имени своего сына. Но после обсуждения решили принять отречение в таком виде. Государь сам лично составил черновик акта отречения в пользу Великого князя Михаила Александровича и приказал генералу Нарышкину переписать его на машинке. Войдя в салон, Государь передал готовый акт Гучкову, который зачитал документ вслух. Государь стал прощаться и удалился в свой вагон. Часы показывали 11 часов 45 минут ночи. Депутаты вернулись в свой вагон, где их ждала закуска. На путях стояли люди. Толпа безмолвствовала. Некоторые крестились. Так закончилось 300-летнее правление династии Романовых.

Но это было лишь начало конца: не прошло и двух лет, как последний российский Император Николай II, его жена Императрица Александра Фёдоровна, и пятеро детей — Царевны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Цесаревич Алексей — были расстреляны в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. А спустя 82 года члены Царской Семьи были прославлены Русской Православной Церковью в лике святых, вернув таким образом царственную власть — ибо можно не сомневаться в том, что Страстотерпцы предостоят Престолу Божию.

Явлением Своего Державного образа Царица Небесная как бы засвидетельствовала, что теперь Она Сама станет Царицей Русской земли и будет усердно молить о ней Своего Сына, Господа нашего Иисуса Христа. По мнению ряда православных толкователей, символическое значение явления иконы «Державная» состоит в том, что гибель монархии и последующие по-

литические события посланы русскому народу как часть наказания за множественные грехи, и в частности, за нарушение Соборной клятвы 1613 г. о верности Государям династии Романовых. Сама Богородица хранит символы царской власти, что уже длительное время дает надежду на покаяние и возрождение монархии в России. В Акафисте иконе мы поем: **«Радуйся, яко присно внушаеши нам омывати грехи своя слезами покаяния»**.

Существует предание также о перенесении святых мощей воина-мученика, генерала, графа Феодора Келлера из Киева в Москву. Военный хирург Михаил Афанасьевич Булгаков Промыслом Божиим оставил свой благородный труд врача и, подобно Николаю Александровичу Мотовилову — службе старца Серафима Саровского, стал записывать чудесные явления, происходившие в Киеве в страшный год расстрела и Царской Семьи, и верного генерала Фёдора Артуровича Келлера, принявшего мученическую кончину от рук петлюровцев (режима Директории). Так киевлянин, военный врач, стал уже в советской Москве автором литературного шедевра — романа «Белая гвардия», где прикровенно описаны обретение тела генерала, графа Феодора Келлера, тайное его отпевание епископом Камчатским Нестором (Анисимовым) и погребение под другим, монашеским именем — Николай, в ограде Покровского женского монастыря в декабре 1918 года. Осуществить перенесение мощей воина-мученика Феодора Келлера в Донской монастырь (по другой версии, в Переделкино) в Москву в конце 1950-х — начале 1960-х гг. мог лишь митрополит Николаевский и Кировоградский Нестор (Анисимов), воспользовавшись прокладкой теплотрассы на территории Покровской киевской обители. Именно тогда были перенесены на киевское Лукьяновское кладбище святые мощи преподобной Анастасии Киевской — Великой княгини Александры Петровны, принцессы Ольденбургской, основательницы Покровского монастыря.

Православные убеждены, что святость определяется не свойствами останков, а верой народа Божия. Обрести ныне святые мощи воина-мученика, боярина Феодора Келлера не представляется возможным, поскольку погребен граф был под иноческим своим именем Николай. Можно лишь верить в чудо Господне явления мощей угодника Божия почитающим его православным современникам, молящимся о Церковном прославлении воина-мученика.

Фёдор Артурович Келлер... Отбросим ко многому обязывающий дедовский титул и заслуженный высокий чин легендарного воина. Так поступил сам генерал граф Келлер на пороге в вечность, облачившись в доспехи Воина Христова в чине Ангельском, ступив на путь Святости.

Многие литературоведы полагают, что именно граф Фёдор Артурович Келлер стал прототипом полковника Феликса Най-Турса в самом киевском произведении нашего незабвенного Михаила Афанасьевича Булгакова — его знаменитой «Белой гвардии», созданной 33-летним писателем. И печально, что строки «велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней» сегодня вновь актуальны как никогда прежде...

В числе хитросплетений образов в романе «Белая гвардия», подобно тайне святого государя Александра Благословенного, заключена еще одна загадка, ранее незамеченная исследователями. Образ полковника Най-Турса

са проходит сквозь толщу булгаковского романа от чуда к чуду. Эти чудеса начинают случаться с персонажами произведения после героической гибели Ная. И наконец, самым крупным планом — макропланом: с нимбом святого над головой — Най-Турса в Раю отчетливо, но во сне, видит Алексей Турбин.

Михаил Булгаков — сын профессора Киевской духовной академии — делает в своем романе видимыми бесплотные души на мытарствах. Богословы описывают души усопших во время прохождения мытарств не иначе как «селедки в бочке». Тело христианского рыцаря Най-Турса будет проходить «мытарства» в анатомическом театре, повторяя мытарства души своего прототипа — воина-мученика боярина Феодора Келлера. Исполинского роста тело Най-Турса очутится среди груды других тел, где будет на третий день довольно быстро найдено, и откуда будет извлечено для отпевания и погребения согласно православной традиции. Юнкер Николка Турбин, чудесным образом спасшийся после гибели Ная, осуществит благородный поступок — он разыщет не только семью полковника, но и его тело в подвале анатомического театра.

Николка расшифровывает последние слова Най-Турса, оказавшиеся его адресом, и разыскивает жилище Ная, где находит мать и сестру полковника, у которых есть прототипы. Если сопоставить даты, одну, обозначенную в романе довольно точно — 14/1 декабря, и другую — дату убийства генерала Келлера — 19–20/6–7 декабря, мы получим разницу в несколько дней. Именно в течение этого условного художественного времени и происходят события, описанные генералом Келлером в дневнике, результатом коих стало убийство Фёдора Артуровича на Софийской площади.

Вот как воспроизводит события этих пяти дней ожидания смерти между 14 и 19–20 декабря 1918 г. киевский историк Дмитрий Табачник: «Оказавшись в блокированном Киеве, Келлер не имел возможности выехать в Северную армию, но в день падения города сделал попытку пробиться во главе небольшого офицерского отряда на Дон. Но это уже было невозможно, и генерал в сопровождении 30 верных офицеров укрылся в Михайловском монастыре.

Бывший главнокомандующий и не думал прятаться, хотя у него была возможность спастись — из германского штаба специально прислали офицера, чтобы тот вывез генерала в автомобиле. Но когда он попросил графа Келлера обезоружиться, снять папаху и надеть немецкую шинель, генерал отказался от подобного, как он считал, унижения и решил дожидаться в монастыре своей участи, какой бы она ни была.

Вскоре была предпринята вторая попытка вывезти генерала в германскую комендатуру, но и она сорвалась по причине категорического отказа графа снять шашку и шейный Георгиевский крест.

На следующий день граф Келлер был взят под арест пришедшими в монастырь солдатами Директории — жить ему оставалось всего несколько дней. В ночь с 19 на 20 декабря петлюровцы на санях вывезли из монастыря графа вместе с оставшимися ему верными до конца адъютантами — полковником Андреем Пантелеевым и штабс-ротмистром Николаем Ивановым якобы для перевода в Лукьяновскую тюрьму. Когда арестованные оказались на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому, по ним был открыт из засады огонь, а потом конвоиры добились раненых выстрелами из

винтовок, сабельными и штыковыми ударами. Вряд ли можно сомневаться, что прямой приказ на это подлое убийство поступил сверху — ненависть к графу Келлеру была общей для лидеров Директории. Само собой, ни один из убийц не понес ни малейшего наказания, а принадлежавшая убитому генералу наградная георгиевская сабля с бриллиантами была торжественно преподнесена Петлюре на следующий день командиром сечевиков Коновальцем.

Благодаря епископу Камчатскому Нестору, уже свезенные на свалку тела убитых были найдены и обрели свой последний приют под чужими именами на погосте Свято-Покровского женского монастыря».

Первоначальное авторское название романа «Белая гвардия» было «Белый Крест». При этом нельзя не вспомнить также газету Северной монархической армии графа Ф.А. Келлера «Белый Крест», издававшуюся Н.Е. Марковым Вторым в Пскове, и, конечно же, белый крест графа Келлера: и нарукавный православный для монархической Северной армии, и мальтийский в Русской западной добровольческой армии князя П.М. Бермонт-Авалова. И тот, и другой — восьмиконечные.

Жертвенность Най-Турса резко выделяет его среди других положительных героев романа, которым, при всей их нравственной безупречности, присуще все же повышенное жизнелюбие. Спасая чужие жизни, они не забывали при этом и о своей. «Единственный был...», — говорит о Най-Турсе капитан Мышлаевский.

Именно готовность не на словах, а на деле пожертвовать собой ради других не только выделяет Най-Турса из среды персонажей романа, но и отделяет его от них. И дело тут, понятно, не в одной лишь физической смерти. М.А. Булгаков признавался своему биографу и другу П.С. Попову, что Най-Турс в его представлении — это *«отдаленный, отвлеченный идеал русского офицерства, каким должен быть, в моем представлении, русский офицер»*. Применительно к атеистическим, нагрянувшим новым временам, «отменившим всё», Михаил Афанасьевич мастерски завуалировал более точную характеристику своего персонажа: православный воин-мученик, последовавший на Голгофу за своим Государем.

Ощутив мученический характер кончины генерала, создатели храма Иова Многострадального в Брюсселе, посвященного Святым Царственным Страстотерпцам, разместили памятную доску генералу графу Фёдору Артуровичу Келлеру, его сыну Борису и двоим верным адъютантам, четвертой по порядку, после мемориальной доски мученически погибшим членам дома Романовых и верным слугам Государя.

В унисон «Белой гвардии» звучат главы из воспоминаний княгини Марии Сергеевны Барятинской (урожденной Башмаковой), правнучки Александра Васильевича Суворова. Княгиня была супругой генерала Анатолия Владимировича Барятинского, отстраненного от своей должности противниками монархии. Она устроила знаменитый «лазарет княгини Барятинской» в своей квартире в небоскребе Гинзбурга на Институтской улице.

«В Киеве наши предчувствия реализовались даже быстрее, чем мы ожидали. Украинские экстремисты заставили гетмана Скоропадского отпустить на свободу Петлюру, пообещавшего не предпринимать враждебных действий. Но тот тут же стал собирать войско для штурма города. Помню, как однажды в мою комнату вошел принц Фюрстенберг и сказал, что Петлюра

замышляет зло, но он сам не верит, что это произойдет, потому что германцы и австрийцы скоро поставят его на место. Конечно, это было неверно, ведь в самой Германии уже произошла революция, кайзер отрекся от престола, и главной заботой немцев стало как можно скорее вернуться к своим семьям в фатерланд.

Дальнейшие события вынудили Скоропадского стать активным сторонником союзников, и, к нашему величайшему удовлетворению, вновь можно было увидеть на улицах русские мундиры, а в городе обосновался представитель Деникина. Но украинские националисты под руководством Петлюры быстро набирали силу, и в Киеве шла оживленная вербовка в войска для борьбы с ними. Силы обороны возглавил знаменитый генерал, граф Келлер, смелый и верный воин; все порядочные русские спешили встать под его знамена. Однако, к сожалению, эти формирования были малочисленны и плохо вооружены. Кроме того, у генерала Келлера возникли проблемы с гетманом, и в результате войсками стал командовать князь Долгорукий. До штаба князя через французского консула, некоего г-на Е., дошла весть, будто бы с юга приближаются французы с намерением освободить город, а поэтому необходимо продержаться. Но французы так и не появились, поскольку это было собственное и неофициальное предположение г-на Е., немцы не предпринимали никаких шагов против Петлюры, так что ситуация оставалась очень сложной. В конце концов в город после ожесточенных боев вошел Петлюра, объединивший силы с войсками гетмана, которые уже запятнали себя большевизмом и бросили своего командира. Снова началась стрельба на улицах. Немцы оставались нейтральными и только обещали поддерживать порядок и препятствовать грабежам. Было арестовано много русских офицеров, а представителю Деникина пришлось спешно уехать на юг.

Как раз перед подходом Петлюры к Киеву мой племянник (речь идет о Борисе Келлере, сыне генерала. — *А.В.*), находившийся в рядах защитников, был вынужден бежать в Крым и там встретился с моим мужем (генералом Анатолием Владимировичем Барятинским. — *А.В.*). По дороге ему приходилось дважды прятаться под поездом, потому что, когда украинцы обыскивали на станциях вагоны, в нем можно было легко узнать офицера, к тому же при нем были компрометирующие документы.

Русских офицеров, воевавших против Петлюры, заперли в музейных зданиях. Всех министров и сторонников Скоропадского посадили в тюрьму или держали под арестом в маленькой гостинице из-за отсутствия других помещений. Среди них были мой племянник (сын родного брата княгини. — *А.В.*), граф Гендриков, и князь Оболенский, наш друг по Туркестану. Они более месяца находились под стражей, не зная, чего ожидать. Вступление Петлюры в город было, однако, столь стремительным, что многие офицеры все еще сражались за городом, не зная о его приходе.

Следующие эпизоды помогут понять, какой сумбур творился в то время. Один из русских офицеров, полковник Брофельд, посетивший меня днем, сказал мне, что торопится добраться до фронта. “Какого фронта? — спросила я. — Фронта уже не существует. Не показывайтесь, иначе вас арестуют”. И тогда он сказал, что поедет домой, но я посоветовала ему оставаться на месте. К счастью для него, он последовал моему совету, потому что в его собственном доме был произведен обыск — его уже искали.

К этому времени с юга надвигались большевики. Генерал граф Келлер был вместе со своим адъютантом, полковником Пантелеевым, арестован и заключен в Михайловский монастырь. Схватившие его люди пытались лишить его золотой сабли (награды за героизм) и эполет, но ему удалось их сохранить. Его могли бы спасти немцы, но он, будучи великим патриотом, отказался от их помощи. Я ходила его навестить и передать кое-какую еду и хорошо помню сцену в монастыре, где украинцы держали лошадей даже во внутреннем дворе. Генералу не пришлось долго ждать решения своей участи. Но ночью его вместе с адъютантом отвели на площадь возле монастыря и там зверски расстреляли. Так погиб настоящий герой и рыцарь, верный своей клятве. На следующее утро, когда мы с дочерью проходили по этой площади, она заметила лужи крови на снегу. Это были следы убийства генерала Келлера.

В один из дней я узнала, что меня собираются арестовать в качестве заложницы за моего мужа, ведь он — землевладелец. И тогда я решила бежать вместе с дочерью».

Этот ценный документ проливает свет на некоторых лиц, упомянутых генералом графом Келлером в своем дневнике, записанном в последние дни жизни в Михайловском Златоверхом монастыре. Прямое родство мемуаристки — свояченицы Фёдора Артуровича Келлера — с генералиссимусом князем Италийским Александром Васильевичем Суворовым (она его правнучка)¹ делает «встречу» обоих легендарных полководцев промыслительной. Словно великий Суворов сопутствовал доблестному Келлеру в восхождении по ступеням на Голгофу, на Небеса вслед за Государем. Церковное почитание русских воинов — праведного Александра Суворова и киевского мученика Феодора Келлера — охватывает многие митрополии и епархии Русской Православной Церкви.

¹ Родители княгини М.С. Барятинской — Сергей Дмитриевич Башмаков (1831–1877) и Варвара Карловна, урожденная Шмидт (1841–1873). Бабушка — Варвара Аркадьевна (1802–1885), урожденная княжна Суворова-Рымникская, в первом браке Башмакова, во втором — княгиня Горчакова (жена князя Андрея Ивановича Горчакова (1776–1855)).

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В.В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В.В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 01.12.2025 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,7.
Тираж 500 экз. Заказ 25НФ-116374.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.